ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

СОЧИНЕНІЯ

Kukol'nik, Nestor Vasil'evich

НЕСТОРА КУКОЛЬНИКА.

Сочиненія Драматическія.

II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи И. Фишона.

1852.

ДЖАКОБО

САННАЗАРЪ,

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ АКТАХЪ ВЪ СТИХАХЪ.

(Писана въ 1833 году.)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ 14 Ноября 1831 года.

Цензоръ *А. Фрейгангъ.*

ПОСВЯЩЕНО

БРАТУ

ПЛАТОНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ.

ДЖАКОБО САННАЗАРЪ.

Haec laurea hoc mihi praestitit,
Ut noscerer ac vexarer. —

Petrarca.

ДЖАКОБО САННАЗАРЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МАЗЕЛЛА САНТО-МАНГО-САННАЗАРЪ.
ДЖАКОБО САННАЗАРЪ, сынъ ея.
КІАРА БОНИФАЧІО.
КАРМОЗИНА, дочь ея.
КАВАЛЕРЪ ЛОРЕНЦО ДОЛЬЧИ.
ДЖУНЬЯНО МАДЖІО, Неаполитанскій учитель.
ИНОЧЕНЦО ДА-РОКА, его помощникъ.
РОБЕРТО, домашній наставникъ Санназара.
ГРАФЪ КАВАНИЛЛІА, другъ Санназара.
ЧЕРБИНИ, Неаполитанскій врачь.
АВРЕЛІО, ЭНЦІО, } соученики Санназара.
ФРАНЧЕСКО.

Пастухъ, пастушка, ученики, гости Графа Каваниллін, слуги Мазеллы, слуги Кіары.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

ВЪ НЕАПОЛѢ 1466 ГОДА.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Садъ при домѣ Джульяно Маджіо.

ДЖАКОВО САННАЗАРЪ, ЭНЦІО, АВРЕЛІО и ДРУГІЕ УЧЕНИКИ.

ЭНЦІО. Пойдемъ! Тамъ весело...

САННАЗАРЪ. Иди себѣ!
Меня оставь, я скученъ.

АВРЕЛІО. Нѣтъ, не то!
Онъ хочетъ предъ учителемъ похвастать
Своею памятью...

САННАЗАРЪ. Вотъ есть чѣмъ хвастать!

ЭНЦІО. Оставь его, Авреліо; пускай
Себѣ сидитъ, а мы пойдемъ!

УЧЕНИКИ *(кромѣ Санназара.)*
Пойдемъ-же!

—

САННАЗАРЪ (одинъ вынимаетъ бумажку, становится на колѣни, и, положивъ бумажку на скамью, рисуетъ.)
Вѣдь могутъ-же другіе рисовать
Что имъ угодно... Я — никакъ! Вотъ носикъ

Довольно схожъ, довольно схожи губки,
А какъ сложу все вмѣстѣ, — не похоже!..
О Кармозина, добрый, милый ангелъ,
Мнѣ скучно безъ тебя... *(плачетъ)*
Какъ ты играешь
На звучной арфѣ нѣжными перстами;
Мнѣ кажется, ты говоришь со мной
Какимъ-то непонятнымъ разговоромъ...
За чѣмъ ты, Кармозина, — не сестрица?
Я-бъ понялъ всё... Ахъ, восьмилѣтній мальчикъ!..
Да развѣ въ восемь лѣтъ нельзя ужъ думать
О томъ, что будетъ черезъ десять лѣтъ?!
Я... буду... такъ богатъ, уменъ и важенъ,
Какъ Маджіо, учитель мой; науки
Я буду знать, какъ самъ Понтанъ; куплю
Себѣ дворецъ и буду жить спокойно
И весело... Не правдаль, Кармозина,
Вѣдь ты сомной пойдешь въ обитель міра,
Небеснымъ счастіемъ его исполнишь?...
Какъ это небо, взоръ у Кармозины;
Какъ эта роза, свѣжести полна;
Какъ мотылекъ, игрива и забавна
И какъ идилія, — мила; когда
Заговоритъ, — такъ хочется заплакать,
Отъ радости, отъ радости прекрасной! —
О для чего я не такой ребенокъ,
Какъ всѣ товарищи мои?.. Ребенокъ? —
Да полно я ребенокъ-ли? — Такъ рано
Кто изъ товарищей моихъ влюбился?...
Недаромъ я молчу предъ Кармозиной;
Ребенокъ-бы не умолкалъ, какъ птица. —
Я страстнымъ взоромъ слѣдую за ней,
Краснѣю и блѣднѣю... Нѣтъ! ребенокъ
Наскучилъ-бы безмолвно любоваться

Торжественнымъ величьемъ Кармозины! —
А если съ кѣмъ заговоритъ она
Иль подаритъ кого улыбкой... Боже!
Непостигаю горя и досады!
Ни на кого такъ больно не сердился,
Не злился Санназаръ... Ахъ, Кармозина!
Я не ребенокъ... нѣтъ... я не ребенокъ!..
Идутъ! — Увы! Для чувства нѣтъ покоя;
Въ себѣ-ли носишь, — больно; выдашь людямъ,
Ещё больнѣе. — Идутъ! — Ахъ, учитель!..
Теперь я съ нимъ боюсь и повстрѣчаться,
А прежде, какъ къ отцу, бѣжалъ на встрѣчу!
(уходитъ.)

—

ДЖУНЬАНО-МАДЖІО, ИНОЧЕНЦО и ДА РОКА.

МАДЖІО (*входя.*)
...Такъ накажи!

ДА РОКА. Не смѣю. Сомнѣваюсь,
Чтобъ онъ отъ лѣности не зналъ урока.

МАДЖІО. Такъ отчего?

ДА РОКА. Богъ знаетъ отчего!
Уже не въ первый разъ я замѣчаю,
Какъ на скамьѣ разсѣяно сидитъ онъ;
Задумавшись, онъ часто начинаетъ
Стихами говорить...

МАДЖІО. Стихами?

ДА РОКА. Да,
Стихами. Часто онъ, въ своемъ забвеньи,
Тихонько плачетъ...

МАДЖІО. Плачетъ? — Чудеса!
И ничего не учится?

ДА РОКА. Напротивъ;

Болѣзнь гнететъ, а онъ не понимаетъ...
А жалко! Онъ непостижимый мальчикъ!
Онъ въ восемь лѣтъ такъ знаетъ по-Латынѣ,
Какъ многіе учители не знаютъ;
Безъ словаря, Виргилія читаетъ;
Уменъ, какъ взрослый и, какъ дѣва, тихъ;
Въ немъ преждевременно развился разумъ,
А кротость дѣтская осталась... Странно;
Не слышалъ я, чтобъ онъ кого обидѣлъ,
Иль пошалилъ, какъ прочіе шалятъ
Въ его лѣта... Непостижимый мальчикъ!

МАДЖІО, ДА РОКА и САННАЗАРЪ.

МАДЖІО. Джакобо! Ты не зналъ урока; такъ-ли?

САННАЗАРЪ. Такъ!
МАДЖІО. Почему?
САННАЗАРЪ. Такъ!
МАДЖІО. Почему-же такъ?
САННАЗАРЪ. Магистеръ! Ради Бога, несердитесь!
Прослушайте, я знаю мой урокъ;
Я выучилъ; прослушайте, Магистеръ!
МАДЖІО. Зачѣмъ ты во-время незналъ?
САННАЗАРЪ. О Боже!
Я знаю мой урокъ, Магистеръ, знаю;
Я выучу вамъ втрое больше; только
Немучьте Санназара, ради Бога!
МАДЖІО. Джакобо, подойди ко мнѣ по-ближе;
Скажи: за чѣмъ ты во-время незналъ?
Будь откровененъ, я впередъ прощаю.
Скажи всю правду, отъ чего?..
САННАЗАРЪ. Незнаю!
(*про себя*): Какъ дорого обходится блаженство!
МАДЖІО (*гнѣвно*).
Упрямецъ, я прибѣгну къ наказаньямъ!
САННАЗАРЪ (*живо*).
Магистеръ, накажите, накажите!
Я васъ прошу, отецъ мой, накажите!
Вы кончите скорѣй мои мученья:
Я васъ люблю, отецъ мой; для любви,
Для радости, покоя, — накажите,
И позабудьте мой проступокъ!..
МАДЖІО. Другъ мой,
Наказывать не всякому охота!
Я былъ отцемъ тебѣ, Джакобо. Помнишь,
Какъ много попеченій и стараній
Употребилъ я для тебя; какъ много

Досуговъ, для ученаго безцѣнныхъ,
Я посвящалъ на пользу Санназара;
Кого я отличалъ передъ другими;
Кого ученикамъ примѣромъ ставилъ
И въ откровенности и въ послушаньи;
Кого любилъ, какъ собственнаго сына?
И вотъ за все какая благодарность!

САННАЗАРЪ. Отецъ мой, я неблагодаренъ, золъ,
Я недостоинъ милостей твоихъ;
Мнѣ стыдно; плачу, видишь, — горько плачу;
Такъ накажи, Магистеръ, накажи!

МАДЖІО. Вотъ, Иночецо, вотъ примѣръ упрямства,
Неслыханнаго, страннаго упрямства!
Постой, Джакобо, матери твоей
Я разскажу, каковъ ты...

САННАЗАРЪ (*схвативъ за руки Маджіо*).
Бога ради!
Магистеръ, Бога ради, Бога ради!! (*заливается слезами*).

МАДЖІО. Ты боленъ Санназаръ, не такъ-ли!

САННАЗАРЪ. Нѣтъ!

МАДЖІО. Мнѣ кажется...

САННАЗАРЪ. Я никогда не лгу.

МАДЖІО. Но голова горитъ...

САННАЗАРЪ. Ахъ, отъ распросовъ
Отъ гнѣва вашего... Увы, Магистеръ,
Вы мать мою такъ больно огорчите;
Она любить Джакобо перестанетъ;
И все за то, что онъ не зналъ урока...

МАДЖІО. Признайся, не скажу.

САННАЗАРЪ. Ну, я былъ боленъ,
Врача боялся!... (*про себя*) Боже, я солгалъ! —

ей разъ простите Санназара... П
ругой разъ за упрямство наказанье

—

САННАЗАРЪ одинъ.

прямство! да, упрямство!.. Я лю
я любить ужъ недостоинъ болѣ!
лжецъ. Языкъ горитъ и совѣсть м
обмануль учителя-отца,
мать мою избавилъ отъ досады,
огорченій... Нѣтъ! я...
усно поступилъ. О Кармозинѣ
Наджіо не знаетъ, ни Да-Рока,
о-жь когда-бъ они узнали оба,
я влюбленъ и матери сказали?
зать скорѣй урокъ свой Иноченцо
ѣжать—смотрѣть на Кармозину! (

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Садъ при домѣ В...

Пріятно посидѣть!.. Какъ тихъ Неаполь
Въ вечерній часъ; какъ сладостенъ вашъ воздухъ! —
Мы, кажется, невдалекѣ отсюда, —
А разница примѣтная въ климатѣ.

КІАРА. Вы проживали собственно въ Салерно?

МАЗЕЛЛА. Нѣтъ, въ Санто-Манго, у себя!

КІАРА. Далече
От вас Салерно?

МАЗЕЛЛА. Будетъ миль четыре.

КІАРА. Въ какомъ же это Графствѣ, не припомню?

МАЗЕЛЛА. Въ Джифуни...

КІАРА. Да, въ Джифуни; славный край!
Тамъ ваши земли?

МАЗЕЛЛА. Да! — Теперь ужъ мало
Изъ нашего осталось состоянья;
А прежде въ родѣ предковъ Санназара
Помѣстій много было; Іоанна
Всего лишила.

КІАРА. Іоанна?

МАЗЕЛЛА. Да! —
Одинъ изъ Санназаровъ былъ на службѣ
У Карла Третьяго де-Дурасъ; — Карлъ
Далъ Санназару многія помѣстья,
Близь Портичи, Неаполя, Салерно;
Онъ былъ одинъ изъ богачей важнѣйшихъ. —
Но чтожъ? На тронъ восходитъ Іоанна
И отбираетъ все назадъ. Какъ будто
Худымъ путемъ прапрадѣдъ пріобрѣлъ
Имѣніе...

КІАРА. Скажите, первый разъ
Я это слышу! Кто-же вамъ мѣшалъ
Прибѣгнуть съ просьбой къ Фердинанду?

МАЗЕЛЛА. Гордость!—
Довольно для меня и для Джакобо
И Санто-Манго; можно жить спокойно;—
Но вотъ бѣда; мнѣ надо быть самой
Въ моемъ помѣстьѣ; иначе бѣда;
Мы скоро обѣднѣемъ совершенно;
Доходами никто не управляетъ,
Строеніе вѣтшаетъ, поле чахнетъ,
А управитель мой—большой невѣжда,
А, можетъ быть, и плутъ.— Мнѣ надо ѣхать;
Я только жду, чтобъ кончилъ годъ Джакобо,
И не прервалъ ученія...

КАРМОЗИНА (*привставъ*). Всесильный!

КІАРА. Что, Кармозина, что съ тобой?

КАРМОЗИНА. Мнѣ дурно...

КІАРА. Поди, побѣгай!

—

КІАРА БОНИФАЧІО и МАЗЕЛЛА-САНТО-МАНГО-САННАЗАРЪ.

МАЗЕЛЛА. Милое дитя!
Въ двѣнадцать лѣтъ степенна и тиха!
А учится?

КІАРА. О, какъ-же! Очень много.
Какъ хорошо она стихи читаетъ.
Мнѣ иногда смѣшно смотрѣть:—ребенокъ
Возьметъ перо и мучится надъ риѳмой;
Повѣрите, въ день моего рожденья
Она мнѣ принесла своей работы
Большой платокъ, а въ немъ стихи и ноты...
Сама склеила, да, сама склеила,
Сама и проиграла и пропѣла.

МАЗЕЛЛА (*отирая слезы.*)
Второй Джакобо!

КІАРА. Можетъ быть, Синьора,
Ихъ Богъ соединяетъ...

МАЗЕЛЛА. Невозможно!
Онъ слишкомъ малъ. Ей черезъ два, три года
Ужъ можно замужъ, а ему лѣтъ десять
До сватьбы ждать. Но точно была-бъ пара!

КІАРА. Такъ Богъ уже судилъ, что—тѣ семейства,
Что въ дружескихъ находятся связяхъ, —
Между собой не могутъ породниться!..
Смотрите, вашъ Джакобо возратился!
Печаленъ и угрюмъ...

МАЗЕЛЛА. Съ недавнихъ поръ
Я замѣчаю эту перемѣну!
И думаю, излишнее ученье
Наводитъ на него тоску и скуку;
Тѣмъ болѣе хочу я ѣхать съ нимъ.
Пусть отдохнетъ на волѣ, безъ занятій.
Ученье — нажитое благо; время
Еще для Санназара не ушло;
А за здоровье трудно поручиться.

—

ТѢ ЖЕ, ДЖАКОВО САННАЗАРЪ (въ задумчивости проходитъ сцену) и **КАРМОЗИНА** (за нимъ тихо слѣдуя.)

МАЗЕЛЛА. Джакобо, здравствуй! (*Санназаръ бросается къ матери и цѣлуетъ руку.*)
Что ты такъ печаленъ?

САННАЗАРЪ. Нѣтъ, маменька я не печаленъ; скучно
Безъ васъ мнѣ было.

МАЗЕЛЛА. Такъ развеселись;
Ты ужъ со мной!

САННАЗАРЪ. Ахъ, маменька, я радъ
Повеселѣть, забыться.

МАЗЕЛЛА. Ты здоровъ-ли?

САННАЗАРЪ. О, я здоровъ; — и отчего хворать?

МАЗЕЛЛА. Чтожъ, каково ученіе твое?

САННАЗАРЪ. Сегодня я незналъ урока.

МАЗЕЛЛА. Право?
Невѣрится, ты шутишь...

САННАЗАРЪ. Не шучу;
И съ вами грѣхъ шутить...

МАЗЕЛЛА. Не знай уроковъ,
Всѣ книги брось, оставь свои тетради;
Но говори и чувствуй такъ, какъ нынѣ;
Я все прощу, мой милый другъ, Джакобо! —

САННАЗАРЪ. Я иначе и чувствовать не въ силахъ.
Но успокойтесь, маменька; урокъ
Я выучилъ, прослушалъ Иноченцо
И былъ доволенъ.

МАЗЕЛЛА. Я несомнѣваюсь;
Приди, Джакобо...

(обнимая его).

САННАЗАРЪ (*увидѣвъ Кармозину.*)
Ахъ!

МАЗЕЛЛА. Что?

САННАЗАРЪ. Ничего;
Подъ сердцемъ укололо...

МАЗЕЛЛА. Отъ сидѣнья!
Поди побѣгай съ Кармозиной... Что же?
Не хочешь?

САННАЗАРЪ. Нѣтъ; я, маменька, отъ васъ
Неотойду; сегодня цѣлый день
Я васъ невидѣлъ...

МАЗЕЛЛА. Ну, такъ оставайся.

САННАЗАРЪ. Что это, маменька, у васъ за книжка?
МАЗЕЛЛА. Семейственныя письма Цицерона;
Хорошій переводъ... -
САННАЗАРЪ. По-Итальянски?
МАЗЕЛЛА. По-Итальянски.
САННАЗАРЪ. Можно мнѣ.
МАЗЕЛЛА. Возьми!
(Саннazаръ садится и вперивъ глаза въ книгу, изрѣдка поглядываетъ на Кармозину.)
КІАРА. Что, Кармозина, ты одна сидишь?
Развесели Джакобо и сама
Развеселись!... Проходимся, Синьора!

—

Д. САННАЗАРЪ и КАРМОЗИНА.

КАРМОЗИНА (*сѣвъ возлѣ Санназара.*)
Что ты читаешь?
САННАЗАРЪ. Письма Цицерона.
КАРМОЗИНА. Что, хороши?
САННАЗАРЪ. Прелестны.
КАРМОЗИНА. А урокъ
У васъ большой на завтра?
САННАЗАРЪ. Нѣтъ, не очень!
КАРМ: Ахъ, бабочка!..(*бѣжитъ и ловитъ мотылька*)
САННАЗАРЪ. (*про себя*)
За бабочкой бѣжитъ!
Какой предлогъ, чтобъ бросить Санназара!
Вездѣ мнѣ такъ! Что я люблю? Джакобо,
Къ чему любовь? Умѣй быть не ребенкомъ,
Умѣй быть человѣкомъ!.. Неумѣю! —
Такъ грустно мнѣ, такъ горько; Кармозина,
Разбей любовь обидой иль насмѣшкой...

Мнѣ плакать хочется, такъ сердцу больно...
Она меня нелюбитъ... Я ребенокъ!
Она почти невѣста... выйдеть за-мужъ!
И отчего во мнѣ тоска и горе?
Неужели, на всемъ обширномъ свѣтѣ,
Другой я неувижу Кармозины
И ненайду кого любить?..

КАРМОЗИНА (*съ бабочкой въ рукахъ:*)
Поймала!

САННАЗАРЪ (*въ испугѣ*)
Ахъ!

КАРМОЗИНА. Что? Ты испугался?

САННАЗАРЪ. Кармозина,
Вы такъ нечаянно пришли!

КАРМОЗИНА. Я для тебя за бабочкой погналась
И для тебя поймала...

САННАЗАРЪ. Для меня?

КАРМОЗИНА. Ты такъ печаленъ, такъ задумчивъ...

САННАЗАРЪ (*робко*). Да!

КАРМОЗИНА. И отъ чего? (*оба, взглянувъ другъ на друга, покраснѣли; бабочка улетаетъ*)
Ахъ! Бабочка!.. Подарокъ
Мой улетѣлъ, но я тебя поймаю.

САННАЗАРЪ. Нѣтъ, бабочка меня не забавляетъ!
Неуходите, Кармозина!

КАРМОЗИНА. Правда,
Что за игрушка — бабочка?.. Свобода
Всего дороже и для ней; не такъ-ли?
Но чѣмъ тебя развеселить, Джакобо?
Постой, я покажу тебѣ игрушку...

САННАЗАРЪ. Къ чему игрушка? — Будто говорить

Мы неумѣемъ! Разскажите мнѣ:
Что за игрушка — и довольно.

КАРМОЗИНА. Вотъ что!
Мнѣ маменька купила книжку...

САННАЗАРЪ. Книжку?

КАРМОЗИНА. Съ картинками...

САННАЗАРЪ. Объ чемъ-же эта книжка?

КАРМОЗИНА. Любовь двухъ пастуховъ...

САННАЗАРЪ. Вездѣ любовь!
Скажите, Кармозина, есть ли уголъ
Иль вещь какая безъ любви на свѣтѣ?

КАРМОЗИНА. Незнаю. Я не думала объ этомъ;
А въ книжкѣ пастухи прекрасно любятъ;
Пастухъ въ ней названъ Синцерусъ, пастушка
Филидой; какъ они прекрасно, нѣжно
Другъ другу говорятъ; о городахъ
Незнаютъ; нѣтъ у нихъ увеселеній,
Такъ какъ у насъ, въ Неаполѣ; ихъ вечеръ
Проходитъ въ пѣсняхъ и въ игрѣ на флейтѣ...
На флейтѣ ты, Джакобо, неиграешь?

САННАЗАРЪ. Я не пастухъ; нѣтъ у меня Филиды...
Любить могу, умѣю... Кармозина,
Вы можете, умѣете любить?..

КАРМ. Я?..Нѣтъ!—Любить недолжно въ наши лѣта!

САННАЗАРЪ. Ахъ лѣта, лѣта! Скоро-ли настанетъ
Пора любви? — И вамъ уже недолго;
А мнѣ еще... ужасное пространство!
Да, никогда я юношей небуду,
А въ двадцать лѣтъ я буду старикомъ!
Мнѣ кажется... О Боже, Боже мой!
Что, еслибъ можно говорить слезами! (*плачетъ*)

КАРМОЗИНА (*про себя*).
Я поняла! Понятны эти слезы!
Кого онъ любитъ, Боже мой, кого? — (*громко*)
Джакобо!

САННАЗАРЪ. Да, ребенокъ съ этимъ чувствомъ
Несчастное созданіе! — Другимъ
Оно услада горькой жизни; мнѣ
Отрава и какая!.. Кармозина,
Уйдите, ахъ, уйдите Кармозина!

КАРМ. Что это съ нимъ? Впервые онъ такъ страненъ.

САННАЗАРЪ. Глаза горятъ отъ слезъ; уста отъ жара;
Грудь стѣснена и голова болитъ.
Я нездоровъ, кто вылечитъ меня?
Ахъ, Кармозина, дайте вашу руку!
(*дрожа и цѣлуя ея руку.*)
Непонимай, прелестнѣйшая дѣва,
Моихъ пустыхъ рѣчей непонимай!
Неслушай словъ сердечнаго напѣва,
Насмѣшками сожги душевный рай!
О, удержи порывъ нѣмаго гнѣва,
Непонимай меня, непонимай!..
(*какъ бы проснувшись, вздрагиваетъ и отходитъ отъ Кармозины*)

КАРМОЗИНА. Джакобо, что съ тобою?

САННАЗАРЪ. Ничего!

КАРМОЗИНА. Но эти риѳмы...

САННАЗАРЪ. Это гимнъ сердечный,
Но я несмѣю объяснять его.

КАРМОЗИНА. Кому-же этотъ гимнъ?

САННАЗАРЪ. Моей Филидѣ!

КАРМОЗИНА. Скажи мнѣ, кто она?

САННАЗАРЪ. Я самъ незнаю!

КАРМОЗИНА *(про себя).*
Не я? — И я словамъ его внимала!
И сладкою надеждой волновалась!
(Громко). Прости, дитя!

—

САННАЗАРЪ (одинъ).

Простите, Кармозина! —
Что-жъ мнѣ теперь осталось?.. Нелюбить?..
Попробую! — Уста, ея уста
Звучатъ, какъ риѳмы; очи — сердце колютъ!
И больно и отрадно! — Сонъ волшебный,
Возьми меня въ роскошныя объятья
И десять лѣтъ недай мнѣ просыпаться!
Сожми мнѣ сердце непробудной силой;
Но образа нетрогай Кармозины! —
Пусть десять лѣтъ она хранится въ сердцѣ
Единственнымъ, роскошнымъ сновидѣньемъ;
А если ты его оставить можешь
И въ спящемъ сердцѣ бѣднаго Джакобо,
То небуди меня до самой смерти!

—

САННАЗАРЪ и МАЗЕЛЛА.

МАЗЕЛЛА. Ты здѣсь, а я вездѣ тебя искала!
Мы тотчасъ, другъ, поѣдемъ въ Санто-Манго!

САННАЗАРЪ. Одни?

МАЗЕЛЛА. Одни! Я получила письма!
Присутствіе мое необходимо.
Я ужъ была у Маджіо; учитель
Тебѣ позволилъ ѣхать.

САННАЗАРЪ. Онъ позволилъ!
Но развѣ я ему уже наскучилъ?
Но развѣ я учился неисправно?

МАЗЕЛЛА. Такъ ты нехочешь ѣхать?

САННАЗАРЪ *(испуганный)*. Нѣтъ, хочу!
Поѣдемъ, маменька!
МАЗЕЛЛА. Что это значитъ?
САННАЗАРЪ. Ахъ ничего, ручаюсь, ничего!
Я полюбилъ Неаполь; очень жалко
Съ нимъ разставаться...
МАЗЕЛЛА. Другъ мой, безъ тебя,
И дня непроживу я въ Санто-Манго!
Мы тамъ недолго будемъ; Богъ поможетъ,
Устроятся дѣла, мы возвратимся. —
САННАЗАРЪ. Скорѣе, маменька, скорѣй поѣдемъ,
Чтобы поспѣть скорѣе возвратиться...
МАЗЕЛЛА. Пойдемъ проститься *(уходитъ)*.
САННАЗАРЪ *(медленно за нею слѣдуя)*.
Я опять солгалъ!
Кому же? Матери! — О Санназаръ,
Къ чему тебя пустая страсть ведетъ?
Пойдемъ проститься навсегда съ прекрасной!..
Творецъ мой, такъ любить и такъ напрасно!

АКТЪ ВТОРЫЙ.

ВЪ САНТО-МАНГО, 1467 ГОДА.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Домъ Мазеллы съ портикомъ, обращеннымъ на Сѣверъ; густая роща примыкаетъ къ самому дому и простирается вверхъ на горы, кои, туманнымъ хребтомъ, теряются вдали: вечернее солнце виситъ надъ горами.

САННАЗАРЪ, один**ъ въ портикѣ.**

Годъ!.. Цѣлый годъ!.. И я ее не видѣлъ,

И я еще не умеръ!.. Кармозина!
Ребячество проходитъ, но любовь,
Безъ милосердія, растетъ и зрѣетъ!..
Пустой тростникъ на сторону пагнется,
Сломался и пропалъ; но кипарисъ
Все глубже, глубже гонитъ корень въ землю
И самъ растетъ! — Ахъ, участь кипариса
Несетъ Джакобо! — Можетъ быть и я
Способенъ буду только для могилы!!..
Ахъ, птичка, ты летаешь! Дай мнѣ крылья!
Я полечу къ окошку Кармозины,
Взгляну, увижу милый образъ дѣвы
И ворочусь!.. Ты улетѣла, птица;
И, можетъ-быть, въ Неаполѣ прекрасномъ,
Ты внемлешь, птица, пѣснѣ рыбаковъ!..
А, можетъ быть, на крышѣ Кармозины,
Ты слушаешь, какъ дѣва строитъ арфу;
Не думая о бѣдномъ Саппазарѣ,
Заводитъ пѣснь, пѣснь радости невинной —
И звукъ бѣжитъ по воздуху пустому,
Какъ солнца лучь, блистательный и теплый!
Ахъ, птичка, онъ пичтоженъ для тебя!
Души твоей восторгомъ неосвѣтитъ
И несогрѣетъ радостью роскошной!
О птичка, сядь въ окошкѣ Кармозины!
Взгляни: что дѣлаетъ она?.. Играетъ, —
Поетъ, играетъ, веселится!.. Птичка,
Непримѣчай, что дѣлаетъ она...
О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Какъ Ангелъ, ты чиста,
Какъ Ангелъ добродушна и свята,
И хороша, какъ Ангелъ! — Кармозина,
Слети ко мнѣ прозрачнымъ сновидѣньемъ!..
Вотъ я засну: — слети, слети, мой Ангелъ,
Минутной тѣнью, легкимъ привидѣньемъ!..

Ты; да не ты! Черты твои — во мнѣ,
Какъ облака, толпой несвязной ходятъ,
И, кажется, твои сверкаютъ очи,
Твои уста, пурпурныя уста,
Роскошныя, какъ сонъ передъ разсвѣтомъ;
Твоихъ волосъ каштановыя волны;
Твоя рука, какъ чистый, бѣлый мраморъ...
Ахъ, *все твое* — всегда съ собой ношу,
Но все тебя, прекрасная, невижу!
И, можетъ быть, ужъ больше не увижу.

—

САННАЗАРЪ, МАЗЕЛЛА и РОБЕРТО.

САННАЗАРЪ (*невидя ихъ*).
Зачѣмъ-же жизнь, безсмертная душа!
Чтобъ только чувствовать свое несчастье;
А быть несчастнымъ — это ужъ законъ,
Ужъ это такъ и быть должно!—О горе!..
Какъ этотъ міръ прелестенъ и красивъ;
Какъ эти горы грозны и прекрасны;
Какъ это небо утомляетъ взоръ
И вмѣстѣ, какъ чаруетъ это небо!
И все... за тѣмъ, чтобъ чувствовать, чтобъ видѣть
Что есть на этомъ свѣтѣ блага...
Есть счастіе, да только не для насъ.
Такъ чтожъ оставлено для человѣка?..

МАЗЕЛЛА. Терпѣніе и будущая жизнь!..

САННАЗАРЪ. Ахъ! (*въ испугѣ, соскочивъ съ портика, убѣгаетъ въ рощу*).

—

МАЗЕЛЛА и РОБЕРТО.

МАЗЕЛЛА. Странно, очень странно! Но, Роберто,
Скажи мнѣ, ты всегдà при немъ, о чемъ
Тоскуетъ онъ?..

ı. Синьора Санто-Манго,
меня мудреная загадка!
у понять...

ı. Но, ради Бога,
незамѣчаешь ты
иятъ онъ, что дѣлаетъ, читаетъ,
етъ; иногда, одною строчкой,
), вся тайна объяснится.

). Все это такъ, Синьора Санто-Манго,
), къ несчастью, *иногда*
словарь Джакобо...

ı. Сынъ мой скрытенъ? —
о не говори, Роберто!
нравомъ чище, мягче воска...

). Холоднаго...

ı. Пустое!.. Ты скажи мнѣ,
итъ онъ наиболѣе читать?

). Проперція.

ı. Помилуй, по-латыни!

[а, по-Латыни! — Этотъ странный мальчикъ
ідей систему разрушаетъ;
)далъ его со всѣхъ сторонъ,
было объ немъ составить книгу;
юю Латынью Цицерона
о описать оттѣнки права
;днаго... Предметъ разнообразный
гельный; но каждый день
ются противорѣчья; завтра
ніазаръ не то, чѣмъ былъ сегодня.
и странны и замысловаты.
ль, мало снитъ и то — не крѣпко
ымъ, тонкимъ сномъ; нерѣдко, ночью,

То тяжко стонетъ, то рыдаетъ; также
Онъ мало ѣстъ, а много пьетъ; вотъ признакъ
Болѣзни! — Говоритъ по-Итальянски —
Съ слугой, да съ вами; а со мной — всегда
По-Гречески и по-Латыни. — Часто
Шатается одинъ по этимъ рощамъ;
Иной разъ два часа ищу и больше,
И гдѣ-жъ найду? — Надъ пропастью, надъ рѣчкой,
Какъ истуканъ, въ безмолвномъ размышленьи,
Стоитъ мой Саннazаръ!.. И смѣхъ и горе! —
А *наконецъ* онъ черезъ-чуръ уменъ;
Все хочетъ быть ужъ взрослымъ человѣкомъ,
Онъ говоритъ, какъ книга; въ это время
Игрушки занимать должны ребенка;
А онъ объ нихъ незнаетъ, знать нехочетъ,
И если я скажу: пойдемъ, Джакобо,
Пора побѣгать, поиграть; — онъ плачетъ
И обижается моимъ совѣтомъ. —
Недавно онъ сердился на слугу
За чѣмъ его «Джакобо» называетъ,
А не «Синьоръ Джакобо Санназаръ.»
А *главное:* читаетъ очень много
Виргилія, Проперція; — Эклоги
Виргилія онъ знаетъ наизустъ;
И признаюсь, я часто восхищаюсь
Его блистательнымъ произношеньемъ!
А *наконецъ:* скажу вамъ откровенно,
Я сомнѣваюсь въ возрастѣ его;
Мнѣ кажется, ему не десять лѣтъ...

МАЗЕЛЛА. А девять? да! — Десятый годъ наступитъ
Черезъ недѣлю.

РОБЕРТО. Это непонятно!

МАЗЕЛ: Быть можетъ, онъ соскучилъ въ Санто-Манго
И страсть къ наукамъ бѣднаго тревожитъ;

Такъ нечего и думать; я сама
Въ Неаполь собираюсь.— Скоро ночь.
Пора домой. Сходи за нимъ, Роберто! *(уходятъ).*

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Долина между высокихъ горъ, продолжающаяся глубоко вдаль къ довольно обширному озеру, надъ коимъ заходитъ солнце. Налѣво грогъ, на значительномъ отъ долины возвышеніи; изъ него ходъ на утесъ.

—

САННАЗАРЪ (*одинъ, стоя на утесѣ.*)
Терпѣніе и будущая жизнь!
О! Я-бъ терпѣлъ, я-бъ вытерпѣлъ всѣ муки
Божественной Комедіи; но если-бъ
Мнѣ дали каплю сладости земной,
Минуту полнаго восторга! — Боже,
Ты создалъ человѣка такъ прекрасно,
А женщину такъ сладостно, роскошно!
Ты умъ провелъ въ холодной головѣ,
А сердце спряталъ въ персяхъ! — О зачѣмъ же
Соединить ты ихъ незахотѣлъ?
Уравновѣсь ума расчетъ холодный
И невоздержные порывы сердца, —
И счастье — не мечта!.. Ахъ, я ребенокъ!
Несчастіе со мной растетъ... Всевышній
Что, если я до старости дойду,
Съ такими чувствами, съ такимъ несчастьемъ?
О, недавай мнѣ старости увидѣть,
Непринуждай къ ужасному чему-то...

(**вдали, между горъ, раздаются звуки свирѣли.**)

Позволь мнѣ, Боже, быть воздушнымъ звукомъ,
Быть существомъ безъ существа! —Творецъ мой,
Тебѣ не все-ль равно: Однимъ-ли больше,

Однимъ-ли меньше? Столько милліоновъ
Твои определенья исполняютъ!
А звукомъ быть прекрасно: излетѣть,
Разсыпаться, очаровать, исчезнуть!..
Свирѣль, свирѣль! Пошли мнѣ хоть талантъ
Тоскѣ моей дать явственные знаки...
Дай что нибудь для наполненья сердца!
Хоть каплю наслажденья, иль восторга,
Чего нибудь! Чего нибудь! — Напрасно!
Ты далъ мнѣ только слезы, — и за то
Благодарю! Въ нихъ есть очарованье!
Онѣ теплы и согрѣваютъ сердце!
Неотнимай-же ихъ, по-крайней-мѣрѣ!..

(на противуположной сторонѣ горъ показывается пастухъ, продолжающій играть на свирѣли; стадо спускается въ долину).

—

САННАЗАРЪ и ПАСТУХЪ.

САНН. Счастливецъ! Онъ не плачетъ, не тоскуетъ,
Домой спѣшитъ, а я бѣгу изъ дома!
Онъ, въ забытьи, играетъ на свирѣли
И видитъ только солнце безъ лучей,
Безоблачныя небеса и сердце...
Нѣтъ! онъ не зналъ прекрасной Кармозины;
Ему во снѣ еще не снилась дѣва;
Онъ юноша, а я еще ребенокъ.
Куда идешь?

ПАСТУХЪ. Иду домой, малютка!
Ты видишь, стадо хочетъ отдохнуть,
А безъ собаки, по ночи, не ловко.

САННАЗАРЪ. Ты счастливъ?

ПАСТУХЪ. А Господь тебя пойметъ!
Какъ счастливъ? То есть, видишь, счастливъ я;
Однако быть счастливѣе могу...

САННАЗАРЪ. А какъ?

ПАСТУХЪ. Мой другъ, ты не поймешь меня!

САННАЗАРЪ. Скажи, пойму.

ПАСТУХЪ. Да вотъ какъ: у меня
Есть на примѣтѣ дѣвушка пастушка;
Когда ее я назову женой,
Тогда себя я назову счастливцемъ!
Я говорилъ тебѣ, что не поймешь!...
Пора домой! Прощай! Покойной ночи!
Да не сиди такъ поздно въ этомъ мѣстѣ.
Какъ неравно зайдетъ незванный гость,
Такъ будетъ худо... Ну, прощай, малютка!

—

САННАЗАРЪ (одинъ).

Малютка! Какъ, малютка съ этимъ сердцемъ?
Сто чувствъ твоихъ — въ мое одно вмѣщу!
Малютка больше юноши страдаетъ!
Какъ въ свѣтѣ много значитъ это время; —
И стрѣлка назначаетъ: быть ребенкомъ,
Быть юношей, быть мужемъ, старикомъ!
Зачѣмъ-же стрѣлка смерти не назначитъ?
Зачѣмъ одинъ столѣтья достигаетъ,
Другаго смерть уноситъ въ колыбели? —
Богъ времени не создалъ; гдѣ оно?
Людская гордость извлекла его
Изъ дня и ночи! — Нѣтъ, для бурныхъ чувствъ
Нѣтъ времени; — какъ громъ, они незапны,
Какъ молнія, блистательны и жарки...
Но продолжительны... (*подумавъ*) какъ это время!
Да, еслибъ не было ни дня, ни ночи
Любовь моя въ часахъ не продолжалась; —
Я-бы погибъ отъ полноты сердечной...
Есть время, есть, на горе Санназару;

Оно меня замучитъ; вижу ясно,
Я недостигну юношескихъ лѣтъ!
Возьми-жъ меня завистливое время,
Возьми теперь!.. Вотъ, солнце, ты уходишь;
Возми меня съ собой, — куда нибудь,
Но только-бъ не страдать тоской ужасной!

(вперивъ глаза на солнце).

Шаръ золотой, въ кудрявыхъ облакахъ,
Какъ въ сѣдинахъ чело святаго старца!
Ты любишь-ли, ты можешь-ли любить?
О, было-ль ты когда нибудь по-меньше?

(постепенно забываясь).

Какъ хороша роскошная природа!..
Какъ эта тѣнь отъ тополи бѣжитъ,
Становится длиннѣе и длиннѣе!...
Какая тишина!.. О, еслибъ сердце
Могло стихать подобно этимъ нивамъ!...
А на горахъ какой-то дивный призракъ
Таинственною тѣнію почіетъ!..
Луна плыветъ, какъ челнъ... звѣзда... темнѣетъ...
Вѣтръ не шелохнетъ... Кармозина!.. Счастье!..

(раздается пѣсня пастушки).

Ахъ! Гдѣ я былъ? — Туманныя видѣнья!
И я могу забыться... Слава Богу!
Но этотъ голосъ, — звонкій, сладкій голосъ,
Зачѣмъ ты сонъ разбилъ непостижимый!
Роскошенъ сонъ, роскошенъ этотъ голосъ;
Какъ онъ похожъ на голосъ Кармозины?

—

САННАЗАРЪ и ПАСТУШКА.

ПАСТУШКА *(продолжаетъ пѣть; Санназаръ бѣжитъ къ ней въ долину.)*

Съ той поры она не знаетъ
Живъ-ли Джуліо младой;

Стонетъ, слезы проливаетъ
И не спитъ порой ночной...
(увидавъ Санназара).
Ахъ!

САННАЗАРЪ. Подойди, пастушка, не пугайся!
Скажи мнѣ: что ты пѣла?

ПАСТУШКА. Пѣсню.

САННАЗАРЪ. Знаю.
О чемъ она?

ПАСТУШКА. Ахъ, о любви моей!

САННАЗАРЪ. Ты любишь?

ПАСТУШКА. Да.

САННАЗАРЪ. И я люблю, пастушка!

ПАСТУШКА. Ха, ха, ха, ха!

САННАЗАРЪ. Не смѣйся, ради Бога!
Скажи мнѣ лучше: какъ ты любишь?

ПАСТУШКА. Какъ?
Да какъ тебѣ сказать? — Люблю и только!

САННАЗАРЪ. А эта пѣсня?

ПАСТУШКА. Такъ. Сама сложила,
На голосъ навела; пою, люблю;
Люблю, пою; и ты, когда не шутишь,
Люби и пой, пой и люби — и только,
И счастье не далёко...

—

САННАЗАРЪ (одинъ).

Недалёко!
Она ушла!.. Темнѣетъ!.. Сердце бьется!..
Душа моя сложить готова пѣсню...
Люби и пой!.. *(медленно возвращаясь къ фонту)*
Проперцій, о Проперцій!

Стихи твои не отголоски-ль страсти,
Любви твоей? Ты вѣрно былъ влюбленъ. —
Ты вѣрно мучился, какъ я и, въ мукѣ,
Ты началъ пѣть отрадный гимнъ любви?
Душа кипитъ; по сердцу ходятъ риѳмы;
Мысль къ мысли прилегаетъ... О Проперцій,
Какъ мнѣ завидѣнъ даръ твоихъ стиховъ!
Что, если-бъ Богъ меня украсилъ даромъ
Прекраснаго, святаго вдохновенья!
Я-бъ сочеталъ всю грусть мою въ стихи,
Всю жизнь мою стихами-бъ ярко выткалъ!
О Кармозина, ты моя пастушка,
Моя Филида, ты-бъ стихамъ внимала,
И, можетъ быть, душа-бъ твоя постигла
Что ихъ писали грусть, тоска, любовь.
И, можетъ быть, надъ думой Санназара
Сверкнули-бъ слезы состраданья!.. Боже!
Дай мнѣ талантъ, дай мнѣ талантъ, Спаситель!
Я сохраню талантъ твой въ чистотѣ!
Горитъ рука и голова горитъ!
Въ какой-то ладъ отрадно бьется сердце...

(вскочивъ на край утеса, поднимаетъ глаза и руки къ небу и, пребывая неподвижно въ томъ положеніи, говоритъ:)

Сердце бѣдное незнаетъ,
Для чего и для кого
Гимнъ торжественный слагаетъ!
Умъ невидитъ ничего;
Отуманенный любовью,
Онъ неможетъ разсуждать,
Онъ неможетъ разгадать,
Чтó играетъ жаркой кровью!
Для него одинъ законъ: —
Мерзнуть въ жизни и наукѣ;

Онъ невѣритъ страстной мукѣ;
Ничему не вѣритъ онъ,
Чтó согрѣто вдохновеньемъ,
Чтò въ восторгъ облечено,
Что облито наслажденьемъ,
У небесъ похищено...

—

САННАЗАРЪ, МАЗЕЛЛА, РОБЕРТО и НѢСКОЛЬКО СЛУГЪ (съ факелами).

САННАЗАРЪ (*въ томъ же состояніи*).
Свѣтъ небесный — для ума —
Неразгаданная тма!
Для разсудка — все возможно,
Все естественно и — ложно!

МАЗЕЛЛА. (*взявъ его за руку*)
Джакобо?

САННАЗАРЪ (*упадая безъ чувствъ*)
Ахъ!

МАЗЕЛЛА. Спасите, ради Бога!
Онъ захворалъ! Скорѣй, скорѣй въ Неаполь!
Здѣсь нѣтъ врачей искусныхъ. — Ради Бога,
Проснись, мое дитя! — Онъ весь въ горячкѣ!
Вся голова, какъ жаръ; холодны ноги...

САННАЗАРЪ (*просыпаясь въ горячкѣ*)
Свѣтъ небесный — для ума...
Неразгаданная тма...

АКТЪ ТРЕТІЙ.

ВЪ НЕАПОЛѢ, 1476 ГОДА.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ домѣ Бонифачіо.

КІАРА и КАРМОЗИНА.

КІАРА. Всегда одна, задумавшись, сидишь!
Скажи мнѣ, Кармозина, откровенно:
Какая скорбь твою тревожитъ душу?

КАРМОЗИНА. Нѣтъ, я не замѣчаю этой скорби.
Мнѣ кажется, я весела сегодня,
Такъ какъ вчера.

КІАРА. Напрасно, Кармозина,
Ты хочешь скрыть отъ матери своей,
Чего ты скрыть не можешь. Кармозина,
Подумай: можно-ли мнѣ быть спокойной?
Старуха, я умру сегодня, завтра;
Кому я поручу тебя въ опеку...

КАРМОЗИНА. Вы, маменька, меня переживете.
КІАРА. Христосъ съ тобой! Неклпкай на себя
Ужасной смерти; пусть она придетъ
Тогда, когда она приходитъ къ людямъ;
А ты живи!..

КАРМОЗИНА. Живу, пока живется!
А Богъ велитъ и я умру спокойно,
Безъ сожалѣнія. —

КІАРА. Въ такія лѣта,
Кто думаетъ о смерти, тотъ безумецъ!..

Дочь милая, я для тебя живу;
Захочешь-ли меня при гробѣ видѣть,
Съ тревожной думой о тебѣ? — И тамъ,
Гдѣ кончатся земныя ощущенья,
Кто знаетъ, можетъ быть, судьба твоя
Смущать неперестанетъ бѣдной Кьяры!
Дочь милая, единственная дочь,
Скажи мнѣ откровенно: для чего
Ты ненависть къ супружеству питаешь?

КАРМОЗИНА. Такъ! Я виновна передъ вами, да!
Я чувствую, какъ всѣ мои поступки
Васъ раздражаютъ противъ Кармозины!
Четвертый годъ, иль пятый, неприпомню,
Вокругъ меня тѣснятся эти люди.
Чего имъ надо? Я непонимаю!
Неужели съ наружностью прекрасной,
Но безъ ума и сердца, можно жить?
Неужели супружество — не жизнь,
А только день вѣнчальнаго обряда? —
Тамъ юноша, какъ пальма, свѣжъ и строенъ,
Манитъ очей пустое любопытство:
Онъ чувствуетъ всю красоту свою —
И красотой безсмысленный гордится!
Онъ неискалъ во глубинѣ себя
Ни теплыхъ чувствъ, ни мыслей благородныхъ;
Онъ потопилъ ихъ въ гордости своей
И красотой свой умъ обезобразилъ. —
Узналъ ли онъ, гордецъ безъ размышленья,
Что значатъ: жизнь, супружество и смерть?
Узналъ ли онъ, что счастіе супруговъ
Въ концѣ, а не въ началѣ познается?
Живите съ нимъ, и этотъ мужъ красавецъ —
Источникъ слезъ и одинокой скорби.
Я вамъ припомню: мало-ли красавцевъ

Руки моей искали? — Гдѣ они? —
Женились, кажется, съ прямой любовью,
А женамъ ужь успѣли измѣнить.
Тамъ зрѣлый мужъ; онъ испыталъ себя;
Онъ книги изучилъ, повѣрилъ книги;
Видалъ и свѣтъ, и былъ знакомъ съ страстьми;
Черты его отъ опыта сгрубѣли,
И сдѣлались такъ четки, какъ письмо,
Что изобрѣлъ Германскій чернокнижникъ.
Читайте!.. — И тогда судите сами:
Онъ можетъ ли быть мужемъ Кармозины?
Чего онъ ищетъ въ новомъ состояньи?
Отдохновенья отъ страстей прошедшихъ! —
Соскучивъ свѣтомъ и толпой людей,
Въ супружество идетъ онъ, на покой
Изъ устъ жены дослушать жизни сказку...

КІАРА. Мечты, мой другъ, и глупыя мечты!
Предметъ хорошій для стиховъ, а въ жизни
Другія правила; намъ должно помнить,
Что Богъ насъ создалъ для семейной жизни.
Мы не должны чуждаться человѣка,
И если онъ суровъ, упрямъ и золъ,
Мы умягчать должны его характеръ;
А если онъ неопытенъ и вѣтренъ
Мы привязать должны его къ себѣ
И пріучать насильно къ постоянству.
Къ чему-же красота, и кротость женщинъ,
И женскій умъ, король семейной жизни? —
Повѣрь, супружества по страсти часто
Печальныя картины представляютъ.
Начало ихъ прекрасно, я не спорю;
Да не на долго; мужъ или жена —
Наскучатъ угождать причудамъ страсти;
Неудовольствія, досады — скоро

Пожаръ раздуютъ; чаша перельется;
На днѣ ея — и брань, и споръ, и ссора ..
И встанетъ злоба, пламенная злоба!
Гдѣ крайности, тамъ нѣтъ уже добра!
О, Кармозина! Я тебя постигла.
Безъ страсти, ты итти не хочешь за-мужъ;
Ты страсти ждешь, ты ищешь человѣка,
Который-бы соединялъ въ себѣ
Героевъ древнихъ и Героевъ новыхъ?
Не такъ-ли?

КАРМОЗИНА. Нѣтъ, я ничего не жду!
Душа моя судьбу свою узнала.
Я навсегда хочу остаться — дѣвой!

КІАРА. Въ умѣ-ли ты? На безразсудный подвигъ
Стремишься ты, несчастная!

КАРМОЗИНА. Быть можетъ!
Но часто умъ велитъ быть безразсуднымъ. —
О, мать моя! Непроклинай меня,
Немучь меня холоднымъ убѣжденьемъ
И несердись на дочь твою напрасно!
Изъ угожденія, я выйду за-мужъ,
Но, подъ вѣнцемъ, умру...

КІАРА. Опять мечты!
Ты неумрешь въ супружескомъ вѣнцѣ!
Я докажу тебѣ, ты неумрешь!
И если ты избрать нехочешь мужа,
Такъ я его сама тебѣ назначу!

КАРМОЗИНА. О матерь, матерь строгая! За что?
За то, что дочь любить ее умѣла,
И нехотѣла промѣнять любви
На чувства, чуждыя моей душѣ.
О, я всегда во всемъ тебѣ послушна!
Пусть я умру; во храмѣ-ли Господнемъ,

Иль дома у тебя, иль у чужихъ...
Мнѣ все равно; я вижу, что Господь
Рѣшилъ призвать меня въ Свою обитель. —
И лучше въ Божьемъ Храмѣ умирать!
Тамъ самъ Господь, тамъ есть другая Мать!

КІАРА *(про себя)*. Мечтательныя рѣчи, но опасны!
Она полна какой-то тайной страсти!
(Громко): Послушай, Кармозина! Откровенность
И непріятелей миритъ. Скажи мнѣ:
Быть можетъ, выборъ мой тебя пугаетъ;
Быть можетъ, ты уже горишь любовью...
И безъ сомнѣнья *онъ* тебя достоинъ?

КАРМОЗИНА. Нѣтъ, я хочу навѣкъ остаться дѣвой!

КІАРА. О если такъ, по долгу моему,
Я разобью упрямыя мечтанья.
Сегодня же я обручу тебя
Съ Лоренцо Дольчи...

КАРМОЗИНА. И съ моей могилой.

—

ТѢ-ЖЕ и МАЗЕЛЛА.

МАЗЕЛЛА *(поспѣшно вбѣгая)*.
Синьора Бонифачіо! Я къ вамъ
Спѣшила, будто на крылахъ! Узнайте!
Джакобо принятъ въ общество Понтана!

КІАРА и КАРМОЗИНА *(вмѣстѣ)*.
Не можетъ быть!

МАЗЕЛЛА. Я и сама сначала
Невѣрила; но Маджіо — пришелъ
Съ какимъ то Графомъ, я забыла имя,
Просить Джакобо въ Общество Понтана.
Вся Академія собралась; ждутъ;
Самъ Фердинандъ пріѣхалъ въ домъ къ Понтану
И хочетъ быть участникомъ принятья! —

КІАРА. Непостижимо! Въ восемнадцать лѣтъ!!

МАЗЕЛЛА. Ахъ, Кіара, вы незнаете, какъ онъ
Учился! День и ночь сидѣлъ за книгой!
Какъ воротилась я изъ Санго-Манго,
Джакобо нетерялъ одной минуты;
Немедленно отправился къ Джуньяно,
И предался ученью. Въ восемь лѣтъ,
Почти ребенокъ, онъ узналъ науки,
Какъ самъ Учитель Маджіо Джуньяно;
Писалъ стихи на разныхъ языкахъ,
По-Гречески и по-Латинѣ... Право,
Я внѣ себя отъ радости, восторга!
Джакобо, мой Джакобо — Академикъ,
Членъ Общества, прославленнаго въ мірѣ!
Дитя мое родное, — чуть изъ школы, —
Членъ Академіи, первѣйшей въ свѣтѣ,
Гдѣ столько знаменитыхъ стариковъ
Такую честь при гробѣ получили...
А мой Джакобо въ восемьнадцать лѣтъ!
Ей Богу, я сама себѣ невѣрю...

КІАРА. И я, какъ ты, восхищена, Мазелла.

МАЗЕЛЛА. Благодарю!

КІАРА (*обнимая ее.*)
Отъ сердца поздравляю!

МАЗЕЛЛА. Отъ радости я ничего не помню!
Отъ радости молиться неумѣю?
Да, это мой, единственный, родной!
Я въ немъ одномъ всю жизнь соединила!
Я въ одного его слила надежды:
Какъ оправдалъ онъ ихъ великолѣпно,
Блистательно и славно!! Кармозина,
Ты вся въ него; утѣшь-же мать свою,
Такъ какъ меня утѣшилъ мой Джакобо.

КІАРА. Нѣтъ, Кармозина только огорченье
Готовитъ мнѣ...

МАЗЕЛЛА. Что это значитъ?

КІАРА. Что!
Упрямица идти нехочетъ за-мужъ.
Ужь слишкомъ двадцать лѣтъ; что съ нею будетъ?
Дѣвица — роза, отцвѣтетъ въ минуту;
А послѣ и сама захочетъ за-мужъ,
Да будетъ поздно.

МАЗЕЛЛА. Похвалить нельзя!
И что за цѣль — быть Греческой Діаной?
Вѣдь это только въ книгахъ хорошо,
А въ свѣтѣ дурно; вѣрь мнѣ, Кармозина!
Вѣдь мы тебѣ несчастья нежелаемъ,
А говоримъ по опытности нашей...

—

ТѢ ЖЕ, и РОВЕРТО.

РОВЕРТО. О радость, о восторгъ! Всесильный Боже!

МАЗЕЛЛА. Роберто, что съ тобой?

РОВЕРТО. Вашъ сынъ, Синьора,
Не сынъ вашъ! Нѣтъ, то странный феноменъ!
Онъ удивилъ не только Фердинанда,
Но мудрецовъ Италіи славнѣйшихъ
И даже самыхъ Грековъ удивилъ!
Осьмое чудо! Да, осьмое чудо!
И если онъ пройдетъ съ такимъ успѣхомъ
Арену Просвѣщенья и Искуства, —
Онъ станетъ выше Данте и Петрарки!
Не говорите, дайте мнѣ сказать...
Вчера Понтанъ, въ собраньи Знаменитыхъ,
Прочелъ стихи Джакобо Санназара —
И предложилъ избрать его — въ сочлены.
Единогласно и единодушно

Всѣ согласились, положивъ: сегодня
Назначить торжество его принятья.
Народа тма собралась у Понтана;
Вся Академія сидѣла чинно;
Король, два сына Короля и много
Придворныхъ, разныхъ иностранцевъ — также
Сидѣли; а за ними — мы. Вотъ — входитъ
Мой ученикъ Джакобо Санназаръ,
Въ сопровожденіи двухъ старшихъ Членовъ.
Графъ Каваниліа шелъ впереди
И, ставъ у главнаго стола, — склонился
Предъ прочими сочленами, — и началъ
Рѣчь говорить, въ которой, изложивъ
Заслуги Санназара, обратился
Апострофомъ короткимъ къ Фердинанду,
Превознося и умъ его и щедрость.
За тѣмъ Понтанъ привѣтствуетъ Джакобо
Латинской рѣчью; назначаетъ мѣсто
И проситъ сѣсть; Джакобо сѣлъ; сочлены,
Привставъ, поздравили его; онъ скромно
Имъ поклонился съ мѣста; тутъ Понтанъ
Далъ знакъ — и всталъ сочленъ Маркизъ да-Монти
И прочиталъ по-Итальянски станцы
На день принятія Джакобо; слезы
У Санназара брызнули ручьемъ!
Не утерпѣлъ мой ученикъ чудесный;
Всталъ съ мѣста и, склонясь предъ Королемъ,
Отвѣтствовалъ Понтану по-Латинѣ,
Прекрасной рѣчью, превосходной рѣчью. —
Затрепетала зала отъ восторга. —
Всѣ слышали, что безъ приготовленья
Онъ говоритъ; всѣ видѣли, что онъ
Горитъ какимъ-то непонятнымъ жаромъ;
Черты его играли чуднымъ свѣтомъ,

Джакобо Саннадзаръ.

Глаза блестѣли, а уста, какъ струны
Очаровательно звучали; зала,
Какъ море передъ бурей, колыхалась,
Стихая постепенно; но когда
Онъ кончилъ рѣчь и сѣлъ,—то, будто громомъ,
Восторгъ въ рукоплесканьяхъ разразился.—
Самъ Фердинандъ и дѣти Фердинанда
И хлопали и плакали отрадно...
Но не далъ онъ охолодѣть восторгу,
Онъ снова всталъ — и потекли стихи,
Струччіоли *) прелестнаго размѣра.—
Всѣ залились слезами; самъ Король
Тихонько повторялъ его трестишья
И самъ Понтанъ, чудесными стихами
Былъ столько очарованъ, что, забывъ
И Короля и важность торжества,
Онъ обнялъ Санназара со слезами...

—

ТѢ ЖЕ. и ЛОРЕНЦО ДОЛЬЧИ.

КІАРА. Мое почтеніе, Синьоръ Лоренцо!
Откуда вы?

ДОЛЬЧИ. Я съ торжества, Синьора?
Народа тма; богатое собранье;
Какъ хорошо одѣтъ нашъ Фердинандъ
И сынъ его Алонзо; — очень милый
И добрый малый; — Фредерико мраченъ;
Онъ, кажется, стихами больше занятъ,
Чѣмъ публикой; онъ несмотрѣлъ на насъ,
Неговорилъ ни съ кѣмъ ни слова; даже
Неотвѣчалъ на рѣчи Фердинанда...
Въ немъ мало проку.

МАЗЕЛЛА. Несудите строго!

---

*) Итальянскія Дактили.

Мнѣ Фредерико больше всѣхъ по сердцу;
Въ немъ рѣдкій умъ.

ДОЛЬЧИ. Не по-лѣтамъ уменъ!
И что за умъ: стихами заниматься!
Недурно иногда прочесть страничку,
Иль написать какой нибудь сонетъ;
Но такъ предаться этому искуству,
Какъ предался Донъ Фредерико — дурно —

МАЗЕЛЛА. Кому-же, какъ не намъ, любить искуства?
А если мы рѣшимся ихъ оставить,
Тогда мы будемъ, какъ Французы, глупы. —

ДОЛЬЧИ. За то сильны, какъ глупые Французы.

МАЗЕЛЛА. Повѣрьте мнѣ, не отъ искуства — храбрость
И мужество Италію оставятъ.
Лоренцо Медичи любилъ искуства
И цѣлый свѣтъ Лоренцо опасался!
Нѣтъ, нравы наши, нравственность народа;
Тамъ храбрости и мужеству отрава.

КІАРА. Синьора, ваша правда; точно нравы,
Теперь идутъ совсѣмъ другимъ путемъ;
Неузнаете прежнихъ Итальянцевъ.
Безумная, убійственная роскошь
Укоренилась въ Королевствѣ; скоро,
Увидите, мы будемъ въ томъ нуждаться,
Въ чемъ ненуждались прежде и вельможи. —
Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя несогласиться,
Что страсть къ искуству далеко заводитъ
И что̀, въ мечтахъ роскошнаго Поэта,
Имѣетъ прелесть, то въ обычной жизни
Грѣхомъ быть можетъ, а стихи вливаютъ
Въ неопытное сердце этотъ грѣхъ;
Чаруютъ юное воображенье
Мечтательнымъ изображеньемъ счастья

И голосъ опыта — ничтожный голосъ! —
Согласна я, — на мужество, на храбрость
Поэзія и всякое искуство
Хорошее вліяніе имѣетъ;
Для Государства благо отъ искуства;
За то семейственную жизнь — оно
Иной разъ неприметно отравляетъ.
Не такъ-ли Кармозина?

КАРМОЗИНА. Нѣтъ, не такъ!
Не говорю я, можно быть счастливымъ
И безъ любви, и безъ искуства, правда!
Но это счастье — счастье дураковъ!
Одна любовь сама въ себѣ сильна,
Одна любовь сама въ себѣ прекрасна:
А если Богъ ее благословилъ
Познаніемъ Его искуствъ небесныхъ, —
Тогда любовь — есть верхъ земнаго счастья,
Почти небесное блаженство. Трудно
Непонимать прямую цѣль искуства.
И почему, скажите, цѣлый свѣтъ
Невольно чествуетъ жрецовъ искуства?
И почему всѣ люди согласились
Считать талантъ — талантомъ, не привычкой,
И не простымъ плодомъ образованья?
О, вѣрно геній не простой разсудокъ,
Не книжное развитіе ума...
И почему въ толпѣ людей ученыхъ,
Объявшихъ міръ познаніемъ безмѣрнымъ,
Вы генія не встрѣтите; онъ тамъ,
Куда почти наука недоходитъ. —
Что-жъ это значитъ? — То, что самъ Господь
Кладетъ талантъ въ младенческую душу
И ей велитъ небесные завѣты
Въ простыхъ словахъ понятно разсказать...

РОБЕРТО. О, у кого училась эта дѣва?
Кто ей открылъ такія тайны?

КІАРА. Полно!
Неукрѣпляйте въ дочери моей
Несчастной слабости ума! Лоренцо
Вы, какъ женихъ ея, должны стараться
Искоренять безумныя мечты...

КАРМОЗИНА. Къ чему, когда прекрасныя мечты —
Такъ сладко наполняютъ эту душу?
Не лучше-ли въ невѣжествѣ оставить
Того, кто истинъ непереживетъ?
Одинъ Творецъ въ людскую смотритъ душу
И только онъ меня принудитъ къ браку,
Въ душѣ моей воспламенивъ любовь;
А вы меня принудите къ обряду,
Вы обвѣнчаете меня со смертью!

КІАРА (*схвативъ руку Кармозины, съ живописью*)
Лоренцо Дольчи, вотъ твоя невѣста!

(Л. Дольчи стоитъ поодаль, закрывъ руками глаза; Мазелла тихо плачетъ).

РОБЕРТО (*тронутый*)
Синьора, вы вступитесь!

МАЗЕЛЛА. Нѣтъ, Роберто!
Межъ матерью и дочерью — судья
Одинъ Господь.

КАРМОЗИНА. (*со вздохомъ*).
Одинъ Господь — судья
Межъ матерью и дочерью несчастной!
Лоренцо Дольчи, подойди ко мнѣ!
На, поцѣлуй съ почтеньемъ эту руку!
Она твоя на нѣсколько часовъ.

ДОЛЬЧИ (*схвативъ и цѣлуя ея руку*):
На цѣлый вѣкъ! Пройдутъ твои мечтанья;

Я жизнь мою смиренно посвящаю,
Чтобъ сдѣлаться достойнымъ Кармозины!

Кармозина. Необѣщай, чего нельзя исполнить —
И если ты, Лоренцо, безъ обмана,
Горишь ко мнѣ правдивою любовью;
То будь же твердъ и терпѣливъ, Лоренцо;
Ты необнимешь никогда супруги!

Дольчи. Всесильный!..

Кармозина. А теперь оставь насъ, Дольчи
Иди во храмъ, сбери Духовниковъ,
Укрась себя вѣнчальною одеждой;
А я приду въ одеждѣ погребальной!
Или, Лоренцо, я тебя прошу,
Ты долженъ слушаться своей нѣвѣсты,
Пока она невѣста; это въ правахъ...

Дольчи (*ставъ на колѣни*)
Иду во храмъ, сберу Духовниковъ
И съ ними самъ въ одеждѣ погребальной,
Передъ престоломъ Бога упаду,
Просить Его о милости послѣдней:
Да умягчитъ Онъ сердце Кармозины
И лучъ въ него пошлетъ любви взаимной.

Кармозина. Жаль мнѣ тебя Лоренцо, но напрасно
Ты хочешь обаять меня словами!
Я знаю все, я вижу все, Лоренцо!
Иди во храмъ, — ужь если умирать,
Такъ умирать скорѣе...

Дольчи. Кармозина!

Кармозина. Простите Санто-Манго-Санназаръ!
Синьора Бонифачіо, простите!
Прости Роберто! Всѣхъ васъ оставляю!
И вы туда-жъ придете; до свиданья!
(*уходитъ; всѣ за нею слѣдуютъ*).

—

САННАЗАРЪ (одинъ).

Свершилось! Я богатъ великой славой,
Какой еще никто недостигалъ.
Пророчества младенческаго сердца
Сбылись, какъ сонъ, ниспосланный отъ неба!
Отъ Сицилійскихъ береговъ до Альповъ,
Италія исполнится восторгомъ!
Я двину міръ на нѣсколько часовъ!
Проснется умъ, закованный въ науку,
И грудь вздохнетъ отраднымъ удивленьемъ!
Какія гордыя мечты?!. А счастье?
Но мало-ли мнѣ даровалъ Господь?
Неужели всѣ блага здѣшней жизни
Въ единое должны сливаться сердце?
Мнѣ слава, — а другимъ любовь... Любовь!
О слава, ты страданіе, не радость,
Когда любовь поддерживать нехочетъ
Безмѣрный твой чертогъ! О слава, слава!
Уйди назадъ, отдавъ мнѣ Кармозину,
Осуществивъ мечты златаго дѣтства!
О, дайте юнымъ сердцемъ разыграться
И въ тихое безмолвное блаженство
Перелетѣть изъ міра шумной славы!
Я славы никогда непризывалъ;
Одна любовь влекла младое сердце
Быть лучше, благороднѣе, умнѣе...
Одна любовь мой первый стихъ сложила;
Она въ душѣ свѣжо и живописно
Развила міръ въ лучахъ великолѣпныхъ!
Кому же слава? Да, моей любви,
А не уму. — Работникъ неусыпный,
Онъ собиралъ познанія, какъ медъ,
И тщательно укладывалъ ихъ въ соты.
Одна любовь преображала міръ

И краской непонятной покрывала!
Любовь, любовь! Души моей восторгъ,
Въ умѣ моемъ, ты лучшая идея,
Въ познаніяхъ, ты лучшее познанье,
Въ надеждахъ, нѣтъ тебѣ надежды равной,
Въ мечтахъ моихъ, роскошнѣйшей мечты...

—

САННАЗАРЪ и КАРМОЗИНА.

КАРМ: Позволь себя, мой добрый другъ, поздравить!
САННАЗАРЪ (*про себя*)
Она!.. Въ глазахъ темнѣетъ... Кармозина!..
Блѣдна, какъ тѣнь; какъ тѣнь, въ одеждѣ мрачной!
КАРМОЗИНА. Я неошиблась! Ты неотвѣчаешь!
Ты равнодушно принялъ мой привѣтъ. —
Но все равно; ты хочешь, или нѣтъ, —
А я рѣшилась, передъ страшнымъ часомъ,
Открыть, чего несноситъ больше сердце.
Нетрепещи признанья Кармозины;
Всю исповѣдь прослушай безъ презрѣнья.
Садись, мой другъ; я не могу стоять! (*садятся*)
Отъ дѣтскихъ лѣтъ, мы вмѣстѣ возрастали,
Отъ дѣтскихъ лѣтъ, мы сдѣлались друзьями,
Мы радости дѣлили и печаль;
Но пробилъ часъ, мы разойдемся оба,
Двумя различными путями. — Слушай!
Придетъ пора, и скоро часъ ударить,
Меня не станетъ; я хочу безсмертья!
Я жить хочу и послѣ самой смерти!
Чѣмъ вспоминать меня Джакобо будетъ?
Добромъ иль зломъ?
САННАЗАРЪ. (*вставъ*)
Добромъ, всегда добромъ!
Но для чего вопросъ твой непонятный?

КАРМОЗИНА. Непрерывай! Добромъ, ты говоришь?
Какимъ добромъ и что оно такое?
Ничтожный звукъ пустаго состраданья,
Иль крикъ пронзительный больнаго сердца?
Ты понимаешь-ли меня, Джакобо?
Ты знаешь-ли о чемъ я говорю? —

САННАЗАРЪ (*про себя*)
Творецъ мой, мнѣ и стыдно и досадно!
Я немогу въ своихъ признаться чувствахъ!
(*громко*) О Кармозина!

КАРМОЗИНА. Нѣтъ, неотвѣчай!
И если смыслъ моихъ невольныхъ словъ
Ты понялъ... ради Бога, сохрани
Въ глубокомъ сердцѣ... Такъ! Ты незабудешь
Несчастной Кармозины...

САННАЗАРЪ. Ради неба!
Что значитъ рѣчь твоя!

КАРМОЗИНА. Незабывай!
Да, я хочу, чтобъ тѣнь моя, въ потомствѣ,
Въ твои стихи одѣтая, блуждала;
Чтобъ я сама (*вставъ*), ты видишь, я сама,
Украшенная небомъ и землею,
Облечена одеждой неземною,
Въ твоихъ стихахъ прекраснѣе была!
Я жить хочу и послѣ самой смерти
И эту жизнь тебѣ я поручаю!
Неоскверни-же памяти моей
И помни; если дѣва, передъ смертью,
Поэту завѣщанье поручаетъ,
Исполнить онъ обязанъ... Ты исполнишь?

САННАЗАРЪ. О Кармозина, что тебя тревожитъ?
Въ лицѣ горитъ болѣзненное пламя?

КАРМОЗИНА. Болѣзненное пламя! О Джакобо!

Когдабъ ты зналъ, что этотъ жаръ и пламя
Растопленное сердце Кармозины!
Когда-бъ ты могъ на жертвенникъ взглянуть,
И сердцемъ существо постигнуть жертвы!
Ты недрожишь при видѣ Кармозины?
Непонимаешь ты, что это пламя
Предвѣстникъ смерти! О, Джакобо, сжалься,
Пойми меня; скажи, что понимаешь!

(схвативъ дрожащую руку Санназара, съ постепенно возрастающимъ жаромъ).

Дитя, ты никогда небудешь мужемъ!
Ты леденѣешь отъ руки моей!
Хоть на лицѣ твоемъ играетъ краска;
Но это ложный стыдъ, да ложный стыдъ...
Я старѣе тебя тремя годами;
Ждала, ждала, ты недогналъ меня;
Ты слишкомъ рано сдѣлался Поэтомъ,
Но очень поздно будешь человѣкомъ!
Что, если ты меня непонимаешь!
Пойми меня, Джакобо, ради Неба!
Недоводи до тяжкихъ объясненій!..
Я такъ больна; и если жаръ горячки
Неохладитъ суровая могила...
О, я проснусь, но ужъ тогда напрасны
Приличія и правила разсудка!
Я обниму тебя ужаснымъ змѣемъ *(обнимаетъ его)*
И пламенно, какъ аспидъ, поцѣлую! *(и цѣлуетъ)*

САН. Всесильный! Столько вдругъ!! Нѣтъ я невѣрю...
Моя-ли ты?.. О Господи, дай разумъ,
Дай память! Неужели Кармозина
Въ моихъ объятьяхъ?

КАРМОЗИНА *(съ ужасомъ вырываясь изъ его рукъ)*.
Что? Въ твоихъ объятьяхъ!

Ахъ, я погибла; сердце измѣнило!
Прости меня, Джакобо!

САННАЗАРЪ. Кармозина!

КАРМОЗИНА. Нѣтъ, несмотри на бѣдную, оставь!
Она преступница!.. Невѣста Дольчи
Въ объятіяхъ другаго!..

САННАЗАРЪ. Всемогущій!

КАРМОЗИНА (*проливая слезы*).
О, въ сладости — убійственная горечь!
И грудь полна и муки и отрады!
Уйти, уйти! Дай счастье позабыть;
Тогда не такъ ужасно будетъ горе!
Ахъ, какъ ты сладокъ первый поцѣлуй!
Хоть безъ любви ты принялъ эту жертву,
Но ты великодушенъ...

САННАЗАРЪ. Кармозина!
Я-ль нелюблю...

КАРМОЗИНА. Нѣтъ, ты меня не любишь!
Ты сострадаешь, добрый человѣкъ,
Къ моей докучливой любви—и только!

САННАЗАРЪ. И только! Боже Всемогущій! Только!!
Нѣтъ! Я люблю тебя, люблю безмѣрно!
Я весь любовь! Какъ тайный жаръ волкана,
Душа моя любовію кипѣла;
Отъ раннихъ лѣтъ, ребенокъ осмилѣтній,
Я заключилъ тебя въ невинномъ сердцѣ,
Какъ чистый образъ; за холодной книгой,
Подъ бдительнымъ учителей надзоромъ,
Я скрылъ тебя такъ глубоко въ душѣ,
Что мысль чужая немогла проникнуть
Во глубину моей души; и люди
Смотрѣли на ребенка съ удивленьемъ:
Какъ въ немъ широкій разумъ разливался,

Какъ, огнедышащей душой и сердцемъ,
Онъ освѣтилъ безмѣрный храмъ искуства!
Не я ребенкомъ былъ, а эти люди,
Что чудеса во мнѣ подозрѣвали,
Тогда, какъ я бесѣдовалъ съ тобой,
Въ твоихъ очахъ читалъ я жадно книгу
Таинственную книгу вдохновеній!
Я у тебя учился Кармозина!
Къ тебѣ любовью годы упреждалъ!
И, какъ потокъ, широкими волнами
Я разрывалъ крутые берега,
Чтобъ предъ тобой восторговъ бурной силой,
Могуществомъ Искуства похвалиться!
Ты — Геній мой! Когда, съ перомъ въ рукѣ,
Я надъ стихомъ задумаюсь упрямымъ,
Ты пролетишь — и побѣгутъ стихи
Невидимо, неслышимо, — а я
Одну тебя, какъ сонъ небесный, вижу!
Исчезнетъ образъ твой... я ослабѣю!
Недвижимо перо въ рукѣ лежитъ
И нѣтъ тебя и нѣтъ стиховъ прекрасныхъ.
Ты сомнѣваешься?

КАРМОЗИНА.. Несомнѣваюсь!
Какъ мнѣ невѣрить счастью своему
И своего нечувствовать несчастья?!

САННАЗАРЪ. Несчастія? Какого?..

КАРМОЗИНА. Грозный долгъ,
Но долгъ святой!.. Позволь мнѣ скрыть, Джакобо?

САН. Скрыть отъ меня?! Нѣтъ ты меня не любишь!
Ты испытать меня хотѣла только!..

КАРМОЗИНА. Лобзаньемъ неиспытываютъ дѣвы!
Онѣ сплетаютъ сѣть изъ словъ притворныхъ
И напоивъ заботливую гордость

Роскошнымъ изліяньемъ сладкой рѣчи,
Въ сѣтяхъ, съ насмѣшкой, оставляютъ сердце!
Я — не онъ.

САННАЗАРЪ. Я вѣрю, Кармозина!
Но этотъ долгъ, но эта тайна...

КАРМОЗИНА. Смерть!

САННАЗАРЪ. Всесильный!

КАРМОЗИНА. Успокойся! Этотъ долгъ
Теперь не такъ ужасенъ; я узнала
Всю полноту блаженства моего
И въ гробъ иду съ веселою надеждой!

САННАЗАРЪ *(упавъ на колѣна)*.
О, сжалься надъ моимъ несчастнымъ сердцемъ!
Недай груди сомнѣньемъ волноваться
И медленной, мучительной отравой,
Несожигай блаженства моего!
Скажи мнѣ эту тайну!

КАРМОЗИНА. Я невѣста
Лоренцо Дольчи. —

САННАЗАРЪ *(вставъ)*
Боже Всемогущій!.
Кто? Какъ? Когда! Неможетъ быть!.. Невѣрю!
Чѣмъ я тебя обидѣлъ Кармозина?..
Подумай! Этой клеветы — довольно,
Чтобы открыть могилу Санназару!

КАРМОЗИНА. Несчастный, для чего-же ты молчалъ,
Любовь свою скрывалъ въ холодномъ сердцѣ...

САННАЗАРЪ. Зачѣмъ? Зачѣмъ: сегодня—не вчера?
Но этотъ змѣй... Есть средство у меня!
Я отниму убійственное слово
И вмѣстѣ съ жизнью отниму...

КАРМОЗИНА. Джакобо,

Господь любовь не для убійцы создалъ!
Все кончено; еще сегодня утромъ
Рука моя и сердце — ожидали
Другаго жениха, но ты не шелъ!
Ты робостью хотѣлъ достигнуть счастья, —
И недостигъ; я дерзостью хотѣла
Разрушить волю матери моей, —
И неуспѣла! Покоримся Небу!
Незнала я твоей любви взаимной
И нехотѣла оскорбить тебя. —
Теперь ужъ поздно. Весь Неаполь знаетъ,
Что я невѣста Дольчи! Мать моя
Отъ слова своего неотречется.
Что-жъ остается намъ? Мнѣ — умереть;
Тебѣ — любовь свою предать потомству!

САННАЗАРЪ. Нѣтъ, я умру! Напрасно, Кармозина,
Все противъ нашихъ чувствъ вооружилось
Холодный гробъ намъ брачнымъ ложемъ будетъ,
Обителью безоблачное небо.

КАР: Будь проклятъ тотъ изъ насъ, кто ищетъ смерти!
Она въ рукѣ Господней, повинуйся!
И если я переживу мой стыдъ,
И Дольчи, какъ жену меня обниметъ,
Джакобо, будь и твердъ и хладнокровенъ!
Носи въ груди всегда ты нашу тайну;
Но избѣгай несчастной Кармозины!
Господь больное сердце уврачуетъ
И сохранитъ тебя для пользы міра!
Прости, мой другъ! *(обнимаетъ его)*
Навѣки!

САННАЗАРЪ. Кармозина!
Неуходи! Я непущу...

КАРМОЗИНА. Останься!

(Отходя останавливается)

САННАЗАРЪ *(вынувъ кинжалъ)*
Прости-жъ и ты, жизнь бѣдная! Я кончилъ
И славы путь и путь любви! Свершилось!
Я болѣе ненуженъ въ этомъ свѣтѣ?

КАРМ: Да будетъ проклятъ тотъ, кто ищетъ смерти!
Терпѣніе! Есть будущая жизнь! *(уходитъ)*

—

САННАЗАРЪ. (одинъ, уронивъ кинжалъ).

Тѣрпѣніе?! Да развѣ человѣкъ
Желѣзный столпъ, подпора нашей тверди!
Да развѣ я могу, душой ничтожной,
Страданье пить неистощимой чашей?!
Нѣтъ, дѣва, нѣтъ! Ты можешь замѣнить
Лоренцомъ Дольчи бѣднаго Джакобо;
Но кѣмъ я замѣню твою потерю?
О люди! Сжальтесь надъ моей судьбою.
Возьмите эту славу, разорвите!
Сожгите все, что я такъ гордо создалъ!
Возьмите, все возьмите, но отдайте
Мнѣ Кармозину, только Кармозину!
О мало-ли невѣстъ прекрасныхъ въ мірѣ?
Насъ Богъ соединилъ, вы разлучили!
Такъ вотъ чего столь жадно я искалъ!
Такъ вотъ на чемъ надежду лучшей жизни,
Надежду счастья основалъ. — Безумецъ!
О, слава! Утѣшайтесь вашей славой!
Молитесь ей, гордитесь этимъ ядомъ, —
И пейте чашу горечи кипящей,
Пока неразобьется вашъ сосудъ, —
Вотъ это сердце, полное отравы!..
Куда теперь? Къ кому итти? За чѣмъ?
Въ пустыню, на кладбище иль въ пещеру?
Куда нибудь, но только-бъ умереть

Не на очахъ соперника-счастливца!
Куда нибудь, но толко-бы закрыться
Отъ страданія людскаго! Люди!
Простите! Я васъ неувижу болѣ!

—

САННАЗАРЪ и РОБЕРТО.

РОБЕРТО. Куда? Въ слезахъ? Великій Саппазаръ!
Ты Акцій Синцерусъ, ты Академикъ,
Ты въ восемнадцать лѣтъ...

САННАЗАРЪ. Прости, Роберто!
Судьба ведетъ меня отъ васъ далеко!
Незабывай ученика, Роберто!..

РОБЕРТО. Что это значитъ?

САННАЗАРЪ. Матери моей
Я неувижу болѣ... Поклонись
Ей отъ меня; скажи, что Саннзаръ
Въ Неаполѣ немогъ остаться...

РОБЕРТО. Боже!
Какая мысль...

САННАЗАРЪ. Ужасная, — я знаю;
Но что-же дѣлать! Я невольникъ въ жизни...
Бѣгу отъ васъ, безъ цѣли и причины...

—

ТѢ-ЖЕ и МАЗЕЛЛА.

МАЗЕЛЛА. Мой сынъ, дитя мое!.. Великій Боже!..

САННАЗАРЪ. Ты, матерь, лучшаго достойна сына!
Но Богъ людей несчастьемъ испытуетъ,
И я тебѣ, родная, испытанье. —

МАЗЕЛЛА. Мой милый другъ, скажи, что это значитъ?

САННАЗАРЪ. Неспрашивай! Я немогу сказать.
Прости меня и только...

МАЗЕЛЛА. Я прощаю. —
Нѣтъ преступленья, нѣтъ такой вины,
Въ которой-бы ты могъ принять участье!

САННАЗАРЪ. И я такое сердце растерзаю!
Я огорчу единственную мать!
До сей поры невиненъ твой Джакобо,
Но онъ теперь идетъ на приступленье...
О матерь, матерь, будь великодушна
И неищи причинъ моимъ поступкамъ!

МАЗЕЛ: Я трепещу... холодный потъ... О, другъ мой,
Будь откровененъ!..

САННАЗАРЪ. Нѣтъ! Прости и только!
Я буду живъ, здоровъ, спокоенъ, веселъ;
Я утѣшать приду тебя на старость!
Когда недугъ иль тяжкая печаль,
По волѣ Божіей, тебя постигнетъ;
Я прибѣгу къ твоей постели, матерь,
Я разгоню тяжелую печаль,
Недугъ твой на себя приму съ охотой;
Но не теперь! — Невольникъ обстоятельствъ,
Я ухожу надолго и далёко...
Прости! *(обнимаетъ ее)*.

МАЗЕЛЛА. Признайся, милый другъ!

САННАЗАРЪ *(уходя)*. Прости!
Непроклинай меня!

МАЗЕЛЛА *(падая на руки Роберто)*.
Благословляю!

АКТЪ ЧЕТРВЕРТЫЙ.

ВЪ НЕАПОЛѢ 1477 ГОДА.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Домъ Мазеллы Санто-Манго-Саннazаръ; мебель завѣшана; окна забѣлены; вечеръ.

ФРАНЧЕСКО (внося связку ковровъ).

Какая пропасть пыли! Каждый день,
Сметаю, да сметаю; каждый день,
На свѣжій воздухъ выношу ковры,
А пыль все больше. — Нѣтъ господъ. Давненько
Уѣхала Синьора въ Санто-Манго
И ничего непишетъ. — (*Разстилая ковры*)
А сынокъ?
Хорошъ сынокъ! Оставилъ мать, Неаполь,
Родныхъ, друзей, шатается по свѣту, —
И вѣрно непридетъ уже назадъ...
И домъ хорошъ, и хорошо убранство,
А жить никто нехочетъ... Почему?
Наскучило имѣть свой домъ; не такъ-ли?
Пока мы бѣдны, все намъ хорошо;
Разбогатѣли, — цѣлый свѣтъ сталъ дуренъ!..

ФРАНЧЕСКО и САННАЗАРЪ.

ФРАНЧЕСКО. Святый Ѳома! Джакобо Санназаръ
Не тѣнь-ли?..

САННАЗАРЪ. Нѣтъ, Франческо, это я!
Но ты молчи, ни слова про меня!

ФРАНЧЕСКО. Синьоръ,
Я вамъ уже докладывалъ.

САННАЗАРЪ. Давно-ли
Она уѣхала?

ФРАНЧЕСКО. Ужъ третій мѣсяцъ.
Ждала, ждала; а вы непріѣзжали.
Соскучила, занемогла.

САННАЗАРЪ (*вставъ*). Франческо,
Занемогла!.. И я тому причиной,
И я, пустыхъ страданій опасаясь,
Могъ мать свою безсовѣстно оставить!
Франческо, ты незнаешь, ты неслышалъ,
Не получалъ письма изъ Санто-Манго,
Что, какъ она, оправилась иль нѣтъ,
Не нуженъ-ли ей врачь иль помощь сына?

ФРАНЧЕСКО. Нѣтъ вѣсти никакой изъ Санто-Манго.

САННАЗАРЪ. Зачѣмъ-же ты мнѣ тотчасъ несказалъ?
Зачѣмъ ты скрылъ болѣзнь ея отъ сына?
Непоспѣшилъ нарочнаго послать,
Неупросилъ врача поѣхать съ нею?
И ты слуга, приверженный слуга,
Ты моего отца слуга любимый,
И матери довѣренной слуга!!

ФРАНЧЕСКО. Мой долгъ исполненъ! По пустому дому
Какъ привидѣніе, всегда шатаюсь!
Стираю пыль, чтобъ сохранить пожитки
Для васъ....

САННАЗАРЪ. Оставь, Франческо! Отыщи
Мнѣ лошадь; я поѣду въ Санто-Манго?

ФРАНЧЕСКО. Теперь ужъ скоро ночь. Не безопасно.
До самаго Салерно — вся дорога
Ночными ворами покрыта; днемъ

Они въ горахъ, нетрогаютъ проѣзжихъ;
Останьтесь до утра...

САННАЗАРЪ. Франческо, лошадь!
Быть можетъ, мать моя на ложѣ смерти,
Быть можетъ, ей ненужны врачеванья,
А только возвращеніе Джакобо...
Скорѣй, скорѣй! Я ѣду въ Санто-Манго!

ФРАНЧЕСКО. Помилуйте, Синьоръ! Кругомъ разбои;
По милости Колонны и Орсини,
Италія полна ужасныхъ шаекъ;
Имъ дома у себя ужъ стало тѣсно;
Передрались, селенья извели;
Опустошивъ отчизну, по горамъ
Къ намъ перешли; послушайте, какіе
Про нихъ разсказы ходятъ....

САННАЗАРЪ. Лошадь, лошадь!
Пусть ночь темна, разбойники ужасны;
Сыновняя любовь восторжествуетъ. —
Коня, коня! Я ѣду въ Санто-Манго!

ФРАНЧЕС: Синьоръ, тому назадъ три дни, небольше,
Посланника Миланскаго убили!

САННАЗАРЪ. Онъ къ матери больной неѣхалъ...

ФРАНЧЕСКО. Вотъ вамъ
Другой примѣръ, еще небудетъ года,
Вслѣдъ за отъѣздомъ вашимъ, Кавалеръ
Лоренцо Дольчи...

САННАЗАРЪ. Что, Лоренцо Дольчи?...

ФРАНЧЕСКО. Невдалекѣ отсюда, мили три,
Небольше, жилъ его отецъ; однажды
У Бонифачіо сидѣлъ Лоренцо
И разсуждалъ о свадебныхъ нарядахъ; —
Вдругъ вѣсть къ нему приходитъ, что отецъ

Упалъ съ коня и голову расшибъ,
Что жизнь его въ опасности; — Лоренцо
Скорѣе на коня, а было подъ-ночь;
Проѣхалъ онъ счастливо мили двѣ;
На третей милѣ, вдругъ, со всѣхъ сторонъ,
Напали на него, онъ защищался
И, продолжая отражать удары,
Кричалъ, что онъ къ отцу больному ѣдетъ...
Напрасно! Десять ранъ остались въ сердцѣ
Несчастнаго...

САННАЗАРЪ. Оставь меня, Франческо!...
Постой! И онъ погибъ отъ этихъ ранъ?

ФРАНЧЕСКО. Ахъ, Господи! Отъ десяти ударовъ,
И прямо въ сердце, кто не упадетъ?
Кто не умретъ?

САННАЗАРЪ. Оставь меня, Франческо!...
Постой, еще два слова; что-жъ невѣста?

ФРАНЧЕСКО. Невѣста чуть неумерла съ печали;
Да и теперь она едва живетъ...

САННАЗАРЪ. Иди себѣ, Франческо! Я неѣду,
Я остаюсь на нѣсколько часовъ!

—

САННАЗАРЪ (одинъ).

Безумецъ! Для чего-же я спѣшилъ?
Какая цѣль?.. О Боже милосердый!
Что, если я ошибся въ Кармозинѣ?
Нѣтъ, Ангелы обманывать немогутъ
И неумѣютъ! Нѣтъ, я снова счастливъ;
Она больна разлукою со мной;
Не смерть Лоренцо мучитъ Кармозину,
А неизвѣстность обо мнѣ... Гордецъ!
А если, позабывъ любовь Джакобо,

Она нашла въ Лоренцо человѣка,
Достойнаго ея любви взаимной;
Меня изъ состраданья удалила
И, потерявъ его, страдаетъ?.. Боже!
Вездѣ есть змѣй коварнаго сомнѣнья,
Но змѣй любви безмѣрно ядовитъ!
Къ чему мнѣ сомнѣваться? Къ Кармозинѣ!..
Скорѣй къ ея ногамъ!.. Она сама
Произнесетъ мой приговоръ невольно,
И первый звукъ изъ устъ ея — понятно
Разскажетъ положенье Кармозины!...
Темнѣетъ ночь; скорѣй спѣши, Джакобо,
На счастье безъ предѣловъ, или гибель!.. (*уходитъ*)

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ домѣ Графа Кананиліи.

—

ГРАФЪ, КАВАНИЛІЯ, АВРЕЛІО и НѢСКОЛЬКО ГОСТЕЙ.

АВРЕЛІО (*входя*)
Ты видѣлъ Санназара, онъ пріѣхалъ!

ГРАФЪ. Когда?

АВРЕЛІО. Сегодня.

ГРАФЪ. Быть неможетъ.

АВРЕЛІО. Да!
Я самъ его примѣтилъ изъ окна;
Но, по несчастію, не могъ оставить
До сей поры моей Синьоры...

ГРАФЪ. Ты-бы
Послалъ кого нибудь ко мнѣ...

АВРЕЛІО. Хотѣлъ я,

Да отъ Синьоры отойти не могъ;
Мы были въ самомъ пылкомъ разговорѣ!

ГРАФЪ. Аркадія! Безсмертный твой пѣвецъ
Приходитъ отдохнуть на свѣжихъ лаврахъ!
Въ отечествѣ онъ славой процвѣтетъ,
Друзей своихъ святымъ огнемъ согрѣетъ... —
Я очень радъ пріѣзду Санназара!
Пойдемъ къ нему...

АВРЕЛІО. Не лучше-ль до утра?..

ГРАФЪ. Я непривыкъ безумно отлагать
Часы чистѣйшихъ удовольствій; нѣтъ,
Пойдемъ къ нему! Ручаюсь, онъ песнитъ
И, возвратясь на родину, навѣрно
Онъ весь кипитъ горячимъ вдохновеньемъ!
Въ чаду воспоминаній и надеждъ
Онъ создаетъ роскошныя видѣнья..
Вотъ въ этотъ часъ Поэты любопытны,
А не тогда, когда, въ ряду съ другими,
Они идутъ за пышной колесницей
Какой нибудь себялюбивой дамы;
Или когда, въ кругу людей ничтожныхъ,
Въ святой душѣ кипитъ негодованье,
Презрѣніемъ сверкаетъ яркій взоръ,
А на устахъ — привѣтливое слово.
Нѣтъ, не тогда величіе Поэта
И поучительно и любопытно!
Нѣтъ, въ тайные часы уединенья,
Когда мечтатель смотритъ въ небеса,
Съ звѣздой ведетъ задумчивое слово, —
Когда дрожитъ отъ преизбытка чувства,
Трепещетъ отъ душевной полноты; —
Когда: одна минута — и Поэтъ
Воскликнетъ пѣснь въ жару самозабвенья!
Тогда его желаю, жажду видѣть,

Его небесной теплотой согрѣться,
Забыть, что я ничтожное звѣно
Въ цѣпи существъ пустыхъ, обыкновенныхъ;
И самъ Поэтъ того сказать не въ силахъ,
Что въ силахъ чувствовать. . Пойдемъ, пойдемъ...

—

ТѢ-ЖЕ и ЭНЦІО.

ЭНЦІО. Графъ Каваннлія, гдѣ Саннazаръ?
Я получилъ изъ Санто-Манго вѣсти
Печальныя...

ГРАФЪ. Какія-жъ это вѣсти?

ЭНЦІО. Мать Санназара кончила свой путь.

ГРАФЪ. Она скончалась?

ЭНЦІО Да!

ГРАФЪ. Судьба, Судьба
За сладкій даръ, роскошныхъ вдохновеній,
Ты дорого велишь платить землѣ!
И если люди лавръ несутъ Поэту,
Ты тернія на путь обильно сыплешь! —
Но какъ сказать Джакобо Санназару
Про смерть его единственной Мазеллы?
Онъ никого на свѣтѣ нелюбилъ
Такъ пламенно, какъ мать свою... И что-же?..
Рокъ всѣхъ ему спокойно оставляетъ,
А только мать отъемлетъ. О, несчастный!
Отечество тебя встрѣчаетъ, Геній,
Не радостнымъ, торжественнымъ привѣтомъ,
А погребальнымъ пѣніемъ...
Друзья!
Отрадно быть въ пріятномъ заблужденьи
Хоть день одинъ, когда нельзя ужъ больше.
Мы скроемъ смерть Мазеллы отъ Джакобо!
Въ роскошныхъ пиршествахъ, увеселеньяхъ

Мы постепенно приготовимъ друга
Къ печальному событью; — и когда
Сомнѣніе въ его проникнетъ душу,
Онъ къ истинѣ ужасной устремится;
Тогда ударъ небудетъ такъ опасенъ!..
Теперь къ нему! Мы окружимъ его;
Ни писемъ, ни людей къ нему непустимъ,
Пока возможно будетъ... Поспѣшимъ!
Мы можемъ опоздать. Друзья, за мною!...

(всѣ уходятъ).

—

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Комната третьяго Акта.

—

СЛУГИ и СЛУЖАНКИ БОНИФАЧІО (торопливо входятъ и уходятъ въ комнату, съ зажженными факелами).

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Синьора Кармозина умираетъ...

ВТОРЫЙ. Вотъ выдумалъ! Она вчера, сегодня
Еще ходила...

ПЕРВЫЙ. И теперь таскаетъ
Мертвѣющія ноги, но врачи..

ВТОРЫЙ. Ну чтó твои врачи?

ПЕРВЫЙ. Всѣ отказались.

—

ТѢ-ЖЕ и КАРМОЗИНА; КІАРА и ЧЕВРИНИ, (ее поддерживаютъ).

КІАРА. О успокойся, дочь моя! Засни!
Ты вся измучилась и ослабѣла.

КАРМОЗИНА. Нѣтъ! Я сильна мученья перенесть,
И встрѣтить смерть не на одрѣ болѣзни.
Какъ жаль, что ночь; въ саду я-бъ отдохнула

Постойте! Нѣтъ! Я непойду отсюда!
На этомъ мѣстѣ... Стойте!.. Память, память!..
Какъ зеркало, ты тускнеешь отъ дыханья...
Но зеркало мы можемъ отереть
И чистое, оно еще свѣтлѣе... —
А память!.. Нѣтъ! — Давно-ли?.. Какъ недавно
На этомъ мѣстѣ обняла я счастье!..
Теперь пришла обнять мою кончину!

КІАРА. О успокойся, Кармозина!

КАРМОЗИНА. Матерь,
Нестыдно-ли такъ обижать меня?!
Я смерти не боюсь; напротивъ, рада
Ея приходу. — Дайте только вспомнить
Любви таинственный, роскошный праздникъ.
Какъ молнія, онъ кратокъ былъ, сверкнулъ —
И снова тма!

КІАРА. Какой-же это праздникъ?

КАРМОЗИНА. Онъ здѣсь стоялъ, а я пришла оттуда!
Трикратно не успѣло стукнуть сердце,
Какъ на устахъ лобзаніе горѣло! —
Ахъ! И теперь оно еще горитъ;
И, кажется, пока я не забуду
Про сладостное, дивное лобзанье, —
Я не умру. — Но то былъ сонъ. — О матерь,
Благодарю за жизнь; я испытала
Мгновеніе прямой и жаркой страсти;
Я въ жизнь мою жила одну минуту
И то во снѣ... Ахъ, нѣтъ! Онъ здѣсь стоялъ...

ЧЕВРИНИ. О комъ вы говорите, Кармозина?

КАРМОЗИНА. Не о тебѣ, не о Лоренцо Дольчи!
О миломъ ангелѣ! — Гдѣ онъ теперь?
На небесахъ, иль на землѣ? Несчастный,
Онъ избранъ былъ на тяжкое посланье;

Онъ Божій даръ въ невинной простотѣ
Несъ предъ людьми — и люди преклонялись!
Но я одна, изъ многихъ милліоновъ,
Нарушила небесное служенье;
Я погасила пламя новой Весты!
Мечты, мечты!... Разтерзанное сердце,
Изъ ничего ты ужасъ созидаешь,
Само себя безумно огорчая!
Не вѣрю ничему! Ты счастливъ, другъ мой?
Я счастлива не менѣе тебя!
Я женщина, ты человѣкъ и — только!
Любовь соединила наши души!
Пространство можетъ раздѣлить могилы,
Но нашихъ душъ не раздѣлитъ пространство!
Вотъ, вотъ онъ!... Ради Бога, не держите!
Смотрите: вотъ онъ! Милый другъ, ко мнѣ!
Ко мнѣ, на грудь! Уста въ уста! Скорѣе,
Мой несравненный другъ....
— Ахъ, это воздухъ,
Разбитой памяти пустой остатокъ! *(лишается чувствъ.)*

КІАРА. Она бездушна! Гдѣ Синьоръ Чебрини?

ЧЕБРИНИ. Я здѣсь, Синьора! Нѣтъ она жива,
Она проснется.

КАРМОЗИНА *(просыпаясь; лице покрыто болѣзненнымъ румянцемъ.)*
Знаю, слышу, вижу!
Твоя рука, какъ мнѣ не угадать!
Твоей любви значительныя риѳмы!
Ахъ, гдѣ-же онъ? *(оглядывается)* Опять мечты пустыя!
Но эта пустота полна отрады,
Полна волшебнаго воспоминанья!
О, если-бъ я могла, душой крылатой,
По воздуху поплыть въ тотъ край далекій,

Гдѣ ты живешь, питомецъ вѣчной Музы!
Я-бъ унесла тебя назадъ, въ Неаполь;
Поставила-бъ тебя на этомъ мѣстѣ,
И снова-бъ гибкимъ змѣемъ обвилась!
Ахъ, я лечу! Какъ высоко, смотрите,
Я поднялась!... Деревья, какъ кусты,
Рѣка,—какъ змѣйка!... Море!... Море!... Море!...
Какъ облако, я разхожусь надъ моремъ!...
Земля! Отвѣтствуй бѣдной Кармозинѣ!
Отвѣтствуй, море, бѣдной Кармозинѣ!
Гдѣ Санназаръ?!

КІАРА. Что слышу, Санназаръ!!

КАРМОЗИНА. *Онъ умираетъ*, простонало море,
Онъ умеръ, слышите, онъ умеръ, умеръ!...
Постой, мой другъ! Сей часъ!... Я догоняю!
Вотъ вижу, ты летишь!.. Я оживаю!—*(умираетъ)*

ЧЕВРИНИ. Она скончалась! — *(люди окружаютъ трупъ Кармозины.)*

КІАРА *(лишаясь чувствъ.)*
Боже всемогущій!

(Между тѣмъ приносятъ подвижную кровать, кладутъ трупъ Кармозины и хотятъ нести.)

КІАРА (*выходя изъ обморока.*)
Постойте! Я не дамъ вамъ Кармозины!
Послушай, другъ, она еще тепла!
Въ ней можетъ быть еще хоть капля жизни
Таится! Оживи мнѣ Кармозину!
Смотри: она еще не умерла;
Улыбка на устахъ...

ЧЕВРИНИ. Улыбка смерти!

КІАРА. Безчеловѣчный! Никогда дѣтей
Ты не имѣлъ! О, будь великодушенъ!
Неужели нѣтъ средства?

ЧЕВРИНИ. Никакого!

КІАРА (*бросаясь на трупъ*).
Я оживлю тебя слезами, другъ мой,
Единственная въ горестяхъ надежда,
Дитя мое! Проснись, открой глаза!
(положивъ руку на сердце Кармозины).
Смотрите... оживаетъ... сердце бьется!
Прислушайтесь! Она живетъ...
Увы!
И я мечтамъ несбыточнымъ ввѣряюсь! (*рыдая*)
Нѣтъ Кармозины, доброй Кармозины!
Прекрасной Кармозины — нѣтъ на свѣтѣ!
И ты меня оставила на старость
Одну, какъ сироту! Ты нехотѣла
Дѣлить со мной житейскихъ попеченій!
Ты умерла, мой Ангелъ! Умерла!..

—

ТѢ ЖЕ и САННАЗАРЪ.

САННАЗАРЪ. Творецъ мой!

КІАРА. Санназаръ?!—Все совершилось!
Смотри на эту жертву! Это—ты!
Твоя любовь — кипящая отрава!
Смотри, злодѣй! И этотъ мертвый трупъ
И этотъ трупъ живой — все это—ты?
(Санназаръ падаетъ безъ чувствъ у кровати).
Несчастный другъ покойной Кармозины,
Встань, помоги мнѣ оживить ее,
Она твоя, я васъ соединяю...

ЧЕВРИНИ. Опасно. Унесите Кармозину?
При трупѣ, мать ума лишиться можетъ!...
(трупъ уносятъ).

Кiара. Постойте! Нѣтъ! Я неотдамъ вамъ трупа!
Я съ мертвой жить хочу до самой смерти!

—

Санназаръ (одинъ, въ темнотѣ, приходя въ чувство).

Ночь. На полу. Не въ хладной-ли гробницѣ
Я погребенъ живой? — *(сидя на полу)*
Ея ужъ нѣтъ! —
Она жила, цвѣла... и больше нѣтъ!
Упала молнія — и міръ расколотъ;
Разбитый, онъ обрушился на грудь,
На сердце Саппазара! — Нѣтъ!... Ужъ нѣтъ!
Я на твоей могилѣ, Кармозина...
Iam te premet nox, fabulaeque manes!
Помилуй мя, о Боже, по велицѣй
По милости твоей!... Ужасный день!
Не день, а ночь ужасная! Я умеръ,
И чувствую что умеръ, и смотрю
Въ безжизненныя стѣны гроба... Гробъ!
Сожмись мой гробъ, сойдись моя могила,
И грудь сдави могильными досками,
И воздухъ отними... Судьба, Судьба!
Безъ слезъ сижу... О Господи! Другимъ
И радостныя слезы ты даруешь;
А мнѣ и въ горькихъ нѣтъ удѣла! Чѣмъ
Я облегчу растерзанное сердце?
Чѣмъ язву оболью души убитой?
Ахъ, что́ я потерялъ!... О Боже, Боже!
Дай мнѣ послѣднимъ стономъ простенать.—*(рыдая)*
Отъ раннихъ лѣтъ, когда другихъ игрушка
Тревожитъ, я страдаю постоянно;
Душа моя изъѣдена мученьемъ,
Истерзано, избито это сердце...
За что, за что? За чистоту страстей,

За благородство сердца и души!! —

—

САННАЗАРЪ, ГРАФЪ КАВАННИЛІЯ, АВРЕЛІО, ЭНЦІО и ДРУГІЕ (*съ факелами*).

ГРАФЪ. Здѣсь такъ темно и никого невидно.—
Ахъ, Санназаръ?!

САННАЗАРЪ. Другъ, добрый другъ! Въ могилу
Нисходишь ты! Благословенъ твой подвигъ!
Я умеръ навсегда чужею смертью!

ГРАФЪ. Ты знаешь все?!

САННАЗАРЪ. Ахъ, знаю, знаю, знаю!
И болѣе... я чувствую!

ГРАФЪ. О другъ мой!
Встань, укрѣпи себя, печаль напрасна,
Не возвратить прошедшаго! (*поднимаетъ его*)

САННАЗАРЪ Да, правда!..
И я умѣлъ когда-то утѣшать,
И я умѣлъ лечить чужія раны,
И думалъ: я страдальца успокоилъ!
О нѣтъ! Къ чему надежда, утѣшенье?
Она мертва, безмолвна, недвижима,
О, Каваннилія!... Она мертва! (*заливается слезами*)

ГРАФЪ. Законъ судьбы...

САННАЗАРЪ (*со злобной улыбкой*).
Законъ, какой законъ? —
Въ Природѣ все идетъ однообразно:
Старикъ во гробъ нисходитъ постепенно,
А юноша все болѣе живетъ,
Все умножаетъ жизненныя силы...
Вотъ тамъ законъ! А здѣсь... О горе, горе!

ГРАФЪ. Но мать твоя была не молода,

Хворала часто... *(Санназаръ бѣшено озирается)*
Что съ тобой, Джакобо!
Глаза педвижны, поблѣднѣлъ, молчишь!

САННАЗАРЪ *(шепотомъ)*
И мать моя скончалась?.. Бога ради,
Скажи, что нѣтъ!

ГРАФЪ. О будь благоразуменъ!
Старайся пріучить себя къ утратамъ,
Тѣмъ болѣе къ естественнымъ утратамъ...

САННАЗАРЪ. Ты *да* сказалъ, ты *да* сказалъ! О матерь!
И ты, и ты оставила меня! *(невольно падая на колени)*
О жизни духъ, духъ чувства и разсудка,
Оставь меня, ты больше мнѣ не нуженъ!...
О, помогите другу умереть! *(падаетъ безъ чувствъ на руки Графа, который съ помощію друзей старается его поднять; занавѣсъ падаетъ).*

ПРИМѢЧАНІЕ

къ первому изданію.

Италіянскій поэтъ Джакобо Санназаръ родился въ Неаполѣ 28-го Іюля 1458 года. — Предки его вышли изъ Испаніи и многіе изъ нихъ участвовали въ военныхъ предпріятіяхъ Аррагонскаго дома, столь замѣчательнаго въ Исторіи Среднихъ Вѣковъ своими достоинствами, слабостями и наконецъ несчастіями; Джакобо Санназаръ, привязанностію, къ несчастному Фредерику, украсилъ исторію паденія Аррагонцевъ; мужествомъ и храбростью стяжалъ имя добраго воина, но, въ жизни его, періодъ дѣтства и нѣжной юности наиболѣе поразилъ мое воображеніе.

Восемьнадцати лѣтъ, Санназаръ былъ уже членомъ Неаполитанской Академіи, учрежденной стараніями знаменитаго ученостію Іовіана Понтана и покровительствомъ Аррагонскихъ Государей; честь слишкомъ большой важности, ибо въ составъ Академіи поступали только люди, пріобрѣтшіе повсемѣстную извѣстность въ Италіи, а Санназаръ, въ столь ранней юности, уже былъ признанъ достой-

нымъ раздѣлять труды съ маститою старостiю и принялъ, по обычаю общества, Латинскiя имя и прозвище: Actius Sincerus.

Десяти лѣтъ онъ писалъ уже Латинскiе и Греческiе стихи, свободно изяснялся на обоихъ сихъ языкахъ и преждевременно развивавшимся умомъ удивлялъ своихъ наставниковъ.

Но удивительнѣе всего, что столь замѣчательный во всѣхъ отношенiяхъ характеръ развился уже въ восемь лѣтъ. Когда сверстники его еще играли въ куклы, восьмилѣтнiй ребенокъ былъ уже влюбленъ, не какъ ребенокъ, нѣтъ: онъ горѣлъ постоянною, сознанною любовiю; отъ восьми до семидесяти-двухъ лѣтъ Санназаръ любилъ дѣву, которою судьба не хотѣла его осчастливить и умеръ, не измѣнивъ первой любви! — До нынѣ неизвѣстно кто именно была — прекрасная Филида, Кармозина Амаранта, какъ именовалъ ее поэтъ въ своихъ сочиненiяхъ; но достовѣрно извѣстно, что Санназаръ любилъ ее и подъ этими именами отнюдь не скрывалъ никакихъ таинственныхъ, символическихъ значенiй, по обстоятельствамъ политическимъ не имѣя въ томъ нужды.

Страшась нарушить интересъ моей Фантазiи, не скажу болѣе ничего о дальнѣйшей жизни Санназара. При изданiи второй части Фантазiи (которую можетъ быть напишу, если найду средства удовлетворить остальными событiями жизни сего поэта моимъ драматическимъ правиламъ) я постараюсь изложить въ подробности замѣчательную жизнь Христiанскаго Виргилiя; теперь прибавлю

только, что, въ предлагаемой драмѣ, событія и лица я старался сохранить въ исторической ихъ вѣрности.

Санназаръ писалъ весьма много, но изъ сочиненій его изданы только слѣдующія:

1) Аркадія, пастушеское произведеніе въ прозѣ и стихахъ; въ семъ сочиненіи Санназаръ усовершилъ Италіянскіе дактили: «Strucciolі». — 60 изданій Аркадіи, при жизни Санназара, свидѣтельствуютъ о ея успѣхѣ между современниками.

2) Sonetti e Canzonї.

3) De partu Virginis, поэма въ трехъ пѣсняхъ, доставившая Саннaзару прозваніе Христіанскаго Виргилія. Поэтъ писалъ ее двадцать лѣтъ, безпрерывно исправляя, подъ строгимъ критическимъ окомъ какого-то современнаго аристарха Подерика, который, испортивъ превосходное созданіе Саннaзара излишнею обработанностію, по крайней мѣрѣ, этимъ путемъ, достигъ незавиднаго безсмертія.

4) Eclogae V.

5) Salices et lamentatio de morte Christi и

6) Эпиграмы. Не во всѣхъ однакоже изданіяхъ можно найти полное собраніе его эпиграмъ; нѣкоторыя были пропускаемы издателями изъ уваженія къ Папамъ, изъ коихъ къ Александру VI Саннaзаръ питалъ непримиримую ненависть за паденіе Аррагонскаго дома, въ чемъ Папа принималъ дѣятельное и, къ сожалѣнію, дѣйствительное участіе. — Вообще должно замѣтить, что Латинскія

сочиненія Санназара гораздо выше Италіянскихъ. Вотъ прелестная эпиграма его къ Венеціи:

Viderat Adriacis Venetum Neptunus in undis
Stare Urbem, et toti ponere jura mari.
Nunc mihi Tarpeias quantumuis Jupiter arces
Objice, et illa tui moenia Martis, ait.
Si Tyberim pelago praefers, Urbem aspice utramque,
Illam homines dices, hanc posuisse Deos.

ДОМЕНИКИНО

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ 5-го Декабря 1851 года.

Ценсоръ *А. Фрейгангъ.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Доменикино въ Римѣ.

ДОМЕНИКИНО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

КАРДИНАЛЪ ПЕРЕТТИ, протекторъ церкви Святаго Андрея della Valle,

ПРІОРЪ той же церкви.

ДОНЪ ГРИМАЛЬДИ, посолъ Неаполитанскаго правителя.

КАРАЧЧИ, АННИБАЛЪ
АНТОНІО КАРАЧЧИ,
ГВИДО РЕНИ,
ФР. АЛЬБАНИ,
НИКОЛАЙ ПУССЕНЪ,
ДОМЕНИКО ФЕТИ,
ПІЕДРО БЕРЕТИНИ-ДА-КОРТОНА,
ФР. БАРБІЕРИ, ГВЕРЧИНО,
ФР. ПЕРІЕРО, — Художники.

ДЖОВАНИ ДОМЕНИКО ЗАМПІЕРИ, прозванный ДОМЕНИКИНО художникъ.

ЧЕЧИЛІЯ, жена его.

АНТОНІО,
КІАРА, — его дѣти.

ЛОРЕНЦО, его племянникъ.

ФРАНЧЕСКО ЛАНФРАНКО, художникъ.

КІАРА, жена его.

ГВАЛЬДИ, художникъ.

АНТОНІЯ, жена Гвальди, двоюродная сестра Кіары.

МОНАХЪ, ключарь въ церки San Gregorio in Monte Celio.

МОНАХЪ, ключарь церкви di San Girolamo della Carità.

АЛЛЕГРИ, пѣвчій папской капеллы.

РИМЛЯНКА.

СЫНЪ ея.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Гости на свадьбѣ, народъ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Паперть церкви San Gregorio in Monte Celio. Солнце восходитъ.

—

ДОМЕНИКИНО ЗАМПІЕРИ и МОНАХЪ КЛЮЧАРЬ.

МОНАХЪ. Ого! Ты здѣсь уже, съ восходомъ солнца.

ЗАМПІЕРИ. Съ полуночи я жду людей и солнца.
Сегодня освящается притворъ,
А тамъ моя работа.

МОНАХЪ. Гвидо Рени
Не приходилъ еще? Его работа
Понравится; онъ въ славѣ; но и ты
Похвастать можешь «Муками Андрея...»

ЗАМПІЕРИ. Похвастать!

МОНАХЪ. Да, отличная картина!
Что за нее тебѣ назначилъ пріоръ?

ЗАМПІЕРИ. Я по условью тяжкому работалъ.
Художники сегодня соберутся
Оцѣнятъ украшенья и картину;
По ихъ суду произведутъ уплату.
Я долженъ былъ на это согласиться,
По бѣдности. Дешевую награду

Готовятъ мнѣ художники; я знаю,
Но что же дѣлать? Злоба цѣнитъ ложно.
Богъ съ ними!

МОНАХЪ. Прежде времени мой другъ
Ты не ропщи. Достоинство труда
Скрыть не легко... Народъ зашевелился,
Мнѣ надо церковь отпирать. Прости!

—

ДОМЕНИКИНО, и толпа народа, постепенно прибывающая, проходитъ въ церковь.

ЗАМПІЕРИ. Идутъ, бѣгутъ! Во всякомъ человѣкѣ
Я вижу моего судью; безстрашно
Жду приговора. Я трудился честно!

НАРОДЪ. Открыта церковь?—Нѣтъ еще.—Открыта!
Вотъ кардиналъ пріѣхалъ. — Вотъ Караччи!
Больнаго принесли въ носилкахъ. — Слышишь,
Органы заиграли ..— Литургія. —
Скорѣй, скорѣй, а то стѣснятъ насъ! — Что же
Тамъ новаго? — Картина Гвидо Рени. —
И только? — Только! Прочія картины
Не важныхъ мастеровъ.

ЗАМПІЕРИ. О Боже, Боже!
Я этого никакъ не ожидалъ;
Мой приговоръ давно ужъ приготовленъ.

ВЪ НАРОДѢ. А все изъ скупости! Такую церковь
Посредственнымъ художникамъ даютъ
Расписывать и украшать, чтобъ меньше
Платить имъ за труды!..

ЗАМПІЕРИ. Судьба Зампіери —
Посредственность! О, стоитъ ли страдать,
Любить неблагодарное искуство?
Я — червь между художниками!

ВЪ НАРОДѢ. Жарко.
Боюсь не простудиться-бъ въ церкви.—Чтó ты?
Тамъ Гвидо Рени есть, онъ насъ согрѣетъ.—
Одна картина? — То-то и досадно!
У насъ теперь такія чудеса,
За старостью Караччи, стали рѣдки.

ЗАМПІЕРИ. Слѣпые судьи! я прощаю вамъ.
Но ты, пристрастная столица славы,
Ты моего присутствія не стоишь!
Я жаждалъ чистой славы отъ тебя,
А не вѣнца однихъ предубѣжденій.
Прости! Твой судъ — ребяческій урокъ,
Затверженный съ учительской тетради! *(уходитъ)*.

—

ЛАНФРАНКО, АНТОНІО КАРАЧЧИ и нѣсколько молодыхъ художниковъ; **ГВИДО РЕНИ, АЛЬБАНИ** съ нѣкоторыми; **НИКОЛАЙ ПУССЕНЪ,** особнякомъ; народъ болѣе и болѣе прибываетъ въ церковь.

ЛАНФРАНКО. Ручаюсь, что «Мученія Андрея»
Не лучше прежнихъ подвиговъ Зампіери.
Я удивляюсь Аннибалу. Люди
Не слѣпы. Вкусъ одинъ. Уже не мало
Напачкалъ онъ по милости Караччи!
Не стыдно ли такому живописцу,
Главѣ художниковъ италіянскихъ,
О комъ гремитъ стоустая молва,
Какъ о владыкѣ нашего искуства,
Быть покровителемъ — кого жъ? — Зампіери.

АНТОНІО. Неужели ты думаешь, Ланфранко,
Что эти похвалы не шутка!

ЛАНФРАНКО. Шутка!
Но эта шутка многимъ стóитъ денегъ.
Вотъ и теперь опять работы въ церкви,

Всѣ внутреннія украшенья, фреску
Огромную, ему же поручили!
Увидите, какъ вяло, какъ ничтожно
Исполнилъ онъ предметъ великолѣпный...

ПУССЕНЪ. Такъ вы ужъ видѣли картину?

ЛАНФРАНКО. Нѣтъ.
Но я давно уже Зампіери знаю
И снова мнѣ его не узнавать;
И нечего, признаться, узнавать!
Мнѣ больно за искуство; скоро дѣти
Весь Римъ раскрасятъ дѣтскими руками,
А мы, изъ снисхожденія, изъ шутки,
Ихъ пестрымъ пятнамъ будемъ удивляться.

АЛЬБАНИ. Оставь въ покоѣ бѣднаго Зампіери,
Онъ хлѣба у тебя не отнимаетъ;
Пускай себѣ онъ пишетъ какъ умѣетъ;
А ты пиши свое!

ГВИДО РЕНИ. Искуство честно!
Его плохой художникъ не уронитъ,
Но уронить себя художникъ можетъ,
Когда посредственность его тревожитъ.

АНТОНІО. Нравоученіе! Ему пріятно
Соперникомъ имѣть Доменикина.
Надъ безталаннымъ не трудна побѣда!

ЛАНФРАНКО, (*тихо*).
Оставь его, Антоніо! Онъ — щеголь,
Не только въ шутовскомъ своемъ нарядѣ,
Но и въ рѣчахъ.

АНТОНІО. Насильно остроуменъ!

ЛАНФ: Мы здѣсь не для публичныхъ словопреній;
Насъ позвали на судъ.

АНТОНІО. Судить бездѣлье.

ЛАНФРАНКО, (*тихо*).
Антоніо, мстить должно не словами!

—

ГВИДО РЕНИ, АЛЬБАНИ, ПУССЕНЪ, и нѣкоторые другіе.

АЛЬБАНИ. Завистники! Мнѣ жаль Доменикина;
Прекрасный, благородный человѣкъ!

ГВИДО РЕНИ. Я это испыталъ въ моей работѣ.
Онъ дружески старался мнѣ помочь,
И облегчалъ всѣ неудобства фрески;
А отъ него зависѣла прислуга,
Работники, матеріалъ, лѣса;
Онъ былъ и архитекторомъ притвора.
Не спорю, благородный человѣкъ,
Но, согласись, таланта въ немъ не много.

АЛЬБАНИ, (*уходя въ церковь*).
Да всё однако же онъ не послѣдній!

—

ПУССЕНЪ, (одинъ).

Кто этотъ бѣдный Доминикъ Замніери?
Но чтó-то слишкомъ много говорятъ
Объ этомъ безталантномъ человѣкѣ...
Неужели и въ Римѣ какъ въ Парижѣ? (*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Преддверіе церкви San Gregorio.

—

НАРОДЪ расходится; въ толпѣ **ХУДОЖНИКИ** предъидущаго явленія.

АЛЬБАНИ. Сто пятьдесятъ цекиновъ! Бога ради!
Хотя-бъ онъ ничего не дѣлалъ; время
Одно дороже...

Ланфранко. Пусть бы башмаки
Работалъ. Это ремесло Зампіери
И по способностямъ, и по рожденью,
Приличнѣе. Онъ въ живописи — волъ;
Онъ долженъ насъ еще благодарить,
Что мы позволили его работѣ
Живой остаться.

Антоніо. Противъ Гвидо Рени
Ему бы совѣсть запрещать должна
Работать.

Ланфранко. Ты, Альбанъ, по тѣсной дружбѣ,
По бѣдности, жалѣешь Доменика.
Намъ до его семейныхъ чувствъ и качествъ
Нѣтъ дѣла. Мы должны судить работу.
Къ несчастію, онъ тутъ еще бѣднѣе...
Ты согласись: картину Гвидо Рени
Въ четыреста цекиновъ оцѣнили;
Неужели работа Доменика
Того же стоитъ?

Альбани. Но по-крайней-мѣрѣ...

Ланфранко. Альбанъ, мнѣ стыдно за тебя! Народъ
Насъ слушаетъ и ловитъ наши рѣчи,
И въ правила тѣ рѣчи обращаетъ.
Художникъ долженъ быть въ сужденьяхъ строгимъ...
Преслѣдовать посредственность... и вкусомъ
Незнающихъ руководить насильно...

—

Тѣ же и Аннибалъ Караччи, на носилкахъ.

Анн: Кар: Ланфранко!..Есть потомство! Эта зависть
На памяти твоей, какъ рана, ляжетъ.
Пока потопъ, иль преставленье свѣта
Не уничтожитъ памяти Зампьери,
До той поры, на каждомъ лоскуткѣ,

Рукой страдальца освященномъ, люди
Враговъ его съ презрѣніемъ вспомянутъ!
Я старъ и слабъ; сегодня или завтра
Я буду на другихъ уже носилкахъ;
Я много сдѣлалъ, много нажилъ славы.
Я не имѣлъ соперниковъ донынѣ,
Но если-бъ я былъ къ зависти способенъ, —
Какъ ты, преслѣдовалъ бы Доменика.
Вы думаете, слово вашихъ устъ —
И всѣ безпрекословно вамъ повѣрятъ?
Вы правила сложить хотите чувству!
Напрасно! Если есть сужденье въ мірѣ,
Такъ только — въ сердцѣ человѣка.

ПУССЕНЪ. Браво!
Вотъ истинный художникъ! Браво! Браво!

АННИВ: КАРАЧЧИ. Вы трудъ Доменикина оцѣнили?
Нашли ошибки? Радуйтесь! Ошибки
Въ Доменикинѣ рѣдкость. Можетъ-быть
Коварство ваше было ихъ причиной;
Быть-можетъ, очи, красныя отъ слезъ
Въ трудѣ его участье принимали.
Сквозь слезы, вся природа невѣрна!

ЛАНФРАНКО. Мы судъ произносили по сравненью.
Въ картинѣ Гвидо видѣнъ зрѣлый геній,
Учитель; а въ картинѣ Доменика
Мы видѣли ученика...

АННИВАЛЪ КАРАЧЧИ. О, нѣтъ, Ланфранко!
По-моему здѣсь *вашъ учитель ниже*
Ученика.

АНТОНІО. Быть-можетъ; всѣ однако жъ
Такъ согласились...

АННИВАЛЪ КАРАЧЧИ. Кто же эти всѣ?
Десятокъ вамъ подобныхъ крикуновъ

Составили общественное мнѣнье!
Не спорю, можно чистоту таланта
Осыпать пепломъ зависти и лжи;
Но геній — лебедь. Если на землѣ
Нечистый прахъ нечистой пылью ляжетъ
На бѣлизнѣ его широкихъ крылъ, —
Онъ въ безконечномъ морѣ окунется,
И снова чистъ; а прахъ все тотъ же прахъ.
Антоніо! отецъ твой Агостино
Не за посредственность любилъ Зампіери; —
А твой отецъ былъ человѣкъ великій!
Въ искуствахъ нѣтъ наслѣдственныхъ достоинствъ.
Пріобрѣти почетнѣйшее право
На славу, честь! Стань выше Доменика...
Хоть на равнѣ!.. и ты его полюбишь.
Всѣ согласились!.. Есть еще потомство.
Да и живой народъ еще молчитъ;
Теперь онъ вашимъ связанъ приговоромъ;
Но не пройдетъ недѣли, онъ объявитъ
Свое, уже общественное, мнѣнье...
Художникъ трудъ чужой лукаво цѣнитъ,
Его смущаетъ собственная слава,
Онъ даже мертвыхъ хвалитъ неохотно.
Писатель ложно съ умысломъ глядитъ,
Чтобы блеснуть своимъ умомъ и слогомъ;
А люди посторонніе свободны
Отъ, такъ сказать, ремесленныхъ страстей.
Они по чувству судятъ, вѣрятъ чувству,
И этотъ судъ — прямой и вѣрный судъ.
Друзья, не вамъ судить Доменикина!

ТЕ ЖЕ и МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА, съ десяти-лѣтнимъ ребенкомъ, въ ужасѣ выбѣгаетъ изъ храма.

Помилуй насъ, Пречистая Марія!

Спасите, христiане! Палачи
Убьютъ его! Смотрите, эти звѣри
Такъ бѣшено Святаго окружили!
Одинъ, какъ жадный тигръ, на старца смотритъ,
Держа въ рукахъ веревку роковую;
Другой, чтó силы есть, Святаго вяжетъ;
Тотъ размахнулся и готовъ ударить.
И чтó же? У Святаго ни слезинки...
Онъ устремилъ орлиный взоръ на небо...
Спокоенъ! Онъ ведетъ бесѣду съ Богомъ!
Гдѣ я? Гдѣ этотъ сонъ ужасный? Люди
Безмолвно смотрятъ на меня!.. Гдѣ я?
Неужели все это на картинѣ!

АННИБАЛЪ *(улыбаясь)*.
Ты видѣла картину? Въ томъ притворѣ
Ты незамѣтила другой картины?

ЖЕН: Видала что-то; только вскользь. Пойдемъ,
Посмотримъ! Я всю жизнь готова
И плакать и молиться въ этой церкви.

—

ТѢ ЖЕ, кромѣ женщины и ребенка.

АННИБАЛЪ. Ланфранко! кто достоинъ сожалѣнья?
Быть-можетъ судъ твой правиленъ, ученъ;
Ты можешь написать большую книгу
О всѣхъ ошибкахъ бѣднаго Замнiери,
Но въ эту книгу я не загляну.
Я къ этой женщинѣ пойду съ вопросомъ;
Она слезами истину мнѣ скажетъ.
Природа никогда не ошибется!

(Аннибала уносятъ, прочiе молча расходятся.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Внутренность дома Ланфранка.

—

КІАРА, одна, встаетъ въ задумчивости и беретъ молитвенникъ.

Пора къ обѣднѣ. Для меня молитва
Единственнымъ осталась утѣшеньемъ,
Ахъ, если сердцу тяжело въ сей жизни,
Молись, чтобъ послѣ смерти было лучше!

—

КІАРА и ЛАНФРАНКО.

ЛАНФРАНКО, *(сухо.)*
День добрый, Кіара

КІАРА. Добрый день, Франческо.

ЛАНФРАНКО. Давно ты встала?

КІАРА. Не весьма. *(Хочетъ идти).*

ЛАНФРАНКО. Куда?

КІАРА. Къ обѣднѣ.

ЛАНФРАНКО. Нѣтъ, жена! Нельзя сегодня.
Ты мнѣ нужна.

КІАРА. Я матери моей
Дала обѣтъ не пропускать обѣдни...

ЛАНФРАНКО. Теперь я господинъ твоихъ желаній,

КІАРА, *(съ гордой улыбкой).*
По праву сильнаго? Но это право
Не для меня написано, Франческо!
Мы прежде познакомиться должны,
Взаимныя измѣрить наши силы,
Узнать кому изъ насъ повелѣвать,
Кому повиноваться?.. До свиданья!

—

Ланфранко. Какой языкъ!.. Не можетъ быть, она
Все знаетъ!.. Сонъ, предчувствіе, самъ дьяволъ...
Но кто-нибудь открылъ ей нашу тайну...
О жизнь! Не достаетъ одной побѣды,
И монастырь насъ разлучилъ бы, Кіара...
От ъ раннихъ лѣтъ, невидимой рукой
Меня вело ко славѣ Провидѣнье!
Какъ Снкстъ, я вѣрилъ въ горнее призванье!
Казалось мнѣ, со временемъ я стану
На высшей степени богатствъ и славы,
И цѣлый міръ, на диво человѣку,
Сожму въ одно мое произведенье.
Не разъ, вися подъ куполомъ святыни,
Я съ небомъ спорилъ въ блескѣ и красѣ,
И, кистью вдохновенной управляя,
Безтрепетно, сквозь окна мрачной церкви,
Смотрѣлъ, не собирается ли буря.
Я кистью молніо хотѣлъ поймать
И, лучшее творенье силъ небесныхъ,
Хотѣлъ умомъ украсить человѣка
И ужасъ навести на человѣка...
Одинъ Караччи, геніемъ своимъ,
Смущалъ мои любимыя надежды.
Я въ немъ врага единственнаго видѣлъ.
По воспитанью или по привычкѣ,
Я только славу мертвыхъ уважалъ,
Я только имъ великое прощалъ...
За то въ живыхъ я славу ненавидѣлъ!
Къ несчастію, когда пришелъ я въ Римъ,
Ужъ Аннибалъ былъ такъ могущъ; другіе
Не наводили страха на меня.
Ужъ Караваджіо, въ глазахъ народа,
Разрушилъ славу Чезари д'Арпино.
Убійство изгнало его изъ Рима;

Онъ никогда не можетъ возвратиться.
Я видѣлъ въ Гвидо Рени щегольство,
Изысканную грацію, кокетство;
Въ Альбанѣ видѣлъ приторную сладость,
Расчетливость небойкаго ума;
Пророча смерть сѣдому Аннибалу,
Я съ геніемъ его мириться началъ,
И, въ тмѣ враговъ соперника не видя,
Я по возможности почти былъ счастливъ.
Уже въ душѣ моей носился образъ
Главы художниковъ, главы искуства.
Не разъ во снѣ, въ регаліяхъ моихъ,
Я плылъ надъ міромъ, и на этомъ мірѣ
Безчисленнѣе звѣздъ сіяли очи
Огнемъ завистливаго удивленья...
И только очи! Я былъ ихъ предметомъ.
И кто жъ разбилъ великолѣпный сонъ?
Ремесленникъ, башмачникъ!..

—

ЛАНФРАНКО и АНТОНІО КАРАЧЧИ.

АНТОНІО. Что, Ланфранко?
Гдѣ дума ходитъ? Я весь Римъ обѣгалъ,
Былъ у семи свѣтлѣйшихъ кардиналовъ;
Всѣ говорятъ о фрескахъ Замніери
И Гвидо Рени.

ЛАНФРАНКО. Скоро перестанутъ.
Антоніо!.. Низвергнемъ самозванца!

АНТОНІО. Интрига—жизнь моя. Нѣтъ въ цѣломъ Римѣ
Замужней женщины, вдовы, дѣвицы,
Мнѣ незнакомой. Всѣмъ — война иль миръ!
Жаль, что Замніери не женатъ. Рафаэль
Былъ также холостъ. А Доменикина
Съ Рафаэлемъ равняетъ Доротея,

Прекрасная сестра двухъ кардиналовъ,
Племянница каноника Боргезе.
Я голову отдамъ, что скоро папа
Въ племянницы пожалуетъ ее.
Умна, плутовка! Да!.. Тебя, Ланфранко,
Она зоветъ горячимъ Буонаротти.
Я съ ней во всемъ безъ спора согласился.

ЛАНФРАНКО. Антоніо, я не снесу насмѣшекъ.

АНТОНІО. А шутку? Неужели ты повѣрилъ,
Что отъ души я съ нею согласился?
О, нѣтъ! Когда припомню я Зампіери,
Его усилья, вялыя труды,
Искательства, умышленную скромность,
Видъ мученика зависти и злобы...
Мнѣ даже не досадно, а смѣшно!
Чему завидовать?..

ЛАНФРАНКО. И эти рѣчи
Ты говоришь по убѣжденью сердца?

АНТОНІО, (*улыбаясь*).
Нѣтъ, притворяюсь! Мщу Доменикину
За горькую обиду! Ненавижу
За славу, за любовь прекрасной дѣвы?
О, сохрани меня, святой Антоній!
Я не люблю его, какъ ты, — и только...
Такъ, просто безъ причинъ, и безъ страданій,
Какъ мы не любимъ холода, воды,
Посредственныхъ стиховъ и безобразья.
А главное, мнѣ въ тягость разговоры.
Нѣтъ отдыха отъ безтолковыхъ преній.
Пріидешь ли въ домъ какого кардинала,
Вопросъ въ дверяхъ: «Ну, что Доменикино?»
— Всё-также плохъ, свѣтлѣйшій кардиналъ! —
Пріидешь къ синьорѣ; здѣсь бы о другомъ

Хотѣлъ поговорить... Не тутъ-то было!
«Чтó вашъ Доменикино?» — Плохъ, синьора. —
Но тамъ еще я говорить могу;
А съ дядей, вотъ бѣда! Не смѣй ни словомъ,
Ни взоромъ, ни намѣкомъ, горькой правды
Насчетъ Доменикина обнаружить.

ЛАНФРАНКО. Я полное тебѣ на то дамъ право.

АНТОНІО. Какое право? Если онъ влюбленъ,
Пожалуйста скажи, кто эта дѣва?
Не выходя изъ комнаты твоей
Я вспыхну пламенемъ кипящей страсти.
Любовь хоть неизящное искуство,
Однако-жъ всё искуство. Въ два, три дня,
Клянусь, я отобью его синьору...

ЛАНФ: Жаль, что не прежде ты сказалъ объ этомъ!
Онъ былъ влюбленъ. Дай Богъ, чтобъ и теперь
Пылало въ немъ убійственное чувство.
Но если оно угасло... горе!
Я погубилъ ее безъ всякой пользы.

АНТОНІО. Кого ты погубилъ?

ЛАНФРАНКО. Его синьору!

АНТОНІО. Ланфранко, это новость для меня!

ЛАНФРАНКО, *(про себя).*
Какую тайну уронилъ, безумецъ!..
Поднять нельзя; концы въ его рукахъ...
(громко).
Антоніо! могу ли въ грудь твою
Излить мою единственную тайну?..
Она важна, она страшна для дружбы...

АНТОНІО. Клянусь тебѣ, что эта тайна будетъ
Мрачна, темна, невѣдома, какъ день
Назначенный для преставленья свѣта;
А больше тайны въ мірѣ я не знаю.

ЛАНФРАНКО. Ты былъ въ Фраскати?
АНТОНІО. Сколько разъ.
ЛАНФРАНКО. Ты слышалъ
О старомъ Чени?
АНТОНІО. Знаю.
ЛАНФРАНКО. Этотъ Чени
Имѣлъ одну единственную дочь,
Красавицу въ обширномъ смыслѣ слова;
По бѣдности и гордости своей
Онъ назначалъ ее тому въ замужество,
Кто свѣтлый санъ соединитъ съ богатствомъ.
Сначала было жениховъ довольно.
Доменикинъ вмѣшался между нихъ.
АНТОНІО. Женихъ богатый, нечего сказать...
О, это любопытно!.. Дальше, дальше!
ЛАНФР: Когда бъ я могъ всю повѣсть вдругъ сказать,
Антоніо, клянусь, ты-бъ не смѣялся!
Но слушай далѣе! Доменикино,
Какъ въ живописи, гордъ, самоувѣренъ,
Такъ и въ любви. Онъ сдѣлалъ предложенье;
Родители естественно съ насмѣшкой
Безумцу отказали. Но любовь
Осталась въ немъ. Подобно Рафаэлю,
Онъ страсть свою хотѣлъ увѣковѣчить
И на одной стѣнѣ, въ Grotta Ferrata,
Въ мужской одеждѣ написалъ портретъ
Прелестной дочери сѣдаго Чени.
Я поспѣшилъ увѣдомить о томъ
Старуху матерь. Буря поднялась.
Старушка жаловалась кардиналу;
Отецъ правительству.
АНТОНІО. А дочь?
ЛАНФРАНКО. Не знаю.

Но знаю только то, что Доменикъ
Своимъ поступкомъ столько былъ испуганъ,
Что позабылъ о платѣ и работѣ,
И ночью въ Римъ бѣжалъ пѣшкомъ.

АНТОНІО. И только?

ЛАНФ: О, если-бъ только! Отъ прелестной дѣвы,
А болѣе отъ гордаго отца
Всѣ женихи скрывались постепенно,
И наконецъ домъ Чени опустѣлъ.
Дочь доцвѣтала. Вмѣсто жениховъ
Осталась нищета; и гордый Чени
Неразъ, сѣдую голову склонивъ,
Невольно вспоминалъ Доменикина.
Я не любилъ прославленной певѣсты.
Но счастіе, но радость дать врагу...
Антоніо, ты какъ бы поступилъ?

АНТОНІО. Неужели ты самъ на ней женился!

ЛАНФРАНКО. Ты угадалъ.

АНТОНІО. И ты не любишь Кіары?

ЛАНФРАНКО. Антоніо, я Кіару ненавижу.

АНТОНІО. А ты ей милъ, Ланфранко?

ЛАНФРАНКО. Я ей милъ,
Какъ заключенному тюремщикъ.

АНТОНІО. Правду
Ты говорилъ! Тутъ чортъ не засмѣется...
Я не хотѣлъ бы быть твоимъ врагомъ.
Однако жъ ты былъ слишкомъ опрометчивъ.
Что если страсть Замміери миновалась?

ЛАНФРАНКО. Антоніо! Не говори объ этомъ.
Я часто оставляю кисть мою,
Съ конца столицы къ дому прибѣгаю,
Гляжу, не видно-ли Доменикина,

Не смотритъ-ли въ окно моей жены?..
Нерѣдко вслѣдъ за ней въ чужой одеждѣ
Иду къ обѣднѣ... Нѣтъ Доменикина!

АНТОНІО. Да знаетъ ли онъ о твоемъ поступкѣ?

ЛАНФРАНКО. Я самъ его увѣдомилъ объ этомъ
Въ Фарнезской Галлереѣ.

АНТОНІО. Чтó же онъ?

ЛАНФРАНКО. Лукаво улыбнулся.

АНТОНІО. Улыбнулся?
Ну, онъ ея уже не любитъ.

ЛАНФРАНКО. Любитъ!
Антоніо! Не разрушай надежды!

АНТОНІО. Ланфранко, ты умѣешь такъ любить
Какъ ненавидѣть?.. Даже слушать страшно!

ЛАНФРАНКО. Я слишкомъ полюбилъ мое искуство, —
И ненависть простительна во мнѣ
Антоніо, не быть тебѣ великимъ!
Посредственность дерзка или хитра.
Есть случаи, когда съ поддѣльнымъ жаромъ
Въ толпѣ невѣждъ витійствуетъ она.
Есть случаи, когда свернувшись въ кольца,
Едва примѣтная на темномъ прахѣ,
Она ползетъ безвреднымъ насѣкомымъ,
И видъ змѣи старательно скрываетъ.
Не нашъ-ли долгъ спасать невѣждъ невинныхъ,
Преслѣдовать ее съ самозабвеньемъ,
Обманъ и ложь безъ страха обличать?
Вотъ напримѣръ, назадъ тому съ недѣлю,
Ходили мы смотрѣть его картину...

АНТОНІО. Какую?

ЛАНФРАНКО. Причащенье Еронима.

АНТОНІО. А помню, помню. Ну!

ЛАНФРАНКО. Никто не зналъ,
Что это копія съ давно извѣстной
Прославленной картины Агостина;
А онъ укралъ и выдалъ за своё.

АНТОНІО. У моего отца! Помилуй, другъ мой,
И ты молчишь? Вѣдь Агостинъ Караччи
Тебѣ учитель...

ЛАНФРАНКО. А тебѣ отецъ.

АНТОНІО. Ты правду говоришь. Я все исполню,
Что мнѣ велятъ сыновній долгъ и совѣсть.
Я завтра же въ Болонію поѣду,
И копію спишу...

ЛАНФРАНКО. Напрасно, другъ мой!
Въ Болонію тебѣ не нужно ѣхать.
Мой ученикъ Франческо Періеро
Недавно изъ Болоніи пріѣхалъ;
Не знаю, случай или голосъ неба
Внушилъ ему картину Агостино
На мѣдь перевести. Она готова;
Сегодня выйдетъ въ свѣтъ. И такъ, Караччи,
Въ Болонію тебѣ не нужно ѣхать;
Ты долженъ только помогать Періеро
Въ Италіи ее распространить!
Заставь знакомыхъ женщинъ, меценатовъ,
Кричать о похищеніи Замніери;
Гравюра подтвердитъ твои слова.
Не ловко мнѣ вмѣшаться въ это дѣло;
И такъ меня завистникомъ зовутъ...
А я умѣлъ бы...

АНТОНІО. О, не безпокойся!
За честь отца и я отмстить съумѣю.
День неугаснетъ, о поступкѣ низкомъ
Римъ въ трубы затрубитъ. Прощай, Ланфранко!

—

ЛАНФРАНКО (одинъ).

Удача за удачей! Неужели
Богъ далъ ему терпѣнье въ равной мѣрѣ
Съ его талантомъ? Нѣтъ. Удары вѣрны...
Чтó, если-бъ я не зналъ, что воздухъ нѣмъ?..
Я никогда-бъ не смѣлъ уединяться.
Теперь спокойнѣе приймусь за дѣло;
День не потерянъ...

—

ЛАНФРАНКО и КІАРА.

КІАРА. Нѣтъ его.

ЛАНФРАНКО. Кого?

КІАРА. Антоніо. Я видѣла его,
Онъ шелъ къ тебѣ,

ЛАНФРАНКО. Давно ушелъ домой.

КІАРА. Не знаетъ онъ объ новости печальной.

ЛАНФРАНКО. А что такое?

КІАРА. Аннибалъ скончался.

ЛАНФРАНКО *(совершенно измѣнясь въ лицѣ, съ возрастающимъ жаромъ)*.

Чтó? Аннибалъ скончался! Совершилось!
И ангелы теперь не отвратятъ
Всесильныхъ стрѣлъ напитанныхъ отравой!
Лобзай меня мучительная слава!
Красуйся вѣчно-юная вдова!
Такъ! надъ его прославленной могилой
Насъ обвѣнчаетъ шумная молва.
Воскреснетъ все, чтó было сердцу мило,
Воскреснетъ все, чтó сердце тяготило:
Вдова Караччи, ты моя жена!

КІАРА *(съ ужасомъ прислушиваясь и приближаясь)*.

Святой Бартоломео! Онъ ужасенъ!..

ЛАНФРАНКО. Теперь конецъ попыткамъ! Все — мое!
Теперь я Апполонъ, Зевъ искуства,
Я — все! О, не на мнѣ ль въ тоскѣ и грусти
Людей просящія зажгутся очи!
Что я имъ дамъ, то будетъ даръ и милость!
Чего не дамъ — опала и презрѣнье!

КІАРА. О, богохульникъ!

ЛАНФРАНКО. Доменикъ Зампіери,
Теперь ты презирать меня не будешь!
Возвысься, если можешь, докажи,
Что геній есть свободная стихія.
Нѣтъ, я Нептунъ на этомъ океанѣ!
Общественное мнѣнье — мой трезубецъ!

КІАРА. Что́ слышу, Боже! Молнія блеснула!

ЛАНФ: Нѣтъ, ты прійдешь, ты приползешь ко мнѣ,
Какъ мѣлкій червь сожмешься предъ Ланфранко!
Нѣтъ! мало, мало, жмись до ничего...
Не то, на нѣжные твои суставы
Я наступлю безчувственной ногой!
Изъ подъ ноги услышу пискъ...

КІАРА. (*схвативъ его за руку*).
Проклятье!

ЛАНФРАНКО. А! Это ты, та пламенная Кіара,
Предметъ его заботъ, его восторговъ?
Я радъ бы выбросить тебя изъ міра!..
Для казни Доминика Зампіери
Ты больше не нужна...

КІАРА. А для твоей?

ЛАНФРАНКО. За моего врага?

КІАРА. За жениха!

ЛАНФРАНКО. Но ты моя жена. .

КІАРА. Его невѣста!

ЛАНФРАНКО. Ты любишь Доминика?..

КІАРА. Обожаю!

ЛАНФРАНКО. Ты смѣешь?

КІАРА. Да, Франческо, смѣю больше!
Любить его и ненавидѣть мужа.

ЛАНФРАНКО. Преступница!

КІАРА. Что̀, если это правда?
Что̀, если сны волшебнаго Фраскати
Осуществятся?

ЛАНФРАНКО. Кіара, что̀ съ тобою!

КІАРА. Ты снялъ личину, я свою снимаю.
Единую носило сердце тайну;
Твоя такая-жъ тайна. Слава Богу,
Мы размѣнялись. Можетъ-быть, еще
Не поздно возвратить Доменикину
Что̀ у него разбойникъ похищаетъ.

ЛАНФРАНКО *(схвативъ ее)*.
А, если такъ, змѣя, ты мнѣ нужна!
За мной!

КІАРА *(вырываясь)*.
Спасите!

ЛАНФРАНКО. Твой Доменикино
Не прибѣжитъ спасать свою невѣсту.
Онъ знаетъ силу яда и кинжала.
Ты на покоѣ, въ этой темной кельѣ,
Молись о немъ! Сюда, за мной... есть мѣсто,
Гдѣ страсть и ненависть равно безсильны.

(Уводитъ ее въ комнату).

КІАРА. Спасите, ради неба, помогите!

ЛАНФРАНКО. Ступай, ступай!

ЛАНФРАНКО (одинъ).

Теперь я безопасенъ
Отъ бѣшеной жены; а Доменика
Мы выживемъ изъ Рима иль со свѣта.

ГОЛОСЪ КІАРЫ. Я слышу все Франческо!

ЛАНФРАНКО. Слушай, слушай!
Я скоро доскажу тебѣ всю повѣсть,
И, если нужно, новую начну
Короткую, кровавую новеллу.
А ты — пока люби Доменикина! *(уходитъ).*

ГОЛОСЪ КІАРЫ. Его люблю, тебя—я проклинаю!

—

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Чердакъ церковнаго дома di San Girolamo della Carità. Впереди лѣстница, справа и въ углубленіи два полуокна. Множество разной посуды, рухляди, между прочимъ и картинъ, въ безпорядкѣ.

—

МОНАХЪ КЛЮЧАРЬ и НИКОЛАЙ ПУССЕНЪ.

МОНАХЪ *(на лѣстницѣ).*
Ступай, пожалуй! Только ничего
Ты не найдешь. Каноникъ самъ не знаетъ,
Что у меня на чердакѣ хранится.

ПУССЕНЪ. Да мы сюда съ каноникомъ ходили!
Я здѣсь прекрасную картину видѣлъ,
Да не хотѣлъ ему сказать. Позволь
Мнѣ тайно копію съ нея списать.

МОНАХЪ. Чудакъ ты, право, молодой художникъ,
Его святѣйшество нашъ Павелъ Пятый
Открылъ для иностранцевъ Ватиканъ,
А ты, по монастырскимъ чердакамъ,
Оригиналовъ ищешь. Рафаэль

Тебѣ не угодилъ. По-мнѣ картины
И въ церковь не носи. Глаза и мысли
Отдѣлкой занимаются картины...

ПУССЕНЪ. Все такъ! Но ты, не правда ли, позволишь
Ходить на твой чердакъ съ моей палитрой
И у того полу-окна работать?

МОНАХЪ. Пожалуй.

ПУССЕНЪ. Я сегодня же начну,
Сейчасъ, сію-минуту; все со мною.

МОНАХЪ. Да о какой картинѣ ты хлопочешь?

ПУССЕНЪ. Вонъ тамъ, въ углу, ты видишь, на холстѣ
Живые люди...

МОНАХЪ. Ничего не вижу;
Отъ старости ослѣпъ. А, знаю, знаю!
Неужели понравился тебѣ
Іеронимъ? А! это мой любимецъ!

ПУССЕНЪ *(устроиваясь для работы около картины).*
Да! если разумомъ любить искуство,
А не однимъ влеченьемъ безотчетнымъ...
Такихъ картинъ не много въ Ватиканѣ (*).

МОНАХЪ. И полно, полно; это богохульство...

ПУССЕНЪ. Я не шучу. Скажи, какъ этотъ образъ
Попалъ на твой чердакъ?

МОНАХЪ. Да нашъ каноникъ
За что, не знаю, любитъ живописца,
Который этотъ образъ малевалъ.
Онъ, знаешь, бѣденъ, наша церковь также;
Вотъ мы ему и заказали образъ
Для нашего большаго алтаря...
Не дорого, за пятьдесятъ цекиновъ.

ПУССЕНЪ *(вскочивъ).*
За пятьдесятъ цекиновъ!

МОНАХЪ. Не дивись!
Когда къ намъ принесли его, — каноникъ
Послалъ на судъ художниковъ просить.
Весь умъ у нихъ, ты знаешь... Ну, пришли...
ПУССЕНЪ. И что жъ?
МОНАХЪ. Поспорили, и присудили
Отправить на чердакъ Іеронима,
Или отдать художнику, а въ церковь
Отнюдь его не ставить...
ПУССЕНЪ. Чтожъ каноникъ?
МОНАХЪ. Онъ пожалѣлъ художника, и деньги
Велѣлъ ему послать. Я отослалъ.
А образъ здѣсь, какъ самъ изволишь видѣть.
ПУССЕНЪ *(почти громко)*.
Идти-ли въ міръ, надеждами блестящій?
Отдать-ли все жестокосердымъ людямъ
И получить одну неблагодарность?
МОНАХЪ *(съ участіемъ)*.
О чемъ, любезный юноша, мечтаешь?
ПУССЕНЪ. О томъ, чего и ты, старикъ столѣтній,
Не разрѣшишь... О славѣ!
МОНАХЪ. Общій идолъ!
Хотя грѣшно мечтать о здѣшней славѣ;
Но если ты, во имя Божьей славы,
Желаешь чистыхъ подвиговъ и чести,
Благословенна мысль твоя! А если
Ты суетно себя прославить хочешь,
Да отъ людей пріимешь поклоненье, —
Не проклинаю, самъ я человѣкъ, —
Но Господа молю, да отвратитъ
Младое сердце отъ желаній грѣшныхъ.
Брось мысль о славѣ, а пиши для Бога!

—

ПУССЕНЪ (одинъ).

Старикъ, не ты, твой дряхлый возрастъ, мудръ.
Въ развалинахъ разрушеннаго древа
И въ движущемся трупѣ человѣка
Уже не духъ, а истина живетъ.
О, если бъ можно въ свѣжихъ, юныхъ лѣтахъ
Постигнуть Истину умомъ и сердцемъ!
И нашу жизнь, нечаянностей море,
Дѣйствительнымъ философомъ пройти!..
Что быть должно, то будетъ! За работу!
Изящное заставитъ позабыть,
О чемъ пустая жизнь напоминаетъ.

(Начинаетъ работать).

ПУССЕНЪ и ДОМЕНИКИНО ЗАМПІЕРИ.

ЗАМПІЕРИ. (*на лѣстницѣ*).
«Мой другъ! На чердакѣ твоя картина.
Ступай туда!» (*Облокотясь на перило*)
О сколько тутъ презрѣнья!
Великій Римъ, несправедливый Римъ,
Того-ли ждалъ я! (*заливается слезами*)
Плакать отъ безславья!
Стыдись Зампьери! Сердце широко...
Спрячь горе! Ночь пройдетъ, настанетъ утро!
Но обвиненье въ воровствѣ! Гравюру
Пускаютъ въ свѣтъ, когда въ ней нѣтъ картины!
Кто для повѣрки на чердакъ полѣзетъ?
Нѣтъ, я возьму ее отсюда силой!
Я принесу ее на паперть храма,
На площадь, въ Ватиканъ, предъ взоры папы...
Пускай рѣшаетъ Римъ!..
Стыдись Зампьери!
Оправдываться! Передъ кѣмъ?.. Всѣ люди

Твои враги, друзья — тебѣ враги;
Невѣста — врагъ... Единый Аннибалъ —
Твой утѣшитель... Все взяла могила!
Я, какъ мертвецъ, отверженный землей,
Хожу одинъ въ мильонахъ. Для меня
Нѣтъ похвалы, привѣтливой улыбки;
Нѣтъ голоса любви иль теплой дружбы...
Римъ для меня, что душная темница...

(Бросаясь на чердакъ).

Гдѣ ты, мой Іеронимъ? Прости на вѣки!
Что вижу? Іеронимъ мой у окна!
Предъ нимъ стоитъ какой-то чужеземецъ!
Повѣрить ли? Святый Январій, нѣтъ,
То отблескъ отъ картины!..

(Примѣтивъ холстъ съ началомъ очерка картины).

Нѣтъ! Спасите!
Опять предательство! Коварный умыслъ!

(Схвативъ Пуссена за руку),

Зачѣмъ вы здѣсь?.. Кто васъ привелъ сюда?
Кто указалъ вамъ бѣдное творенье,
Отверженное, презрѣнное всѣми?

ПУССЕНЪ (*стараясь отъ него освободиться*).
Дай отдохнуть отъ слезъ!

ЗАМПІЕРИ. Какія слезы?

ПУССЕНЪ (*съ досадой*).
Стань передъ этимъ чудомъ совершенства!
Въ мгновенье, ты устанешь отъ восторга.
Подъ бременемъ невольныхъ размышленій
Твой умъ себя почувствуетъ умнѣе;
Вліяніемъ очей твоихъ ничтожныхъ
Заговорятъ, задышатъ эти люди...
Чердакъ еще не адъ, и этотъ образъ

Пойдетъ къ Преображенью, въ Ватиканъ,
И будутъ два вѣнца въ одномъ искуствѣ.

ЗАМПЕРИ. Изъ состраданья замолчи, мучитель!
О, юноша, насмѣшка грѣхъ!

ПУССЕНЪ. Смертельный!

ЗАМПЕРИ *(сильно схвативъ его за руку).*
Зачѣмъ же эти страшныя слова?
Зачѣмъ же эта копія!

ПУССЕНЪ. Учусь!..
Какая мысль! Онъ въ Римѣ. Онъ укажетъ,
Какъ должно мнѣ учиться, какъ писать
Его великое произведенье!
Чего я медлю? Можетъ-быть, враги
Великаго творца Іеронима
Преслѣдуютъ, какъ самое творенье...
Клянусь, я отомщу его!
(Вырываясь изъ рукъ Зампіери).
Пустите! *(идетъ къ лѣстницѣ).*

ЗАМПЕРИ *(весь трепещетъ).*
Нѣтъ, эти чувства не обманъ, не хитрость!
Открыться ли? Сказать ли? Боже, Боже!
Мнѣ совѣстно, мнѣ стыдно, я горю...
Я счастливъ!.. Нѣтъ, художникъ, погодите,
Онъ здѣсь!..

ПУССЕНЪ *(остановясь).*
Кто здѣсь?

ЗАМПЕРИ. Доменикинъ Зампьери!

ПУСС: Возможно ли?.. Такъ этотъ дивный образъ..

ЗАМПЕРИ *(закрывая глаза).*
Мой! мой! Я самъ! Я Доминикъ Зампьери!

ПУССЕНЪ *(ставъ передъ нимъ на колѣни)*
О, дай же руку, творческую руку!

Позволь мнѣ цѣловать ее, позволь
Облить ее слезами удивленья!

ЗАМПІЕРИ. *(падая также на колѣни).*
О юноша! Теперь предъ тобою
Позволь упасть отверженному мужу!
Ты вѣстникъ счастья! Въ тридцать слишкомъ лѣтъ
Я въ первый разъ вкушаю сладость славы.
Благодарю, мой утѣшитель! Дай Богъ
На старости твою увидѣть славу
Но въ Ватиканѣ, не на чердакѣ! *(Обнимая Пуссена)*
Теперь позволь въ твоихъ объятіяхъ плакать!

ПУССЕНЪ. Плачь сладкими слезами! Эти слезы
Я соберу. Онѣ мои!

ЗАМПІЕРИ. Твои!
Слова отъ умиленья замираютъ...
Но сердце къ сердцу!.. Мы поймемъ другъ друга!

ИНТЕРМЕДІЯ.

Комната Чечиліи въ квартирѣ Доменикина въ Болоньѣ.

ЧЕЧИЛІЯ и ея ОТЕЦЪ.

ОТЕЦЪ. Всегда одна, Чечилія! Гдѣ мужъ?

ЧЕЧИЛІЯ. Всё въ новомъ домѣ. Я роптать не смѣю.
Онъ для меня купилъ его, украсилъ,
Распространилъ, ко всѣмъ моимъ удобствамъ
Съ заботливостью дѣтской примѣнился;
Въ саду — мои любимые цвѣты,
Предъ самой спальней для дѣтей — площадка,
Хозяйство — подъ рукой; я изъ окна

Могу за нимъ присматривать. Три двери:
Одна въ рабочую, другая къ дѣтямъ,
А третія на галлерею, въ садъ;
А галлерея — по всему хозяйству.
Мы будемъ неразлучны цѣлый день.
Онъ пишетъ... Всё съ меня!.. И я покойна;
Тѣнь ревности души не опечалитъ:
А для любви какой роскошный пиръ!..
О, мой отецъ, ты охладѣлъ къ восторгамъ!
Ты не былъ живописцемъ! Сколько страсти,
Роскошной нѣги, и причудъ восторга
Невыразимо новыхъ, въ мастерской!
Нерѣдко кисть и краски на полу;
Картина стынетъ медленно, а онъ
Ставъ на колѣни съ жаркихъ устъ моихъ
Пьетъ безконечный поцѣлуй...

ОТЕЦЪ *(съ улыбкой)*.

И трудъ
Идетъ успѣшно?

ЧЕЧИЛІЯ. Чтó намъ до труда?
О мой отецъ, благодарю тебя
За счастіе! Ты даровалъ мнѣ мужа
Съ небесною душой, съ небеснымъ нравомъ.
Въ его глазахъ, какъ небо голубыхъ
Умъ свѣтитъ. Нѣжныя его черты
Всегда сердечной добротой сіяютъ.
Благодарю тебя, благодарю!..

ОТЕЦЪ. Весна красна!..

О дѣти, если Богъ
Моихъ живыхъ моленій не отвергнетъ,
Онъ вамъ воздастъ сторицей за меня!
Вы благодѣтели мои... На старость,
Какъ ангелы, вы извлекли меня
Изъ пропасти житейскихъ треволненій...

ЧЕЧИЛІЯ. Не говори, отецъ, не говори!..
Ты не былъ въ новомъ домѣ... Для тебя...
Но онъ мнѣ говорить не приказалъ!..

ОТЕЦЪ. Такъ и не должно. Ну, а гдѣ же внуки?

ЧЕЧИЛІЯ. Жаръ отошелъ; въ саду...

ОТЕЦЪ. Я слышалъ новость,
Не знаю, правда ли? На мѣсто Павла
Конклавомъ избранъ въ папы кардиналъ,
Что̀ нашего Антоніо крестилъ.

ЧЕЧИЛІЯ. Дай, Господи, всѣ блага кардиналу!
Онъ первый руку помощи намъ подалъ.

ОТЕЦЪ. Чечилія, какъ крестникъ подростетъ,
Мы къ воспріемнику его отправимъ.
Что̀, если онъ дойдетъ до кардинальства,
Въ Болонію прієдетъ управлять?

ЧЕЧИЛІЯ. И, мало-ль крестниковъ у кардинала!..
Онъ и забылъ, я думаю, объ насъ.
Мужъ добродѣтельный, онъ много сдѣлалъ!
По милости его у насъ достатокъ
Во всемъ; свой домъ, хорошіе заказы,
Доменикинъ здоровъ и веселъ, дѣти
Здоровы и умны; а я, ты знаешь,
Четвертый годъ, какъ на канунѣ свадьбы,
Въ какой-то упоительной горячкѣ,
Больна блаженствомъ... Слава Богу Силъ!..
Оставимъ этотъ разговоръ. Ужъ поздно,
А онъ нейдетъ!.. Такъ долго безъ него
Я никогда еще несставалась.
Вотъ и дѣтей ужъ понесли въ покои...
Вотъ Эстеванъ ворота запираетъ... *(въ окно)*
Пришелъ Лоренцо, Эстеванъ?

ГОЛОСЪ *(за окномъ)*.
Давно.

ЧЕЧ: Что-жъ это значитъ?.. Страхъ меня тревожитъ...
До-сей-поры... Быть-можетъ захворалъ...
Упалъ съ подмостковъ... Можетъ-быть дорогой...
Ужъ непослать-ли верховаго въ домъ?

ОТЕЦЪ. И, перестань, Чечилія! Не бойся!
Богъ милостивъ! Скажи мнѣ: что, Лоренцо
Хорошій малый?..

ЧЕЧИЛІЯ. Не совсѣмъ; лѣнивъ,
Грубъ, любитъ пить, а главное онъ влюбчивъ.
Прощаю многое за то, что мужу
Племянникъ онъ...
Нейдетъ! Уже темнѣетъ...
А дома съ нимъ бѣда! Всѣхъ нашихъ женщинъ
Своей любовью глупой безпокоитъ...
Ужъ не одну я выгнала изъ службы
По милости его...
Идетъ!.. Не онъ ли?..

—

ТѢ ЖЕ и ЗАМПІЕРИ.

ЧЕЧИЛІЯ *(обнимая его)*.
Мой Доминикъ!...

ЗАМПІЕРИ. Чечилія!

ЧЕЧИЛІЯ. Откуда?

ЗАМПІЕРИ. Изъ дома нашего... Сегодня въ спальнѣ
Переплетали стѣны.

ЧЕЧИЛІЯ. А зачѣмъ?

ЗАМПІЕРИ. Затѣмъ, что я на нихъ пишу al fresco,
И завтра начинаю... Что, мой другъ,
Здорова ль ты?.. Я на одну минуту...
Пришелъ тебя, дѣтей, поцѣловать,
И снова въ путь...

ЧЕЧИЛІЯ. Куда же?

ЗАМПІЕРИ. Къ кардиналу.
Велѣлъ зайти, хоть поздно ввечеру.
Что жь безъ меня ты дѣлала, мой ангелъ?

ЧЕЧИЛІЯ. Всѣ кисти старыя я перемыла.

ЗАМПІЕРИ *(съ улыбкой)*.
Ужасно нужно!

ЧЕЧИЛІЯ. Я хочу сама
Участіе имѣть въ твоихъ работахъ...

ЗАМПІЕРИ. А Эстеванъ?..

ЧЕЧИЛІЯ. Онъ краски приготовилъ;
Холстъ натянулъ для копіи съ Аньесы,
Картины обмывалъ и крылъ ихъ лакомъ,
Антоніо меня смѣшилъ; онъ съ няней
Усердно Эстевану помогалъ.

ЗАМПІЕРИ *(смѣясь)*.
А Эстеванъ ворчалъ на нихъ?

ЧЕЧИЛІЯ. А какже!..
Война такая!

ЗАМПІЕРИ. Ну, пора идти;
А жаль съ тобой растаться!.. Цѣлый день
Тебя не видѣлъ... *(вынимаетъ книгу)*.
Посмотри, мой ангелъ!
Поденщики работали, а я,
Подъ стукъ и крикъ, чертилъ въ моемъ альбомѣ
Для спальни фрески. Карандашъ невольно
Тебя изображалъ. Во всѣхъ картинахъ
Ты будешь; да! со мной, съ дѣтьми, одна...

ЧЕЧИЛІЯ. Какъ это мило! Посмотри, родитель!

ЗАМПІЕРИ. Ахъ, батюшка, вы здѣсь!

ОТЕЦЪ. Я любовался.

На вашу страсть, по-истинѣ, *слѣпую*...
Послушай! напиши ужъ и меня!

(Молчаніе).

Не строгимъ, не суровымъ, но съ улыбкой:
Какъ-будто я смотрю на васъ съ любовью,
И жду, когда вы разорвете взоры,
И на меня ихъ съ дружбой обратите..

ЗАМПІЕР: Извольте, батюшка; съ однимъ условьемъ:
Не поскучайте посидѣть.

ОТЕЦЪ. Пожалуй!

ЗАМПІЕРИ. Я безъ натуры не хочу писать,
Ни дерева, не только человѣка...
Однако же пора...

ЧЕЧИЛІЯ. Ахъ, я забыла!
Сегодня принесли письмо изъ Рима...

ЗАМПІЕРИ. Гдѣ? Гдѣ оно? И вѣрно отъ Альбани!
Что дѣлается въ Римѣ? Много-ль славы
Онъ пріобрѣлъ, и много ли враговъ,
И много ли завистниковъ?.. Печально
Въ прошедшее гляжу... Воспоминанья!
Я счастіе не дешево купилъ!..

Разсматривая письмо.

Не отъ него! Печать мнѣ не знакома,
И почеркъ неизвѣстенъ. Кто бы это?..

Прочитавъ письмо, поблѣднѣлъ.

ЧЕЧИЛІЯ. Ну, что? И отъ кого?.. Ты поблѣднѣлъ?
Что тамъ такое? *(вырываетъ письмо)*.

ОТЕЦЪ. Громко прочитай!

ЧЕЧИЛІЯ.

«Святѣйшій отецъ нашъ, папа, Григорій XV, желая
«дать вашимъ отличнымъ способностямъ обширнѣй-
«шій кругъ дѣйствія, благоизволилъ назначить васъ

«главнымъ архитекторомъ всѣхъ общественныхъ «строеній въ городѣ Римѣ и во всѣхъ владѣніяхъ, «къ апостольскому престолу принадлежащихъ, на «тѣхъ основаніяхъ и содержаніи, какими донынѣ «пользовались предмѣстники ваши. Увѣдомляя о «такой волѣ его святѣйшества, приношу вамъ мое «поздравленіе. Благоволите немедленно увѣдомить «меня о времени вашего отъѣзда изъ Болоньи для «доклада святѣйшему отцу нашему.»

«*Кардиналъ-секретарь Брокчи.*»

ЧЕЧИЛІЯ (*обнимая мужа*).
О поздравляю! поздравляю!..

ЗАМПІЕРИ. Съ чѣмъ?

ЧЕЧИЛІЯ. Съ чѣмъ? Съ милостью святѣйшаго отца!
Со славой Браманта и Буонаротти?
Съ богатствомъ Рафаэля!...

ЗАМПІЕРИ. Тише, тише!..
Мой мирный домъ, пріютъ любви, искуства,
Усыпанный цвѣтами вдохновенья!
Храмъ чистыхъ чувствъ, живыхъ надеждъ обитель!
Толпа не рветъ ихъ въ бѣшеномъ восторгѣ,
Не гложетъ ихъ отравленная зависть;
Они *мои!* И жизнь течетъ, какъ солнце;
Блистательно, покойно и тепло.
Мой тихій домъ!... Кругомъ меня — семья,
Любовь, неоскверненная притворствомъ;
Въ улыбкѣ, въ каждомъ взглядѣ, есть отрада,
Надежда, смыслъ... Во всякомъ разговорѣ
Есть искренность... А вышелъ за ворота, —
Встрѣчаю дружелюбную улыбку,
Вниманье благородное... Въ работѣ, —
Я все иду впередъ, впередъ... А люди, —
Безъ зависти встрѣчаютъ мой успѣхъ...

Я счастливъ здѣсь, блаженствую... А въ Римѣ?..
Тамъ ждетъ меня не слава, а безславье!
Тамъ, не богатство, нищета плететъ
Сѣть на меня... Римъ — море безъ границъ!
Великолѣпно издали то море:
Но подплыви!.. Изъ глубины, со дна,
Чудовища знакомыя возстанутъ...
Воспоминанія! Не просыпайтесь!..
Нѣтъ! Я не ѣду въ Римъ!..

ЧЕЧИЛІЯ. Ты не поѣдешь?

ЗАМПІЕРИ (*со слезами на глазахъ*).
Зачѣмъ въ день счастія гроза нисходитъ,
Такъ пышно, медленно, великолѣпно,
Чтобъ подавить ничтожную былинку,
Которая росла себѣ въ глуши,
И солнце Божіе благословляла?..
Зачѣмъ же нарушать покой душевный?
И горькій ядъ вливать въ благодѣянье?..
Нѣтъ! Я не ѣду. Кончено. Не ѣду!
Перо! бумаги!..

ЧЕЧИЛІЯ. Что ты хочешь дѣлать?

ЗАМПІЕРИ. Просить, молить святѣйшаго отца,
Остаться въ неизвѣстности, въ Болоньи...
(Ужъ всѣ меня, я думаю, забыли!)
Безъ громкой славы жить въ твоихъ объятьяхъ...
Быть богачемъ безъ тщетнаго богатства...

ЧЕЧИЛІЯ. О Доминикъ! Ты счастье отвергаешь!
Ты не имѣешь права Высшей волѣ
Не покоряться. Въ Римъ, въ столицу міра,
Тебя зовутъ на славныя дѣла.
Господь тебѣ таланты далъ, а ты
Зарыть ихъ въ землю хочешь...

ЗАМПІЕРИ. Если-бъ можно

Прошедшее забыть, переродиться,
И юношей безопытнымъ и свѣжимъ
Пріѣхать въ Римъ... Но нѣтъ! Воспоминанья.
Какъ-будто ихъ волшебникъ оживилъ...
Нѣтъ, я не ѣду въ Римъ!..

ЧЕЧИЛІЯ. Мой другъ!..

ЗАМПІЕРИ. Послушай?
Ты счастлива, скажи мнѣ, или нѣтъ?
Чего тебѣ не достаетъ въ Болоньи?
Чѣмъ счастіе твое умножить можно?
Скажи мой другъ!

ЧЕЧИЛІЯ. Но ты...

ЗАМПІЕРИ. Съ тобой, съ дѣтьми
Я какъ въ раю; а тамъ насъ разлучатъ
Работы, козни, сплетни и забавы;
Столичный шумъ тебя, мой другъ, замучитъ...
Мы въ Римѣ жить должны открыто, пышно;
Притворствовать съ утра до ночи; зависть,
Какъ натискъ волнъ, упорный, постоянный,
Безъ злобы и безъ мести отражать!
Я знаю Римъ! Онъ ссылка для меня,
Ровъ Даніила... Нѣтъ, я не поѣду?

ОТЕЦЪ. Мой сынъ! позволь и мнѣ промолвить слово.
Жаль мнѣ разстаться съ вами; можетъ-быть
Въ послѣдній разъ я обниму васъ, дѣти,
Благословляя въ путь... Но... ѣхать должно!
Размысли хладнокровно, Доминикъ!
Желанія святѣйшаго отца
Для насъ, — законы. Если Папа самъ
Въ великой мудрости своей, назначилъ
Тебѣ быть зодчимъ, сбиромъ, полководцемъ...
Повиноваться должно.
А отъ бѣдствій,

От непріятностей, отъ огорченій,
Отъ зависти враговъ, ты не уйдешь,
Хотя бы и въ Болоньи ты остался!
Иди, куда идти велитъ Господь!
Премудрости Его оставь свой жребій.
Ты не искалъ ни славы, ни богатства...
Богъ посылаетъ... Повинуйся, сынъ мой!
Судьба, быть-можетъ, *для дѣтей* твоихъ,
Зоветъ тебя на муки и страданья...
И ты, *для нихъ*, въ путь страшный не пойдешь?..
Не вѣрю!.. Я и самъ страдалъ... Не вѣрю!

ЗАМПІЕРИ. *(бросаясь къ отцу въ объятія).*
Молитесь обо мнѣ, друзья!.. Я ѣду!

АКТЪ ВТОРЫЙ.

Quod non fecerunt Barbari, fecerunt Barberini.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

—

Домъ Гвальди въ Римѣ. Небольшая боковая комната; двери отперты въ залу, наполненную гостьми; идетъ пляска и музыка. Въ комнатѣ легкій свѣтъ отъ одной лючерны; боковая дверь также отворена; сквозь нее видѣнъ рядъ комнатъ, ярко освѣщенныхъ и наполненныхъ гостьми.

—

КІАРА (одна, сидитъ на софѣ въ глубокой задумчивости).

Безумный пиръ! Глупцы пируютъ свадьбу!
Хоронятъ за-живо людей! А каждый
Упорно жаждетъ, ищетъ страшныхъ узъ...

Но, можетъ-быть, супружество сестрѣ
Готовитъ рай земной. Не всѣ, какъ я,
Вѣнчаются терновыми вѣнцами!..
О, Доминикъ! страдалъ ты, я страдала;
Сердцами мы не разлучались; долго
Вели бесѣду въ тайныхъ сновидѣньяхъ;
Мысль о любви взаимной, въ чашѣ яду,
Таилась какъ цѣлительная капля,
И жизнь была сносна...
И вдругъ, я слышу,
Ужъ онъ женатъ, ужъ онъ отецъ! Свободный,
Онъ измѣнилъ своей великой клятвѣ;
Онъ могъ любовь святую сохранить...
Я не могла... Проклятіе отца
Пѣснь брачную въ ушахъ моихъ гремѣло.
Онъ это зналъ...
Не мстить?.. Какое жъ чувство
Останется въ моемъ несчастномъ сердцѣ?
Чѣмъ жить?..
Лоренцо... въ церкви, межъ гостьми
Глазъ не сводилъ съ меня... Я все узнаю!

Подходя къ зеркалу, и оправляясь.

Прочь слезы! Глупы красные глаза...
Они должны блистать, какъ этотъ праздникъ...
Улыбка, оживи мои уста!
Волнуйся грудь, движенія красуйтесь!..
Вотъ такъ! Пойдемъ на легкую побѣду...

КІАРА и АНТОНІЯ.

АНТОНІЯ. Чтó это значитъ, Кьяра? Ты одна?..
КІАРА. Молюсь о счастіи твоемъ.
АНТОНІЯ *(обнимая ее).*
Ахъ, Кьяра!...

КІАРА. Ты плачешь? Плачь! Быть-можетъ эти слезы
Искупятъ тягость брачныхъ узъ ..

АНТОНІЯ. О, нѣтъ!
Я плачу отъ блаженства... и восторга...
Я обожаю мужа... Этотъ вечеръ,
Мнѣ кажется, не кончится сегодня.
О, Кьяра!.. я люблю его...

КІАРА *(вырываясь изъ ея объятій).*
Люби!
Все ложь! Люби обманъ! И жизни бремя
Покажется необходимымъ игомъ...
Неси его!.. Антонія, тамъ праздникъ,
Тамъ кликъ гостей, столь сладостный счастливцамъ.
Ступай, пляши!..

АНТОНІЯ. За мной придетъ мой Гвальди.
Онъ всё теперь съ Лоренцо Зампіери
О новыхъ предпріятьяхъ говоритъ.
Лоренцо въ милостяхъ большихъ у дяди,
А Доминикъ, ты знаешь, папскій зодчій.
Не знаю, какъ теперь, при новомъ папѣ;
А прежде онъ былъ важенъ при дворѣ.
Лоренцо мужа очень полюбилъ,
Доставить можетъ важную работу...

КІАРА. Антонія!.. я помогу тебѣ...

АНТОНІЯ. Ты?

КІАРА. Да! Но тише... Молодой Зампіери,
Племянникъ Доминика, былъ знакомъ
Съ моей подругой... Но одинъ вопросъ...
Зачѣмъ не пригласили вы на свадьбу
Доменикина?

АНТОНІЯ. Мужъ мой побоялся
Ланфранко... Говорятъ... вы не въ ладахъ...
Притомъ Зампьери далеко живетъ,

Въ Трапстевере; онъ никуда не ходитъ;
Съ женой сидятъ какъ голуби... для папы
Онъ изъ дому не любитъ отлучаться.

КІАРА. А ты жены Замніери не видала?

АНТОНІЯ. Да, видѣла! Красавица, умна,
Хозяйка... Вотъ и мужъ мой и Лоренцо.

—

ТѢ ЖЕ, ГВАЛЬДИ И ЛОРЕНЦО.

ГВАЛЬДИ. Мой ангелъ, я искалъ тебя вездѣ!..
Пойдемъ, пора, насъ гости ждутъ...

АНТОНІЯ. Пойдемъ...

—

КІАРА И ЛОРЕНЦО.

ЛОРЕНЦО. Боюсь отказа... Если бы я смѣлъ..
На эту пляску предложить вамъ руку...

КІАРА (*поправляя головную уборку передъ зеркаломъ*).
Какая недовѣрчивость къ себѣ?
Но я уже стара для рѣзвой пляски;
А молодость, какъ буря, веселится...
Боюсь устать! Какъ цѣлый часъ кружиться?

ЛОРЕНЦО. Устанете, оставимъ.

КІАРА. Такъ, пожалуй!
Ужъ восемь лѣтъ, какъ я не танцовала...
Вы одержали трудную побѣду.

(Подаетъ ему руку; уходятъ).

—

Нѣсколько спустя входитъ

КОРЕН: Незнаемый, я здѣсь — какъ воръ... Ланфранко
Придетъ сюда, по зову моему...
Боюсь, чтобы меня не задержали...
Нѣтъ, не успѣютъ! Громъ ихъ оглушитъ,

Глаза отъ блеска молніи ослѣпнутъ,
А я уйду... Ага! вотъ и Ланфранко.
Онъ не одинъ. *(Уходитъ въ боковую дверь).*

—

БЕРНИНИ И ЛАНФРАНКО.

ЛАНФРАНКО. Бернини! вашъ совѣтъ
Теперь мнѣ нуженъ. Будемъ откровенны:
Два слова только... Что, Урбанъ оставитъ
Доменикина... зодчимъ?

БЕРНИНИ. Полагаю.
Я самъ ему совѣтовалъ оставить...

ЛАНФРАНКО. Довольно! Вы не знаете себя,
Не цѣните! Доменикинъ, въ два года,
Пока Григорій жилъ, что сдѣлалъ въ Римѣ?
Онъ не успѣлъ рисунковъ приготовить
Для алтарей въ соборѣ. Самъ Григорій
Хотѣлъ уже перемѣнить его.
Какъ! зданье Браманта, Микель-Анджело,
Рафаэля... въ рукахъ Доменикино!
Не страшно-ли смотрѣть на этотъ храмъ,
И думать, что его внутри распишетъ,
Облѣпитъ, изукраситъ, этотъ Волъ!

БЕР: Я долженъ вамъ сказать, синьоръ Ланфранко,
Его святѣйшеству угодно было
Архитектурныя работы храма
Мнѣ поручить. Со страхомъ и смиреньемъ,
Я волѣ папы долженъ покориться;
Но...

ЛАНФРАНКО. Мѣста не хотите занимать
Что вамъ давно принадлежитъ по праву?
Вы помните, какъ Аннибалъ Караччи,
Изъ храма выходя, спросилъ: «*Кому-то
Достанется подъ куполомъ Петра*

Алтарь воздвинуть?» Вы сказали тихо:
«*О Господи, дай эту славу мнѣ!*»
Я знаю все! Я знаю, что Урбанъ,
Принявъ тіару, позвалъ васъ къ себѣ,
И съ гордостью сказалъ: *Бернини счастливъ,
Что кардиналъ Маффеи Барберини
Конклавомъ избранъ въ папы; но Маффеи
Еще счастливѣйшимъ себя считаетъ:
Во времена правленія Урбана,
Исторія напишетъ — жилъ Бернини.*»
И будетъ правъ Урбанъ, когда Бернини
Хозяиномъ соборъ Петра окончитъ!
Да и потомство славный трудъ припишетъ
Работнику иль Зодчему Урбана?
Какъ славу раздѣлять такого дѣла?

БЕРНИНИ. Да! эта слава дорога, я знаю...
Но мнѣ ли нападать на Доминика,
Просить о мѣстѣ, занятомъ Замніери?
Я не посмѣю говорить Урбану...
Ему покажется...

ЛАНФРАНКО. Не ваше дѣло!
Вамъ это мѣсто дважды предлагали...
Предложатъ въ третій разъ!.. Отказъ опасенъ
И у Мадерны есть друзья. И такъ
Вы не отвергнете?

БЕРНИНИ. Нѣтъ, не отвергну!..
Но... лишь бы я былъ всторонѣ...

ЛАНФРАНКО. Довольно!
Еще вопросъ. Отъ свѣта я отсталъ,
Давно отъ вашихъ сходбищъ отказался.
Скажите, вы незнаете причины,
Зачѣмъ и Гвидо Рени и д'Арпина
Оставили Неаполь такъ поспѣшно?

БЕРНИНИ. Я родился въ Неаполѣ, и дожилъ
Временъ печальныхъ. Каждый день я слышу,
Что тамъ гнѣздо разбойниковъ теперь.
Изъ Сиракузъ, Мессины, пришлецы
Толпой пришли въ Неаполь; поселились;
Художества на откупъ взяли; ядомъ,
Кинжаломъ, камнями, свои права
Упорно защищаютъ. Но намѣстникъ
Надежныя, мнѣ пишутъ, принялъ мѣры...

ЛАНФРАНКО. Зачѣмъ же Гвидо Рени уѣзжать?..

БЕРНИНИ. Убить хотѣли... Ночью ворвались...
По-счастію, нашли не Гвидо Рени,
А стражу. Но они солдатъ разбили,
И по домамъ покойно разошлись.

ГОЛОСЪ *(изъ боковой двери).*
Бернини! ваша очередь играть...

ЛАНФРАНКО. Что̀ это?..

БЕРНИНИ. Кости... Видно Гвидо Рени
Ужъ проигралъ...

ЛАНФРАНКО. А вы!

БЕРНИНИ. Мы пополамъ...
Простите! Я сейчасъ приду.

(Уходитъ въ боковую дверь, въ главную входитъ Коренціо).

—

ЛАНФРАНКО и КОРЕНЦІО.

ЛАНФРАНКО. Довольно!
Но этотъ архитекторъ не надеженъ...
Онъ далеко пойдетъ...
Гдѣ этотъ странный,
Докучливый и дерзкій незнакомецъ?
Хотѣлъ давно сюда пріити...

КОРЕНЦІО. Онъ здѣсь!

ЛАНФРАНКО *(сухо)*.
Что вамъ угодно?

КОРЕНЦІО. Ахъ, синьоръ Ланфранко,
Васъ прозвали въ Италіи *хитрѣйшимъ*,
А по искуству, вы — Микель-Анджело!..
(Онъ любитъ эту лесть).

ЛАНФРАНКО *(отрывисто)*.
Что вамъ угодно?
Готовъ служить...

КОРЕНЦІО. Вы ѣдете въ Неаполь,
По приглашенію герцога д'Алкалы?..

ЛАНФРАНКО. Да, можетъ-быть.

КОРЕНЦІО. И ѣдете спокойно?..

ЛАНФРАНКО. Синьоръ!

КОРЕНЦІО. Безстрашенъ геній, но скорѣе
Неостороженъ... Вамъ знакомъ Неаполь?
Вы знаете художниковъ?

ЛАНФРАНКО. Не знаю...
Все дрянь, ремесленники...

КОРЕНЦІО *(вынимая кинжалъ)*.
Нѣтъ, убійцы!

ЛАНФРАНКО. Такъ вы...

КОРЕНЦІО *(показывая кинжалъ)*.
Ни слова!.. Мы не отнимаемъ
У васъ честей, богатства, громкой славы!
Мы въ Римъ вашъ не приходимъ за добычей!
Не приходите же и вы въ Неаполь
Насущный хлѣбъ у братій отымать!
Мы васъ предупреждаемъ. Вотъ посланье!
Я отдаю вамъ въ руки... Соберите

Художниковъ, предупредите ихъ,
Прочтите непреложныя слова...
(Ланфранко блѣдный, оглядывается).
Меня напрасно въ Римѣ не ищите;
По воздуху я улечу въ Неаполь
Точить кинжалъ, приготовлять отраву.
Читайте! Заучите наизусть
Благой совѣтъ... Читайте же!

ЛАНФРАНКО *(развертывая письмо, и съ недовѣрчивостью поглядывая на Коренціо).*
Читаю...

Коренціо отходитъ. Ланфранко оглядывается. Коренціо приложивъ палецъ къ губамъ, показываетъ кинжалъ... Ланфранко покорно принимается читать.

—

ЛАНФРАНКО (подходя ближе къ лючернѣ).

Онъ подвигъ свой обдумалъ. Но прочтемъ! *(Читаетъ).*

«Кто бы изъ васъ, дражайшая братія, ни «рѣшился воспользоваться приглашеніями герцога «д'Алкалы, нашего намѣстника, пусть ѣдетъ въ «Неаполь, но вмѣстѣ пусть приготовится вполнѣ «къ важнѣйшему часу жизни, то есть, къ послѣд-«нему! Пусть простится съ священнымъ градомъ, «потому что неизвѣстно, гдѣ найдетъ смерть. Пе-«реѣздъ въ Неаполь — ядовитъ и опасенъ; но зна-«комство съ Неаполитанскими художниками опас-«нѣе. Оно смертельно. Какъ плотно составленъ «заговоръ противъ всякаго, чуждаго братіи нашей, «пришельца; какъ вѣрны и дѣйствительны мѣры, «принятыя къ уничтоженію всякаго посторонняго «временщика, объ этомъ вы можете спросить у «вашего игрока, щеголя, Гвидо Рени, а еще луч-«ше у нынѣшняго Римскаго Рафаэля, кавалера

«д'Арпина. Оба не долго гостили въ Неаполѣ, не «много вывезли нашихъ денегъ, и полагаемъ оба «весьма ради, что одумались и уѣхали. Неаполь «не нуждается въ Римскомъ искуствѣ. Одинъ на«мѣстникъ не хочетъ этого понять, и послалъ «кавалера двора своего, донъ Грнмальду, пригла«сить кого нибудь изъ первенствующихъ худож«никовъ Рима переѣхать въ Неаполь. Не забудьте, «честь Неаполитанскихъ художниковъ сильнѣе все«го. Это доказано, а если нужно, будетъ под«писано мстительною рукою.

Гдѣ этотъ донъ Грнмальда?.. Донъ Грнмальда!.. Сюда идутъ. *(Прячетъ письмо)*.

—

МАДЕРНА и ЛАНФРАНКО.

МАДЕРНА. Ужъ спать пора, Ланфранко...
ЛАНФР: Спать! Нѣтъ, Мадерна; я иду къ Перетти,
Потомъ еще къ тремъ разнымъ кардиналамъ;
Иду работать для тебя...

МАДЕРНА. Ланфранко?

ЛАНФРАНКО. Когда заснемъ, Бернини побѣдитъ!
Бернини завтра же идетъ къ Урбану
Просить о мѣстѣ... Мы предупредимъ...
Урбанъ Осьмой, ты знаешь, не Григорій!
Ты родился быть зодчимъ папскихъ зданій!
Все, что ни строишь ты, великолѣпно
Достойно Римской славы, удивленья!
А этотъ безталантный живописецъ,
Прославленный глупцами, не достоинъ
И улицы мостить въ священномъ градѣ.
Молчалъ, молчалъ, нѣтъ болѣе терпѣнья!
Урбанъ Осьмой, сказалъ я, не Григорій:
Простретъ онъ покровительную руку!

Онъ падшія художества воздвигнетъ!
Временщиковъ въ художествѣ не будетъ!
Но должно дѣйствовать единодушно...
Пойдемъ со мной къ Перетти.

МАДЕРНА. Но, Ланфранко.:.

ЛАНФРАНКО. Ты молодъ! Всѣ усилія мои,
На пользу посвященныя искуству,
Коварствомъ дышатъ, для тебя... дитя!
Ты выросъ на рукахъ моихъ, Мадерна!
Пойдемъ къ Перетти. Говори свободно,
Съ достоинствомъ, съ презрѣньемъ о другихъ.

МАДЕРНА. Помилуй!

ЛАНФРАНКО. Молодъ, молодъ! Повинуйся!
Иль я твой врагъ...

МАДЕРНА. За что?

ЛАНФРАНКО. За эту трусость,
Подобострастіе къ временщикамъ ..
Я говорю тебѣ, пойдемъ къ Перетти...

МАДЕРНА. Объ чемъ же говорить мнѣ съ нимъ?

ЛАНФРАНКО *(уводя его)*.
Увидишь.

—

КІАРА и ЛОРЕНЦО.

КІАРА. *(опираясь на его плечо)*.
Устала! Нѣтъ, весна моя прошла.
Пора сидѣть съ старухами, злословить...
Не правда ли?

ЛОРЕНЦО *(про себя)*.
Ужасно испытанье!
Какъ звѣзды безъ луны на скучномъ небѣ,
Такъ этотъ залъ безъ Кьяры...

КІАРА. Вы молчите!..
Вы соглашаетесь?

ЛОРЕНЦО. О нѣтъ, синьора!
Я говорить не смѣю.

КІАРА. Отчего же?
Вы истины сказать мнѣ не хотите,
А ложь скверна для вашихъ устъ. Не такъ ли?

ЛОРЕНЦО. Синьора!...

КІАРА. Вы... родной его племянникъ.
Какое сходство!.. Боже сохрани,
Когда во всемъ послѣдуете дядѣ...

ЛОРЕНЦО. Вы знали Доминика?..

КІАРА. Нѣтъ, не знала...
Кто вамъ сказалъ?..

ЛОРЕНЦО. Но эти рѣчи?..

КІАРА. Шутка...
Неосторожность... *(отирая слезы, про себя)*.
Сѣть моя раскрыта.

ЛОРЕНЦО. Неосторожность... Слезы! О! синьора,
Я трепещу отъ ревности...

КІАРА. Какъ! ревность?
Къ кому? за что?.. (Опять неосторожность!
Вся жизнь моя цѣпь глупостей!) Уйдите!
Позвольте мнѣ съ моимъ остаться другомъ...

ЛОРЕНЦО. Но кто же этотъ другъ?

КІАРА. Уединенье!

ЛОРЕНЦО. У васъ нѣтъ видно тайнъ! Какъ снести
Удушливое, жаркое біеніе
Тяжелой тайны въ воспаленномъ сердцѣ?
Печаль раздѣльная не ядовита,
А если кто хранитъ ее упрямо

Въ груди своей,—о, тотъ самоубійца!
У васъ нѣтъ тайны?..

КІАРА *(съ живостью).*
У меня нѣтъ тайны?..
Но гдѣ же друга мнѣ найти?.. Межъ женщинъ,
Извѣстно, дружбы нѣтъ, и быть не можетъ...
А мужа моего... *(шепотомъ, будто про себя)* я
ненавижу...

ЛОРЕНЦО. Что слышу? Кьяра! Я у вашихъ ногъ!
Возьмите это сердце вашимъ другомъ!
Располагайте имъ!... Уста и взоры
Я облеку въ могильное молчанье;
Оставлю дядю, свѣтъ, на жертву Кьярѣ,
Блистательную будущность отвергну;
Мнѣ ни чего не нужно, если Кьяра
Лоренцо удостоитъ дружбой...

КІАРА. Тише...
Замѣтятъ!.. Встаньте!..
Юношѣ легко
Минутному послѣдовать влеченью;
Васъ можетъ тронуть женская слеза;
Но мѣсяцъ, годъ, и другъ — уже врагомъ,
Отъ сердца отрывается къ измѣнѣ.
Вотъ вамъ примѣръ. Вашъ дядя Доминикъ
Любилъ мою подругу во Фраскати;
Ихъ развела судьба. Подруга долго
По-прежнему невѣрнаго любила,
А онъ забылъ ее, ушелъ, женился...
Не правда-ли, онъ болѣе не помнитъ
Grotta Ferrata, тамошнихъ картинъ?
Не говоритъ объ нихъ?..

ЛОРЕНЦО. Не говоритъ.

КІАРА. Я такъ и знала. А какія клятвы

Изъ устъ его гремѣли въ тайный вечеръ!
Подъ взорами ста глазъ сторожевыхъ,
Подъ бѣшенымъ соперника кинжаломъ,
Она пошла прощаться съ Доминикомъ...
У той картины... Чудная картина!
Я — такъ похожа!..

ЛОРЕНЦО (*вскочивъ*).

Вы?

КІАРА (*заливаясь слезами*).

О, тише, тише!..
Онъ обливалъ слезами мой портретъ,
Прелестный, миньятюрный списокъ съ фрески;
На грудь его съ великой клятвой спряталъ,
И говорилъ: «Смерть разлучитъ насъ, Кьяра,
Но этотъ образъ счастья моего
Во гробъ со мной положатъ...»
Я забылась!
Лоренцо! вы послѣдуете дядѣ?
Вы тайну разнесете... Вы клялись,
Но клятвамъ, я сказала вамъ, не вѣрю.

ЛОРЕНЦО. Послѣдній опытъ, Кьяра! Испытайте!
Не отвергайте друга, нѣтъ, раба,
Окованнаго вашими очами.

(Съ нѣжностью).

Быть-можетъ счастіе еще возможно!
Пора любви — не юныхъ дѣвъ удѣлъ;
Ихъ только легкія мечты волнуютъ;
Онѣ любовь предчувствуютъ, и только;
Но женщина, испитанная жизнью
Одна смыслъ тайной страсти понимаетъ.

Приближается; становится на колѣни; взявъ ея руку:

Утѣшьтесь! Разлетѣлись сновидѣнья!..
Проснитесь! На яву любовь прекрасна!

КІАРА. Онъ мужъ, отецъ!.. Нѣтъ, онъ не возвратится..

ЛОРЕНЦО (*съ досадой*).
Опять о немъ!.. Но стоитъ ли измѣнникъ
Малѣйшаго воспоминанья?.. Клятву,
Которую онъ могъ легко исполнить,
Онъ, какъ хвастунъ ничтожный, разрѣшилъ;
И вашъ портретъ давно въ рукахъ Аллегри,
Вотъ, что поетъ въ апостольской капеллѣ:
Онъ подарилъ ему портретъ съ разсказомъ.
Насильно-ли хотите Доминика
Давно прошедшей страстью оковать?..

КІАРА. Его любить? О нѣтъ! Я не умѣю.
Его забыть?.. Лоренцо, не умѣю!
Полъ-тайны знаешь ты, но для другой
Ты слишкомъ добръ и близокъ къ Доминику...

ЛОРЕНЦО. О! если васъ родство мое пугаетъ,
Клянусь, онъ ненавистенъ мнѣ отнынѣ.
Нѣтъ... болѣе!.. Я трепещу... мнѣ душно...
Признаніе въ устахъ моихъ горитъ...
И если ты забыть его не можешь...
Убей меня!.. Скажи, онъ мой соперникъ!

КІАРА (*вставъ*).
Я не могу забыть его... *для мести*.

ЛОРЕНЦО. О, если такъ... у ногъ твоихъ клянусь,
Я въ домъ его пойду уже убійцей!

КІАРА Нѣтъ, смерть не месть! Безъ крови, безъ убійства!

ЛОРЕНЦО. Я понимаю, Кіара!

КІАРА. До свиданья!

ЛОРЕНЦО Куда?.. Постой?..

КІАРА. Гдѣ люди, тамъ злословье.
Нѣтъ, не иди со мной!.. Туда!.. въ тѣ двери!..

(Расходятся).

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ домѣ Доменикина. Множество холстовъ, картоновъ, лѣстницъ, треножниковъ и другихъ принадлежностей мастерской живописца; въ углу чембалы и неоконченная арфа; возлѣ токарный станокъ; разныя столярныя орудія; въ разныхъ мѣстахъ разбросано платье.

—

ЗАМПІЕРИ, ЧЕЧИЛІЯ, и двое дѣтей играютъ на полу.

ЗАМПІЕРИ. *(положивъ рейсфедеръ).*

Конецъ! Взгляни, Чечилія...

ЧЕЧИЛІЯ *(работая, едва поднявъ голову).*

Опять

Тотъ самый куполъ...

ЗАМПІЕРИ. Да! Но я доволенъ.

Въ послѣдній разъ... мнѣ удалось исполнить,
Подробно на бумагѣ изложить
Плодъ долгихъ размышленій... Я доволенъ.
Главнѣйшая окончена работа...
Я передѣлываю тридцать разъ
Одну и ту же голову; зато
За каждую черту я отвѣчаю...
За каждый волосъ я могу поспорить...
Я чистъ передъ собой и предъ искуствомъ!

ЧЕЧИЛІЯ. Зато врагамъ есть поводъ къ обвиненьямъ..

ЗАМПІЕРИ. Я... не для нихъ тружусь, а для себя...
Оставь враговъ въ покоѣ. Безъ враговъ,
Я не повѣрю моему таланту...
Мнѣ тяжело, когда враги соборомъ
То клеветой, то похвалой лукавой,
Мои произведенья унижаютъ.
Но, вѣрь мнѣ, ихъ не сердятъ недостатки,
А красоты, достоинства картины.

Я признаюсь, отравленной душею
Внимаю обвинительныя рѣчи;
Мнѣ горько, губы сохнутъ, желчь пылаетъ;
Внутри меня я слышу злобный голосъ —
Казни не благодарныхъ, брось искуство!
Но мнѣ ли въ Божія дѣла мѣшаться?
И должно ли клеветникамъ позволить
Разбить сосудъ, не ихъ, да и не мой!
Минута размышленія, — и снова
Въ моей душѣ покой и благодарность;
Мнѣ сладостны и клевета и зависть;
Я понимаю, чтó ихъ разбудило;
И сколько я ни отдаляю гордость,
Не знаю какъ, *я по неволѣ гордъ.*
Напротивъ, если врагъ меня похвалитъ,
Я трепещу, и бѣдную работу,
Иной разъ, безъ нужды, переправляю.
Повѣрь, Чечилія, *врагъ во врагѣ*
Хорошаго не видитъ и не хвалитъ.

ЧЕЧИЛІЯ. Но кажется теперь враги уснули...

ЗАМП: Проснутся... И не долго ждать... Проснутся!
Всѣ наши благодѣтели въ гробѣ.
Святѣйшій нашъ Григорій Людовици
Въ два года ничего не могъ построить.
Онъ не хотѣлъ кончать соборъ Петра;
Всегда больной, воображалъ, что смерть
Того постигнетъ, кто Петра достроитъ,
Въ минуту освященія собора;
Болѣзнь питала этотъ предразсудокъ...
Я подалъ множество предположеній;
Враги — его издержками пугали,
И я, въ два года, ничего не началъ!
Григорій медлилъ А Урбанъ напротивъ
Поспѣшенъ, шибокъ, пышенъ, щедръ; но папа

Урбанъ Осьмой, не жалуетъ меня.
Онъ, въ кардиналахъ, всѣ свои заказы
Бернини поручалъ и Гвидо Рени;
Мнѣ — никогда! Я ужъ ходилъ къ нему:
Онъ хочетъ Римъ отстроить въ двѣ недѣли!
Въ пять лѣтъ соборъ Петра совсѣмъ окончитъ!
Онъ презираетъ строгость стиля древнихъ,
И въ образецъ архитектуры ставитъ
Palazzo Barberini. Это ясно:
Онъ мѣсто зодчаго всѣхъ папскихъ зданій
Готовитъ для Бернини. Вотъ ужъ мѣсяцъ
Въ апостольскомъ дворцѣ Бернини, Гвидо,
Мадерна, Джузеппино и Ланфранко,
Безъ моего согласія, берутъ
Всѣ важныя работы... И въ насмѣшку
Ужъ не разъ Ланфранко говорилъ:
«*Онъ, папскихъ зданій главный архитекторъ,*
«*Подобно Буонаротти, хочетъ строить*
«*На воздухѣ. . безъ извести и камня*».
А виноватъ ли я, когда святѣйшій
Мнѣ задняго крыльца не дастъ построить?
У нихъ есть покровители, а мы,
Лишились и послѣдняго... Монтальто!
Благословенна вѣчно будь память
Святаго мужа! Сколько Барберини,
Вліяніемъ моихъ враговъ, старался
Лишить меня довѣренности, дружбы,
И милостей Монтальто?.. Все напрасно!..
Онъ самъ же мнѣ разсказывалъ ихъ козни.
Какъ твердый щитъ, Монтальто охранялъ
Моихъ трудовъ покойное теченье...
И что жъ? Вчера великій мужъ скончался!
Онъ поручилъ мнѣ церковь делла-Валле...
Я признаюсь, Чечилія; въ ту церковь,

Какъ подъ эгиду твердую, я отдалъ
Всѣ лучшія мои мечты и мысли...
Тамъ мой тріумфъ. И что жъ? Не конченъ куполъ;
Онъ весь готовъ въ картонахъ, но къ Святой
Я не успѣю расписать... Монтальто,
Знатокъ въ искуствахъ, понималъ, что къ сроку
Художникъ не работаетъ. Монахи
Понять не захотятъ! Они должны мнѣ
Двѣнадцать тысячь скудъ. Но безъ Монтальто
Кто ихъ платить принудитъ! Эти деньги
Единственное наше состоянье.
Да и на нихъ уже долговъ не мало!

ЧЕЧИЛІЯ. Богъ дастъ! Окончишь *церковь Катинари*,
Картины въ Санъ-Сильвестро и Марію;
Долги заплотишь...

ЗАМПІЕРИ. Такъ. Да чѣмъ же жить!
Чечилія, я чувствовалъ сегодня
Мое блаженство въ полнотѣ. Кто знаетъ,
Быть-можетъ на канунѣ грозныхъ бѣдствій,
Я съ нимъ прощался сладкими слезами,
Чечилія, я за себя спокоенъ.
Одно меня пугаетъ... ты и дѣти!..

ЧЕЧИЛІЯ. Къ чему заблаговременно смущаться?

ЗАМПІЕРИ. О, есть непостижимыя мгновенья,
Когда вся жизнь лежитъ открытымъ свиткомъ.
Не хочется читать, а все читаешь

Поспѣшно взявъ рейсфедеръ, и глядя на картоны:

Какъ выгодно со стороны взглянуть
На собственныя мысли! Напримѣръ,
Я не замѣтилъ — въ этой головѣ... *(рисуетъ)*

ТѢ-ЖЕ и АЛЛЕГРИ.

Не ловокъ поворотъ... Вотъ такъ!.. еще!
Не даромъ эта голова мнѣ снилась...

ЧЕЧИЛІЯ. Синьоръ Аллегри!

АЛЛЕГРИ. Здравствуйте, синьора.

ЗАМПІЕРИ (*продолжая рисовать*).
Григоріо!

АЛЛЕГРИ. А Доменикъ! Ты дома?
Въ лѣсу холстовъ тебя не видно...

ЗАМПІЕРИ. Да!
Пятнадцать дней сижу въ моихъ картонахъ,
Не выхожу, и даже къ кардиналу,
Въ послѣдній часъ, я опоздалъ прійти.
Не правда ли, безмѣрная потеря?

АЛЛЕГРИ. Мы оба благодѣтеля лишились.

ЗАМПІЕРИ. Не оба, а искуства! Кто теперь
Суровымъ разумомъ и нѣжнымъ сердцемъ
Изящное оцѣнитъ безпристрастно?..
Я помню ту великую вечерню,
Когда твое пропѣли Miserere;
Я трепеталъ, морозъ ходилъ по членамъ,
Казалось, слушалъ пѣніе усопшихъ...
Окончилось таинственное пѣнье;
Гляжу кругомъ, спокойны кардиналы,
Какъ и всегда, святѣйшій безъ слезинки,
Народъ житейскимъ чувствомъ волновался,
И не было на пѣснь твою суда.
Одинъ Монтальто не сидѣлъ на-мѣстѣ.
Смотрю — простертъ во прахѣ кардиналъ!
Когда онъ подымался, ахъ, Аллегри,
Непостижимо свѣтелъ былъ Монтальто!
Великолѣпно страшенъ! Въ этотъ часъ

Я понялъ ужась смерти въ первый разъ,
И крѣпче и теплѣе сталъ молиться...

Аллегри. Я помню эту чудную Вечерню.
Я пѣлъ тогда съ особеннымъ успѣхомъ.
Казалось, голосъ мой не изъ груди,
А изъ могилы, выходилъ. Я плакалъ,
А голосъ разсыпался серебромъ,
То разстилался похороннымъ звономъ.

Замп: Ты помнишь нашу встрѣчу въ этотъ вечеръ.

Аллегри. Я этой встрѣчи въ гробѣ не забуду!
Я чувствовалъ — въ послѣднемъ Miserere,
Я превзошелъ себя; я былъ увѣренъ,
Что это Miserere не мое,
Что дивные его слагали духи.
И что жъ? Святѣйшій говоритъ: «Не дурно!» —
«Не дурно!» повторяютъ кардиналы.
Одинъ Доменикинъ, безъ словъ, слезами,
Привѣтствовалъ любимый трудъ Аллегри.
Доменикинъ, ты какъ ребенокъ плакалъ!

Зампіери. *И потому, что я не музыкантъ!*
Люблю я ваше дивное искуство;
Я изучилъ его, какъ самъ ты знаешь,
Довольно хорошо; но сочинять
Я не умѣю. Зависть мнѣ чужда,
И потому, что я не музыкантъ!

Аллегри. А ты бы былъ великимъ музыкантомъ,
Дивлюсь я часто твоему сужденью.
Съ какимъ умомъ, прекрасное находишь,
По нашему, въ посредственномъ! Какъ часто
Великое, по отношеньямъ нашимъ,
Находишь ты посредственнымъ! Но скромно
Безъ притязаній, безъ обидъ, насмѣшекъ...
Увы, такихъ цѣнителей не много!

ЗАМПІЕРИ. Грегоріо! Быть можетъ, наше сердце,
Скорѣй чѣмъ разумъ, склонно къ заблужденью.
Но *въ музыкѣ я сердцу волю далъ,*
И не раскаялся еще ни разу...
Ахъ, да, Аллегри! Кажется, ты видѣлъ
Мои чембалы!

АЛЛЕГРИ. Видѣлъ.

ЗАМПІЕРИ. Лютню?

АЛЛЕГРИ. Видѣлъ.

ЗАМПІЕРИ. Я началъ дѣлать въ новомъ родѣ арфу.
Хотѣлось бы и въ арфѣ хроматизмъ
Соединить съ діатонизмомъ. Въ пѣньи
Есть полу-тоны, въ инструментахъ также;
Гдѣ есть смычокъ, тамъ есть и полу-тоны.
Такъ отчего-жъ готовый полу-тонъ
Не дать и арфѣ?

АЛЛЕГРИ. Будетъ слишкомъ сложно.

ЗАМП: Не все ль одно! Вѣдь тѣ же десять пальцевъ
Играютъ на чембалахъ и на арфѣ.
Мнѣ кажется, не смѣю увѣрять,
Я понялъ муссикійское искуство
Великихъ Грековъ. Времени не много,
А я бы принялся и за перо:
Такъ не разскажешь... Вотъ и эта арфа...

—

ТѢ ЖЕ и ЛОРЕНЦО, входитъ поспѣшно.

ЛОРЕНЦО (*къ Доменикину*).
Ну, слава Богу, дома! Пріоръ проситъ
Чтобъ вы пришли сегодня въ монастырь,
Сейчасъ-же... Тамъ художники!..

ЗАМПІЕРИ. Зачѣмъ?

ЛОРЕНЦО. А Богъ ихъ знаетъ...

ЗАМПІЕРИ. Кто-же тамъ?

ЛОРЕНЦО. Ланфранко,
Мадерна...

ЗАМПІЕРИ. Чтó жена? Я говорилъ!
Не быть добру...

ЧЕЧИЛІЯ. Лоренцо! развѣ пріоръ
Не сказывалъ, зачѣмъ зоветъ его?

ЛОРЕНЦО. Не сказывалъ.

ЗАМПІЕРИ. Я говорилъ! Куда зайдетъ Ланфранко,
Тамъ для Зампіери мѣста недостанетъ. *(Одѣваясь)*.
Досадно! Я усталъ переносить
По слухамъ мнѣ извѣстныя пронырства;
Теперь лицомъ къ лицу зовутъ терпѣть
Враговъ моихъ насмѣшки и коварство.
Живи, терпи! Вотъ рыцарскій девизъ
Тяжелой жизни. Да терпѣть не трудно,
Пока не мужъ и не отецъ. Но дѣти,
Жена... Какъ сонъ я видѣлъ этотъ зовъ,
Я ожидалъ отъ пріора чего-то
Недобраго, и дождался... Простите! *(Уходитъ)*.

АЛЛЕГРИ. И я съ тобой! Постой! Дорогой кончимъ
Нашъ разговоръ...

ЧЕЧИЛІЯ. Идите съ нимъ, идите!

—

ЧЕЧИЛІЯ, ЛОРЕНЦО и дѣти.

ЧЕЧИЛІЯ. Лоренцо, ради ранъ Христа! Лоренцо,
Не знаешь-ли, чтó значитъ приглашенье?
Зачѣмъ туда художники пришли?

ЛОРЕНЦО. Не знаю. Въ монастырь пріѣхалъ новый
Строитель церкви кардиналъ Перетти,
Племянникъ стараго Монтальто. Съ нимъ
Ланфранко и Мадерна. Обоняли
Работы дяди... кардиналъ сердился

За медленость, и говорилъ, что если
Не кончитъ дядя купола въ посту,
Такъ онъ ему не выдастъ денегъ...

ЧЕЧИЛІЯ. Боже!
Все наше состоянье!..

ЛОРЕНЦО. А Ланфранко
Въ отвѣтъ сказалъ, что дядя кончитъ куполъ
Къ Святой Недѣли будущаго года.
Потомъ они изъ церкви вышли; долго
Мы ставили подъ куполомъ лѣса,
Какъ вдругъ приходитъ пріоръ, и велитъ
Оставить все и звать Доменикино.
Я болѣе не знаю ничего! *(Уходитъ)*.

—

ЧЕЧИЛІЯ и дѣти.

ЧЕЧ: Все кончено! Враги проснулись! Въ церковь!
Пойдемте, дѣти... Дѣтская молитва
И слезы матери ему помогутъ.
У Господа ходатайствуютъ дѣти!

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Комнаты пріора въ монастырѣ Регулярныхъ Клериковъ Театинскихъ въ Римѣ. Зала наполнена художниками. Монахи хлопотливо проходятъ черезъ залу изъ другихъ покоевъ.

—

ЛАНФРАНКО, ФРАНЧЕСКО, ПЕРІЕРО, ФРАНЧЕСКО БАРБІЕРИ, ГВЕРЧИНО, ПІЕТРО БЕРЕТИНИ di Cortona, ДОМЕНИКО ФЕТИ, и весьма многіе другіе живописцы стоятъ группами, и тихо разговариваютъ.

ПЕРІЕРО *(подходя къ Ланфранко)*.
Кто это былъ у васъ сегодня утромъ?

ЛАНФРАНКО *(разсѣянно).*
Кто?.. Донъ Грималъда; старшій кавалеръ
Двора намѣстника въ Неаполѣ. Испанецъ,
Въ художествахъ безъ вкуса. Для него
Молва — законъ.

ПЕРІЕРО. Зачѣмъ онъ былъ у васъ?

ЛАНФРАНКО. Просилъ совѣта... Пустяки! не стóитъ
Объ этомъ говорить... Вотъ и Караччи!

—

ТѢ ЖЕ, и АНТОНІО КАРАЧЧИ.

КАРАЧЧИ. Ланфранко! я пришелъ, но противъ воли
Ты знаешь, кардиналъ Перетти молодъ;
Отъ ранней чести, отъ богатствъ несмѣтныхъ,
Которыя достались отъ Монтальто
И отъ другихъ домовъ, онъ сталъ надменъ...
Такъ понимаешь, что, съ моей горячкой...

ЛАНФРАНКО *(тихо ему).*
Все всторону! На этотъ только день!
Я отслужу.

КАРАЧЧИ. Пожалуй, для тебя!

—

ТѢ-ЖЕ и ГВИДО РЕНИ, разодѣтый щеголемъ, но блѣдный, разстроенный.

ГВИДО. Зачѣмъ насъ звали?

КАРАЧЧИ. Главный архитекторъ
Апостольскихъ строеній отказался
Окончить куполъ къ празднику.

ГВИДО. Ну, что жъ?
Въ противномъ не увѣримъ мы Замніери!
Онъ это долженъ лучше знать.

ФЕТИ. На срокъ

Доменикинъ не станетъ и работать.
И чтó за нужда этимъ Театинцамъ
Спѣшить такимъ великолѣпнымъ храмомъ?..

ГВИДО. Ужъ это знаютъ Клерики, а намъ
За чѣмъ въ дѣла духовныя мѣшаться! *(Періеру)*
Франческо, я тебя у Костагути
Давно не видѣлъ...

ПЕРІЕРО. Не достало денегъ;
И я играть ужъ больше не хочу.

ГВИДО. Мнѣ не везетъ. Вчера я проигралъ
Сто шестьдесятъ піастровъ.

ПЕРІЕРО. А сегодня?

ГВИДО. Не кончили игры. Намъ помѣшали.
Я не хотѣлъ обидѣть кардинала,
И Гвальди сдалъ игру.
Ланфранко, здравствуй!
Какъ ты одѣтъ!

ЛАНФРАНКО. Съ работы.

ГВИДО. Всё равно.
Мы въ самомъ дѣлѣ небрежемъ одеждой,
И поводъ подаемъ къ насмѣшкамъ черни!
За милю живописца узнаютъ!
А быть опрятнѣе совсѣмъ не трудно.
Вѣдь мы жрецы. Наружностью своей
Въ народъ должны почтительность вселять;
Насъ скоро принимать начнутъ за нищихъ,
И такъ, какъ на ремесленниковъ, смотрятъ.
Мы сами уронили уваженье,
Которымъ пользовались и Рафаэль,
И Буонаротти, и да-Винчи. Должно
Стараться быть со всѣми наравнѣ,
И во дворцахъ вельможъ и кардиналовъ

Быть дорогими, цѣнными гостьми,
А не торчать изъ милости въ гостиныхъ...

КАРАЧЧИ. Да это все похоже на пронырство!
Пускай Доменикино и Альбано
Таскаются по лѣстницамъ, прихожимъ...

ЛАНФ: Всегда вдвоемъ! Таинственна ихъ дружба!

КАРАЧЧИ. Ни чуть! Теперь, по должности, Зампіери
Имѣетъ тму работъ, а сочинять
Онъ не горазды. Вотъ за него Альбано,
По бѣдности, изволитъ сочинять;
Тотъ платитъ деньги...

ЛАНФРАНКО. Вотъ что́!

КАРАЧЧИ. Право чудно!
Какъ въ Римъ Зампіери въ первый разъ пріѣхалъ,
Онъ даромъ жилъ у этого-жъ Альбано,
А нынѣ... благодѣтель... секретарь!
Зампіери думаетъ, что это тайна;
Но, говорятъ, не давно, самъ Урбанъ
Сказалъ ему въ глаза объ этомъ.

ЛАНФРАНКО. Право?
Что́ жъ Доминикъ?..

КАРАЧЧИ. Смутился, началъ лгать...

ГОЛОСА. Доменикинъ!.. Доменикинъ!..

—

ТѢ ЖЕ и ЗАМПІЕРИ.

ГВИДО *(идетъ къ нему на встрѣчу)*.
Зампіери!
Ты безъ Альбана!..

ЗАМПІЕРИ. Это что́... Насмѣшка
Иль вѣтренный вопросъ?.. Какъ, безъ Альбана?

ГВИДО *(смѣшавшись)*.
Я думалъ, онъ съ тобой придетъ. Давно

Его не видѣлъ. Ну, а ты каковъ? Окончилъ
Андрея?..

ЗАМПИЕРИ. Нѣтъ еще.

ГВИДО *(разсѣянно)*.
Къ Святой Недѣлѣ.
Ты хочешь кончить...

ЗАМПИЕРИ *(съ досадой)*.
Какъ, къ Святой Недѣлѣ?
Естественная невозможность!

ГВИДО. Полно!
Прости меня! Безъ умысла, ей Богу! *(про себя)*
Проклятый проигрышь! Я перепуталъ...

(Всѣ смѣются).

ЗАМПИЕРИ *(про себя)*.
И я молчу, какъ-будто я преступникъ!
Въ глаза смѣются...

КАРАЧЧИ *(Перiеру)*.
Какъ я благодаренъ
За вашъ подарокъ! Славная гравюра!
Представьте, въ Римѣ этотъ чудный образъ
Почти совсѣмъ былъ неизвѣстенъ; даже
Нашлись такiе люди, что рѣшились
Незнанiемъ воспользоваться Рима,
И выдавать съ него плохiе списки
За собственное сочиненье...

(Большая часть художниковъ злобно улыбаются.)

ЗАМПИЕРИ *(про себя)*.
Боже,
Куда укрыть невинныя глаза
Отъ злобныхъ взоровъ зависти безстыдной!
А стоитъ ли оправдываться?

ГВИДО *(обращаясь къ Караччи).*
Полно!
Антоніо, вѣдь это не учтиво...

ЗАМПІЕРИ *(останавливая проходящаю монаха).*
Гдѣ пріоръ, ради Бога?..

МОНАХЪ. Обождите.
Не можете спокойно посидѣть! *(Уходя).*
Нетерпѣливъ, какъ-будто кардиналъ...

ЗАМПІЕРИ. Монахъ!.. Но, Богъ съ тобою!

ПРІОРЪ *(отворяя дверь).*
Кардиналъ!

—

ТѢЖЕ, КАРДИНАЛЪ ПЕРЕТТИ, ПРІОРЪ и монахи.

ПРІОРЪ. Дозволить ли, свѣтлѣйшій кардиналъ,
Представить Доминика Зампіери,
Которому покойный дядя вашъ,
Блаженной памяти Монтальто...

ПЕРЕТТИ. Знаю. *(Тихо Пріору).*
Довольно! Вы учтивы слишкомъ, Пріоръ,
И снисходительны, а эти люди
Не чувствують внимательности вашей.
Я объяснюсь по-своему... Позвольте!
(Громко Зампіери).
Намѣрены ли вы, синьоръ художникъ,
Къ Святой Недѣлѣ кончить ваши фрески?

ЗАМПІЕРИ *(почтительно).*
Я не могу, свѣтлѣйшій кардиналъ!

ПЕРЕТТИ. Не можете? Ну такъ *другіе* могутъ.

ЗАМПІЕРИ. Мнѣ кардиналъ Монтальто обѣщалъ
Отсрочить...

ПЕРЕТТИ. Кардиналъ Монтальто умеръ.
Богъ знаетъ, что онъ могъ вамъ обѣщать.

А я хочу, чтобы къ Святой Недѣлѣ
Храмъ былъ готовъ...

ЗАМПІЕРИ. Когда хотите, можно
Въ три дня огромный куполъ расписать,
Но не на славу, а на стыдъ всеобщій.
Моя рука поденщицей не будетъ.

ПЕРЕТТИ. Какая дерзость! Знаешь ли, художникъ,
Что я смѣюсь надъ гордостью твоей?
Не думаешь ли ты, что, въ самомъ дѣлѣ,
Ты что́-нибудь отличное отъ прочихъ?
Твое искуство — только плодъ ученья.
Я знаю, вы себѣ вообразили,
Что ваша ловкость красить холстъ и стѣны —
Особенное тайное призванье,
Что вы не люди, что у васъ есть тайны
Священныя... Къ чему вся эта ложь?
Чтобъ обаять толпу священнымъ страхомъ,
И отобрать у ней побольше денегъ!

Всеобщее движеніе негодованія.

Не забывайтесь! Васъ избаловали;
Вамъ вбили въ голову, что, въ самомъ дѣлѣ,
Рожденье въ васъ таланты положило
Повѣрьте, вы въ моихъ глазахъ такіе жъ
Художники, какъ мой малярь придворный,
Которому велю заборы красить.
Есть видимая разница межъ вами:
Вы болѣе, онъ менѣе учился.
Я деньги вамъ даю: чего-же больше?
Вѣдь вы изъ нихъ хлопочете. Торгуйтесь!
Кто менѣе возьметъ съ меня за куполъ,
Тотъ съ превосходнѣйшимъ талантомъ. Пріоръ,
Откройте имъ немедленно торги.
Я ѣду въ Латеранъ и жду отвѣта...

—

ОДНИ ЖИВОПИСЦЫ.

ГОЛОСА *(между ними).*
Торги на Божій храмъ! — Пускай самъ пишетъ! —
И совѣстью и честью торговать! —
Будь проклятъ, кто возьметъ съ Перетти деньги! —
Пусть, какъ Іуда, давится сребромъ! —

ФЕТТИ. Я кипящей смолой,
Черной, гнусной смолой,
Твой портретъ напишу;
На уста положу
Слово хуленья!
А на блѣдномъ челѣ,
Какъ въ зеркальномъ стеклѣ,
Я повѣшу пятно,
Отверженья клеймо!
Да, отверженья!

ГВИДО. И стоитъ ли невѣжа нашей злобы!
Вѣдь онъ не изъ себя хулилъ искуство.
Что́ онъ? Символъ холодности всеобщей,
Которая искуства разрушаетъ.

ЗАМП: Кто силенъ Божій даръ въ душѣ разрушить?
Искуство — принадлежность всѣхъ вѣковъ;
И больше: вѣкъ покорствуетъ искуству.
Оно не рабъ безсмысленной толпы,
Не подмастерье глупыхъ мудрецовъ,
Которые, въ посредственности дерзкой,
У алтаря, завистливо бѣснуясь,
Несокрушимыя подножки гложутъ.
Пускай шипятъ враги святаго чувства!
Повѣрь, то человѣчества послѣдки,
Людская грязь, нечистый соръ земли!..

МНОГІЕ. Да будутъ прокляты враги искуства!..

ЗАМПІЕРИ. Не проклинайте! *Богъ имъ въ наказанье,*
На мѣсто сердца положилъ пустыню.

—

ТѢ ЖЕ и ПРІОРЪ.

ПРІОРЪ *(садясь за столъ).*
Свѣтлѣйшій кардиналъ васъ приглашаетъ
Немедленно начать торги...

ГВИДО. Торги!
Художество дороже красной шапки,
А шляпы Гвидо золотомъ не купишь! *(Уходитъ).*

ГВЕРЧ: На стѣнахъ, посвященныхъ Божьей службѣ,
Съ торговъ писать я не умѣю.
(Уходитъ со многими другими).

ВЕРЕТИНИ. Пріоръ!
Я слишкомъ молодъ для такихъ работъ,
И въ состязаніе вступать не смѣю.
(Уходитъ съ другими).

ФЕТИ. Я уважаю самаго себя,
А торгашей святыни... презираю!

—

ПРІОРЪ, ЗАМПІЕРИ, ЛАНФРАНКО и КАРАЧЧИ.

ПРІОРЪ. Напрасно сердятся; самъ кардиналъ
Открылъ торги, я только исполнитель.

КАРАЧЧИ. Художникъ--раздражительный ребенокъ,
А кардиналъ и самъ еще недавно
Сталъ мужемъ называться. Слишкомъ молодъ!
Я зналъ, что будетъ буря, но не думалъ
Что онъ забудется при мнѣ... Довольно!
Объ этомъ должно папѣ донести,
Онъ голову намоетъ кардиналу...

—

ТѢ ЖЕ, (кромѣ Караччи).

ПРІОРЪ. Все такъ; да надо кончить чѣмъ-нибудь....

ЛАНФРАНКО. Я уважаю вашу осторожность:
Не обезпечивъ платы и работъ,
Мы можемъ быть игрушкой доброй вѣры.
Начнемъ же торговаться!

ЗАМПІЕРИ. Никогда!
Я медленно работаю: но кто же
Посмѣетъ въ лѣности упрекъ мнѣ сдѣлать?
Я каждый день въ воздушной колыбели,
Съ утра до вечера живу во храмѣ;
Неутомимо ходитъ кисть моя;
Всѣ главныя окончены картины;
Остался куполъ; онъ готовъ въ картонахъ
И я переведу его на стѣны
Во столько времени, во сколько можно,
Со мною торговаться не позволю.
И знайте, я *дарю мою работу,*
Не вамъ, а Богу моему и Церкви!
Я бѣденъ златомъ, бѣденъ славой, Пріоръ;
Но я богатъ и совѣстью и чувствомъ.
Торгуйтесь! Пусть художники возьмутъ
Дешевле моего. Повѣрьте, зависть
О золотѣ хлопочетъ, не о славѣ.
Я славой жертвую? Я лучше знаю,
Кто я и что̀ могу. Торгуйтесь, люди,
Но вы уступите Доменикино.
Прощайте! Я иду работать... даромъ...

—

ПРІОРЪ и ЛАНФРАНКО.

ПРІОРЪ *(встаетъ).*
А, если даромъ!.. кончены торги.
Дешевле, кажется, нельзя работать...

ЛАНФРАНКО. И вы ему повѣрили!.. Бѣднякъ,
На что онъ купитъ краски? Весь въ долгахъ,
Онъ не пойдетъ на новыя издержки,
А въ долгъ, ручаюсь, больше не дадутъ.
Вамъ кажется, сокращены издержки?
О, нѣтъ, онѣ отсрочены, и только!
А между-тѣмъ во храмъ не ходятъ люди.

ПРІОРЪ. Взялся, такъ долженъ кончить...

ЛАНФРАНКО. Долженъ, долженъ!
Но можетъ ли?.. Посредственный художникъ
Извѣстный «Волъ» по своему безсилью,
По тупоумію, въ припадкѣ злобы,
Онъ могъ вамъ обѣщать весь Римъ разкрасить:
Но можетъ ли исполнить обѣщанье?
Посредственность хвастлива и дерзка.
Притомъ онъ пишетъ куполъ въ первый разъ.
Тутъ надобна сноровка и умѣнье.
Онъ въ дерзости труда не хочетъ взвѣсить.
И даромъ онъ взялся писать съ расчетомъ;
Онъ знаетъ — если выдетъ хорошо,
Изъ состраданія ему заплатятъ;
А выдетъ худо, за безплатный трудъ
И взыскивать не станутъ. Вѣрьте, хитрость
Придумала, незнанье обѣщало,
Клянусь, онъ купола не можетъ кончить,
Не только къ празднику, и къ Вознесенью!
А можетъ-быть и никогда.

ПРІОРЪ. Ланфранко, вы меня смутили...

ЛАНФРАНКО. Пріоръ,
Вы знаете, что кардиналъ Перетти
Особенно къ Ланфранко благосклоненъ.
Неблагодарнымъ быть я не хочу.
И долженъ правду говорить. Свѣтлѣйшій

Ужъ объявилъ святѣйшему отцу,
Что въ свѣтлое Христово Воскресенье
Откроетъ храмъ Андрея; а Зампіери
Не кончитъ купола; клянусь, не кончитъ.
Вѣдь куполá писать привыкъ Ланфранко?

ПРІОРЪ. Да я его писать заставлю силой!

ЛАНФ: Какъ дѣтское понравилось вамъ «даромъ!»
Какъ-будто отъ него поспѣетъ церковь.
Заставьте силой вашего монаха,
Безъ знанья нотъ, обѣдню сочинить,
Не можетъ онъ, хотя бы и желалъ,
Двухъ нотъ склеить... Простите, добрый Пріоръ,
Не избѣжать вамъ гнѣва кардинала!
А о художникахъ не говорю...
И такъ всѣ легкомыслію дивились!..

ПРІОРЪ *(въ раздумьѣ)*.
Ну, что-жъ бы вы за этотъ куполъ взяли?

ЛАНФРАНКО. Все, чтó назначитъ кардиналъ Перетти.

ПРІОРЪ. Безъ шутокъ? Вы рѣшаетесь, Ланфранко?

ЛАНФРАНКО. Я не пришелъ бы на торги...

ПРІОРЪ. Ланфранко,
Не худо бъ, ради вѣрности, бумагу
И съ означеньемъ срока и цѣны...

ЛАНФРАНКО. Все, чтó хотите!.. Я на все согласенъ!

ПРІОРЪ. Къ Святой Недѣлѣ?..

ЛАНФРАНКО. Да, къ Святой Недѣлѣ.

ПРІОРЪ. И такъ торги за вами остаются?..

ЛАНФРАНКО. За мной!

ПРІОРЪ. А цѣну...

ЛАНФРАНКО. Кардиналъ назначитъ.

ПРІОРЪ. Такъ по рукамъ! *(Отходя тихо).* По истинѣ, вотъ счастье!
Одинъ безъ денегъ жертвуетъ работой,
Другой взялся писать почти-что даромъ:
На щедрость кардинала положился!

—

ЛАНФРАНКО (одинъ).

Зампіери, *поѣзжай теперь въ Неаполь!*

—

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Декорація втораго явленія, втораго акта; мастерская Доменикина.

—

ЧЕЧИЛІЯ, ДОНЪ ГРИМАЛЬДА, АЛЬФОНСО, и другіе ученики Доменикина за работой.

ЧЕЧИЛІЯ. Повремените! Онъ сейчасъ прійдетъ.
Я жду его къ обѣду...

ДОНЪ ГРИМАЛЬДА. Какъ прекрасенъ
Святой Франческо! Для кого онъ писанъ?

ЧЕЧИЛІЯ. Не знаю.

ДОНЪ ГРИМАЛЬДА. Я могу его купить?

ЧЕЧИЛІЯ. Не знаю... Кажется онъ возвратился!..
Вотъ мужъ мой.

—

ТѢ ЖЕ, и ЗАМПІЕРИ.

ДОНЪ ГРИМАЛЬДА. Какъ! художникъ знаменитый,
Прославленный, въ такой глубокой грусти?

ЗАМПІЕРИ. Я знаменитъ несчастьями моими,
Прославленъ злобою моихъ враговъ...
Прочь всѣ холсты, Чечилія! Окончу
Андрея, и въ Болонію уѣду...

ЧЕЧИЛІЯ. Доменикинъ! о чемъ ты говоришь?
ЗАМПІЕРИ. О люди! вы неистощимы въ злобѣ.
Я знаю, вы замучите меня!
Но объ одномъ прошу, молю: — скорѣе!
ДОНЪ ГРИМАЛЬДА. Оставьте Римъ скорѣй.
ЗАМПІЕРИ. Вездѣ есть люди!
Д: ГРИМ: Синьоръ, я въ Римъ пріѣхалъ васъ избавить
Отъ огорченій и враговъ...
ЗАМПІЕРИ. Но кто вы?
ДОНЪ ГРИМ: Я—донъ Грimальда, старшій кавалеръ
Двора намѣстника въ Неаполѣ; пріѣхалъ
Васъ пригласить отъ имени д'Алкалы
Къ намъ переѣхать на житье въ Неаполь.
ЧЕЧИЛІЯ *(бросаясь къ мужу)*.
На смерть! На смерть! Недавно Гвидо Рени
Бѣжалъ оттуда; кавалеръ д'Арпина
Бѣжалъ оттуда: онъ не убѣжитъ,
Погибнетъ, и семью свою погубитъ!
Д: ГРИМАЛЬДА. Синьора, это басни. Были, правда,
Разбойники, но всѣ истреблены...
ЗАМП: Въ Неаполь! Тамъ быть-можетъ люди лучше;
Честнѣе, справедливѣе; быть-можетъ
Намѣстникъ вашъ — не Римскій кардиналъ;
Художники — не бѣшеный Ланфранко...
ДОНЪ ГРИМАЛЬДА. И такъ...
ЗАМПІЕРИ. Я не могу. Я—главный зодчій
Апостольскихъ строеній...
ДОНЪ ГРИМАЛЬДА. Если папа
Отпуститъ васъ!..
ЗАМПІЕРИ. Меня не пуститъ Пріоръ
Монаховъ Театинскихъ. Я обязанъ

Андрея della Valle кончитъ даромъ,
На собственныхъ издержкахъ...

ЧЕЧИЛІЯ. Что я слышу?
Такъ наши деньги...

ЗАМПІЕРИ. Все, мой другъ, пропало!

Д: ГРИМАЛ: Позвольте предложить, синьоръ, за эту
Картину тысячу піастровъ. Очень
Мнѣ нравится—вашъ превосходный трудъ.

ЗАМПІЕРИ. Во-первыхъ, если продавать его,
Онъ стоитъ только шестьдесятъ піастровъ;
Но я продать его не смѣю.

ЧЕЧИЛІЯ (*тихо ему*).
Другъ мой,
Продай, ради дѣтей твоихъ, продай!

ЗАМПІЕРИ. Чечилія, онъ церкви посвященъ;
Онъ даръ обѣтный въ церковь капуциновъ.
Возьми его, Альфонсо, отнеси,
Да не волнуетъ сердца искушенье,
Да пріиметъ орденъ чистый даръ Зампіери,
Обѣтованный за рожденье сына!
Прости, Франческо?
(Альфонсо несетъ картину къ дверямъ).
Нѣтъ, постой, Альфонсо!
Я самъ его повѣшу въ церкви, самъ...
(беретъ картину и хочетъ идти).

—

ТѢ ЖЕ и АЛЬБАНО.

АЛЬБАНО. Куда? Постой! Какъ я ни слабъ, ни боленъ;
Но принужденъ, велѣніемъ Урбана,
Тебѣ его немилость объявить...

ЧЕЧИЛІЯ. Неужели условился весь міръ
Несчастнаго терзать? Его друзья,
И тѣ приносятъ только огорченья...

ЗАМПІЕРИ. Я слушаю, Альбано, говори!

АЛЬБАНИ. Ты боле не главный архитекторъ
Апостольскихъ строеній...

ЗАМПІЕРИ. Справедливо!

ВСѢ. Какъ, справедливо?

ЗАМПІЕРИ. Да скажи, Альбано,
Что я построилъ въ Римѣ? Ничего!
Я могъ построить; и ни чуть не хуже
Бернини и Мадерны: это — такъ;
Но мнѣ не позволяли. Правъ святѣйшій!
Я занимаю мѣсто безполезно,
А эти строятъ... и... не безъ успѣха.
Что ихъ, то ихъ. Я не ропщу на папу.

Д: ГРИМ: Что-жъ васъ теперь удерживаетъ въ Римѣ?
Что за охота вамъ работать даромъ.
Вамъ чрезъ меня намѣстникъ предлагаетъ
За каждую фигуру сто ефимковъ,
За полъ-фигуры пятьдесятъ ефимковъ,
И двадцать пять за голову... Потомъ,
По окончаніи работъ, намѣстникъ
Вамъ обѣщаетъ выдать награжденье
Согласное съ достоинствомъ труда.

ЧЕЧИЛІЯ. А жизнь его во что намѣстникъ цѣнитъ?

ЗАМПІЕРИ. Жена, къ чему подобные вопросы!
Какъ-будто я могу въ Неаполь ѣхать?
Я долженъ въ Римѣ, въ куполѣ Андрея,
Отъ голоду и жажды умереть:
Но съ кистію въ рукѣ, въ устахъ съ молитвой.
Простите, кавалеръ! Мнѣ надо въ церковь
Франческо отнести... Прости, Альбано!

(Увидѣвъ входящаго монастырскаго слугу):

Еще! Я не могу уйти отсюда
И сердцу моему вполнѣ предаться!

СЛУГА *(подает письмо).*

Отъ пріора Андрея делла Валле! *(Уходитъ).*

ЗАМПІЕРИ *(развертываетъ и читаетъ).*

«Художникъ Зампіери, вы свободны
«Отъ всѣхъ работъ Андрея делла-Валле;
«Какъ вы не соглашались на торги,
«То, вслѣдствіе послѣдней переторжки,
«Работы остаются за другимъ...
«Съ отличнымъ уваженьемъ, честь имѣю...»
И даромъ не хотятъ моихъ трудовъ!

(Всеобщее продолжительное молчаніе).

ЗАМП: *(взявъ за руку Альбано, отводитъ его в сторону).*

Альбано, ты прославленный художникъ,
Твоихъ трудовъ ржа зависти не гложетъ.
Мой другъ, Альбано, будь чистосердеченъ!
И дай совѣтъ: на что рѣшиться?.. ѣхать
Иль оставаться въ Римѣ?

АЛЬБАНО. Оставаться.

ЗАМПІЕРИ. На смерть голодную?..

АЛЬБАНО. Послушай, другъ мой!
Брось живопись... она неблагодарна...
Займись усовершеніемъ музыки...
Я слышалъ, ты великій въ ней знатокъ...

ЗАМПІЕРИ *(съ ужасомъ отступаетъ отъ него).*

Альбано!

АЛЬБАНО. Видишь, я чистосердеченъ.

ЗАМПІЕРИ *(съ крикомъ).*

Я ѣду, донъ Гримальда! Ѣду, ѣду!

ЧЕЧИЛІЯ. Доменикинъ! У ногъ твоихъ...

ЗАМПІЕРИ. Я ѣду!
Жизнь коротка, спѣшите, донъ Гримальда!
Мнѣ въ Римѣ не даютъ расправить крылья!

Я здѣсь плохой, ничтожный живописецъ!
Я спорилъ съ вашимъ славнымъ Гвидо Рени,
И не безъ чести спорилъ; и съ тобой,
Альбано, я не избѣгалъ работать,
И, кажется, сообществомъ своимъ
Я ни себя, ни друга не унизилъ...

ЧЕЧИЛІЯ. Забудь о славѣ суетной, Зампіери,
А помни — ты отецъ...

ЗАМПІЕРИ. О, помню, помню,
Какъ за меня великій Аннибалъ
Корилъ своихъ учениковъ! Я помню,
На чердакѣ стоялъ мой Іеронимъ,
А зависть не могла его забыть;
Сыскала и разбилась... Помню, помню!
Тогда я былъ еще и слабъ и молодъ:
Теперь я мужъ, и чувствую себя!
Вѣнецъ мой въ Римѣ: рвите; онъ великъ;
Пока послѣдній листъ изгложетъ зависть,
Въ Неаполѣ сплету другой вѣнецъ...

АЛЬБАНО. Послушай, другъ!..

ЗАМПІЕРИ. Благодарю, Альбано,
Что ты не въ юности моей печальной
Открылъ свое убійственное мнѣнье...
Ты погубилъ бы, можетъ-быть, Зампіери.
Теперь я мужъ, и чувствую себя!
Твой судъ, Альбано, слабый отголосокъ,
Моихъ враговъ; то не твое сужденье,
То мысль наносная; вѣтръ ядовитый,
Отравленный завистливой корыстью.
Ты не причастенъ, другъ мой, къ заговору...
Но слабонравіе... Я все прощаю.
И болѣе! Ты былъ однимъ мнѣ другомъ
И благодѣтелемъ. Я благодаренъ!

По гробъ услугъ твоихъ я не забуду!
Но увѣнчай свои благодѣянья:
Пришла пора... и я у ногъ твоихъ!

Альвано *(хочетъ поднять)*.
Доменикино!

Замміери. Слушай! Я не встану!
Не о себѣ молить тебя хочу.
Ты славенъ! Римъ почтительно глядитъ
На славнаго ученика Караччи!
Отъ зависти... ты не спасалъ меня;
Не могъ спасти. Спаси-жъ мои творенья!
Какъ Лотъ, бѣгу изъ римскаго содома;
Не оглянусь, какъ узникъ, на темницу...
Пускай клянутъ въ немъ память Доминика?
Но... другъ!.. не выдавай моихъ твореній
Голодному и злому молотку...
Пускай бѣгутъ въ Неаполь! Гробъ страдальца
Пусть вырвутъ изъ холодныхъ нѣдръ земли!
Растопчутъ кости. Все равно! Безъ нихъ
Земля велитъ имъ въ землю обратиться:
Но не давай ругаться надъ искуствомъ!
Его хозяинъ — позднее потомство.
Оно прійдетъ, и пусть разсудитъ насъ. *(Вставъ)*
А вы, почтенный кавалеръ Грималъда,
Намѣстнику скажите, что Замміери
Съ восторгомъ принимаетъ приглашенье,
Столь лестный и столь выгодный призывъ.
Остатокъ лѣтъ да прійметъ вашъ намѣстникъ
Какъ жертву для семейства моего.
Я не хочу подписывать условій!
Условіе одно. Когда, по волѣ
Небеснаго Отца, умретъ Замміери,
Пусть будетъ вашъ намѣстникъ имъ *отцемъ*!
Простите, донъ Грималъда; можетъ-быть

Вы къ смерти призываете Зампіери...
Благодарю васъ и за это... Часто
И смерть благодѣяніемъ бываетъ!
Я виноватъ въ любви моей къ искуству,
Но дѣти и жена моя невинны:
Имъ дайте жизнь, мнѣ тихую могилу.
Теперь мнѣ всё равно, гдѣ умереть!
Мнѣ мачихой Болонія была,
Римъ—душной, нестерпимою темницей:
Такъ пусть Неаполь будетъ мнѣ кладбищемъ.
И умереть пріятно на свободѣ!
Я ѣду, завтра же!

ЧЕЧИЛІЯ (*съ отчаяньемъ*).
Онъ не поѣдетъ!
Не слушайте! Я не пущу его!

ЗАМПІЕРИ. Честное слово, донъ Гримальда, ѣду!

ЧЕЧИЛІЯ. Честное слово, не поѣдетъ! Богомъ
Клянусь!.. Сюда, о дѣти! помогите!..

ЗАМПІЕРИ. *Клянуся Богомъ въ первый разъ:* я ѣду!

ЧЕЧИЛІЯ (*падаетъ безъ чувствъ*).
Постой!.. Свершилось!.. Дѣти, вы погибли!..
(Чечилію уносятъ. Всѣ молча и грустно расходятся).

—

ДОМЕНИКИНО ЗАМПІЕРИ, одинъ, ходитъ по мастерской, собирая и укладывая въ папки разные рисунки.

Прости моя таинственная келья!
Неразъ въ ней пролетало вдохновенье!
Не мало чувствъ въ тебѣ перебывало,
Не мало вздоховъ сохраняютъ стѣны!
Разрушатся, но не измѣнятъ стѣны;
Не соберетъ моихъ страданій зависть;

Ихъ неподкупный камень не отдастъ.
Свободенъ я, искусство, я свободенъ!
Я царь моихъ поступковъ и трудовъ...
Меня зовутъ благословить Неаполь
Печатью вдохновеннаго труда...
(Остановясь передъ огромнымъ чистымъ картономъ).
О, чѣмъ тебя прославить, чудный городъ!..
Исторія Неаполя печальна!
Легенды скучны, сказки ихъ ничтожны!
Чу!.. ходитъ вѣтеръ въ паутинѣ вздоховъ,
И сердце имъ отвѣтствуетъ Замніери...
Хоть повѣсть жизни коротка, но въ ней
Бываютъ превосходныя страницы...
Святый Януарій! дай еще одну
Богатую, роскошную страницу,
А я тебя на куполѣ притвора
Представлю... Что за мысль! Святый Януарій,
Благодарю! Я вижу всю картину...
(То отходитъ, то приближается къ картону, руками какъ-будто располагаетъ на немъ группы; весь въ огнѣ

*(Картина *).*

Горитъ чело Везувія сѣдаго,
Душа его свирѣпо говоритъ:
«Вокругъ меня когда-то жили люди;
«Ихъ нѣтъ! Я не люблю живыхъ людей!
«Зачѣмъ же ты, изъ синихъ волнъ, такъ гордо
«Въ пустынѣ сталъ красавецъ городовъ?
«Здѣсь — все мое! Дай мѣсто мнѣ, Неаполь!
«Погибни... или въ море отступи!..»
Сказалъ; и перси исполина смерти
Вздохнули. Застоналъ безмѣрный воздухъ!

---

*) Vies et œuvres des peintres les plus célèbres (Dominiquino, planche 96), par Landon, 1804.

И тучи въ черную стеклись громаду!
Проснулось море синее, и бурно
Отъ нѣдръ земли скалами отбѣжало...
Шатнулась твердь... затрепеталъ Неаполь!
Напрасно молніи крестятся въ мракѣ,
И громъ въ жерло Везувія сѣдаго
Глаголетъ разрушительное слово...
Не видно и не слышно... Онъ, Везувій,
Гранитъ въ песокъ стирая, землю въ пепелъ,
Широкою рѣкою брызнулъ пламя,
И внутренность земли волнами двигнулъ.
Дыханіемъ его лѣса пылаютъ;
Источники отъ блеска изсыхаютъ...
Твой жребій выпалъ, горестный Неаполь!
То на тебя войной идетъ Везувій...
Проснулся городъ, украшенье міра,
Земной цвѣтникъ. Епископъ съ духовенствомъ
Идутъ ко смерти приготовить паству.
Спасенья нѣтъ!..
Тамъ набожный старикъ
Упалъ подъ бременемъ креста; тамъ дѣва
Символъ ужасной смерти держитъ,—черепъ;
Сама не знаетъ, гдѣ его нашла,
Куда его несетъ. Тамъ двое нищихъ,
Какъ милостыни, смерти ждутъ; скупецъ
Имъ злато отдаетъ, но по привычкѣ,
Безъ радости, пріемлютъ поздній даръ.
Тамъ надъ ребенкомъ, камнями убитомъ,
Ломая руки плачетъ мать; тамъ дѣти,
Въ невинности, грозы не понимая,
Глядятъ на смерть, какъ на простой пожаръ.
Тамъ юноша, низверженъ съ колесницы,
Убитый страхомъ, палъ въ толпу бѣгущихъ.
Смятенье, шумъ, вопль, слезы и рыданья

Везувію нестройнымъ хоромъ вторятъ...
Но... вотъ монахъ, съ распятіемъ въ рукахъ,
Между людей возсталъ, какъ изъ могилы,
И повелительное началъ слово:
«О, маловѣрные! куда бѣжите?
«Гдѣ, кромѣ Бога, вамъ спасенье есть?
«Святый Январій насъ спасетъ отъ смерти!
«Я вѣрую, вы вѣруйте со мной!..
Вотъ... въ облакахъ, въ епископской одеждѣ,
Какъ ясная заря... течетъ Святитель!
Воздвигъ свой жезлъ,—потухъ сѣдой Везувій!
Въ пути своемъ окаменѣла лава,
Испуганныя тучи разбѣжались,
И море снова обняло Неаполь!

ЧЕЧИЛІЯ *(отворяя двери съ дѣтьми)*.
Доменикино, что съ тобой?

ЗАМПІЕРИ *(преклоняясь передъ картономъ)*.
Молитесь!
Хвалите Господа!.. Спасенъ Неаполь!

ДОМЕНИКИНО,

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ 5-го Декабря 1851 года.

Цензоръ *А. Фрейгангъ.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Доменикино въ Неаполѣ.

ДОМЕНИКИНО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДОНЪ ПЕДРО РИВЕРРА, герцогъ д'Алкала, намѣстникъ неаполитанскаго королевства.

ГРАФЪ МОНТЕРРЕЙ. грандъ Испаніи. новый намѣстникъ.

ДОНЪ ДІОМИДЪ КАРАФФА, герцогъ Каталонскій.

ЕПИСКОПЪ.

АББАТЪ АМИТРАНТО.

ДОНЪ РОДРИГО ГЕРРЕРА ТОРДЕСИЛЬАСЪ, секретарь герцога.

МАРКИЗЪ ВИКО.

НИКОЛАО СПЕРАНЦА, библіотекарь королевскаго книгохранилища.

ДОМЕНИКО ЗАМПІЕРИ.

ЧЕЧИЛІЯ, жена его.

КІАРА, его дочь.

ЛОРЕНЦО, его племянникъ.

ДЖІО АНЬОЛО КАННИНИ, его ученикъ.

КОЦЦА, тоже

ПІЕДРО, монахъ.

ФРАНЧЕСКО ЛАНФРАНКО.

КІАРА, его жена.

АНДЖЕЛИКА и пять другихъ дочерей его.

КАТАРИНА, ихъ няня.

ДОНЪ ПЕППО РИБЕРРА ДИ ХАТИВА, прозванный Эспаньолето, живописецъ.

МАРГАРИТА.

КАРАЧЬОЛИ, неаполитанскій художникъ.

КОРЕНЦІО, тоже.

ТРАККІО, тоже.

ГОСТИ Доменикина; неаполитанскіе художники; испанскій солдатъ; народъ; тѣни.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Capella del Tesauro въ неаполитанскомъ дворцѣ; одна фреска совершенно окончена и задернута полотномъ; другая вполовинѣ; по свѣжей накладкѣ Доменикино пишетъ картину.

ЗАМПІЕРИ и ПІЕДРО.

ПІЕДРО. Богъ-помощь, Доминикъ!
ЗАМПІЕРИ. Благодарю.
Ты здѣсь давно?
ПІЕДРО. Вошелъ сію минуту.
Позволь присѣсть. Скажи мнѣ откровенно,
Я не мѣшаю.
ЗАМПІЕРИ. Нѣтъ. Люблю работать,
Когда есть съ кѣмъ словечко перебросить...
ПІЕДРО. Ну, что? Успѣшно ли идетъ работа?
ЗАМПІЕРИ. Благодаренье Богу; хорошо!
Вотъ за холстомъ уже одна картина,
Закрытая отъ любопытныхъ глазъ.
Какъ буду выходить, тогда открою;
Пусть сохнетъ на замкѣ... Теперь накладка,
Ты видишь, стынетъ, надобно писать...
ПІЕДРО. Прости нескромности, позволь спросить,

Зачѣмъ въ картинѣ это покрывало?
Когда бы ты хотѣлъ скорѣе кончить,
Ты не отдѣлывалъ бы такъ прилежно
Малѣйшихъ складокъ...

ЗАМПІЕРИ. Видишь, добрый Піедро,
Тутъ политическая есть причина.

ПІЕДРО. Какая?

ЗАМПІЕРИ. Ты не знаешь, можетъ-быть,
Что мнѣ *за цѣлую фигуру сто,*
За полъ фигуры пятьдесятъ ефимковъ,
А двадцать-пять за голову, назначилъ
Намѣстникъ Вотъ, враги и говорятъ,
Что *я нарочно множество фигуръ*
Стараюсь помѣщать въ своихъ картинахъ,
Чтобъ болѣе взять денегъ. Я рѣшился
Ихъ обвиненье дѣломъ опровергнуть,
На полъ картины бросилъ покрывало,
А за него мнѣ не дадутъ и павла...

Молчаніе. Доменикино долго работаетъ не говоря ни слова; потомъ отступивъ отъ картины на нѣсколько шагокъ въ сильномъ волненіи.

ЗАМПІЕРИ. Какое выраженье дать лицу?..
Не слишкомъ ли оно уже печально?
О, нѣтъ, отчаянье — предѣлъ несчастій!..

Поспѣшно подходитъ къ картинѣ, и продолжаетъ писать лицо одной изъ фигуръ картины, напѣвая вполголоса.

Волны океана
Вздрогнули, бѣгутъ;
Крылья урагана
Къ нимъ грозу несутъ.
Видишь, изъ тумана
Двѣ ладьи плывутъ,

Двѣ ладьи съ пловцами
Борятся съ волнами.
Отчаянье на морѣ — слабый парусъ;
Зато отчаянье — надежный якорь!

Опять напѣвая:

Погляди на море!
Нѣтъ уже одной;
На морскомъ просторѣ
Въ темнотѣ ночной
Вотъ другая, въ спорѣ
Съ бѣшеной волной —
Море злобно стонетъ;
Но ладья не тонетъ...

Снова отступаетъ.

О, сколько, въ это страшное мгновенье,
Испуганныхъ, отчаянныхъ людей!..
Легко смѣяться ужасамъ могилы;
Но умирать!..

Съ выраженіемъ въ лицѣ дѣйствительнаго ужаса.

Какъ! въ эту глубину?
Есть у меня жена и дѣти... Боже!
И въ эту пропасть; можетъ-быть и дна
Въ немъ не бывало. Умирать... О, ужасъ!
Дай мнѣ спастись! Клянусь дѣтьми моими,
Я ни ногой на воду...

ПІЕДРО *(подошедъ къ нему и легонько ударивъ по плечу).*

Другъ, опомнись!

ЗАМПІЕРИ *(пришедъ въ себя, съ досадой.)*

Другъ! Ты мнѣ другъ? А помолчать не хочешь,
Когда съ тобой я говорить не въ силахъ...
Я думаю, что лучшій другъ есть тотъ,
При комъ молчать могу я незамѣтно,
И говорить съ самимъ собой...

ПЕДРО. Прости!
Мнѣ стало страшно...

ЗАМПІЕРИ. Мнѣ еще страшнѣе...
Ужъ это мой несчастный нравъ: *люблю*
Подъ родъ моей работы напѣвать,
Иль живо представлять подобный случай.
Писалъ я разъ разбойника; давно,
Лѣтъ двадцать будетъ; Аннибалъ Караччи
Еще былъ живъ и заходилъ ко мнѣ;
Вотъ онъ пришелъ однажды, и находитъ,
Что я передъ разбойникомъ пою,
Въ ужасномъ родѣ пѣсню... Страшный случай!
Враги его прославили однако
Умышленнымъ притворнымъ вдохновеньемъ.

—

ТѢ ЖЕ и СПЕРАНЦА.

СПЕРАНЦА. Синьоръ Зампіери, слава вашей кисти,
Тріумфы на аренѣ живописной,
Съ которыми сравниться могутъ только
Тріумфы Зевксиса и Апеллеса;
Къ искуствамъ выспреннее уваженье,
Которое ученыхъ отличаетъ
Отъ племени плебеянъ и невѣждъ, —
Внушило смѣлость заглянуть въ святыню,
Гдѣ совершаетъ подвиги Зампіери.
По имени Сперанца, а по чину —
Я главный и единственный начальникъ
Книгохранилища намѣстника.

ЗАМПІЕРИ. Я радъ
Свести полезное знакомство... Время
Не позволяло; я хотѣлъ васъ видѣть,
Но не успѣлъ; намѣстникъ приказалъ
Спѣшить работой...

СПЕРАНЦА. Нѣтъ, спѣшить не надо.
Я видѣлъ въ Римѣ славнаго Ланфранко;
Ему народъ нелѣпо удивлялся,
Въ достоинство ему поспѣшность ставилъ,
Не зная, что великій Аристотель
Велитъ въ трудѣ быть *медленно-поспѣшнымъ.*
Толпа народная не понимаетъ
Тѣхъ рычаговъ изящнаго искуства,
Которыми художники подъемлютъ
Свои труды подъ куполъ высшей славы.

ПІЕДРО (*тихо Зампіери*).
Ты понимаешь, что̀ онъ говоритъ?

ЗАМПІЕРИ. Нѣтъ.

СПЕРАНЦА. Это покрывало очень кстати;
Оно картину ловко раздѣляетъ
Въ два поприща; событіе одно;
Легко его представить въ полной массѣ;
Не трудно изумить насъ многолюдствомъ
И лицами картину испестрить;
Нѣтъ, дайте намъ догадываться; глазъ
Не долженъ собирать одну наружность;
Пусть ищетъ мысли, поводовъ, единства;
Пусть разсуждаетъ... Но зато старикъ,
Простите, мнѣ не нравится: зачѣмъ
Онъ эту занавѣсъ отдернуть хочетъ?
Пусть онъ рукой показываетъ людямъ,
Что тамъ за покрываломъ происходитъ.
Еще: зачѣмъ стоитъ кудрявый мальчикъ?
Однообразно очень; пусть онъ сядетъ;
Онъ болѣе ту дѣвушку откроетъ...
У ней прелестныя должны быть формы,
А вы безъ надобности ихъ закрыли...

ПІЕДРО. Я думаю, что главная ошибка —
Зачѣмъ не ночь, а день въ его картинѣ?

СПЕРАНЦА. Я съ вами несогласенъ; есть предметы,
Для коихъ свѣтъ дневной необходимъ.

ПЕДРО. Тогда бы ночи не было въ природѣ,
Для многаго...

СПЕРАНЦА. Не то вы говорите...
Ночь — недостатокъ свѣта: какъ же вы
Хотите обнаруживать цвѣта
Одеждъ, земли, лицъ, воздуха и моря?..

ПЕДРО. Все это ночью свой имѣетъ цвѣтъ.

СПЕРАНЦА. О! никакого. Въ этомъ я поспорю..
Вамъ Codice Atlantico извѣстенъ?
Тамъ Ліонардъ да-Винчи говоритъ...

ПЕДРО. Слыхалъ и я объ этой чудной книгѣ;
Но жаль, она не издана...

СПЕРАНЦА. Нельзя!
Притомъ *оно* — не книга, а собранье
Фигуръ математическихъ, рисунковъ,
Стиховъ; стихи его совсѣмъ не дурны;
Я удивляюсь, почему стихи
До-сей-поры не изданы... Въ нихъ много
Полезнаго для разысканій; впрочемъ,
Теперь бы ихъ не поняли: нашъ вкусъ
Не очень любитъ древнее, тогда
Какъ только древнее одно изящно.

ЕДРО. Да, правда; Рафаель и Бонаротти
гъ древней живописи далеко
стали: пусть пѣняютъ на себя!
чѣмъ произведеньямъ Апеллеса
подражали...

РАНЦА. Но его картины
намъ не дошли.

РО. А намъ какое дѣло!

Пусть подражают: мы ужъ такъ привыкли
Къ антикамъ; мы не Итальянцы, — Греки,
Живемъ въ обычаяхъ Эллады, Рима,
Едва ли мы въ Юпитера не вѣримъ.

ЗАМПІЕРИ. Потише объ антикахъ... Изучи
Ихъ удивительное совершенство,
Не то заговоришь...

ПЕДРО. Противъ антиковъ
Я возставать не думаю; я вѣрю,
Что это совершенство, но для Грековъ;
Что изучать ихъ должно, но никакъ
Не подражать съ слѣпымъ предубѣжденьемъ.
Неужели великій Бонаротти
Не изучалъ антиковъ, но умѣлъ
Быть независимымъ, согласнымъ съ вѣкомъ,
Съ религіей?..

ЗАМПІЕРИ. На это я согласенъ.

СПЕРАНЦА. Я — нѣтъ!

—

ТѢ ЖЕ и ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

ГОСТЬ. Простите; заняты работой;
Я на минуту; тетушка моя,
Маркеза Франка-Вилла, поручила
Просить васъ завтра къ ужину. Гостей
Не много будетъ; тетушка желаетъ
Васъ угостить по-древнему...

ЗАМПІЕРИ. Мнѣ трудно...
Я боленъ, занятъ...

—

ТѢ ЖЕ и ВТОРОЙ ГОСТЬ.

ВТОРОЙ ГОСТЬ. Здравствуй, другъ Зампьери!
Да брось писать! Здоровіе разстроишь!

Поѣдемъ завтра на охоту, право!
А? Что?.. Люблю! Ни въ чемъ противурѣчья!
А я тебѣ дорогой покажу
Такіе виды, что въ своей Тосканѣ,
Въ Ломбардіи, не встрѣтишь: чудеса!
Совѣтую тебѣ въ твоихъ картинахъ
Употреблять окрестную природу;
Оно живѣе, болѣе народно...

—

ТѢ ЖЕ и ЕПИСКОПЪ (всѣ встаютъ).

ЕПИСКОПЪ. Не заѣзжалъ ли къ вамъ намѣстникъ?
ЗАМПІЕРИ. Нѣтъ!
ЕПИСК: Такъ вѣрно будетъ; онъ хотѣлъ заѣхать..
Его святѣйшество знатокъ въ искуствахъ
И любитъ все изящное; я... съ нимъ ..
Мы очень хлопотали видѣть васъ
Въ Неаполѣ... Исполнилось желанье...

Послѣ минутнаго молчанія.

Не можете ли вы, мой другъ, художникъ,
Мнѣ оказать двѣ важныя услуги?
ЗАМПІЕРИ. Вы можете приказывать Зампьери.
ЕПИСКОПЪ. Двѣ принадлежности людей великихъ:
Одна — учтивость, а другая — скромность;
Соединяя множество талантовъ,
Вы ждете отъ невѣжи приказанья
Чтобъ дать имъ крылья. Да, мой другъ, художникъ, —
Невѣжа я въ искуствахъ вашихъ! Правда,
Случалось мнѣ совѣтовать Риберрѣ,
Онъ очень снисходителенъ и добръ,
И принималъ совѣты безъ насмѣшки...
ЗАМПІЕРИ. А съ благодарностью... Я бы желалъ
Быть столь же счастливымъ...

ЕПИСКОПЪ. Мой другъ, художникъ,
Я вѣдь простой любитель; но любитель
Къ несчастью разсуждающій: мнѣ трудно
Молчать, когда свое имѣю мнѣнье.
Дастъ Богъ, мы познакомимся короче...
Тогда увидите, что я невольникъ
Извѣстныхъ правилъ, собственныхъ однако,
Почерпнутыхъ изъ опыта и жизни...
Теперь оставимъ это, а о дѣлѣ
Поговоримъ... Есть у меня сестра,
Которую я очень уважаю;
Она живетъ на виллѣ: я желалъ бы
Имѣть портретъ ея, по вашей кисти...
Такъ, я не сомнѣвался, вы согласны.

ЗАМПІЕРИ. Но...

ЕПИСКОПЪ. Успокойтесь! Мы уладимъ это...
Другая просьба мелочна, не стоитъ
Внимательности вашей: если жъ время
Позволитъ вамъ въ свободную минуту
Взглянуть на чистую бумагу, бросить
По ней карандашемъ двѣ три идеи,
Вы сдѣлаете мнѣ благодѣянье,
Которое до гроба буду помнить.
Мнѣ надобенъ листокъ заглавный къ книгѣ,
Которую издать намѣреваюсь.
Я вамъ пришлю тетрадь, мой другъ, художникъ.

—

ТѢ ЖЕ, ГЕРРЕРА и МАРКИЗЪ ВИКО.

ЕПИСКОПЪ. А, секретарь Геррера! Что намѣстникъ?

ГЕРРЕРА. Отправился домой...

ЕПИСКОПЪ *(пожавъ руку Зампіери и уходя.)*
Мой другъ, художникъ,

Я къ вамъ зайду въ свободнѣйшее время.

—

ТѢ ЖЕ, кромѣ Епископа.

ГЕРРЕРА. Вы заняты всегда большой работой.
Произведеній меньшаго размѣра
Не любите?..

ЗАМПІЕРИ *(съ примѣтной досадой.)*
Старикъ, безъ вдохновенья,
Я сталъ любить покой, лѣнь, праздность, нѣгу...
Дай Богъ окончить церковь передъ смертью...

МАРКИЗЪ ВИКО. Къ чему пророчить самому себѣ
То, что̀ придетъ своей дорогой.

ГЕРРЕРА. Лучше
Забыть о старости, и въ часъ досуга
Искусной кистью разгонять тѣ думы,
Которыя тревожатъ по пустому
Воображенье творческой души.

ЗАМПІЕРИ *(сѣвъ на подмосткахъ.)*
Я ослабѣлъ отъ жара и трудовъ.

ГЕРРЕРА. Ну, а изъ старыхъ, небольшихъ работъ
Нѣтъ съ вами ничего?

ЗАМПІЕРИ. За хлѣбъ насущный
Я продалъ ихъ.

МАРКИЗЪ ВИКО. Жаль; донъ Родригъ Геррера
Прелестное собраніе имѣетъ;
Недостаетъ Зампіери и Ланфранко.

ГЕРРЕРА. Ланфранко обѣщалъ. Онъ самъ пріѣдетъ
Сегодня, завтра... Вы, синьоръ Зампіери,
Съ нимъ не въ ладахъ, я слышалъ.

ЗАМПІЕРИ. Не въ ладахъ!
О, люди, люди!.. Я былъ также молодъ,

Надъ злобою и клеветой смѣялся,
Но никогда себѣ не позволялъ
Испытывать отраву змѣй и гадинъ...
Я ихъ бѣжалъ, — они за мной бѣжали!
Нѣтъ пристани для честности; для злобы
Прибѣжище и въ людяхъ и въ землѣ...
Свѣтъ для невинныхъ — гладкая пустыня;
А для порочныхъ — безопасный домъ
Съ мильономъ темныхъ, тайныхъ переходовъ...
Ходите въ нихъ, вы къ нимъ привыкли, люди!
Такая тьма свѣтильниковъ у васъ!
Лесть, клевета, коварство, подозрѣнье,
Насмѣшка, честолюбіе... ходите!..

МАРК. ВИКО. Припадокъ съумасшествія! уйдемъ!

ЗАМПІЕРИ. Терпѣніе — одно неистощимо;
У добраго — страдать, у злаго — мучить...
Жизнь — терпѣливый споръ осла съ лисицей...
Охъ! скучно жить!.. Ушли!.. Ну, слава Богу!..

—

ЗАМПІЕРИ и ПІЕДРО.

ПІЕДРО. Твой разговоръ смутилъ гостей незванныхъ!

ЗАМПІЕРИ. Спроси, зачѣмъ они входили въ церковь?..
Чтобъ забросать желаньями пустыми
Недѣли двѣ отраднаго труда.
Одинъ пришелъ вести ненужный споръ
О томъ, чего не знаетъ, знать не въ силахъ...
Какъ-будто можно начитать искуство,
Художеству изъ книгъ извлечь законы!
Другой въ уничиженномъ самолюбьи
Пришелъ заказывать листокъ заглавный
Для неизвѣстной книги. и портретъ
Сомнительной сестры. Иной лукаво
Заводитъ рѣчь о небольшихъ картинахъ

Для пополненья глупой галлереи,
Составленной изъ надписей, именъ,
Гдѣ ни одной нѣтъ подлинной картины...
Спроси, зачѣмъ они входили въ церковь?
Невинно останавливать работу.
Кто знаетъ, можетъ быть, враждебный умыслъ
Приводитъ ежедневно ихъ въ притворъ!
Сомнительна ихъ хитрая учтивость,
Сомнителенъ ихъ странный разговоръ;
Онъ носитъ всѣ цвѣта придворныхъ сплетней
И всѣ оттѣнки злобы живописцевъ,
Которые преслѣдуютъ меня...

ПІЕДРО. Мнѣ кажется, ты многія гоненія
Воображаешь.

ЗАМПІЕРИ. О, любезный Піедро!
Ты былъ бы выше Данте и Петрарки,
Когда бъ ты могъ создать воображеньемъ,
Что создастъ дѣйствительная злоба
И зависть... Бросимъ этотъ разговоръ.
Пора домой! Я холстъ теперь сниму,
Ты посмотри на конченную фреско.

Отдергиваетъ полотно и въ ужасѣ отступаетъ.

Святой Януарій!..

ПІЕДРО. Что съ тобой?

ЗАМПІЕРИ. О, Піедро,
Я этого отъ нихъ не ожидалъ!
Вся штукатурка поднялась! Картина,
Не высохнувъ, коробится, и завтра
Весь трудъ мой разлетится...

ПІЕДРО. Что за чудо!

ЗАМПІЕРИ. Не чудо, а услужливость враговъ!
Я со слезами на нее смотрю;
Три мѣсяца работы постоянной,

Плодъ долгихъ размышленій, передѣлокъ,
Исполненный удачно... Завтра, завтра
Обрушится огромная работа:
Трехъ мѣсяцевъ какъ не бывало!

ПІЕДРО. Странно!
Но, можетъ быть, въ накладкѣ есть ошибка...

ЗАМП. Ошибка! Нѣтъ, разсчетъ глубокій, тонкій,
У дьявола почерпнутый совѣтъ.

ПІЕДРО. Нельзя ли горю пособить?..

ЗАМПІЕРИ. Не тронь!
Малѣйшее прикосновенье, — фреско
Обрушится... Пускай намѣстникъ взглянетъ!

ПІЕДРО. Стѣна сыра.

ЗАМПІЕРИ. Она была суха,
Какъ въ жаркій день чело горы песчаной!
Разрушится, чуть хорошо просохнетъ;
И мнѣ же стыдъ, зачѣмъ неосторожно
Накладки я не испыталъ; зачѣмъ
Довѣрился работникамъ; зачѣмъ...
О, этимъ всѣмъ *зачѣмъ* конца не будетъ!

Садится на полу подъ картиной.

Я не уйду отсюда; при картинѣ
Я буду ждать послѣдняго суда...
Пускай прійдетъ намѣстникъ; я не встану.

ПІЕДРО. Я отыщу накладчика; быть можетъ,
Откроетъ онъ причину...

—

ЗАМПІЕРИ (одинъ).

Сто піастровъ,
Когда откроетъ... Нѣтъ, онъ не откроетъ!
Глубокъ источникъ всѣхъ моихъ несчастій.

Не вижу дна!..
Три мѣсяца работы...
Обдуманный, великолѣпный трудъ...
Богатство группъ и сладость колорита...
Счастливый свѣтъ притвора; освѣщенье
Въ самой картинѣ... Все мнѣ обѣщало
Неувядающую славу... Что же
Теперь останется?.. Стыдъ и насмѣшка!..
Судьба, судьба! желѣзными когтями
Ты хочешь отодрать отъ твердыхъ камней
То, что меня увѣковѣчить можетъ...
На твердость стѣнъ надѣялся Замньери,
И именно на твердость этихъ стѣнъ;
А въ Римѣ, можетъ быть, холодный молотъ
Давно уже разбилъ мои созданья;
Остатками трудовъ сорокалѣтнихъ
Чернь римская Тибръ бурный запрудила,
Вода смѣшала ихъ съ пескомъ и грязью
И разнесла по дну сѣдаго моря...
Что на стѣнѣ, то съѣлъ свирѣпый молотъ;
Что на холстѣ, по чердакамъ гніетъ...
Еще сіяла сладкая надежда...
Увы, и та не доживетъ до завтра!..

Стѣна даетъ трещину.

Боюсь взглянуть; мнѣ кажется, стѣна
Шатнулась (*оглядывается*). Кончено! Смотрите,
Какъ хороша была моя картина!
Нѣтъ никого! Какъ? Передъ разрушеньемъ
Никто моей картины не увидитъ?

Бѣжитъ в, открывъ дверь, кричитъ:

Сюда, сюда! кто вѣруетъ въ Христа!
Ради пречистыхъ ранъ Его, сюда!..

—

Богъ знаетъ чѣмъ!.. Повѣрь же мнѣ, мой другъ,
Съ одной тобой я искрененъ, послушай:
Я знаю, слухи носятся, что я
Изъ зависти преслѣдую Зампьери;
Клянусь, я въ немъ одну бездарность вижу.
Я не преслѣдую его, напротивъ,
До сей поры предъ герцогомъ д'Алкала
Ни разу я его не опорочилъ;
Отъ всѣхъ судовъ и преній отдалялся,
И ждалъ пока распишетъ онъ притворъ;
Тогда бъ его — созданья обвинили.
Но этого до смерти не дождаться;
Онъ драпировку на одной фигурѣ
Недѣлю, мѣсяцъ, пишетъ; между тѣмъ
Художники безъ дѣла: всѣ заказы
Идутъ къ нему, гніютъ безъ исполненья;
И признаюсь, мнѣ стало скучно ждать.
Скажи мнѣ, Маргарита, на кого
Несправедливо возставалъ Риберра?
Скажи, кому завидовалъ Риберра?
Пускай бы въ зависти и тайной злобѣ
Меня винила чернь.... но ты!..

МАРГАРИТА. Оставимъ
Ничтожный споръ; не огорчайся, другъ мой...

РИБЕРРА. Нельзя не огорчаться!.. Ты одна,
Кому я признаюсь въ малѣйшихъ тайнахъ,
И ты не вѣришь искренности...

МАРГАРИТА. Полно...
Вотъ поцѣлуй! Я выдаю Зампьери,
Но объ одномъ прошу: будь справедливъ...

РИБЕРРА. Опять!..

МАРГАРИТА. Прости! Люби меня и только!
Не забывай меня ради искуства

И приходи скорѣй въ мои объятья:
Когдажъ ко мнѣ?

РИВЕРРА. Сегодня же.

МАРГАРИТА. Не вѣрю..
Ужь я не молода. Прости!..
До вечера?..

РИВЕРРА. До вечера! прости!

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Комната въ квартирѣ Ланфранко. Кіара и Анджелика вынимаютъ изъ ящиковъ платья и различныя женскія убранства; вскорѣ вся комната наполняется нарядами.

—

КІАРА, АНДЖЕЛИКА и КАТАРИНА.

АНДЖЕЛ. Ахъ, маменька! вашъ бархатный нарядъ
Хоть выбросить...

КІАРА. Проклятая дорога!
А все Франческо... Э! доѣдетъ, близко,
Недалеко! И что ему до платій
Своей жены! Хоть брось: а славный бархатъ!
Я говорила, надо уложить,
Закупорить, зашить въ три полотна
И тонкою смолой покрыть: нѣтъ, — близко,
Недалеко, доѣдетъ! Катарина,
Поди и позови его сюда.

—

КІАРА и АНДЖЕЛИКА.

КІАРА. Оставь зеленый бархатъ наверху:
Я завтра шить велю на здѣшній ладъ
Другое платье. Между тѣмъ къ обѣдиѣ
Мнѣ не въ чемъ выйти!

—

ТѢ ЖЕ и ЛАНФРАНКО.

КІАРА. Вотъ синьоръ Ланфранко!
Вотъ слѣдствіе разсчетливости вашей!
Возьмите это платіе, возьмите,
Надѣньте на себя, а мнѣ не нужно.

ЛАНФРАНКО. Помилуй, Кіара!

КІАРА. Я же виновата!
Мнѣ не въ чемъ выйти завтра. Вашъ кафтанъ
Я не надѣну...

ЛАНФРАНКО. Господи! Сто платьевъ;
Вся комната завалена...

КІАРА. Такъ что жъ?
Да развѣ можно въ городъ показаться
Безъ бархатной одежды? Вы себѣ
Въ лохмотьяхъ щеголяйте — все одно:
Не женщина, никто васъ не осудитъ.
Я лучше ѣсть не буду, а нарядъ,
Во что бы то ни стало, завтра будетъ!...

ЛАНФРАНКО. Теперь бы обождать, пока достанемъ
Побольше денегъ...

КІАРА. Мнѣ какое дѣло!
Не я хозяйствую; вы доставайте,
Кормите всѣхъ, поите, одѣвайте...

ЛАНФРАНКО *(про себя)*.
О, фурія! Когда уйдешь ты въ адъ!..

КІАРА. Задумались! Пора вамъ одѣваться,
Къ друзьямъ и покровителямъ идти;
Не худо бы въ счетъ будущихъ работъ
Собрать побольше задатковъ: время.
Теперь хорошее, работать можно
По десяти, двѣнадцати часовъ;
Въ Неаполѣ немного знатоковъ,
Такъ можно дѣлать на живую руку...

ЛАНФР. Тутъ есть знатокъ, Эспаньолетъ Риберра!

КІАРА. Пойдите, поклонитесь, — и конецъ.

ЛАНФР. Мнѣ кланяться!..

КІАРА. Вѣдь кланялись другимъ,
И не такимъ высокимъ живописцамъ?
По тѣмъ же, кажется, причинамъ...

ЛАНФРАНКО. Кіара!..

КІАРА. Да объясните мнѣ, синьоръ Ланфранко,
Зачѣмъ мы здѣсь? Неужели работы
Вамъ недостало въ Римѣ? Сто заказовъ
Пріѣхало въ Неаполь вмѣстѣ съ вами:
Зачѣмъ же вы пріѣхали въ Неаполь?..

ЛАНФРАНКО (*про себя*).
Неужели еще въ душѣ коварной
Преступный пламень не угасъ?..

КІАРА. Одѣньтесь,
Синьоръ Ланфранко, говорю вамъ...

ЛАНФРАНКО. И каждый день все тѣ же истязанья!

КІАРА. Да будетъ ли конецъ мечтаньямъ вашимъ?..

ЛАНФРАНКО. Иду, иду!

—

КІАРА (одна).

Постой! еще не все!
Всѣ ужасы семейственныхъ раздоровъ,
Всѣ сплетни, безпорядокъ, мотовство,
Весь домъ вверхъ дномъ: живи съ ужасною Кіарой!
Она твоя! Живи! Она твоя,
Но не жена, а казнь твоихъ злодѣйствъ!

***

О, тридцать слишкомъ лѣтъ, въ стеклѣ зеркальномъ,
Румянцемъ дѣвы юной не играютъ!

Глаза горятъ тридцатилѣтнимъ зноемъ
Какъ раскаленное для мукъ желѣзо!
Уста теряютъ милую улыбку,
Чтó краше звѣздочки на нихъ сіяла,
И сушитъ злость. ихъ дѣвственную краску...
А на челѣ, какъ молнія грозы,
Прорѣзалась угрюмая морщина:
Въ ней черныя гнѣздятся грустно думы!

***

Куда пришла застѣпчива Кіара?
Гдѣ свѣжая пѣснь юности твоей?
Ужъ нѣтъ любви; нѣтъ бурной мести жара;
Нѣтъ ничего уже въ груди моей...
Пуста, глупа... Зачѣмъ жила я въ свѣтѣ?
Кто *мною* счастливъ иль утѣшенъ былъ?
Любя, должна была я ненавидѣть,
И ненавистнаго любить.

***

Кто сжалился надъ жребіемъ несчастной?
Онъ тайной былъ; никто не могъ облить
Широкихъ ранъ цѣлебнымъ врачеваньемъ;
Тѣ язвы были радостью моей...
Такъ уксусъ кажется напиткомъ сладкимъ
Для разможженнаго въ орудьяхъ пытки...

***

Но лѣта унесли и эту радость ..
Да рыцарю — на битвѣ язвы въ честь!
Кровь льется, онъ на кровь съ улыбкой смотритъ;
Кровь лавромъ выростетъ, — и онъ доволенъ!
Но бурная промчится быстро юность;
Въ замѣнъ недужная влечется старость;
Нѣтъ прежнихъ силъ, а гордый лавръ, смотри,
Несправедливое потомство топчетъ!..

Что жъ рыцарь? долженъ жить!..живетъ безсильный
За то, что не умѣетъ умереть...

***

О, Господи! я не живу на свѣтѣ,
И не жила! Было-ль одно мгновенье,
Когдабъ я тѣнь одну видала счастья?
Знавала ль я покойный ночью сонъ?
Днемъ удовольствіе игры, прогулки,
Иль пѣнія таинственную сладость?
Привѣтъ подруги неизвѣстенъ Кіарѣ,
Въ друзьяхъ встрѣчала я судей жестокихъ,
Неумолимыхъ получеловѣковъ,
Или грѣха корыстное потворство...

***

Одна, какъ незаконная звѣзда,
Что не въ урочное проходитъ время,
Я прохожу медлительную жизнь,
Какъ незнакомую стихію... Кто же
Столкнулъ меня съ стези обыкновенной?..

—

КІАРА и ЛАНФРАНКО.

КІАРА. Одѣлись! Изъ дому бѣжите! Время
Легко истратить, возвратить нельзя;
А лучше бы работали...

ЛАНФРАНКО. Но, Кіара,
Не ты ль сама...

КІАРА. Такъ; я же виновата!
Я потакаю вашей лѣни! я
Причиною издержекъ непомѣрныхъ!
Вы для меня пріѣхали въ Неаполь!

ЛАНФРАНКО *(про себя)*.
Одна она Ланфранко въ душу смотритъ;
Я долженъ все сносить.

КІАРА. Ну, чтó жъ, одѣлись!
Такъ не теряйте времени; идите.
Старайтесь достигать прекрасной цѣли,
Къ которой вы стремитесь столько лѣтъ...
Она близка... Не правда ль?..

ЛАНФРАНКО *(уходя)*.
До свиданья!
(Но только бы не въ жизни).

КІАРА *(съ презрительной улыбкой)*.
До свиданья.

—

КІАРА (одна).

Мнѣ легче! я одна!.. Доменикино!
Нѣтъ, сны исчезли, даже образъ твой
Мнѣ незнакомымъ сдѣлался! Такъ время,
Не только съ зелени снимаетъ краску,
Кругъ солнечный, глубь моря уменьшаетъ,
Но даже съ зеркала, чтó тверже злата,
Яснѣе стекла, чтó памятью зовется,
Живые призраки прошедшей жизни
Невидимо стираетъ безъ слѣдовъ...
И шумный пиръ желаній и страстей
Неконченнымъ сдается сновидѣньемъ...

—

КІАРА и ЛОРЕНЦО.

ЛОРЕНЦО. Благословенъ пріѣздъ вашъ!..

КІАРА. Ахъ, Лоренцо!

ЛОРЕНЦО. Давно ли?

КІАРА. Нѣтъ, недавно; мы сегодня
Пріѣхали.

ЛОРЕНЦО. Какъ вы похорошѣли!

КІАРА. Да, это правда; воздухъ и дорога

Должны придать мнѣ свѣжесть и румянецъ.
Ну, каково въ Неаполѣ, Лоренцо?

ЛОРЕНЦО. До-сей-поры скучалъ я, какъ въ темницѣ;
Теперь Неаполь кажется мнѣ раемъ.

КІАРА. И отчего такая перемѣна?

ЛОРЕНЦО. И это спрашиваетъ Кіара!..

КІАРА. Чтó же!
Вашъ дядя постарѣлъ, разбогатѣлъ;
Неаполь удивляется Зампіери:
Онъ много написалъ; нельзя сегодня, —
А завтра непремѣнно я пойду
Взглянуть на новую его картину.
Объ ней кричали очень много въ Римѣ,
Хотя еще никто ея не видѣлъ...

ЛОРЕНЦО. Утѣшьтесь, Кіара, нѣтъ уже картины.

КІАРА. Какъ нѣтъ?

ЛОРЕНЦО. Я договоръ нашъ исполняю.

КІАРА. Какой, Лоренцо?..

ЛОРЕНЦО. Помните тотъ вечеръ,
Когда мы говорили о портретѣ?..
Я мстилъ за васъ... хитро и больно мстилъ;

КІАРА. Но, ради Бога, въ чемъ же эта месть?

ЛОРЕНЦО. Въ три мѣсяца съ трудомъ неимовѣрнымъ
Доменикинъ успѣлъ окончить фреску
Огромную, богатую, живую, —
Онъ ничего не написалъ такъ дивно! —
Старательно скрывая отъ людей
Свое произведенье, онъ завѣсилъ
Картину полотномъ. Утѣшьтесь, Кіара!
Картина подъ рукой его распалась.

КІАРА. И ты, Лоренцо...

ЛОРЕНЦО. Я, — и кто другой

Могъ тайно золу сыпать въ штукатурку,
Невидимо надкалывать накладку...

КІАРА. Кто выдумалъ такое средство?

ЛОРЕНЦО. Страсть!

КІАРА. Къ чему?

ЛОРЕНЦО. Къ тебѣ, очаровательная Кіара!

КІАРА. О, я сама себя проклясть готова,
Когда могла вдохнуть такую страсть!
Га! страсть ко мнѣ! И я же виновата,
Что адъ тебя въ одежду человѣка
На гибель человѣку нарядилъ?..
У ада ты проси вознагражденій!..

ЛОРЕНЦО. Того ли ждалъ я, Кіара!

КІАРА. Неужели
Ты ждалъ благодареній, похвалы?
Къ художникамъ иди; отдай имъ тайну;
Ты дорого возьмешь за зло съ злодѣевъ,
А съ женщины возьми одно презрѣнье...

ЛОРЕНЦО. Неужели ты любишь Доменика?
И твой обѣтъ мгновеннымъ былъ припадкомъ
Безплодной страсти, ревности?.. Старикъ,
Онъ смотритъ въ гробъ по приказанью Кіары,
И на краю ужъ вырытой могилы
По прежнему смѣется надъ тобой!..

КІАРА. Пускай смѣется; я смѣюсь надъ нимъ;
Но къ преступленьямъ Кіара неспособна...
Насъ раздѣлило слишкомъ двадцать лѣтъ...
Мы другъ для друга сдѣлались чужими.
И мало ли кого я въ жизнь любила!
Такъ ревновать ко всѣмъ, всѣмъ мстить такъ низко?
Любовь свободна; я люблю сегодня,
А завтра не люблю; такъ я хочу:

Мнѣ весело тревожить молодыхъ
Себялюбивыхъ гордецовъ; пріятно
Двусмысленною рѣчью волновать
Ихъ сердце, полное нечистой жажды;
Зажечь ихъ огнедышащія страсти,
И на пожаръ съ улыбкою смотрѣть,
Спокойно разрушеньемъ любоваться...
Всему есть мѣра, и на все есть время;
Но старику, истерзанному жизнью,
Обманутому подлыми родными,
Отверженному свѣтомъ и искуствомъ,
Мстить Кіара не умѣетъ, и не хочетъ,
И не хотѣла.

ЛОРЕНЦО *(схвативъ ея руку).*

Нѣтъ, теперь ужъ поздно!
И если ты обѣта не исполнишь,
Такъ я насильно вырву исполненье!

КІАРА *(оттолкнувъ его).*

Неистовый! сильна и наша слабость,
Когда она въ достоинство одѣта!
Есть въ женщинѣ невидимая сила,
Небесная невинности броня!
И если взоръ нашъ гнѣвомъ загорится
И задрожатъ уста негодованьемъ,
Тогда не станешь думать о лобзаньи,
А ницъ падешь какъ предъ своимъ владыкой!

ЛОРЕНЦО *(падая на колѣни).*

Ужасная, будь милосердна!

КІАРА. Прочь!

ЛОРЕНЦО. Прости меня, о, Кіара!

КІАРА *(уходя).*

Проклинаю!

—

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Зала въ домѣ Эспаньолета. Приготовленъ пиръ.

—

КАРАЧЬОЛИ, КОРЕНЦІО и толпа гостей.

КАРАЧ. Испанецъ! Онъ ведетъ совѣтъ съ Ланфранко. .
Проклятый родъ!.. Чтó, у тебя есть ножъ?

КОРЕНЦІО. Карачьоли! Эспаньолетъ намъ льститъ,
Онъ помогаетъ намъ противъ Зампьери;
Онъ нуженъ намъ, пускай живетъ Риберра!

КАРАЧ. Испанецъ!

КОРЕНЦІО. Тише, насъ подслушать могутъ,
И будетъ трудно дѣйствовать въ цѣпяхъ...

ТРАККІО. Пока здѣсь нѣтъ ни одного Испанца,
Вы можете свободно говорить,
Мы ваше мнѣнье также раздѣляемъ.

КАРАЧЬОЛИ. Ты нашъ!

КОРЕНЦІО. Къ чему? Чѣмъ больше насъ, тѣмъ хуже,
Тѣмъ менѣе удачи ..

КАРАЧЬОЛИ. Понимаю!

—

ТѢ ЖЕ, ЭСПАНЬОЛЕТЪ и ЛАНФРАНКО.

РИВЕРРА. Привѣтствую васъ, милые друзья,
Соперники, сотрудники Риберры!
Чтó? Всѣ ли собрались? И нашъ Зампьери
Былъ приглашенъ на пиръ, да отказался;
Но мы теперь должны другаго гостя
Радушно чествовать, и этотъ гость —
Краса Италіи и слава Рима.
Узнайте знаменитаго Ланфранко!..
(къ Ланфранко).
Все это чернь, но мстительная чернь...
Будь съ ними ласковъ...

КАРАЧЬОЛИ. Вы давно изъ Рима?
Чтó новаго въ столицѣ всѣхъ художествъ?
КОРЕНЦ: Ты ласковъ съ нимъ, Карачьоли? — Стыдись!
(къ Ланфранко).
Я съ вами нѣсколько знакомъ, Ланфранко!
Корéнціо, меня зовутъ...
ЛАНФРАНКО *(смѣшавшись).*
По славѣ
Я знаю васъ...
КОРЕНЦІО. Я не имѣю славы;
Она удѣлъ пронырства, лести, жалобъ;
Вѣдь славу можно выпросить у черни;
(тихо).
Ланфранко! Есть другаго рода слава:
Освобождать художество отъ славы;
Припомните, въ письмѣ оно яснѣе...
ЛАНФРАНКО *(тихо).*
Коренціо! я здѣсь не для себя.
КОРЕНЦІО. Мы въ помощи Ланфранко не нуждались...
ЭСПАНЬОЛЕТЪ. О чемъ такъ тайно!
КОРЕНЦІО. Старое знакомство
Не можетъ быть безъ тайнъ; но пора
За пиръ, Риберра.
ЭСПАНЬОЛЕТЪ. Да не всѣ сошлись...
КАРАЧЬОЛИ. Пять одного не ждутъ.
ЭСПАНЬОЛЕТЪ. (О, какъ онъ скученъ!)
Ну, такъ садитесь. *(Садятся).*
Вотъ еще шесть мѣстъ
Не занято...
КОРЕНЦІО *(садясь на конецъ стола съ Карачьоли).*
А занялъ самъ чужое...

ЭСПАНЬОЛ. Прошу васъ быть какъ дома, на свободѣ;
Пусть каждый ѣсть и пьетъ...

КАРАЧЬОЛИ. И говоритъ,
Чтó хочетъ. Такъ ли?

ЭСПАНЬОЛЕТЪ. Такъ.

КАРАЧЬОЛИ. Я начинаю.
Въ Неаполѣ Зампьери — безъ друзей;
У насъ не то, чтó въ Римѣ; тамъ башмачникъ
У кардинала выкланяться можетъ
И званіе и славу живописца;
У насъ нельзя. Давай намъ славный трудъ
И будешь славенъ. Доменикъ Зампьери
Подлогомъ иль обманомъ къ намъ пріѣхалъ.
Онъ можетъ подмалевывать и только,
А быть начальникомъ работъ церковныхъ
И молоткомъ уничтожать творенья
Художниковъ извѣстныхъ...

ЭСП. *(тихо Ланфранко во время словъ Карачьоли)*.
Всѣ работы
Карачьоли велѣлъ разбить Замьери.

КАРАЧЬОЛИ *(продолжая)*.
Нѣтъ, не ему, башмачнику... И кто онъ?
И чтó онъ? Въ Римѣ знаютъ ли Замьери?

ЛАНФРАНКО. Не много. Есть однако же картины
Посредственныя...

КАРАЧЬОЛИ. Чтó же мы, Ланфранко,
Когда такой посредственный художникъ
Велитъ уничтожать работы наши?

ЛАНФРАНКО. Конечно...

КАРАЧЬОЛИ. Чтó *конечно?* Говори,
Какъ чувствуешь, а ежели хитрить, —
Мы понимаемъ римскія увертки.

Нѣтъ! Вотъ что, гость любезный: я послалъ
Увѣдомленіе Доменикину,
Что, если онъ не выѣдетъ въ недѣлю, —
Пусть извинитъ, — кровавый приговоръ
Въ полдня подписанъ и исполненъ будетъ!

Ланфранко и Эспаньолетъ улыбнувшись встрѣчаются взорами и тотчасъ принимаютъ важный видъ.

КАРАЧЬОЛИ (вставъ).
Вотъ такъ я улыбаться не умѣю.
Вамъ по сердцу мысль дерзкая моя;
А громко одобрить ее боитесь.
И что пугаетъ васъ? Намѣстникъ, папа?
Положимъ, васъ успѣхи убѣдили,
Что вы талантливѣе прочихъ: что же
Въ талантахъ вашихъ, если штукатурщикъ,
И то дурной, надъ вами первенствуетъ?

ТРАККІО. Но въ чемъ же твой совѣтъ?

КАРАЧЬОЛИ. Въ ножѣ иль ядѣ!..
Пусть римскіе художники узнаютъ,
Что въѣздъ для нихъ въ Неаполь запрещенъ...
Зачѣмъ такъ боязливо оглянулись?..
Подслушаютъ? — Эспаньолетъ Риберра!
Ты объявилъ, что у тебя...

ЭСПАНЬОЛЕТЪ. Ручаюсь!..
Свобода въ разговорахъ — нашъ девизъ!..
Я твоего не похвалю совѣта.
Къ чему намъ прибѣгать къ преступнымъ мѣрамъ,
Когда мы можемъ правыми путями
Намѣстника и городъ убѣдить,
Что Доменикъ безъ всякаго таланта?..

КАРАЧ: Кто столько заплатилъ за бездарность,
Того въ противномъ трудно убѣдить...

ЭСПАНЬОЛЕТЪ. Попытка не бѣда...

КАРАЧЬОЛИ. Всегда попытки!
Для нерѣшительныхъ попытки — сѣти;
Чѣмъ больше ихъ, тѣмъ менѣе удачи...
Ножъ или ядъ!

ЭСПАНЬОЛЕТЪ. Умѣренность и честность.

КАРАЧЬОЛИ. Ножъ или ядъ!

ЭСПАНЬОЛЕТЪ (*вставъ; за нимъ и всѣ*).
Карачьоли, довольно!
Пусть у меня отниметъ хлѣбъ насущный,
Пусть всѣ мои созданья уничтожитъ...
Художнику разбойникомъ быть стыдно;
Но докажи посредственность, бездарность,
Будь такъ искусенъ, — ясно докажи,
По правиламъ художества, науки,
Чтобъ не осталось слабаго сомнѣнья:
О, эта смерть ужаснѣе твоей!

ТРАККІО. Мы всѣ тебѣ Эспаньолетъ поможемъ!

ЭСПАНЬОЛЕТЪ. Мнѣ заговоръ для этого ненуженъ!
Одинъ я уничтожу Зампіери;
Умно уѣхать отъ ножа, но стыдно
Уѣхать отъ стыда... Прости, Ланфранко.
Я не могу здѣсь больше оставаться
(Для Итальянцевъ честь не въ честь!..)

—

ТѢ ЖЕ, кромѣ Эспаньолета.

КОРЕНЦІО. Ланфранко!
Ты раздѣляешь правила Риберры.

ЛАНФРАНКО. Да! это правила изъ книгъ хорошихъ;
Но ко всему нельзя принаровлять
Какой-нибудь отдѣльной аксіомы...
Я самъ прощу въ искуствѣ торжество;
Но если бы кто вздумалъ молоткомъ

Вести разборъ моимъ произведеньямъ,
Тогда месть всякая уже законна.
Но мнѣ пора! Художники, простите...

—

КОРЕНЦІО, КАРАЧЬОЛИ, ТРАККІО, и другіе неаполитанскіе художники. Во время рѣчей перваго входитъ **ЛОРЕНЦО**, никѣмъ не примѣченный, садится за столъ, и съ жадностью ѣстъ и пьетъ.

КАРАЧЬОЛИ. Ну да! Ну да! Мои произведенья!..
Одни ль мои? Всѣхъ нашихъ живописцевъ...
И мы молчимъ? — Друзья! Какъ будемъ мстить?

ЛОРЕНЦО (*продолжая пить*).
Насмѣшка, голодъ, жажда и обида...

ТРАККІО. Погибли мы! — Племянникъ Зампіери!
Но кто привелъ?..

ЛОРЕНЦО. Три друга: голодъ, жажда
И месть...

ТРАККІО. Смотрите, какъ онъ пожираетъ
Остатки пира... Неужели дядя
Ѣсть не даетъ?..

ЛОРЕНЦО. Онъ самъ не ѣлъ сегодня!
И, слава Богу, можетъ быть умретъ
Тогда — жена вдовой; я попечитель;
Дочь хороша; изъ жалости заплатятъ
За старые труды... ха! ха! ха! ха!..
Которые въ развалинахъ лежатъ
По милости племянника Лоренцо.

ТРАККІО. Онъ съумасшедшій...

ЛОРЕНЦО. Славное вино!
Хотѣлъ бы я быть птицей. — Виноградъ
Для птицы даромъ. — Денегъ ей не нужно,
А птичьи наслажденія свободны...

(Въ тактъ съ кубкомъ въ рукѣ).

Пью за погибель трехъ моихъ враговъ:
Доменикино, Кіары и Ланфранко!

КАРАЧЬОЛИ *(къ Коренціо)*.
Коренціо, онъ можетъ быть полезенъ.

ЛОРЕНЦО. Открытая война! хитрить не время!
Всѣхъ трехъ въ могилу, разомъ! Пью за нихъ!

КОРЕНЦІО *(подходя къ нему)*.
Какъ! противъ дяди?..

ЛОРЕНЦО. Дай мнѣ сто цекиновъ —
Не только будешь дядей, но отцомъ.
Пью за тебя!

КОРЕНЦІО. Изволь! дамъ сто цекиновъ.
Но что жъ ты сдѣлаешь за эту плату?..

ЛОРЕНЦО. Коренціо! я даромъ больше сдѣлалъ,
Чѣмъ ты за честь свою, трусливый Грекъ.
Онъ молоткомъ разбилъ твои картины,
А я, *безъ молотка*, его созданье.
Какую фреско! Чудо изъ чудесъ!..
Ты бъ губы съѣлъ отъ зависти...

КОРЕНЦІО. Лоренцо!..

ЛОР. Молчать, молчать! Давай мнѣ сто цекиновъ;
Но съ уговоромъ *(отводитъ его въ сторону)*. Извести
Ланфранко.
А Кьяры чуръ не трогать... Можетъ быть,
Желѣзо убѣдительно... Пойдемъ.

КОРЕНЦІО. Но чѣмъ же ты заплатишь за цекины?..

ЛОРЕНЦО. Чѣмъ хочешь! Я на все готовъ...

КОРЕНЦІО. Лоренцо,
Друзья, здѣсь домъ чужой! Подслушать могутъ.
Пойдемъ ко мнѣ...

ВСѢ. Пойдемъ, пойдемъ, пойдемъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Мастерская Доменикино.

ЗАМПІЕРИ, въ креслахъ, разстроенный въ здоровьѣ, блѣдный, съ растрепанными волосами, съ окровавленными лицомъ и руками. Жена и дочь сидятъ на подушкахъ у ногъ его. За нимъ, облокотясь на спинку креселъ, ПІЕДРО. Въ сторонѣ стоитъ изобрѣтенная Доменикиномъ арфа.

ЗАМПІЕРИ (*закрывъ глаза, тихо про себя*).
О, гдѣ ты, смерть моя! Съ высотъ незримыхъ,
Гдѣ плаваетъ людей всесильный жребій,
Сойди... Я твой, таинственная смерть!..

КІАРА (*тихо матери*).
Онъ шепчетъ что́-то...

ЧЕЧИЛІЯ. Молится, молчи!..

ЗАМПІЕРИ. Не здѣсь мой край, не здѣсь моя отчизна!
Открой врата, таинственная смерть!
Отдавъ землѣ, что́ отъ земли я принялъ,
Я понесу небесное со мной...
Сны, сны! клянусь! сны юности моей
Кругомъ меня толпой тѣснятся тѣни.
Святой Андрей, Чечилія, Аньесса,
Жизнь Богородицы, Евангелисты,
Святой Бартоломео, Нилъ, Петропій,
И наконецъ мой славный Іеронимъ...
(**Послѣ нѣкотораго молчанія, какъ-будто проснулся**).
А что́, ученики не приходили?
Не розыскали?

ПІЕДРО. Нѣтъ еще, но Коцца
Клялся открыть виновника...
(**Вдали раздаются звуки музыкальныхъ инструментовъ и голосовъ**).

ЗАМПІЕРИ (*оставъ*).

Играютъ.
Поютъ, играютъ... люди веселятся...
Люблю я музыку порой вечерней.
Когда заходитъ солнце въ волны моря,
А тихій звукъ кончается слабѣя:
Мнѣ кажется, что засыпаетъ міръ;
Туманъ встаетъ огромнымъ сновидѣньемъ,
Полупрозрачной тѣнью обнимая
Лазуревую грудь залива. Тихо,
Спокойно, беззаботно и темно...
Міръ добръ и святъ, какъ міръ первоначальный.

(Доменикино останавливается у окна, мимо котораго проходятъ нѣсколько человѣкъ въ маскахъ, съ фонарями и инструментами).

ХОРЪ ПРОХОДЯЩИХЪ.

Гимскій Волъ
Къ намъ пришолъ
Поневолѣ;
Бичъ суровъ
Для воловъ
Въ римскомъ полѣ.

*

А у насъ
Гладятъ васъ,
Безталанныхъ.
Ѣсть даютъ,
Мало бьютъ,
Окаянныхъ!

*

Но прошло
Ужъ давно
Ваше время.

Ну, скорѣй!
На коней!
Ногу въ стремя!

Римскій быкъ
Не привыкъ
Лазить въ двери:
Мы дубьемъ
Проведемъ
Замміери.

ГОЛОСА СЪ УЛИЦЫ.

Кто понимать умѣетъ, тотъ пойметъ!
Не то послѣдній стансъ исполненъ будетъ!
Вотъ на! на память! проучи урокъ!
А то незнаньемъ можешь извиниться!

(Маски бросаютъ въ окна камни, обернутые въ листки бумаги; приближаясь).

Вотъ выставилъ рога! Прочь отъ окна!
А вотъ отъ камней нашихъ онъ отступитъ!..

(Чечилія съ необыкновенною силою отводитъ Доменикино отъ окна; онъ безусловно повинуется; Піедро подходитъ къ окну въ то самое время, когда маски подняли камни).

ПІЕДРО. Разбойники! Во градѣ христіанскомъ!..
ГОЛОСА. Монахъ! монахъ!. *(Разбѣгаются).*
ЗАМПІЕРИ (*приходя въ себя*).
Послушай, добрый Піедро!
Чтó днемъ, чтó ночью — свѣтъ одинъ и тотъ же...
ПІЕДРО *(остановясь какъ бы пораженный чѣмъ-то).*
Замміери! Нѣтъ! ужъ это не смиренье!
Каменьями бросаютъ, онъ молчитъ;
Смерть обѣщаютъ, онъ смѣется смерти.

(Собираетъ камни и бумаги).

Нѣтъ! Вотъ свидѣтели! Ступай къ д'Алкалѣ...

ЗАМПІЕРИ. Смиряй движенья бурной крови;
Вѣдь смерть одна, а жизни двѣ: не такъ ли?
Ну стóитъ ли земную нашу жизнь
Истрачивать на что? На гибель ближнихъ!
Когда сравню все это съ разрушеньемъ
Моей любимой фрески, мнѣ смѣшно,
Досадно, почему въ упрямой злобѣ
Нѣтъ постепенности? Зачѣмъ не прежде
Бросали камни въ самого Замньери
И письмами безумными пугали?
Тогда моя прекрасная картина
Не пала бы на эту грудь; тогда бы,
Быть можетъ, остороженъ былъ Зампіери...
Теперь мнѣ все равно... приходитъ старость,
Душа моя разбита, вдохновенья
Не ожидай отъ горестнаго старца;
Глаза сгорѣли отъ палящихъ слезъ,
Рука на-часъ работать не умѣетъ.
Всему конецъ!.. Я кончилъ, добрый Піедро,
Жду послѣдней милости, — кончины!

—

ТѢ ЖЕ и КАНИНИ.

КАНИНИ (*стремительно вбѣгая и запирая за собой на замокъ дверь*).
Открыто все! Огромный, гнусный умыслъ!
По городу стихи кочуютъ, письма;
Въ глаза твоимъ ученикамъ смѣются.

ЧЕЧИЛІЯ. Но что жъ открыто?..

КАНИНИ. Заговоръ.

ЧЕЧИЛІЯ. Какой?

КАНИНИ. Обыкновенно, какъ всегда бываетъ.
Ну, люди сговорились на тебя,
Хотятъ убить...

ЧЕЧИЛІЯ И КІАРА. Лоретская Марія!..
ПЕДРО. Мы это знаемъ: что жъ узнали вы?
КАНИНИ. О! много, много. Дайте отдохнуть...
Во-первыхъ, мы накладку разсмотрѣли;
Накладка вся напитана золой:
Вотъ отчего коробилась картина;
А въ краскахъ, дьяволъ знаетъ, что такое;
Сухія краски маслятся: и въ нихъ
Знать выкупалась зависть; мы хотѣли
Взглянуть на новую твою картину
И посмотрѣть, есть тамъ зола иль нѣтъ;
Пяти шаговъ наверхъ не сдѣлалъ Коцца,
Подмосткй затрещали; глядь — столбы
Подрублены Я бросился назадъ,
А бѣдный Коцца за канатъ схватился
И въ воздухѣ повисъ; когда бъ не я,
Онъ тамъ бы вѣрно провисѣлъ до завтра...
Вотъ мы къ тебѣ собрались съ донесеньемъ,
Идемъ, а путь лежалъ намъ черезъ площадь;
Народа тьма; подъ сумерки народъ,
Ты знаешь, запасается кой-чѣмъ:
Кто съ фонаремъ, кто съ палкой, а у Коццы
Всегда фонарь въ запасѣ; мы идемъ,
За нами слѣдомъ человѣкъ пятнадцать,
Въ нетрезвомъ видѣ, лѣзутъ возлѣ стѣнокъ...
Мы дали имъ дорогу и за ними
Издалека пошли. — Святой Январій!..
Когда бъ ты слышалъ, что они болтали!
Все про тебя, да про твою жену,
Да про твою единственную дочь.
Ну, признаюсь, я и во снѣ не слыхалъ
Такихъ ругательствъ, брани и насмѣшекъ!..
Но на углу они остановились,
Перешепнулись, разошлись; одинъ

Изъ-подъ плаща бумагу тайно вынулъ;
Ляпъ, въ стѣну! — приклеилась; мы фонарь
Приставили; прочли, и онѣмѣли...
«Вотъ что!» твой Коцца гнѣвно пробурчалъ,
И погнался, что́ силы, за плащомъ,
А мнѣ велѣлъ бумажку отклеить
И отнести къ тебѣ; я отклеилъ,
Свернулъ, кладу въ карманъ: вдругъ страшный голосъ
«Не тронь, не то убью!» Я оглянулся,
Разбойникъ, рожа рыжая: какъ тигръ
Глазами водитъ; я его толкнулъ,
И вынулъ ножъ; онъ въ бѣгство, я за нимъ...
Вотъ здѣсь у дома гдѣ-то онъ исчезъ,
Но я ужъ не оглядывался больше.

ЗАМПІЕРИ. Подай бумагу!

КАНИНИ *(подавая ее)*.

Есть, ей-Богу, есть!
Я отклеилъ, вотъ видишь, не засохла!

ЗАМПІЕРИ *(упавъ на колѣни)*.
Спасите, силы неба! Палачи,
Смертельное вы мѣсто отыскали!
Читай, читай, монахъ, служитель Бога.

КАНИНИ. Вотъ видите, я говорилъ!

ЗАМПІЕРИ. Читай!
Нѣтъ, вслухъ читай! Вотъ судъ моихъ твореній!

ПЕДРО *(читаетъ нетвердымъ голосомъ)*.
«Намѣстникъ герцогъ Ривера д'Алкала
«Доменикина пригласилъ въ Неаполь;
«Но вскорѣ, убѣжденный знатоками,
«Что Римскій волъ и глупъ и неспособенъ,
«Постановленіемъ осьмаго мая
«Велѣлъ ему оставить королевство;
«Доменикинъ, желая сохранить

«И честь и непомѣрные доходы,
«Добытые обманомъ и пронырствомъ,
«Рѣшился возвратить свои права —
«Продавъ невинность дочери д'Алкалѣ...»

КІАРА (*бросаясь къ Зампіери и заливаясь слезами*).
Родитель!..

ЗАМПІЕРИ (*также со слезами*).
Понимаю, понимаю!
Я не отецъ тебѣ: я твой мучитель!
Я облако на солнцѣ вашей жизни!
Взялъ жизнь жены и — облилъ огорченьемъ,
Далъ жизнь тебѣ и — отнимаю честь...
Нѣтъ! я ненуженъ больше въ этомъ свѣтѣ.
Мой другъ, мой Піедро, ты служитель неба,
Сильна твоя молитва передъ Богомъ,
Молись со мной о милости послѣдней,
О милости великой, скорой смерти. (*Падаетъ ницъ*)

ПІЕДРО (*взявъ арфу, играетъ и поетъ*).
Съ земли воздвигся прахъ летучій;
Разрѣзалъ твердь багряный свѣтъ;
Дрожатъ испуганныя тучи:
Господь ступилъ на ихъ хребетъ!

* * *

Предъ нимъ, въ благоговѣйномъ страхѣ,
Душа въ огнѣ, чело во прахѣ,
Смиренный труженикъ лежитъ ..
Давно онъ жизнь, какъ бремя, носитъ;
Теперь за жизнь благодаритъ,
И милости великой проситъ.

* * *

Но громъ гремитъ: «Не *тотъ* великъ,
Кто добровольно въ жизни страждетъ;
Кто суету земли прожилъ,

Несчастій ищетъ, бѣдствій жаждетъ;
Но *кто* безъ ропота несетъ,
Чтó на него Господь кладетъ...

ЗАМПІЕРИ (*поспѣшно вставъ*).
Да, правда, Піедро, грѣшенъ ропотъ мой!
Молись, да не услышитъ Богъ молитвы;
То слабодушная досада сердца;
Мы наше тѣло изстрадать должны,
Чтобъ душу отъ земныхъ грѣховъ очистить
И закалить ее въ добрѣ и вѣрѣ.
Такъ! истинна пѣснь умная твоя!
А кто на голосъ положилъ?..

ПІЕДРО. Я самъ.

ЗАМП. Прекрасно! Только съ арфой — чтó-то слабо.
Постой! не лучше ли мои чембалы
Сопровождать твой смутный голосъ будутъ?
Я къ нимъ еще придѣлалъ семь басовъ.

(Тащитъ чембалы на средину).

ЧЕЧИЛІЯ (*заливается слезами и обнимаетъ Кіару*).
Онъ насъ не любитъ, Кіара!

ГОЛОСЪ ЗА ДВЕРЯМИ. Отворите!

ЧЕЧИЛІЯ (*схвативъ Кіару и Доменикино*).
Уйдемъ въ другую комнату, запремся!

ГОЛОСЪ. Я выломаю двери, отоприте?

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ. Нѣтъ далѣе дороги!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ. Отворите.

—

ЛОРЕНЦО сильнымъ ударомъ выламываетъ дверь; но въ дверяхъ **КОЦЦА** хватаетъ его.

ЛОРЕНЦО. Спасите!..

КОЦЦА. Нѣтъ!.. Учитель, это онъ!

Подайте мнѣ веревку; отъ пего
Узнаемъ мы о заговорѣ...

ЗАМПЕРИ. Коцца!
Да это мой племяппикъ...

КОЦЦА. Все равно;
Онъ съ пими вмѣстѣ шелъ, тебя ругая,
И первый приклеилъ къ стѣнѣ бумагу...
О, чортъ возьми! давно ты зпаешь Коццу;
Когда бъ ты самъ сталъ попоспть себя,
Я и тебя, Доменикинъ, связалъ бы...

ПІЕДРО. Оставь его! Опъ не уйдетъ теперь

КОЦЦА. Возьми-ка строго за языкъ Лоренцо.
Онъ трусъ и пьянъ; онъ все теперь откроетъ.

ЛОРЕНЦО. Не вѣрь ему.

КОЦЦА. Кто смѣетъ мнѣ не вѣрить?
Разъ въ жизни я солгалъ, и то ребенкомъ,
Но эта ложь спасла отца отъ смерти...
А ты? Да что съ тобою разсуждать!..
Вотъ я прижму по-своему тебя,
Такъ ты не станешь запираться. Палку!

ПІЕДРО. Богъ не велитъ употреблять насилій!
Лоренцо, имепемъ Пречистой Дѣвы,
Апостоловъ и всѣхъ Святыхъ, признайся!

ЛОРЕНЦО. Отецъ! я шелъ по площади одипъ,
И съ пьяпыми художниками не былъ.

КОЦЦА. Лжетъ! лжетъ! онъ первый шелъ и впереди,
А съ нимъ Корепціо...

ЛОРЕНЦО. Не вѣрьте Коццѣ.

КОЦЦА. Ты слышалъ разъ, не повторю другой разъ.
А кто меня лгуномъ назвать посмѣетъ,
Тотъ головы не сноситъ! Признавайся!
Не то не выдержу, клянусь, Лоренцо!..

ЧЕЧИЛІЯ. Лоренцо, Доменикъ тебя проститъ,
Будь только откровененъ. разскажи,
Кто былъ причиною твоихъ поступковъ,
Кто подучилъ тебя...

ЛОРЕНЦО. Кіара Чени,
Жена Ланфранко...

ЗАМПІЕРИ. Всемогущій!

ЧЕЧИЛІЯ. Ну, хороша, развратница! Родныхъ
Успѣла перессорить.. Щеголиха!
Ты дорого за грѣхъ ей заплатилъ;
Ея любовь дешевле старой тряпки...

ЗАМПІЕРИ (*взявъ за руку жену, долго не можетъ ничего выговорить; послѣ долгаго молчанія умоляющимъ голосомъ*).
Умилосердись!..

КОЦЦА. Нѣтъ. Да что учитель?
Онъ лжетъ опять. Давно ль Ланфранко здѣсь?
Вчера пріѣхалъ?.. А зола въ накладкѣ?..

ЛОРЕНЦО. Творецъ мой! все открыто.

КОЦЦА. Поблѣднѣлъ!
А кто подмостки подрубилъ...

ЛОРЕНЦО. Не я!

КОЦЦА. Не ты!.. такъ кто же?

ЛОРЕНЦО. Я не знаю, Коцца!

КОЦЦА (*съ бѣшенствомъ*).
Не знаешь? Дайте, ради Бога, палку!

ЧЕЧИЛІЯ. Возьми его на исповѣдь, мой Піедро.
Онъ будетъ запираться, а Франческо,
Правдолюбивый звѣрь, его убьетъ. .

ПІЕДРО. Въ послѣдній разъ я именемъ Господнимъ
Тебя къ отвѣту призываю. Если

Ты не откроешь намъ души своей,
Предамъ тебя церковному проклятью...

ЛОРЕНЦО *(упавъ на колѣни)*.
Отецъ, помилуй!

ПЕДРО. Говори, Лоренцо!

ЛОРЕНЦО. Я въ Римѣ обѣщалъ женѣ Ланфранка
Доменикину за нее отмстить;
Цѣной была любовь прекрасной Кіары,
Но здѣсь она мою любовь отвергла;
И прокляла меня... я возвращался
Домой; гляжу, сбираются къ Риберрѣ:
Карачьоли, Коренціо, Ланфранко,
Всѣ здѣшніе художники, на пиръ;
Вхожу за ними и сажусь за столъ,
И слышу заговоръ противъ Зампьери...
«Ножъ или ядъ!» — гремятъ уста злодѣевъ,
А я имъ предложилъ пути другіе.
Отверженный, сгарая бурной страстью,
Я продалъ дядю, правда; но за то
Купилъ у нихъ месть Кіарѣ и Ланфранко ..

ЗАМПІЕРИ. Зачѣмъ ты ножъ убійцъ остановилъ?
Я бъ умеръ, не желая умереть...

ЛОРЕНЦО. Доменикинъ! забудь мои поступки;
Страсть къ женщинѣ — источникъ преступленій,
А на стезѣ порока самъ собой
Я не умѣлъ ужь къ долгу воротиться.

ЗАМПІЕРИ. Дай руку! бѣдный мученикъ страстей!
Я все простилъ!

КОЦЦА. Расплакался, смотри!
Какъ-будто честный человѣкъ!..

ЗАМПІЕРИ. Да, Коцца!
Кто изъ грѣха очищенный встаетъ

Въ великій часъ сердечныхъ сокрушеній
Въ огнѣ раскаянья и мукъ душевныхъ,
Тотъ нашего участія достоинъ!
Забудьте о несчастіи, Лоренцо!..

ПІЕДРО. Есть власть, которая не забываетъ
И требуетъ пороку наказаній!
Ты могъ простить, но лично за себя:
Ты могъ простить племяннику и только;
Но не другимъ преступникамъ безбожнымъ,
Которые законы государства
И тишину народа нарушаютъ.
Теперь ты знаешь всѣхъ своихъ враговъ...
Свидѣтели въ твоихъ рукахъ: иди же,
Предай правительству злодѣевъ...

ЗАМПІЕРИ. Піедро!
Что пользы?..

ПІЕДРО. Польза не твоя, Замьери!

ЗАМПІЕРИ *(рѣшительно)*.
Я не пойду!

ПІЕДРО. Я требую!

ЗАМПІЕРИ *(обнимая его)*.
Мой Піедро,
Будь снисходителенъ!

ПІЕДРО. Нѣтъ! снисхожденье
Къ отъявленнымъ злодѣямъ — грѣхъ...

ЗАМПІЕРИ. Мой Піедро,
Молю, не требуй!..

ПІЕД. *(поднявъ глаза и руки къ небу, торжественно)*.
Именемъ Господнимъ!..

(Зампіери безмолвно собираетъ камни, бумажки, беретъ шляпу и уходитъ; всѣ провожаютъ его).

—

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

—

Зала въ неаполитанскомъ дворцѣ. Входятъ и садятся: **ГЕРЦОГЪ Д'АЛКАЛА** на первомъ мѣстѣ, по середи-нѣ; **ГРАФЪ МОНТЕРЕЙ** возлѣ него; поодаль **ГЕРЦОГЪ КАРАФФА, АББАТЪ АМИТРАНТО, МАРКИЗЪ ВИКО. ГЕРРЕРА** становится за кресломъ герцога. **ЭСПАНЬОЛЕТЪ** въ отдаленіи, въ черномъ безъ золота костюмѣ.

ГЕРЦ. Д'АЛКАЛА. Графъ! завтра вы объѣдете Неаполь,
Но я сопутствовать вамъ не могу.
Король велитъ спѣшить въ Арангуэсъ
И, можетъбыть, еще сегодня ночью,
Бытьможетъ черезъ часъ, попутный вѣтеръ
Насъ оторветъ отъ милыхъ береговъ...
Я сдалъ вамъ королевство, Монтерей.
О, если бъ могъ я сдать мою любовь
Къ Неаполю, земному цвѣтнику!..
О! да, Неаполь — пышный садъ Европы.
Роскошенъ огнедышащій Везувій,
Безсонный стражъ погибшихъ городовъ;
Очарователенъ заливъ, недвижный
Въ античной рамѣ мраморовъ разбитыхъ;
Гдѣ воздухъ дышитъ ароматной нѣгой,
Гдѣ умягчался нравъ желѣзныхъ Римлянъ,
Здѣсь отдыхавшись отъ всемірной власти.
Какъ тихъ и сладокъ темно-синій вечеръ,
Отрадно фіолетовое утро!..
Не удивляйтесь, графъ. Подъ этимъ небомъ,
Кто не поэтъ!

ГРАФЪ МОНТЕРЕЙ. О, герцогъ, ваши чувства
Для королевства были вдохновеньемъ!
Я съ ужасомъ на будущность смотрю.
Какъ править послѣ герцога д'Алкалы!..

ГЕРЦ. Д'АЛК. Графъ Монтерей въ наукѣ управленья
Учителемъ быть можетъ королей...

Г. МОН. Безъ вашихъ, герцогъ, мудрыхъ наставленій,
Я бы не могъ въ Неаполѣ остаться.

ГЕРЦ. Д'АЛК: *(примѣтивъ стоящаго вдали Риберру)*.
(Эспаньолетъ!.. Несчастный Зампіери,
Кто защититъ тебя отъ клеветы,
Отъ зависти твоихъ враговъ упорныхъ?)
Графъ Монтерей, я сдалъ вамъ королевство
Съ холодностью испанскаго слуги;
Позвольте мнѣ, какъ герцогу д'Алкалѣ,
Какъ вашему пріятелю, просить
О снисходительности и вниманьи
Къ моимъ друзьямъ, которыхъ не могу
Я взять съ собой... Во-первыхъ, донъ Родриго,
Сынъ славнаго Герерры Тордесильясъ,
Который такъ прекрасно описалъ
Исторію Американскихъ Индій;
Сынъ былъ моимъ секретаремъ и другомъ.
Второй — донъ Діомидъ Караффа: разумъ
И благость сердца въ немъ соединились
Для прославленія его отчизны;
Народъ къ нему привязанъ, а дворянство
И любитъ герцога и уважаетъ;
Донъ Пеппъ Риберра, славный живописецъ.
Въ отечествѣ художествъ
Донъ Пеппъ умѣлъ Испанію прославить
И доказать талантливость Кастильцевъ,
Чему охотно гордый Римъ не вѣрилъ...
А наконецъ Доменикинъ Зампьери,
Котораго здѣсь къ сожалѣнью нѣтъ...
Графъ Монтерей, въ отсутствіи людей
Смѣлѣй мы отдадимъ имъ справедливость,
Смущать ихъ скромности не опасаясь.

По-моему, въ Италіи теперь
Единственный художникъ геніальный —
Доменикино; но талантъ и бѣдность
Наводятъ подозрѣнье на толпу,
А на художниковъ наводятъ зависть.
Такъ міръ устроенъ. Зависть мать искуства;
Нечистота удабриваетъ землю.
Доменикино окруженъ врагами;
И потому естественный талантъ,
Усиленный невольнымъ напряженьемъ
Разрушить сѣти зависти коварной,
Возвелъ его на степень Рафаэля.
Не улыбайтесь, графъ! Я видѣлъ въ Римѣ
И Рафаэля и Доменикино.
Онъ здѣсь теперь! Сокровищный притворъ
Я поручилъ расписывать Зампьери...
И если графъ его поддержитъ бѣдность,
И зависти не дастъ торжествовать,
Надѣюсь, что въ теченьи лѣтъ пяти
Неаполь будетъ Римомъ для художествъ,
Такъ какъ Кореджьо Римомъ сдѣлалъ Парму.

(Взявъ графа за руку).

Графъ! страсти людямъ розданы равно,
А бичъ на нихъ правителямъ довѣренъ...

(Ракета изъ гавани).

Попутный вѣтръ! Неаполь! до свиданья.
Простите, графъ! Прости, мой другъ Герерра.
Принцъ Діомидъ Караффа, — съ васъ начну
Хвалить Филиппу ваше королевство.
Архіепископу поклонъ мой, Амитранто.
Вамъ увѣренье въ дружбѣ; духовенству,
Дворянству и народу — мой привѣтъ
И благодарность... А! Эспаньолетъ!
Будь справедливъ къ другимъ, другіе будутъ

Къ твоимъ трудамъ прекраснымъ справедливы.
Да! геній не-завистникъ — дважды геній.

(Вторая ракета).

И у меня завистникъ есть, Герерра, —
Попутный вѣтръ! Онъ разлучаетъ насъ...

(Приложивъ руку къ шляпѣ).

Графъ Монтерей!

ГРАФЪ. Простите, добрый герцогъ!

ГЕРЦОГЪ Д'АЛКАЛА *(снявъ шляпу).*
Святой Януарій! подъ твоимъ покровомъ
Да будетъ тихъ и счастливъ мой Неаполь.

(Уходитъ. Графъ провожаетъ его до дверей; прочіе съ нимъ уходятъ, кромѣ Риберры и Вико).

—

ГРАФЪ МОНТЕРЕЙ; ЭСПАНЬОЛЕТЪ; МАРКИЗЪ ВИКО. Графъ садится и задумывается.

ЭСПАНЬОЛЕТЪ *(тихо маркизу).*
Намѣстникъ васъ забылъ представить графу.

МАРК. ВИКО. Не нужно мнѣ ходатайство д'Алкалы;
Мой домъ извѣстенъ міру не сегодня...

ЭСПАНЬОЛ. Простите герцогу, онъ нѣжно сложенъ.
Съ чувствительностью рыцарей германскихъ,
Онъ болѣе похожъ на трубадура,
Который, въ простотѣ восторговъ дѣтскихъ,
Готовъ коровѣ написать балладу...

МАРК. ВИКО. Художникъ!

ЭСПАНЬОЛЕТЪ. Вы обидѣлись, маркизъ?
Несправедливо! Доменикъ Зампьери
Для герцога важнѣе всѣхъ маркизовъ...

МАРКИЗЪ ВИКО. Башмачникъ!

ЭСПАНЬОЛЕТЪ *(съ улыбкой).*
Но башмачникъ геніальный,

Несчастный мученикъ коварной злобы
И зависти... Объ новомъ Рафаэлѣ
Графъ Монтерей не зналъ; а въ двухъ словахъ
Чудесъ не изъясняютъ... Добрый герцогъ
Такъ уважалъ свободныя искуства,
И долженъ былъ въ рѣчи распространиться...
Не мудрено, что онъ забылъ маркиза!..

ГРАФЪ МОНТЕРЕЙ *(оборачиваясь)*.

Риберра! съ вами я знакомъ немного
По славѣ...

ЭСПАНЬОЛЕТЪ *(подходя съ непокрытой головой)*.

Графъ! я слишкомъ неизвѣстенъ,
И вашу рѣчь какъ милость принимаю.

МАРК. ВИКО. Художники всѣмъ міромъ завладѣли!..

ГР. МОНТЕРЕЙ. Покройтесь! Мы теперь наединѣ.
А это кто?

ЭСПАНЬОЛЕТЪ. Маркизъ Лоренцо Вико.
Намѣстникъ позабылъ его представить...

ГР. МОНТ. Маркизъ, объ васъ въ Испаніи я слышалъ,
И очень радъ такъ скоро васъ узнать.
Покройтесь!

МАРКИЗЪ ВИКО. Графъ! при герцогѣ д'Алкалѣ
Отвыкли мы отъ тонкости придворной,
Отъ вѣжливаго обращенья.

ЭСПАНЬОЛЕТЪ *(про себя)*.

Браво!
Онъ загорѣлся!..

ГРАФЪ МОНТЕРЕЙ *(также про себя)*.

Герцогъ не любимъ:
И можетъ-быть всеобщая любовь,
Столь подозрительная для Филиппа,
Похожа на приверженность маркиза.

(Громко).

Риберра! надо объявить Замньери,
Что завтра я къ нему зайду въ притворъ
Полюбоваться на его творенья...
Все, что готово, пусть для насъ откроетъ;
А нетерпѣнье наше пусть припишетъ
Великой геніальности своей.

(Эспаньолетъ улыбнулся).

Я, признаюсь, не вѣрю совершенству
Доменикина; новый Рафаэль
Зашелъ бы къ намъ въ Мадритъ, хотя по слуху...
Все превосходное имѣетъ славу:
Не правда ли?..

ЭСПАНЬОЛЕТЪ. Графъ, это аксіома.

ГР. МОНТЕРЕЙ. Мнѣ подозрительна и эта зависть.
Кто бѣдности — завидовать захочетъ?
Завидовать въ значеніи придворномъ
Или военной власти полководца,
Завидовать несмѣтному богатству,
Сопернику, счастливому въ любви;
Все это понимаю: но въ искуствѣ...

ЭСПАНЬОЛЕТЪ *(холодно)*.
Нѣтъ зависти, а только строгій судъ,
Разоблачающій временщиковъ
Отъ славы незаслуженной.

ГРАФЪ МОНТЕРЕЙ. И только!
Риберра, мнѣ пріятно слушать васъ...
Скажите: этотъ Доминикъ Замньери
Дѣйствительно съ талантомъ?..

ЭСПАНЬОЛЕТЪ. Ваша свѣтлость,
Спросите у другихъ; я самъ — художникъ...

М. ВИК. Съ талантомъ? Нѣтъ! Неаполь, ваша свѣтлость,
Художниками бѣденъ; здѣсь искуство
Не почитается необходимымъ;

Доменикино.

›сленники есть по этой части;
›жников здѣсь нѣтъ и не бывало.
›тому Доменикинъ Замньери
›ылъ у насъ великимъ живописцемъ.
юди знающіе, какъ Ланфранко,
пьолетъ, его талантъ отвергли...

онтерей. Риберра, ваше мнѣнье любопытно.

ньол. Простите, ваша свѣтлость! Я не знаю,
› вамъ сказать; вы сами убѣдитесь,
а увидите его работы.

онт. Я знать теперь желалъ бы...

ньолетъ. Ваша свѣтлость,
еникино старъ и крайне бѣденъ.
›мство разрѣшитъ, чего онъ стоитъ...

ъ монтерей. Риберра, до потомства далеко.
искуствахъ счетъ заслугамъ не по лѣтамъ;
›ли лошадь долго воду возитъ,
ь мнѣ ее изъ уваженья къ лѣтамъ
›ечь въ торжественную колесницу?..
ките ваше мнѣнье откровенно...

нко. Эспаньолетъ отмѣнно безпристрастенъ,
ь нами откровененъ; удивляюсь,
мъ предъ вашей свѣтлостью молчитъ.

ньолетъ. Затѣмъ, что не хочу Доменикина,
›раго хвалилъ мой благодѣтель
ъ графомъ Монтереемъ, унижать.

онтер. Все всторону; вы подданный, я власть.
›овинцыый притворъ мильоны стоитъ,
ругъ ремесленникъ его раскраситъ!..
акъ Риберра....

ньолетъ. Графъ, я повинуюсь.
умоляю васъ, и мнѣ не вѣрить!

Я вамъ скажу, что думаю; но съ тѣмъ,
Чтобъ рѣчь моя осталась безъ послѣдствій.
Доменикинъ — посредственный художникъ;
Въ его картинахъ — робкая холодность;
Неблагородная природа; сухость;
Однообразіе ad nec plus ultra;
Есть и достоинства: но, къ сожалѣнью,
Немногочисленны и непримѣтны...
Есть выраженье въ головахъ Замперьи,
Но выраженье не страстей и чувствъ,
А безотчетной кротости, личина,
Которую бросаетъ онъ на старца,
На юношу, на дѣву, на старуху
И на дѣтей безъ всякаго разбора;
Ума не требуетъ лицо ребенка,
И потому Доменикинъ дѣтей
Не дурно пишетъ... Слава Заміери
Есть, кажется, плодъ постоянныхъ жалобъ
На завистъ непріятелей и бѣдность:
Но состраданіе несправедливо;
Оно судомъ свое участье ставитъ,
И потому художникъ безпристрастный,
Посредственность желая обнаружить,
Завистникомъ невольно прослыветъ,
А строгій судъ весьма похожъ на завистъ.
Еще — обыкновенно состраданье
Съ незнаніемъ судей сопряжено:
А какъ съ незнаньемъ спорить мудрено!
Рисунокъ у него довольно вѣрный,
Но, признаюсь, я очень сомнѣваюсь,
Принадлежитъ ли онъ Доменикину.
Представьте, графъ, нѣтъ ни одной картины,
Которую окончилъ бы Замперьи
Въ два мѣсяца; для небольшой картинки

Онъ требуетъ полгода размышленій.
Изъ этого я заключаю, графъ,
Что творческой способности въ немъ нѣтъ;
Что онъ заимствуетъ свои созданья
Изъ нашихъ первоклассныхъ живописцевъ.
Обдумывая только перемѣны,
Могущія закрыть такой обманъ.
Я насчитаю вамъ фигуръ пятнадцать,
Которыя отъ головы до пятокъ
Взяты съ картинъ извѣстныхъ живописцевъ.
Соображая все, я полагаю,
Что онъ и въ рисованіи не твердъ.

ГРАФЪ МОНТЕРЕЙ *(вставъ)*.
Мы испытаемъ. Вотъ что́ значитъ слабость
Въ намѣстникѣ! Сокровищный притворъ,
Которымъ полонъ весь Арангуэсъ, —
Такъ въ письмахъ расхвалилъ его д'Алкала, —
Теперь хоть брось! Но можно ли исправить
Его картины?..

ЭСПАНЬОЛЕТЪ. Я не видѣлъ ихъ;
Сужу по римскимъ фрескамъ Зампіери;
Но полагаю, что въ созданьяхъ новыхъ
Все тѣ же недостатки и ошибки.
Уже двѣ фрески, говорятъ, онъ кончилъ,
Три остается...

ГРАФЪ МОНТЕРЕЙ. Этихъ трехъ Зампьери
Писать не будетъ...

—

ТѢ ЖЕ и МАРШАЛЪ.

МАРШАЛЪ. Доменикъ Зампьери...

ГР. МОНТЕРЕЙ. Теперь уже не время представляться;
Ужъ спать пора...

МАРШАЛЪ. Онъ умоляетъ, графъ;
Желаетъ важное открыть вамъ дѣло...

ЭСПАНЬОЛЕТЪ *(съ улыбкой)*.
Ручаюсь, жалоба на живописцевъ;
Его жены затѣйливыя сплетни;
Иль шутка шаловливой молодежи.

ГР. МОНТЕРЕЙ. Узнайте, что̀ его тревожитъ ночью?

—

ГРАФЪ МОНТЕРЕЙ; ЭСПАНЬОЛЕТЪ и МАРКИЗЪ ВИКО.

МАРКИЗЪ ВИКО. Эспаньолетъ, мнѣ кажется, забылъ,
А можетъ-быть не знаетъ, что Зампьери
Не въ здравомъ разумѣ: вчера въ притворѣ
Онъ говорилъ намъ проповѣдь съ Геррерой;
Слова его вначалѣ смыслъ имѣли,
Къ концу онъ сталъ несвязно говорить...

—

ТѢ ЖЕ и МАРШАЛЪ.

МАРШ. Онъ видѣлъ васъ изъ дальнихъ комнатъ, графъ,
И неотступно молитъ о свиданьи...

ГР. МОНТЕР. Впустите! Онъ раскается за дерзость...
(Молчаніе).

—

ТѢ ЖЕ и ЗАМПІЕРИ.

ЗАМПІЕРИ. Простите, графъ! Я противъ воли здѣсь.
И, если бъ не опасность бѣдной жизни
И доброй славы моего семейства,
Я не дерзнулъ бы нарушать покой вашъ.
Но, свѣтлый графъ, я потерялъ терпѣнье;
Съ утра до утра новаго мой домъ
Въ осадѣ крикуновъ и пасквилантовъ;
Окно ли отперто, и туча камней,

Обернутыхъ въ ругательныя письма
И въ бранные стихи летитъ въ окошко.

ГРАФЪ МОНТЕРЕЙ. Ты угадалъ, Риберра!

ЗАМПІЕРИ. На работу
Пойду, за мной наемные бандиты.
Одно присутствіе монаха Піедро
Подкупленныхъ убійцъ не допускаетъ
Лишить Замньери ненавистной жизни.
Все это ничего! Давно я отжилъ;
Узнавъ людей, жить съ ними не хочу,
И только вѣра въ будущую жизнь
Хранитъ Замньери отъ самоубійства...
Я говорю все это ничего...
Но честь и слава, — Божіи таланты, —
Даны для приращенья человѣку,
И человѣкъ ихъ охранять обязанъ.
Есть у меня племянникъ; молодой
И вѣтренный; художники умѣли
Его вооружить противъ меня;
По указанью ихъ, онъ сыпалъ золу
Въ накладку; краски тайно портилъ жиромъ;
И наконецъ, не дальше какъ сегодня,
Вступилъ въ огромный заговоръ на жизнь
И честь роднаго дяди. — Положили
По городу прибить листы съ извѣстьемъ,
Что я д'Алкалѣ продалъ дочь мою;
А если эта горькая обида
Слабѣющаго старца не разрушитъ,
Къ рѣшительной прибѣгнуть мѣрѣ — къ яду...
Вотъ доказательства мои, намѣстникъ.

(Становится на колѣни, подаетъ письмо, афишку и нѣсколько завернутыхъ въ бумажки камней).

ГРАФЪ МОНТЕРЕЙ *(взявъ связку и отдавъ маршалу)*.
Я разсмотрю, и слѣдствіе назначу...

Прошу васъ успокоиться. Неаполь,
Надѣюсь, съ Божьей помощью очистить
Отъ многаго... Но слушайте, художникъ,
Теперь объ васъ я долженъ говорить...
Власть вами затрудняется; я слышалъ,
Что ваша мнительность и легковѣрье
Правительство тревожатъ безпрерывно
Доносами о мнимыхъ покушеньяхъ
На вашу честь, на вашу жизнь и славу...

ЗАМП. Богъ вамъ судья, намѣстникъ королевства,
Когда едва ступивъ на эту землю,
Ведете судъ вашъ неизвѣстнымъ людямъ!

* * *

Теперь художество, къ несчастью, стало
Ковромъ въ прихожей, на который смѣло
Плюетъ невѣжа, ноги вытираетъ.
И, затоптавъ изящество рисунка,
Его существованію не вѣритъ...

* * *

До-сей-поры несчастія мои
Я только Богу довѣрялъ; сегодня
Монахъ велѣлъ мнѣ, именемъ Господнимъ,
Намѣстнику открыть мои страданья...

* * *

Простите откровенность, Монтерей,
Когда бъ я зналъ, что нѣтъ уже Алкалы,
Быть можетъ, ваша свѣтлость и не знали бъ,
Что у меня есть и враги и горе.
Но я узналъ о герцогскомъ отъѣздѣ
Ужъ во дворцѣ. — Отдайте мнѣ назадъ
Мои бумаги, камни, обвиненья;
Я въ монастырь пошлю ихъ къ Кармелитамъ;
Пусть сохранятъ для поздняго потомства

Историю страданий Зампіери;
Отдайте доказательства мои,
Они мнѣ дороги; моя невинность
Ихъ любитъ, а талантъ гордится ими.

ГР. МОНТЕРЕЙ. Талантъ самъ о себѣ не говоритъ,
Его другіе люди указуютъ,
Которымъ надъ талантомъ ввѣренъ судъ.

ЗАМПІЕРИ. Кому же, графъ, довѣренъ этотъ судъ?..
Не современникамъ, не вашей власти,
Не сохудожникамъ...

ГРАФЪ МОНТЕРЕЙ. Кому жъ?

ЗАМПІЕРИ. Потомству!
А если я о собственномъ талантѣ
Сталъ говорить, такъ волоса мои
Даютъ на это право: шестьдесятъ,
Не двадцать лѣтъ; пусть юноша молчитъ:
Онъ можетъ мимолетное влеченье
Принять за склонность, ловкость за талантъ;
Но въ старикѣ все испытала жизнь;
Онъ могъ въ своемъ талантѣ убѣдиться,
А убѣжденный смѣетъ говорить...

ГР. МОНТЕР. Кто вамъ мѣшаетъ въ этомъ? Говорите;
Но не мѣшайте намъ не вѣрить.

ЗАМПІЕРИ. Графъ!
Отдайте мнѣ назадъ мои бумаги;
Желалъ бы я списать и ваши рѣчи:
И это любопытная страница
Для безпристрастнаго потомства, впрочемъ,
Насъ четверо, онѣ не пропадутъ;
Кто на художество хулу глаголетъ,
Тогда какъ отъ него ждутъ поощренья,
Да не забудетъ — время соберетъ
Его хуленья до послѣдней буквы.

г. монт. Зачѣмъ себя вамъ смѣшивать съ искуствомъ?
Кто рисовать порядочно не можетъ,
Тотъ не художникъ... Если вы хотите
Окончить пустословную бесѣду,
Я предложу вамъ средство; вотъ Риберра:
Онъ вамъ задастъ предметъ; вы начертите
Его при насъ, а мы тогда разсудимъ...

замліери *(отступивъ)*.
О, мало ли Господь вамъ даровалъ?
У васъ въ рукахъ правленія бразды,
У васъ въ рукахъ народное богатство,
Вѣсы добра и зла, законъ, торговля;
Вы можете воздвигнуть цѣлый городъ,
Влить море на средину королевства,
Вы можете Италію обрѣзать
Иль продолжить; отвѣчный Позилиппъ
Поставить маякомъ на мель залива...
О, Боже мой, что̀ можете вы сдѣлать!
Но ни одной картины написать,
Тѣмъ больше оцѣнить, у васъ нѣтъ власти.
Богъ далъ вамъ власть, обязанность другому,
Иному мысль о неоткрытомъ свѣтѣ,
Тому открылъ теченье тѣлъ небесныхъ.
Есть всякому свое на этомъ свѣтѣ,
Но все отъ Бога; что̀ дано отъ Бога,
Того ничѣмъ пріобрѣсти нельзя!..
Великъ и мудръ, кто испыталъ себя,
Уразумѣлъ свое предназначенье,
И по пути, предписанному небомъ,
Идетъ, не заходя въ чужую область;
Кто легкой птицѣ говоритъ — летай,
А черепахѣ — ползай, рыбѣ — плавай!
Самъ плавать, ползать и летать не зная,
Способностямъ природнымъ ихъ не учитъ,

Доменикино.

Но это все тѣлесная природа.
Мы можемъ птицѣ крылья обрубить…
Но въ области ума и вдохновенья
Другой законъ, условія другія!
Отъ раннихъ лѣтъ съ художествомъ сдружитесь,
Какъ муравей въ его землѣ копайтесь,
Узнайте трудности и неудачи,
Возможность одного, и невозможность
Другаго, тысячи оттѣнковъ мелкихъ,
Его частей, соотношеній, формъ;
Изслѣдуйте безмѣрную природу
Во сколько можно; все согрѣйте чувствомъ,
Не низкимъ чувствомъ зависти коварной,
Но радостью о милости Господней,
Замѣну благъ нёбесныхъ даровавшей, —
Тогда *прійдите и судите*, графъ:
А вы судить хотѣли по наслышкѣ! *(Уходитъ).*

АКТЪ ВТОРОЙ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ Зампіери. На очагѣ огонь.

ЧЕЧИЛІЯ и дочь ея, КІАРА.

…ИЛІЯ. Что́, Кіара, такъ печальна? Помоги
… приготовить ужинъ; мы сегодня
…нчиваемъ всѣ запасы; завтра
…сю семью полфунта макарони…
…слѣ-завтра, что́ Господь пошлетъ!
…А. На Господа намъ нечего роптать,
себя…
…ЛІЯ. Ахъ, Кіара, полно, полно!

Ты начинаешь жить, а я кончаю;
Дастъ Богъ, отыщется женихъ, и — замужъ;
А съ мужемъ иногда изъ нищеты
Пріидешь до непомѣрнаго богатства...
Для молодости царство впереди...
А для старухи кончится дорога.
Вотъ доѣзжаешь: что́ же впереди?
Безлюдный дворъ съ открытыми вратами.
Живой души не видно; на дворѣ
Живетъ старушка; дряхлая часовня;
При ней гостепріимныя могилы
Подъ сѣнью кипарисовъ и крестовъ...

КІАРА. Ахъ, маменька, безлюдный дворъ — ужасенъ!

ЧЕЧИЛІЯ. Какъ для кого... Для молодости стыдно
Заглядывать черезъ заборъ кладбища;
А мы себѣ посматриваемъ мѣсто.
Сонъ смертный продолжителенъ, мой другъ!
Кто въ жизни выгоды не зналъ, тому
По крайней мѣрѣ выгодной могилы
Простительно желать...

КІАРА (*тихо*).

И все о смерти!
Отецъ и мать, зачѣмъ вы дали жизнь
Несчастной дочери?..

ЧЕЧИЛІЯ. Ты, плачешь, Кіара!
Скажи мнѣ откровенно, что́ за грусть
Всегда твой блѣдный образъ осѣняетъ?..

—

ЧЕЧИЛІЯ, КІАРА и ЗАМПІЕРИ, который, вошедши во время слѣдующей рѣчи дочери, останавливается, и съ недовѣрчивостью вслушивается въ ея слова.

КІАРА. Мнѣ непонятна цѣль существованья.
Зачѣмъ, къ чему я въ этомъ чудномъ мірѣ?

Какъ-будто безъ меня Доменикино
Не могъ существовать!.. Другія дѣвы
Цвѣтутъ какъ розы, веселы, игривы;
Тяжелые труды имъ неизвѣстны;
У нихъ для разныхъ радостей, потѣхъ,
Есть случаи; для пѣсни — звонкій голосъ,
Для легкой пляски — легкая одежда
И праздничный для праздника нарядъ...
А у меня — единственное платье,
Остатокъ вашихъ дѣвственныхъ нарядовъ;
Кругомъ поютъ, я не умѣю пѣть;
Вся молодежь кружится въ жаркой пляскѣ,
А я на нихъ черезъ окно смотрю,
И то, какъ воръ, украдкой, и домой
Я приношу чужія наслажденья,
Какъ изъ пожара вырванныя вещи;
Онѣ въ рукахъ моихъ еще горятъ!..
И стыдно, а завидую.

ЧЕЧИЛІЯ. Дитя!

(Доменикино, пораженный, хватается за спинку кресолъ и едва держится на ногахъ).

Все *суета*...

КІАРА. *Суетъ*, еще прибавьте!
Повѣрю, — дайте испытать. Пусть худо
Веселымъ, легкимъ сверстницамъ моимъ:
Да мнѣ не лучше!.. Я пойду на рынокъ
Съ мѣшкомъ; за мной домашняя собака,
Обрызганная грязью; я не лучше
Въ моихъ лохмотьяхъ: а въ другомъ нарядѣ,
Кто знаетъ, можетъ быть...
Идетъ мужчина, —
Краснѣя мимо прохожу, и рада
Когда онъ не успѣлъ меня замѣтить;
Пройду немного, оглянусь, — и жалко,

Что не могла взглянуть ему въ глаза...
Вотъ дочери Ланфранко, посмотрите,
Какъ разодѣты; волоса въ цвѣтахъ...
Цвѣтовъ собрать не трудно... но смѣшно
Къ такому платью приколоть цвѣты...
Ахъ, маменька! по-моему, мы сами,
По доброй волѣ, терпимъ недостатокъ.
Охота папенькѣ писать картины!
Вотъ, сдѣлалъ бы органы для собора,
Завелъ бы музыкальную торговлю:
Мы не сидѣли бы у очага
Въ бесѣдѣ о голодной смерти...

ЧЕЧИЛІЯ. Правда,
Охъ, правда, Кіара... эти мнѣ картины!
Пора бы, кажется, за умъ схватиться,
Отъ славы, отъ талантовъ отказаться.

КІАРА. Охъ, маменька, когда бъ ужъ былъ талантъ, —
И деньги бы водились!..

ЧЕЧИЛІЯ. Правда, Кіара!
А мужъ мой, между нами, очень плохъ;
Что̀ ни напишетъ, — дурно; всѣ смѣются;
Упрямство; но тебѣ еще недавно
Чувствительно безумное упрямство,
А я ужъ, слава Богу, тридцать лѣтъ
Изъ состраданія къ Доменикину
Молчу и соглашаюсь!.. Да, мой другъ,
Не иначе должны любить мы мужа!
Что̀, если бы жена Доменикина
Ему сказала: «Полно, другъ, мечтать
О томъ, чего тебѣ Богъ не далъ; полно
Считать талантомъ сильное желанье!
Брось живопись, она не твой удѣлъ.»
(Доменикино, пришедши на середину и громко зарыдавъ, падаетъ).

ЧЕЧИЛІЯ *(въ ужасѣ)*.
Святая Марія! мы погубили
Несчастнаго...

КІАРА. Онъ слышалъ наши рѣчи!

ЧЕЧИЛІЯ. Другъ милый, успокойся. Боже, Боже!
Мы видѣли, какъ ты вошелъ; хотѣли
Невинно пошутить...

(Поднимаютъ его и сажаютъ на скамейку).

Прости насъ! *(Плачетъ)*.
Молчитъ и плачетъ!.. Кіара, есть Лоренцо?
Пошли за Піедро; только онъ одинъ
Съ нимъ говорить умѣетъ... Другъ мой милый,
Прости меня!..

ЗАМПІЕРИ. Жена, ты не шутила?
О, горе мнѣ!

ЧЕЧИЛІЯ. Шутила. Въ тридцать лѣтъ
Ты не замѣтилъ моего сомнѣнья...

ЗАМПІЕРИ. О, тридцать лѣтъ обманывала мужа!
Ты тридцать лѣтъ талантъ мой презирала!
А я тебѣ всѣ тайны довѣрялъ!
Ты принимала ихъ какъ плодъ безумья;
Роптала на судьбу и на меня...

ЧЕЧИЛІЯ. Мой другъ!

ЗАМПІЕРИ. Прочь, прочь! я васъ освобождаю...
Вы мнѣ не нужны, я не нуженъ вамъ.
О! шестьдесятъ-четвертый годъ, — скорѣе,
Быстрѣе въ вѣчность!.. Сбудется мой жребій,
Исполнится, что̀ сказано Севиллой!
Мнѣ цѣлый міръ отраву приготовитъ;
Родные въ томъ участье пріймутъ...
(Увидѣвъ овощи и огонь). Га!
Стой, стой, сосудъ... не сбудется мой жребій!

Надъ жизнью человѣкъ самовластитель!
Оставь меня, жена!

ЧЕЧИЛІЯ. Онъ обезумѣлъ!
Охъ, этого еще недоставало! *(Падаетъ безъ чувствъ)*

ЗАМП. Чтó, притворилась?.. будто спитъ! Постой,
Разсмотримъ... травы... чтó? Ага! съ отравой!
Въ огонь, въ огонь! Я приготовить ужинъ,
И самъ съумѣю...

(Ставитъ на огонь всѣ сосуды и подбрасываетъ дрова съ неимовѣрною скоростью. Ужасный огонь. Зампіери садится на столъ).

Чудный колоритъ!
Всѣ дьяволы должны быть живописцы.
Какъ колоссально освѣщенье ада!..
А вѣдь у многихъ нашихъ живописцевъ
Есть красный колоритъ и, вѣроятно,
Сама душа картину освѣщаетъ;
Вѣдь отъ души зависитъ выраженье...
Ахъ, Господи, да отъ души и все!
Чудесная душа должна быть въ солнцѣ?..
Тьфу, глупости!.. огонь горитъ и только;
Имъ можно кухню освѣтить, палаты;
А для картинъ огонь беремъ изъ сердца...

(Прислушиваясь).

Ага! ужъ заговорщики идутъ!
Одна змѣя лукаво притворилась,
Другая, какъ Іуда, продаетъ
Отца... его врагамъ...

(Хватаетъ ведро воды и заливаетъ огонь).

Вотъ такъ! Везувій
Ведромъ воды успѣшно залитъ. Браво!
Теперь начертимъ планъ для укрѣпленій.

(Садится и въ темнотѣ на бумагѣ что-то чертитъ).

—

ТѢ ЖЕ, КІАРА, ПІЕДРО и ЛОРЕНЦО, съ факеломъ.

ЗАМПІЕРИ *(машетъ рукой).*
Туши огонь! Увидитъ непріятель!
Туши огонь!

ПІЕДРО *(подходитъ къ Зампіери и взявъ его за руку).*
Мой другъ, ты неспокоенъ,
Ты боленъ?..

ЗАМПІЕРИ. Нѣтъ.

ПІЕДРО. Но гдѣ жена твоя?

ЗАМПІЕРИ. Жена? Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ жена?
Она была со мной, шутила... Кіара,
Гдѣ мать твоя? Ты съ ней шутила вмѣстѣ.

КІАРА. Ахъ! маменька лежитъ безъ чувствъ...

ЗАМПІЕРИ. Безъ чувствъ?
Да, Піедро, да! Чечилія безъ чувствъ!..
Ты часто провожаешь мертвецовъ,
И путь въ могилу освѣщаешь, Піедро...
Случалось ли въ безмолвныхъ катакомбахъ
Остаться одному и мудро слушать,
Какъ дикій вѣтръ бесѣдуетъ ужасно
Съ безчувственными хладными тѣлами?..
Я — трупъ, жена и Кіара — дикій вѣтеръ!..
Онѣ ревутъ: ты мертвъ, Доменикино...

ЧЕЧИЛІЯ *(просыпаясь).*
Сонъ или смерть?..

ЗАМПІЕРИ. Чечилія больна!
Тихонько отнесите въ спальню... сонъ
Поможетъ ей... а смерть удѣлъ другаго...

(Лоренцо съ помощію Кіары уводитъ Чечилію).

ЧЕЧИЛІЯ *(уходя).*
О, Боже мой! Я погубила мужа!..

—

ЗАМПІЕРИ И ПІЕДРО.

ЗАМП. Ты слышалъ, Піедро, слышалъ? Не пугайся!
Она меня не погубила; нѣтъ;
Отрава вмѣстѣ съ яствами сгорѣла...

ПІЕДРО. Отрава!

ЗАМПІЕРИ. Да. Но графу Монтерею
Не говори ни слова, ради Бога!
О, знаемъ мы откуда этотъ ядъ,
Откуда заговоръ!.. но мы не глупы —
Предупредимъ опасность, и умремъ
Ты умереть пытался?

ПІЕДРО. Никогда!

ЗАМПІЕРИ. Изобрѣтатель строитъ колокольню
Подъ ростъ Везувію и Апеннинамъ,
Садится на вѣнецъ ужасной башни,
Поетъ свою послѣднюю молитву,
Перекрестился, всталъ, закрылъ глаза,
Раздвинулъ руки будто плавать хочетъ,
И бросился въ бездушный океанъ...
Заутра кости вымели метлой;
На паперти замыли кровь водой;
Какъ-будто не бывало человѣка...

ПІЕДРО. И все богопротивныя слова!..

ЗАМПІЕРИ. Молчи, монахъ! Внемли! Я все скажу!
Сюда монахъ, на край земли, сюда;
Откуда можно бездну смерти видѣть
И въ ужасѣ грѣхъ тайный исповѣдать!..

ПІЕДРО. Сядь, Доминикъ!

ЗАМПІЕРИ. Садись, но я не сяду.
Ты судія, а я преступникъ! Слушай!
Ребенокъ мертвъ душой, но живъ очами;
Онъ любитъ то, что̀ нравится глазамъ;

Онъ чувствуетъ и разсуждаетъ зрѣньемъ...
Проститъ ли Богъ невинному ребенку...
Что живопись онъ страстно полюбилъ?

ПІЕД. Тутъ нѣтъ грѣха!

ЗАМПІЕРИ. Постой! Ребенокъ выросъ
Для юноши прекрасенъ Божій свѣтъ,
Онъ отыскалъ въ предметахъ выраженье,
Открылъ ихъ цвѣтъ, пространство, освѣщенье,
И повторять задумалъ Божій свѣтъ;
Не думая о славѣ и наградѣ,
Онъ безотчетно, вѣтренно работалъ,
Не для себя, Богъ знаетъ для кого;
Онъ чувствовалъ страданія страдальца,
Онъ плакалъ созданными имъ слезами,
Съ разбойникомъ онъ путника терзалъ...
Тутъ нѣтъ грѣха, монахъ! тутъ нѣтъ грѣха...
Молчи, молчи, отвѣтъ твой мнѣ не нуженъ!
Тутъ нѣтъ грѣха, когда призваньемъ вышнимъ,
Что́ геніемъ, талантомъ мы зовемъ,
Такъ жить и дѣйствовать онъ предназначенъ.
Но если медленныхъ трудовъ удачу,
Усилія безъ благодати вышней,
Онъ счелъ ему дарованнымъ талантомъ...
Тутъ нѣтъ грѣха, монахъ, тутъ нѣтъ грѣха!
Но юношу лукаво извиняютъ
И молодость, и ласковый привѣтъ
Невѣждъ, и снисхожденье знатоковъ,
И красоты коварная улыбка,
И неразумные совѣты дружбы.
Вотъ пробилъ часъ; окрѣпли умъ и воля,
Очарованье снялъ суровый опытъ;
Онъ могъ сложить съ себя чужое имя.
Но себялюбье, гордость, слабоправье,
И слава (вѣтръ попутный преступленья)

Ужасной бурей волновали душу...
Безумецъ, онъ въ талантъ свой слѣпо вѣрилъ,
Служа искуству, оскорблялъ искуство!..
О, тутъ есть грѣхъ, смертельный тяжкій грѣхъ!
И этотъ грѣхъ лежитъ на Доминикѣ...

ПІЕДРО. Мой другъ! Несчастье несправедливо!
Богъ далъ искуство людямъ точно такъ же,
Какъ пашни, воздухъ, воду, свѣтъ и сонъ,
Не требуя въ такихъ дарахъ отчета;
Добру и злу назначены вѣсы,
И ежели твои произведенья
Не оскорбляли нравственности, вѣры,
Ты и въ *посредственности* чистъ...

ЗАМПІЕРИ *(съ ужасомъ).*

И ты!..

(Послѣ мгновеннаго молчанія).

Прости меня, великій Богъ, прости!
Я грѣшникъ, я злодѣй, я безталантенъ! *(Убѣгаетъ).*

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Спальная комната Доменикина; направо дверь въ спальную жены и дочери; свѣтильникъ горитъ на столѣ; блѣдно и темно; софа, арфа.

—

ЗАМПІЕРИ; потомъ **ПІЕДРО.**

ЗАМПІЕРИ. Я безталантенъ...

(Піедро входитъ за нимъ, внимательно слѣдуя за всѣми его движеніями).

Это была гордость,
Обиженное самолюбье, — только, —
А не талантъ, не чувство... Я писалъ,
Копилъ грѣхи на немощную старость...

И эти всѣ святые оживутъ,
И отъ меня потребуютъ отчета,
Зачѣмъ я ихъ божественныя лица
Дерзнулъ писать невдохновенной кистью!
Я безталантенъ! Завтра, завтра, завтра,
На площади, на паперти церковной
Я объявлю мой грѣхъ всему народу!..
Пусть цѣлый міръ назначитъ покаянье;
Я соберу остатки бѣдной жизни;
Веревками все тѣло избичую,
И добровольнымъ гладомъ изсушу
И такъ уже мертвѣющіе члены...

ПІЕДРО. Ложись, мой другъ! Раздѣнься, помолись,
И спи! Уже давно во снѣ Неаполь...

ЗАМПІЕРИ. Но Богъ и совѣсть бодрствуютъ всегда!

ПІЕДРО. Ложись и успокойся...

ЗАМПІЕРИ *(съ притворнымъ спокойствіемъ).*
Я ложусь;
Я слушаюсь, ты видишь; я готовъ
Въ монастырѣ монаховъ Кармелитовъ, —
Иль гдѣ духовники назначатъ, — жить,
Ходить по камнямъ босыми ногами,
На шеѣ и рукахъ носить вериги,
Колючей власяницей покрываться...
Ахъ! подожди, — есть у меня коробка
Изъ золота съ рѣзьбою Бенвенуто;
Альдобрандини тысячу піастровъ
Мнѣ предлагалъ, — я не взялъ... На, монахъ,
Вели отпѣть отходное служенье
За душу грѣшника Доменикина!..
Да сниметъ Богъ съ нея великій грѣхъ!
Во время безконечной, страшной жизни,
Я колоссальнымъ сдѣлалъ этотъ грѣхъ,

И увѣнчаю...
Нѣтъ! Я не скажу.
Въ самоубійствѣ я отраду вижу,
А ты къ тому готовъ не допустить...
Нѣть, не скажу... Ложусь! Прости, мой Піедро...
(Отдергиваетъ занавѣсъ постели).
Уйди, монахъ!..

ПІЕДРО. Я у тебя останусь,
Прилягу, и засну; теперь опасно
Мнѣ возвращаться въ монастырь...

ЗАМПІЕРИ *(съ притворнымъ спокойствіемъ).*
Пожалуй,
Спи здѣсь! *(Про себя).* Ого! и Піедро мой подкупленъ;
Но я его довѣрчивостью ложной,
Спокойствіемъ поддѣльнымъ обману.
(Піедро становится на колѣни и тихо читаетъ молитвы).

ЗАМПІЕРИ *(нераздѣтый, лежа на постели).*
Онъ молится, а я!.. одна молитва —
Она безъ словъ; въ ней вся моя душа:
Возьми меня отсюда, мой Спаситель!
Суди за грѣхъ и накажи... Но если...
Нѣтъ, совѣсть Доминика такъ чиста.
Какъ быстрая рѣка въ пустынѣ дикой,
Что̀ кромѣ неба на лицѣ зеркальномъ
Не отражаетъ ничего!.. Что̀, еслибъ
Я былъ съ талантомъ! Спальня, полумракъ,
Свѣтильникъ умирающій, въ туманѣ
Молящійся монахъ... Я безталантенъ!
А прежде!.. Аннибалъ Карраччи, дѣтство,
Восторги настоящіе, надежды,
Удачи, неудачи...
(Шопотомъ, сквозь сонъ).
Агостино!

Какъ восхищается моей работой!
Неужели достоинства въ ней есть?
Онъ улыбнулся; всѣ ученики
Не сводятъ глазъ съ великаго. Молчитъ!..
Прилежно смотритъ; кажется, доволенъ.
(Засыпаетъ).

ПІЕДРО *(подходитъ къ нему).*
Заснулъ! Несчастный труженикъ искуства!
Благословенъ да будетъ краткій сонъ!
(Ложится на софѣ).
Быть можетъ, завтра новыя страданья
Пріидутъ толпой за жизнію страдальца,
А у него осталась только жизнь,
Послѣднее единственное благо...
Пора заснуть; мнѣ надо завтра утромъ
Служить обѣдню въ третьемъ алтарѣ,
Заказанную графомъ Альберони.
Какъ человѣкъ жалѣю я объ немъ;
Хорошій христіанинъ, добрый сынъ,
Счастливый мужъ, несчастный врагъ Испанцевъ...
Испанія!.. И самъ архіепископъ
(Сквозь сонъ).
Ея не любитъ. Если бы меня
Послали къ королю... Арангуэсъ...
Великолѣпные сады... чертоги... *(Засыпаетъ).*

ИНТЕРМЕДІЯ-ФАНТАЗІЯ.

Сонъ Доменикино.

ЗАМПІЕРИ *(бѣжитъ по улицѣ).*
Не можетъ быть! Горитъ одинъ притворъ;

А ежели горитъ, такъ подожгли;
Придумали, какъ до конца убить
Неистощимое страданьемъ сердце!..
Горитъ!.. горитъ!.. Во всемъ дворцѣ темно,
А тамъ ужасный свѣтъ... И нѣтъ тревоги;
И люди спятъ спокойно. Что́ за дѣло,
Что тамъ въ притворѣ жгутъ Доменикина!
Имъ кажется, горятъ однѣ картины,
Плохіе, незавидные труды;
Онѣ не сто́ятъ сожалѣнья; стража,
Облокотясь на копья, спитъ... Войдемъ!

(Входитъ на лѣстницу).

Темно... Я наизусть дорогу знаю
Сюда! По стѣнкѣ вправо; дверь; ступеньки...
Семь, кажется... Вотъ притворъ...

(Входитъ въ притворъ, совершенно освѣщенный къ литургіи; всѣ фрески окончены, лѣса сняты; полъ очищенъ; скамейки; ни живой души не видно).

Спаситель!
Когда я кончилъ этотъ храмъ? А кончилъ!
Великолѣпно, чудно! Какъ прекрасенъ
Святитель мой! Какъ вѣренъ мой Везувій!
Гдѣ куполъ? Нѣтъ, тамъ люди, тамъ Неаполь,
Въ тревогѣ ждутъ послѣдняго мгновенья...
Не бойтесь люди, вотъ святой Януарій!
Не бойтесь, я писалъ васъ не для смерти!
Живите надъ толпой заблудшихъ братій
И проповѣдуйте нѣмою рѣчью.
Понятенъ вашъ языкъ! Гдѣ выраженье,
Тамъ жизнь, тамъ правда, голосъ и слова,
Тамъ все, но въ очарованномъ огнѣ;
Естественно, но ярче и живѣе...
Ликуй, душа! Оконченъ славный трудъ...
Послѣдній!.. грань трудовъ моихъ и жизни!

Какъ солнце, я умру, — исполнивъ день.
На чистомъ небѣ я сіялъ недолго;
За бурями не видѣнъ былъ мой путь;
Но къ времени прибавился день новый;
Меня примѣтятъ люди на закатѣ,
И скажутъ: онъ и въ полдень съ нами былъ,
Но ядовитыя земли дыханья
Завистливо скрывали путь блестящій.
Угасну; мѣсяцъ, звѣзды загорятся,
И прорекутъ: мы отъ него горимъ!
Но кто открылъ мой храмъ, мое блаженство,
Земной, отрадный рай Доменикина?
Кто освѣтилъ, какъ солнцемъ, эти стѣны?
Зачѣмъ? Нѣтъ никого! Въ полночный часъ
Всегда монахи молятся... Молчанье!..
Зачѣмъ нѣть пѣсень въ этомъ дивномъ храмѣ?
Зачѣмъ нѣтъ прихожанъ... А вотъ одна!..
Монахиня... О чемъ ея молитва?..

(Подходитъ къ монахинѣ; она оборачивается).

ЗАМПІЕРИ. Великій Боже! Кіара!

КІАРА ЛАНФРАНКО. Доменикъ!
Благодарю за тайную любовь;
Я ревностью безумной волновалась,
Но ты былъ чистъ... Мой другъ, благодарю!
И я теперь очищена молитвой,
Одѣлась въ непреложную судьбу,
И предъ тобой стою твоей невѣстой, —
Твоей женой; равны страданья наши;
Вся наша жизнь была обрядъ вѣнчальный;
И близко ложе брачное .. Молись!

ЗАМПІЕРИ. Жена прекрасная, зачѣмъ ты старцу
Въ день торжества явилась? О, зачѣмъ
Ты тайный грѣхъ изъ сердца вынимаешь?

Быть можетъ, онъ судьбы моей виновникъ...
Да! я любилъ тебя такъ постоянно,
Такъ тихо, тайно, безкорыстно, Кіара,
Что даже на картинахъ образъ твой
На судъ людей порочныхъ не являлся;
Я о тебѣ съ собой не говорилъ,
И если мысль, путемъ мнѣ неизвѣстнымъ,
Нечаянно бѣжала за тобой, —
Безжалостно я отрывалъ ее
Отъ женщины любимой, а въ груди
Больное сердце кровью исходило...
Женился я, — и это была жертва,
Усиліе... преодолѣть себя!
Воспоминанья кисти откровенной,
Сгорѣвъ, младую душу опалили
Мертвящей безнадежностью; я умеръ
Для жизни: жилъ работникомъ безплатнымъ
У страшнаго властителя искуства!..
Сегодня служба кончилась; и я
Опять не человѣкъ и не художникъ.

К. Ланф. Ахъ, Доминикъ, какъ пишешь ты прекрасно!

Замп. Не льсти, мой другъ! Мнѣ совѣстно, мнѣ страшно,
Что ты изъ снисхожденія ко мнѣ
Уста напрасной ложью оскверняешь...
Великъ мой трудъ, — онъ можетъ быть пріятенъ
Лишь мнѣ, да Богу, да Его Святымъ...
А людямъ? — Нѣтъ, прости моимъ сомнѣньямъ!

Кіара Ланфр. Какъ счастлива жена Доменикина!
Когда ее встрѣчаю у обѣдни,
Мнѣ кажется, вокругъ ея главы
Горятъ лучи отъ славы Доминика.

Зампіери. Ахъ, Кіара, нѣтъ! Чечилія добра,
Чувствительна, и любитъ Доминика;

нимать художество... Ахъ, Кіара,
а я завидую Ланфранко!..
ь великъ, величественъ, воздушенъ;
іары носится во всѣхъ картинахъ...
ъ, кому жена и дѣти въ помощь!..
къ роптать. Такъ должно, и конецъ!..
ы вошла сюда?

ЛАНФРАНКО. Не знаю.

РИ. Странно!
у они притворъ мой освѣтили?

ЛАНФР. Полночный судъ, великій, ждетъ тебя!

РИ. Судъ! Боже мой! Когда меня осудятъ?
щимое терпѣнье злобы
ь малѣйшій слѣдъ усталой кисти...
ъ, Оно и судитъ и казнитъ... Идутъ!

творѣ **появляются тѣни; онѣ болѣе и болѣе наполняютъ храмъ).**

ЕРИ. Ахъ, Кіара, это кажется не люди!..

ЛАНФР. Но кто же?

ЕРИ. Я немногихъ узнаю.
-то видѣлъ ихъ портреты... Точно!
Рафаэль! Вотъ Винчи! Вотъ Вечелли!
Бонаротти! Вотъ Вольтерра!

ЛАНФРАНКО. Что ты?
ники? Я вся дрожу...

ЕРИ. Не бойся!
аю, отчего съ спокойнымъ сердцемъ
на нихъ...

ЛАНФРАНКО *(съ восторгомъ).*
Предъ ними ты спокоенъ?
і великъ! Во истину великъ!..

ОТТИ. Что? Каково? Въ который разъ отцы

Приходите на грозный судъ къ потомкамъ, —
Предсмертный, справедливый, страшный судъ?..
Ну, Полигнотъ, ты старшина межъ нами
По хронологіи... Мои Китайцы,
Мои Египтяне, Индѣйцы, Персы,
Шли предъ тобой какъ скороходы, — только!
Ты началъ, мы спокойно продолжали...
Вотъ небольшой листокъ той самой книги;
Но, благо, мы безсмертны; доживемъ,
Увидимъ, кто конецъ ея напишетъ.
Что жъ, Полигнотъ? Взглянулъ, — и говори!

ПОЛИГНОТЪ. Ты и забылъ Панена, и Вуларха,
И многихъ первоклассныхъ живописцевъ...
Они всѣ здѣсь; спроси у нихъ...

РАФАЭЛЬ. Къ чему
Считаться! Бонаротти — вѣчно тотъ же;
При жизни и по смерти — бурный деспотъ!..

ВАЗАРИ *(указывая на трехъ Караччи)*.
Три граціи божественныхъ искуствъ
Должны рѣшать возвышенную тяжбу.
Вѣдь подсудимый — ученикъ Караччи...

БОНАРОТТИ. Ходатаи, не судьи, — это такъ.

АПОЛЛОДОРЪ. Смотрю и удивляюсь! Бонаротти,
Ты правъ. Тутъ выраженье Полигнота,
Тутъ сила мысли, правильность рисунка,
Но, Тиціанъ, и нашего здѣсь много.
Смотри, какъ все блистательно и ярко!
Одежды, волоса, тѣла и очи
Горятъ, сіяютъ... Если бы я могъ
Владѣть такими средствами! Завидно!
О, Греція, и ты несовершенна?..

АПЕЛЛЕСЪ. Чѣмъ масло лучше воска?..

АПОЛЛОДОРЪ. Апеллесъ,

Вѣдь это писано безъ масла; краски,
Цвѣта, вотъ въ чемъ сокровища новѣйшихъ.
Четырехъцвѣтныя твои картины,
Ни слова, превосходны; но обманъ,
Обманъ художественный, невозможенъ.

АПЕЛЛ. Страсть поражать! А Зевксисъ, а Парразій?
Ты помнишь птицъ и виноградъ?.. Повѣрь мнѣ,
Тотъ будетъ первымъ въ мірѣ живописцемъ,
Кто чистою водой пожаръ напишетъ.
Для знатоковъ дѣйствительныхъ скульптура
Гораздо выше живописи...

АПОЛЛОДОРЪ. Да;
Но знатоки не міръ. И не для нихъ
Изъящное искуство существуетъ...

БОНАРОТТИ. Оставимъ споры, время коротко,
И поворотъ земли ужъ близокъ къ утру.
Начнемъ судить!.. Доменикинъ Замміери
Похожъ на Протогена. Медленъ, важенъ,
Уменъ и строгъ, величественъ и сладокъ.
.... Неравенъ въ колоритѣ,
Но по рисунку и по выраженью
Учитель превосходный! Вотъ мой судъ.

ЗАМПІЕРИ. Творецъ мой! вотъ гдѣ истинная слава!

РАФАЭЛЬ. Согласенъ съ Бонаротти.

ТИЦІАНЪ. Ты согласенъ,
И конченъ судъ! Но я еще желалъ бы
Побольше блеска, щегольства.

АПЕЛЛЕСЪ. Зачѣмъ?
Мы отъ своихъ понятій отказались.
Намъ нравится толпа въ картинахъ вашихъ.
Смѣшеніе безчисленныхъ предметовъ;
Все превосходно, что живетъ въ природѣ.
Представьте цѣлый міръ въ одной картинѣ;

Но вѣрно, точно… Греки васъ похвалятъ,
И вотъ вѣнецъ лавровый подадутъ.

РАФАЭЛЬ. Но Доминикъ и такъ вѣнца достоинъ.

БОНАРОТ. Достоинъ двухъ!. за жизнь, и за искуство.

АГОСТИНО КАРАЧЧИ *(граверъ)*.
Кто передастъ заслуги Доминика
Потомству отдаленному? Чья мѣдь
Со стѣнъ ничтожныхъ соберетъ святыню
И сохранитъ чудесъ прошедшихъ эхо?..

АПОЛЛОДОРЪ. Счастливецъ! Понимаю! Ты великъ.
Ты могъ возвыситься до Рафаэля,
Стать на ряду съ огромнымъ Бонаротти.
Смиренномудрый, съ самоотверженьемъ,
Ты бросилъ кисть и взялъ рѣзецъ и мѣдь,
Чтобъ съ честью сохранить чужую славу.

ЗАМПІЕРИ *(увидѣвъ Агостино)*.
Учитель!.. (Странно рѣчь зачать… Исчезнутъ
Святыя тѣни… и суда не кончать,
И жизнь твоя продлится ..) Нѣтъ, учитель,
Не подходи…

АГОСТ. КАРАЧЧИ. Чей голосъ въ этомъ храмѣ?
Чей человѣческій и дерзкій голосъ?..
Ахъ, Лодовико, Аннибалъ, смотрите!
Вотъ нашъ Зампіери…

ТѢНИ. Гдѣ онъ?—Гдѣ онъ?—Гдѣ онъ?

(Окружаютъ его; Бонаротти впереди).

БОНАРОТ. Прекрасно, другъ! Тобой живетъ искуство!
Благодаримъ! Искуство безконечно;
Пути его безчисленны; но есть
Одинъ изъ нихъ, единственный и вѣчный,
Прямой, безъ изворотовъ, честный путь:
Не многіе святымъ путемъ ходили.
Онъ твой, мой другъ: благословляй свой путь!

ЗАМПІЕРИ. Учитель! дорого я заплатилъ
За то, что шелъ путемъ прямымъ.

КОРЕДЖІО. Зампіери,
Не для земли мы служимъ на землѣ!

РАФ. Да, милый другъ! Мой путь былъ чудно сладокъ,
Вся жизнь была побѣдой непрерывной
Надъ завистью и клеветой враговъ;
А я тебѣ завидую: я умеръ
Какъ грѣшникъ, ты какъ Божій день умрешь!

БОНАРОТ. Мы опоздаемъ кончить судъ безстрастный!
Доменикинъ, веди насъ на мостки,
И разскажи, какъ хочешь куполъ кончить...

(Берутъ его подъ руки и ведутъ).

(Зампіери ведетъ ихъ на подмостки; въ воздухѣ — невидимый хоръ; съ купола къ ногамъ Зампіери сыплются бѣлые цвѣты).

ХОРЪ. Слава тебѣ, тихій сердцемъ!
Слава тебѣ, кроткій духомъ!
Слава тебѣ, угнетенный,
Бѣдный труженикъ!
Богъ твой тебя не оставитъ,
Славу твою Онъ размножитъ,
Пріиметъ тебя въ день великій,
Горькій труженикъ!..

(Зампіери на мосткахъ подъ куполомъ падаетъ ницъ. Входятъ въ притворъ **ГРАФЪ МОНТЕРЕЙ**, **ЭСПАНЬОЛЕТЪ** и **ЛАНФРАНКО**. Тѣни исчезаютъ. Полный день бьетъ въ окна).

ЛАНФ. Вотъ вашъ притворъ, сокровищный притворъ!
Хорошъ, красивъ; онъ писанъ въ Божью славу.
Богохуленьемъ было допустить
Писать такую церковь Доминика.
Сбылись мои слова! Не конченъ куполъ.

И что̀ жъ на немъ? Безумная затѣя,
Для живописи невозможный трудъ:
Везувій въ полномъ изверженьи! Графъ,
Неужели дописывать я долженъ
Нелѣпость сумасшедшаго?..

ЭСПАНЬОЛЕТЪ. Никакъ.
Разбей ее и созидай свое;
Пиши, что̀ храму Божію прилично.

ЛАНФР. Графъ! что̀ мнѣ дѣлать?

ГРАФЪ МОНТЕРЕЙ. Но, отецъ Январій,
Внизу, мнѣ нравится...

ЛАНФРАНКО. Побойтесь Бога!
Смотрите, какъ уродливо изломанъ,
Какъ приторно, изысканно онъ добръ!
Но пусть живутъ оконченныя фрески;
Стыдъ не для насъ, и слава не для насъ.
Въ упрекъ искуству можно ихъ оставить;
Но этого безумнаго созданья,
Что̀ въ куполѣ, оканчивать не стану.
Пиши, Риберра.

ЭСПАНЬОЛЕТЪ. Ни за что̀!

ЛАНФРАНКО. Пускай
Коренціо, Карачьоли...

ГРАФЪ МОНТЕРЕЙ. Ланфранко,
Вотъ молотокъ! Разбей и начинай
Писать, что̀ на душу Господь положитъ.

(Ланфранко бѣжитъ на мостки; Зампіери его останавливаетъ).

ЗАМПІЕРИ. Куда? Не тронь!

ЛАНФРАНКО. Ты здѣсь, коварный червь!
Прочь, молоткомъ я и тебя разрушу!

(Народъ со всѣхъ сторонъ вбѣгаетъ въ притворъ; по мосткамъ забѣгали люди).

НАРОДЪ. Столкните безталаннаго писаку!

ЗАМПІЕРИ. Убейте, но моей любимой фрески
Не трогайте! Она не ваша! Люди,
Вы за все отвѣтствуете Богу!..

НАРОДЪ Отвѣтствуемъ!—Отвѣтствуемъ!—Ломай!

(Доменикинъ борется съ Ланфранко).

НАРОДЪ. Столкни его, Ланфранко, на помостъ,
А молоткомъ казни его бездарность!

ЗАМПІЕРИ. За что такая злость?

НАРОДЪ. За что? не знаемъ.
Прямымъ путемъ, одинъ, искалъ ты славы,
Ты кланяться кумирамъ не хотѣлъ,
Ты презиралъ людей порочныхъ силу...
Мы откровенны, бѣдный Доменикъ!
Пойми свою судьбу и покорись!

ЛАНФР. Нѣтъ, люди, не могу! Силёнъ Замніери.

НАРОДЪ. Не хочетъ покориться? Мы сломаемъ!

(Толпа бросается на Замніери и, отдѣливъ его отъ Ланфранко, тащитъ съ подмостковъ; молотъ начинаетъ стучать мѣрно въ тактъ двухъ хоровъ, которые поютъ вмѣстѣ).

ХОРЪ. Стыдъ и позоръ, штукатурщикъ!
Гордый, во прахъ! Мы разрушимъ
Тѣло твое! Покорися,
Дерзкій башмачникъ!
Мы предадимъ эти фрески
Ржѣ и огню, и насмѣшкѣ
Выю согни. Покорися,
Волѣ безталанный...

ХОРЪ НЕВИДИМЫЙ.

Слава тебѣ, тихій сердцемъ,
Слава тебѣ, кроткій духомъ,
Слава тебѣ, угнетенный,

Бѣдный труженикъ!
Богъ твой тебя не оставитъ,
Славу твою онъ размножитъ,
Пріймецъ тебя въ день великій,
Горькій труженикъ!

ЗАМПІЕРИ *(увлекаемый толпою)*.
Великій Боже! небо и земля!
Скорѣй, скорѣй страдальца раздѣлите.
Какъ волны океана въ дерзкой бурѣ,
Меня влекутъ безжалостные люди!..
За что́?

ТОЛПА НАР: Ты безталантенъ! — безталантенъ!

ЗАМПІЕРИ. О, дайте лечь въ могилу безъ страданья!

НАРОДЪ. Онъ безталантенъ! — Камнями убить! —
На площадь безталантнаго! — на площадь!

ЗАМПІЕРИ. Чернь! докажи слѣпыя обвиненья.

НАРОДЪ. Эспаньолетъ, Ланфранко, Монтерей,
И весь художественный міръ. Довольно
Великихъ обвинителей! — на площадь!

ЗАМПІЕРИ. А! ты безъ мнѣнья, вѣтренная чернь!
Ты грязь! ты слѣдъ чужой хранишь!
Суди сама, въ тебѣ есть умъ и чувство!

ЛАНФРАНКО *(съ подмостокъ)*.
Друзья! посредственность краснорѣчива!..
Вотъ камни вамъ для казни Зампіери!

(Фреска летитъ въ тысячѣ кусковъ; толпа хватаетъ ихъ).

ТОЛПА НАР: Теперь на площадь! — Тамъ его убьемъ!

(Почти обезсиленнаго тащатъ на середину).

ЗАМПІЕРИ. За что́ схватиться бѣдному Зампіери?
О что́ мнѣ опереться?.. Это что́?

(Ловитъ кольцо пустаго гроба, стоящаго насерединѣ,

на небольшомъ возвышеніи: толпа въ благоговѣйномъ ужасѣ отступаетъ, и почтительно преклоняетъ колѣни и головы; глубокое, продолжительное молчаніе).

ЗАМПЕРИ. Гробъ испугалъ людей! Они недвижимы!
Что̀ значитъ ихъ безмолвіе?..

НЕИЗВѢСТНЫЙ *(рѣзкимъ, ужасающимъ голосомъ).*
Проснись!

(Конецъ интермедіи).

ЗАМПЕРИ *(просыпается; въ ужасѣ вскакиваетъ съ постели, бѣжитъ на средину и падаетъ на колѣни).*
Гдѣ эта чернь? откуда этотъ голосъ?
Что̀ значитъ этотъ гробъ и ужасъ черни?
А! понимаю... Богъ меня зоветъ...
Умру, — и прахъ мой страшенъ будетъ черни!
Ужъ некого преслѣдовать за гробомъ!..
Умремъ!.. Умремъ!.. Пора! Давно пора!
Гость долговременный тяжелъ и скученъ...
Пойдемъ домой...
(Идетъ мимо Піедро).
Прости, мой добрый Піедро!
(Остановясь).
Зайти къ женѣ и дочери, проститься...
Неловко мнѣ, отцу семейства, тайно
Уѣхать и не дать благословенья
На случай смерти иль болѣзни.
(Отворяетъ дверь).
Спятъ.
Какъ сладко спятъ! Не хочется будить...
Ну, что̀ жъ? Перекрещу ихъ, поцѣлую,
И въ путь!

(Входитъ; слышны рыданія Доменика).

Простите!

ГОЛОСЪ ЧЕЧИЛІИ. Кто здѣсь?

ЗАМПІЕРИ *(пробѣгая сцену, въ слезахъ).*

До свиданья!

—

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Ночь, освѣщенная отблескомъ начинающаго изверженія Везувія. Повременамъ слышны подземные удары, и примѣтно легкое колебаніе земли. Вдали видѣнъ Неаполь; передняя часть сцены — море съ берегомъ; нѣсколько утесовъ торчатъ въ разныхъ мѣстахъ; кругомъ развалины колоннъ и другіе остатки зданій.

(Смотри картину Жироде «Видъ Неаполя»).

—

ЗАМПІЕРИ *(одинъ).*

Тутъ есть скала, я помню; гордый камень
Родная мать, земля его отвергла,
Родные братья, берега ушли
И предали его волнамъ на жертву;
Онъ почерпѣлъ отъ старости, истерся;
Но твердъ, и на враговъ глядитъ съ презрѣньемъ,
На мать съ насмѣшкой, мстительный гранитъ...
Къ нему, къ нему! На лодкѣ рыбака
Не разъ я доплывалъ къ его подошвѣ,
Взбирался на изрытую вершину,
И рисовалъ Везувій и Неаполь...
Я о грѣхѣ моемъ еще не вѣдалъ...

(Бросается въ лодку и отчаливаетъ).

Прости земля, Италія, прости!
Люблю тебя, но нѣдръ твоихъ прекрасныхъ
Мой грѣшный прахъ не будетъ тяготить...
Я недостоинъ быть въ твоей землѣ!

Ты гробъ и колыбель однихъ талантовъ!
Могила для бездарныхъ — океанъ.
Прахъ генія — отечеству краса;
А грѣшниковъ безчисленныя кости
У хлѣбопашца землю отнимаютъ,
Потомству на отечество клевещутъ,
Подъ мраморомъ скрываютъ грязь и стыдъ,
И золотыми буквами гремятъ
Лукавую дѣлъ небывалыхъ повѣсть...
Нѣтъ! Столько честности еще осталось
Въ моей душѣ... Мнѣ не нужна могила;
Я погребальной чести недостоинъ,
Молитвъ отходныхъ я не заслужилъ.
Горсть брызговъ, легкій плескъ сѣдой волны,
Невнятное въ дубравѣ ближней эхо,
Вотъ погребальный хоръ для Доминика...
Да, можетъ-быть, изъ состраданья вѣтеръ,
Что такъ теперь бушуетъ и ревётъ,
Умѣритъ ярость, жалобно простонетъ,
И снова загремитъ морскія пѣсни.

(Доплывъ къ скалѣ, выходитъ и хочетъ оттолкнуть назадъ челнъ).

Лети, послѣдняя надежда жизни.
Постой, возьми съ собой мои одежды!
Они годятся нищимъ. На, неси!..

(Удары подземные сильнѣе и сильнѣе; порывы вѣтра бѣшенѣе. Везувій болѣе и болѣе разгорается; волны кипятъ. Доменикинъ, безъ верхняго платья, безъ шляпы, пробирается на гору).

Какъ круто!.. Вѣтръ ужасный. Я вспотѣлъ.
И умереть мѣшаютъ!.. Слава Богу,
Я на вершинѣ! Бездна подо мной...
Шагъ, — и во гробѣ... Конченъ тяжкій путь!

(На колѣняхъ).

Я припошу земное покаянье,
Послѣдпій долгъ! Мое предпазпаченье
Безъ ропота до старости я несъ...
Я безталантенъ, но по Вышшей волѣ!
Я моему пичтожеству не вѣрилъ,
Я посрамилъ учителей моихъ
Прославленныхъ пачальниковъ искуства;
Но не они ль посредственпость мою
На грѣхъ хвалой не должной повели;
Я стыдъ принесъ Болоніи родимой,
Но не она ль песчастному Зампіери
Какъ рай божественный живописалась?
О, матерь, снисхожденіе твое
Къ бездарной, бѣдственной охотѣ сына,
Къ всемірному стыду вело Замніери,
И довело!
Не въ осужденье, матерь,
Языкъ мой ропщетъ... Нѣтъ! Нѣмое горе
Теперь равно и громовымъ словамъ...
Вѣтръ, море, небо, могутъ насъ подслушать:
Но разнесутъ ли эту рѣчь по свѣту?
Прости меня, прости меня, о, матерь!
Прости меня, родитель! Богъ вложилъ
Въ твои уста упреки и угрозу;
Ты не пускалъ меня па страшный путь;
Сынъ непослушный, дерзкій, непокорный,
Я отклонилъ родительскую руку
И шестьдесятъ ужасныхъ, горькихъ лѣтъ
Отцу я строилъ памятникъ безчестный,
Всеобщій стыдъ, позоръ всемірный — сына!
И имя честное твое, Замніери,
На вѣчное посмѣшище я продалъ!..
И не умретъ мой стыдъ! Прости, родитель!
Простите, люди!.. Небо и земля,

Простите грѣшнику! Въ волнахъ залива
Онъ самъ себя казнитъ! Простите, люди!

(Всталъ, закрылъ глаза и, вытянувъ впередъ руки, хочетъ броситься въ море. Сильный подземный ударъ потрясаетъ землю и утесъ, на которомъ стоитъ Замніери. Доменикинъ колеблется, и падаетъ. Везувій въ полномъ изверженіи).

Тебѣ какое дѣло, исполинъ,
До бѣднаго, бездарнаго Замніери?
Онъ разгорается!.. Удары грома
Гремятъ пѣснь гибели и разрушенья!
Ужъ нѣтъ его обычнаго вѣнца;
Шлемъ огненный, кровавая кольчуга,
Мильоны пламенныхъ мечей и копій...
Боецъ великолѣпный, на кого?

(Съ возрастающимъ удовольствіемъ).

Что предъ тобой, Везувій, эти волны?
Смотри! Какъ стадо предъ грозой толпятся,
Кипятъ въ испугѣ пѣною жемчужной;
Черны какъ мертвецы, а блещутъ смертью
И страхъ суда несутъ далеко въ море.
Неаполь! А, Неаполь! Что? проснулся?
Весь почернѣлъ людьми какъ муравейникъ?
Намѣстникъ! кто въ твоихъ прозрачныхъ окнахъ
Зажегъ огни? Кто крыши позлатилъ?
Сами собой звонятъ колокола,
Сами собой врата отверзлись храмовъ...
Сильнѣй, сильнѣй, мой исполинъ, кипи!
Великолѣпный витязь, браво! браво!

(Бросаясь уже въ волны).

Гдѣ кисть, гдѣ краски? Гдѣ Каннии, Коцца?..
На холстъ его! Скорѣй на холстъ, на стѣну!..

АКТЪ ТРЕТІЙ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ Доменикина.

КАРАЧЬОЛИ и КОРЕНЦІО, въ монашескихъ одеждахъ.

КОРЕНЦІО. Карачьоли! боюсь за неуспѣхъ
И за успѣхъ.

КАРАЧЬОЛИ. Пускай казнятъ, пусть мучатъ,
Но жить ему я больше недозволю;
Онъ набоженъ, а денегъ неимѣетъ;
Пожертвуетъ на церковь образами,
Насъ поведетъ безъ страха въ мастерскую;
А тамъ ножи окончатъ все...

КОРЕНЦІО. А если
Задержатъ ..

КАРАЧЬОЛИ. Грекъ, ты воротись назадъ;
Иди; я самъ мое исполню дѣло...

КОРЕНЦІО. Но смерть его дойдетъ до Монтерея...
Убійство, такъ, но хитрое убійство...

КАРАЧЬОЛИ. Коренціо! ты помнишь, я писалъ,
Остерегалъ безумнаго Замніери;
Ослушался: и долженъ быть наказанъ!
Я разбирать послѣдствій не хочу...
Везувій въ помощь намъ. Землетрясенье
Разрушило монастыри и церкви
И множество домовъ; вездѣ тревога
И безпорядокъ; жалуются, плачутъ;
Дворецъ въ осадѣ нищихъ и монаховъ;

Во всѣхъ дворцахъ богатой нашей знати
Толпы просителей; а въ уцѣлѣвшихъ
Монастыряхъ, церквахъ, гремитъ Te Deum.
Ты не встрѣчалъ отчаянныхъ отцовъ,
Вчера богатыхъ, ночью обѣднѣвшихъ?
Ты юношей не видѣлъ, потерявшихъ
Невѣстъ, сестеръ и матерей? Въ Неаполь
Изъ деревень всѣ жители сбѣжались,
Одни спасаться, а другіе грабить.
По-моему — единственное время
Для страшныхъ дѣлъ! Вѣрь, что бы ни случилось
Сегодня, — виноватъ одинъ Везувій...

КОРЕНЦ. Разсчетъ хорошъ, но если...

КАРАЧЬОЛИ. Грекъ, довольно!
Идутъ... Молчи!

—

ТѢ ЖЕ и ЧЕЧИЛІЯ.

КОРЕНЦІО. На церковь Санъ-Сильвестро подаянье
Мы собираемъ, добрая синьора!
Не откажите въ милостыни; Богъ вамъ
Воздастъ и наградитъ васъ въ вашихъ дѣтяхъ.

ЧЕЧИЛІЯ. Честной отецъ! возьми у насъ, что хочешь;
Жалѣть не станемъ; но серебра и злата
Нѣтъ въ нашемъ домѣ; деревянной чашей
Мы воду пьемъ, а деревянной вилкой
Мы вертимъ макароны; если хочешь,
Повѣрь, домъ обойди...

КОРЕНЦІО. Къ чему, синьора?
Но здѣсь живетъ, сказали намъ, Замніери,
Великій королевскій живописецъ;
Онъ не откажется для нашей церкви
Дать образъ или два...

ЧЕЧИЛІЯ. Честной отецъ,

Намѣстникъ запретилъ Доменикину
Писать для постороннихъ..

КАРАЧЬОЛИ. Но для церкви
И папа запретить не можетъ... Впрочемъ,
Богъ съ вами, грѣшники!.. Копите злато,
И бѣдностью притворной покрывайтесь!
Обманывайте Бога и людей!
Вчерашній гласъ Везувія напрасенъ...
Нѣтъ покаянья, будетъ судъ и казнь!
Но гдѣ онъ самъ, гдѣ набожный Зампіери,
Гдѣ милостыни щедрый раздаватель?
Всѣмъ дочерямъ грѣха — сребро и злато;
Всѣмъ уличнымъ, сомнительнымъ, Цирцеямъ
Отказывать Зампіери не умѣлъ;
Для страшнаго несчастья онъ умѣетъ.

ЧЕЧИЛІЯ. Не клевещи, честной отецъ; повѣрь мнѣ,
Намъ ѣсть сегодня нечего; Лоренцо
Идетъ къ монаху Піедро да-Бастоне
Просить чего-нибудь на завтракъ; денегъ
Я больше мѣсяца уже невижу;
Живу съ семьей продажей полотна
Для живописцевъ; краду у Зампіери
Эстампы, краски, холстъ, и продаю...
Клянуся Богомъ, за эстампъ Караччи,
Съ собственноручной подписью его,
Который такъ хранилъ мой мужъ несчастный, —
Я за него могла купить горсть соли!..
Я подлинный рисунокъ Рафаэля,
Доставшійся за дорогую цѣну
Покойному Монтальто, продала
Секретарю Геррерѣ за два скуди!
Возьмите все; возьмите; не жалѣю;
Но пожалѣйте насъ, не клевещите!

КАРАЧЬОЛИ. Дочь дерзкая, служителямъ Господнимъ

Клеветниками быть нельзя; мы знаемъ,
Что говоримъ...

—

ТѢ ЖЕ и ЛОРЕНЦО.

ЧЕЧИЛІЯ. Ну, вотъ и нашъ Лоренцо...
Спросите у него, куда идетъ?
Зачѣмъ?..

ЛОРЕНЦО. Кто я? Иду къ отцу Бастоне.
За ужиномъ, за завтракомъ, обѣдомъ,
За жизнью. До свиданія...

—

ТѢ ЖЕ, кромѣ Лоренцо.

КАРАЧЬОЛИ. Не вѣрю.
Условленный языкъ...

КОРЕНЦІО (тихо).
Мой другъ, уйдемъ;
Есть у меня чудесный замыслъ...

КАРАЧЬОЛИ. Нѣтъ;
Я долженъ видѣть самого Зампіери.

КОРЕНЦІО. О, ради Бога, времени не много!
Уйдемъ; мы не догонимъ; это средство
Вѣрнѣе всѣхъ ножей... Я отвѣчаю
За тайну и успѣхъ...

КАРАЧЬОЛИ. Ты отвѣчаешь?

КОРЕНЦІО (тихо увлекая его).
Да, да, но только поскорѣй пойдемъ!

КАРАЧЬОЛИ (уходя).
Прости, жена бездарнаго Зампіери!
Прости, натурщица медей и фурій.

—

ЧЕЧИЛІЯ (одна).
Владыко! Быть не можетъ! Неужели

Монахи это? Господи, прости,
Невольно согрѣшишь. Ну, вотъ Неаполь!
Чего тутъ смотритъ старый кардиналъ?
Такіе звѣри ходятъ на свободѣ!..

—

ЗАМПІЕРИ и ЧЕЧИЛІЯ.

АМПІЕРИ *(вбѣгая съ безпокойнымъ видомъ)*.
Чечилія, гдѣ старый молотокъ,
Оправленный въ Египетскую пальму
Съ головкой львиной на концѣ?

ЕЧИЛІЯ *(смутясь)*.
Украли...

АМПІЕРИ. Украли! Ну, такъ нѣтъ ли у тебя
Какой-нибудь тяжелой колотушки?

ЕЧИЛІЯ. Украли.

АМПІЕРИ. А! украли. Отчего?
Отъ бѣдности. Не жаль!.. А гдѣ топоръ?..

ЕЧИЛІЯ. Лоренцо заперъ.

АМПІЕРИ. Заперъ. А зачѣмъ?
Нѣтъ! Вотъ топоръ. И кстати, онъ нужнѣе.
Чечилія, нужна ли эта дверь?

ЕЧ: По-мнѣ, нужна.

АМПІЕРИ. А эта?

ЕЧИЛІЯ. Нѣтъ!

АМПІЕРИ. Позволь
Мнѣ взять ее.

ЕЧИЛІЯ. На что тебѣ, мой другъ?

АМПІЕРИ. Позволь! Не достаетъ одной покрышки.
Мой милый другъ, неужели и въ этомъ
Откажутъ мнѣ? Непостоянно небо;
Ну, дождь пойдетъ; земля промокнетъ; кости

От стужи лихорадкой заиграют...
Нельзя пойти, согрѣться...

ЧЕЧИЛІЯ. Всемогущій!
Безуміе въ рѣчахъ его...

ЗАМПІЕРИ. Ну, что жъ,
Ты позволяешь? Милый другъ... позволь;
Утѣшь меня... Здѣсь дорогъ лѣсъ, а доски
На вѣсъ сребра и злата продаются.
Я помню, гробъ заказывалъ для сына;
Платилъ, платилъ, а все въ долгу остался.
Притомъ же здѣсь работаютъ неплотно;
А гробъ, какъ храмъ, священный сумракъ любитъ.
Ты видѣла, какъ строятъ корабли?
Ходи по морю, какъ по сушѣ; капля
Проходу не найдетъ... такая плотность!..
А я придумалъ славно. На шипахъ, —
Потомъ по щели мѣдную полоску, —
Потомъ раскрашу масляною краской
Внутри, снаружи засмолю. Вотъ какъ!

ЧЕЧ. Дай рѣчь, мой Богъ! — я говорить не въ силахъ!

(Зампіери бьетъ топоромъ по петлямъ; дверь отваливается; онъ ее тащитъ).

—

ТѢ ЖЕ и КІАРА, дочь Доменикино.

КІАРА. Что это значитъ? Ради Бога!

ЗАМПІЕРИ. Здравствуй,
Мое дитя, мой первенецъ, мой ангелъ!
Умру, намѣстникъ все тебѣ заплатитъ...
А тысячъ двадцать есть за нимъ. Женись!
Возьми себѣ въ мужья глупца, невѣжу,
И проклинай бездарнаго отца.

КІАРА. Родитель!

ЗАМПІЕРИ. Проклинай его, мой ангелъ!

Молись, чтобы въ покойныхъ сновидѣньяхъ
Бездарный твой тиранъ не появлялся;
Начни учиться пѣнію и пляскѣ:
Еще успѣешь; пой любовь, веселье:
Но про отца, молю, не вспоминай!..
Я васъ спасу отъ общаго стыда!
Послушайте: едва умретъ Зампіери,
И ненависть умретъ. На этомъ свѣтѣ
Останется безславіе одно...
Вамъ деньги отдадутъ, и въ тотъ же день
Въ Сицилію, въ Палермо, отправляйтесь.
Живите тамъ подъ именемъ Бастоне;
Мой Піедро вамъ свидѣтельство напишетъ.
(Становится на колѣни).
Молю васъ, позабудьте обо мнѣ!

ЧЕЧ: и КІАРА. Доменикинъ! — Родитель!

ЗАМПІЕРИ *(не допуская ихъ къ себѣ).*
Умоляю,
Не прикасайтесь къ грѣшнику; бездарность
Во мнѣ въ проказу, въ язву обратилась...
О, не носите имени Зампіери!
Не говорите обо мнѣ; картины
Исчезнутъ, уничтожатся; враги
Покойника забудутъ; цѣлый свѣтъ
Забудетъ обо мнѣ; тогда, быть-можетъ,
Въ чистилище переведутъ меня,
А на землѣ исчезнетъ стыдъ искуству...
(Встаетъ и приближается къ нимъ. Помолчавъ).
Я васъ любилъ, Чечилія и Кіара!
Пока считалъ себя жрецомъ законнымъ,
Художникомъ невиннымъ, я гордился
Быть пастыремъ прекраснаго семейства,
И ваша бѣдность славой красовалась!
Я съ вѣрою потомство призывалъ;

Оно ручалось мнѣ за ваше счастье,
За вашу честь, за вашу славу... Боже,
Какъ поздно ты слѣпцу прозрѣть дозволилъ!

(Умоляющимъ голосомъ).

О, никогда, жена и дочь, молю васъ,
Въ послѣдніе часы преступной жизни
Не оскорбляйте немощнаго старца,
Не презирайте грѣшника! безъ мести,
Безъ сожалѣнія, безъ состраданья
Какъ милостыню бросьте взоръ съ любовью,
Прощальнымъ поцѣлуемъ удостойте!

ЧЕЧИЛІЯ И КІАРА *(бросаясь обнимать его)*.
Ахъ, батюшка! — Мой бѣдный другъ!

ЗАМПІЕРИ *(вырывается изъ рукъ ихъ и, поднявъ топоръ, убиваетъ)*.
Простите!

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Городской садъ.

—

КОРЕНЦІО, за нимъ **КАРАЧЬОЛИ**, въ обыкновенныхъ своихъ платьяхъ, входятъ въ садъ весьма поспѣшно и садятся на скамью.

КОРЕНЦІО. Усталъ?

КАРАЧЬОЛИ. Усталъ смертельно. Но зачѣмъ
Мы бросили нашъ замыселъ. Грекъ, ты струсилъ?

КОРЕНЦІО. Молчи, Карачьоли; я отвѣчаю.
Садись на эту ветхую скамейку,
И, что бы ни случилось здѣсь, молчи!

КАРАЧЬОЛИ. Да растолкуй...

КОРЕНЦІО. Прошу тебя, молчи!

—

ТѢ ЖЕ и ЛОРЕНЦО.

ЛОРЕНЦО (*проходя мимо, кланяется*).
Синьоръ Коренціо!

КОРЕНЦІО. Синьоръ Замньери!
Куда такъ рано?

ЛОРЕНЦО. Я иду за дѣломъ.

КОРЕНЦІО. О чемъ печаль, задумчивый Лоренцо?
За дѣломъ? Вѣрно далеко живетъ...

ЛОРЕНЦО. Кто?

КОРЕНЦІО. Дѣло. Тайная красотка? Такъ ли?
. Васъ ждутъ.

ЛОРЕНЦО. Синьоръ!

КОРЕНЦІО. Васъ ждутъ. Я въ томъ ручаюсь.
Умѣйте быть настойчивымъ и дерзкимъ;
Любовь — война; совѣтую быть храбрымъ...

ЛОРЕНЦО. Неужели и вамъ извѣстно?..

КОРЕНЦІО. Другъ мой,
Вы рано отъ друзей своихъ отстали,
Разбойникомъ на тайны ихъ напали;
И продали ихъ дядѣ... Можетъ-быть
Все къ лучшему; и самому мнѣ стыдно,
Что мы къ безчестнымъ средствамъ прибѣгали,
Чтобъ погубить безсильнаго Замньери.
Но я тогда трудовъ его не видѣлъ;
А по наслышкѣ думалъ и судилъ.
Вчера я видѣлъ трудъ Доменикина
И завтра исповѣдываться буду...
Да! я грѣшилъ передъ святымъ причастьемъ.
Раскаяньемъ очищу тяжкій грѣхъ...
Дивлюсь, какъ могъ я такъ упрямо, злобно
Преслѣдовать великаго Замніери!
Общественное мнѣнье увлекло;

Судъ славнаго Риберры и Ланфранко,
Холодность Рима; много, очень много
Наружныхъ побудительныхъ причинъ;
Но безпристрастіе — мой древній идолъ.
Я не могу ходить на помочахъ;
Увидѣлъ, убѣдился, и теперь
Я первый защищать готовъ Зампьери.
Но я васъ удержалъ, синьоръ: простите!
Васъ ждутъ, пора...

ЛОРЕНЦО. Коренціо? возможно ль?
Неужели вы въ старикѣ моемъ
Находите талантъ?

КОРЕНЦІО. И первоклассный!
И первоклассный! да, синьоръ Лоренцо!
Мнѣ стыдно признаваться; всѣ друзья
Моимъ прямымъ сужденьемъ недовольны:
Но что же дѣлать! не могу молчать...
Я вижу явственно, какъ зависть Рима,
Флоренціи, Болоніи и Сьены
Чумой прошла въ Неаполь. Но Лоренцо,
Прошу васъ, передъ дядей умолчите
О мнѣніи моемъ; подумать могутъ,
Что я изъ личныхъ видовъ обратился...
Жалѣю, что и вамъ сказалъ...

ЛОРЕНЦО. Напрасно,
Синьоръ Коренціо, скрывать сужденье
Цѣлебное для бѣднаго Зампіери.
О, проклятъ день, когда несытый страстью
Я бросился въ объятія пороку!..
Коренціо! Раскаяться не трудно
Въ грѣхѣ обыкновенномъ, ежедневномъ,
Но я былъ медленнымъ его убійцей:
Я славу долговѣчную Зампіери
Съѣдалъ, какъ червь невидный, при рожденьи,

И яркія надежды на потомство
Я разрушалъ безчестными путями!
Что ваша зависть, сплетни, обвиненья,
Доносы, пасквили и серенады!
Увеличительныя стекла. Время
Смотрѣло бъ въ нихъ на фреску Доминика,
И міръ гремѣлъ бы славой и хвалой...
Но фрески нѣтъ, — и вашимъ клеветамъ
Повѣритъ злорѣчивое потомство...
Доменикинъ еще двѣ фрески кончилъ:
Увы, разрушенная была чудомъ!
А эти недурны и только... Горе
И вамъ, но мнѣ нѣтъ мѣры наказанью!
Какъ страшнаго суда жду страшной смерти.
Онъ все простилъ, великій христіанинъ;
Но не проститъ нѣмое Провидѣнье.
Неразъ въ печальныхъ мукахъ покаянья
Я ждалъ отъ неба сладкаго отвѣта!
Молчитъ, неумолимое, молчитъ!

КОРЕНЦІО *(отирая слезы).*
Ты видишь слезы, бѣдный мой Лоренцо!
Мы въ равномъ положеніи: молиться
И плакать, вотъ удѣлъ и твой и мой!
Но скроемъ стыдъ! Не предъ людьми, предъ Богомъ
Должны молиться грѣшники. Прости!
Куда теперь идешь, мой другъ, Лоренцо?

ЛОРЕНЦО. О, что напомнилъ ты! Доменикино
Куска простаго хлѣба не имѣетъ;
И поданьемъ долженъ жить...

КОРЕНЦІО *(хватается за кошелекъ).*
Лоренцо,
Ты собираешь подаянье?

ЛОРЕНЦО. Нѣтъ.
Иду къ монаху Піедро за обѣдомъ.

КОРЕНЦІО. Пѣшкомъ? Не близко! Больше полумили.
Зайди ко мнѣ; я дамъ тебѣ коня.

ЛОРЕНЦО. Благодарю, Коренціо, за дружбу.
Дѣйствительно, я изнемогъ отъ горя;
Не сплю, не ѣмъ... Мучительная совѣсть,
Какъ зеркало моихъ дѣяній черныхъ,
Со мной стоитъ и ходитъ неразлучно.
Едва передвигаю ноги.

КОРЕНЦІО. Полно!
Пойдемъ ко мнѣ, немного отдохни,
И на конѣ къ монаху отправляйся.

ЛОРЕНЦО *(уходя съ Коренціо)*.
Коренціо! Богъ наградитъ тебя...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Комната въ домѣ Коренціо.

ЛОРЕНЦО и КОРЕНЦІО.

КОРЕНЦІО. Садись, мой другъ Лоренцо, отдыхай;
А между-тѣмъ, пока сѣдлаютъ лошадь,
Мы перекусимъ. Клеоменъ! вина
Баранины и хлѣба... Что, Лоренцо,
Опять задумался?..

ЛОРЕНЦО. И не на шутку!
Мнѣ мысль пришла отправиться отсюда
Въ Римъ, къ папѣ; разрѣшенія просить
Въ грѣхѣ моемъ...

КОРЕНЦІО. Пойдемъ, Лоренцо, вмѣстѣ...

ЛОРЕНЦО. Но говорятъ, Коренціо, и папа
Грѣховъ смертельныхъ отпускать не можетъ?

КОРЕНЦІО. Да; но назначитъ время покаянья,

Укажетъ средства къ очищенью; постъ,
Молитву, милостыни, монастырь...

Лоренцо. Ты Грекъ, Коренціо, а вѣришь въ папу!..

Коренціо. Давно уже къ италіанской церкви
Присталъ отецъ мой, мать, сестра и братья!
Оно ловчѣе, выгоднѣй, Лоренцо;
Въ Италіи бѣда быть иновѣрцемъ;
Здѣсь поневолѣ въ туфлю поцѣлуешь;
А не согнешься, пыткою согнутъ.
Хотя Неаполь, бѣдный рабъ Кастильцевъ,
Умѣлъ отъ инквизиціи уйти;
Но инквизиція — сосѣдъ: въ Палермо
Живетъ; сюда заходитъ для прогулки.
Пусть не сожгутъ: за то въ Арангуэсѣ
На милость не надѣйся. Ну, Лоренцо,
Закусимъ!..

Лоренцо. Нѣтъ, Коренціо, я сытъ,
Мнѣ ѣсть не хочется, а бѣдный дядя,
Несчастная жена его, и дочь,
Отъ голоду и жажды умираютъ.
Нѣтъ! Гдѣ твой конь, Коренціо? Я ѣду!

Коренціо. Скорѣе лошадь, Клеоменъ! Мой другъ,
Ужасно положенье Доменика!
Ты испугалъ меня! Въ судьбѣ Зампіери
И я участвовалъ! Мнѣ стало страшно!
Бѣда въ зеркальную смотрѣться совѣсть!
Повѣришь? — день — а тьма кругомъ меня!
Въ печальномъ сумракѣ сидитъ Зампіери,
А пища монастырская предъ нимъ!..
Монашествуетъ, бѣдный, противъ воли!
Лоренцо, видишь ли жену и дочь?..
Въ рукахъ — вода и черствые обрѣзки
Голоднымъ нищимъ брошеннаго хлѣба!

ЛОРЕНЦО. Коренціо! пиши свою картину,
Но скрой ее отъ грѣшныхъ глазъ моихъ...

КОРЕНЦІО. О, горе намъ, Лоренцо, горе, горе!
Чѣмъ мы искупимъ грѣхъ? Постой, Лоренцо,
И я сегодня ѣсть и пить не въ силахъ!
Возьми мои запасы для обѣда,
Вези къ Чечиліи; взгляни на солнце:
И къ вечеру едва ли ты успѣешь,
Съ обѣдомъ позднимъ воротиться! Право,
Возьми, Лоренцо, мой обѣдъ!.. Постой!
Эй, Клеоменъ! сегодняшній обѣдъ
Сложи въ мою походную посуду,
Отдай Лоренцо... Ты иди за нимъ,
А я вино достану...

—

КОРЕНЦІО, одинъ.

...и отраву.
Сюда, сонъ смертный! въ хладное вино
Огонь мучительной кончины!.. Горе
Тебѣ, Лоренцо, если онъ не выпьетъ
Хоть одного бокала горькой смерти!..
(Вливаетъ отраву въ одинъ изъ сосудовъ).

—

ЛОРЕНЦО и КОРЕНЦІО.

ЛОРЕНЦО. Твой Клеоменъ укладываетъ яства,
А я пришелъ тебя благодарить...
Коренціо, ты искренно желаешь
Съ несчастнымъ Доминикомъ примириться?..

КОРЕНЦІО. Какъ примириться? Испросить прощенье,
Упасть къ его ногамъ, и горько плакать...
Я объ одномъ прошу: скрой отъ жены,
Отъ дочери, отъ живописцевъ, словомъ,
Отъ постороннихъ лицъ мое признанье;

Скажи, что твой обѣдъ, вино, — отъ Піедро;
Что лошадь монастырская; солги;
Но скрой мое раскаянье предъ свѣтомъ:
Карачьоли меня убьетъ. Прости!
Вотъ два сосуда съ винами: одно
Обыкновенное, простое: впрочемъ,
Уже три года у меня лежитъ;
А это — кипрское для Доминика:
Смотри, какъ обросло кудрявымъ мхомъ!
Три раза въ Гибралтаръ оно ходило;
Досталось мнѣ изъ погребовъ Караффы,
И мнѣ картины стоило; въ семь лѣтъ
Опорожнилъ я только три сосуда,
Во время трехъ мучительныхъ недуговъ.
Оно отъ времени и переѣздовъ
Пріобрѣло лекарственную силу...
Возьми, вези. Пора! Прости, Лоренцо!..

ЛОРЕНЦО. А завтра ты пріидешь къ Доменикину?

КОРЕНЦІО. Невдругъ, невдругъ; сегодня промолчи,
А завтра, издали, слегка, намекомъ,
Начни приготовлять его къ свиданью;
Не то, онъ искренности примиренья
Повѣрить не захочетъ...

ЛОРЕНЦО. Хорошо!
А завтра я нарочно рѣчь начну
О кипрскомъ старикѣ, потомъ о яствахъ,
Потомъ о знаменитой этой фрескѣ,
Которую ты видѣлъ; наконецъ,
И о тебѣ. Не такъ ли?

КОРЕНЦІО. Такъ, Лоренцо!
Но поѣзжай, тебѣ пора!

ЛОРЕНЦО. Прости!

—

КОРЕНЦІО, одинъ.

Вотъ греческій огонь, неугасимый!
Не корабли, окованные мѣдью,
Не волны, чешую кипящей бездны,
Сжигаетъ мой огонь, а жизнь и душу!
Нѣтъ, я не сытъ, я голоденъ, я жажду!
Готовъ мой пиръ. Скорѣе, собесѣдникъ.
За столъ, за смерть! — Я оживу тогда...
Пойметъ Неаполь, кто могущъ и страшенъ;
Мой взоръ смутитъ Риберру и Ланфранко.
Кто жить не хочетъ? А въ моихъ рукахъ
Таится смерть невидимымъ туманомъ...
Они поймутъ, — и ужасъ будетъ дружбой,
Страхъ смерти — геніальностью моей;
Противорѣчье — смертнымъ приговоромъ...
Въ художествахъ я буду инквизиторъ...
И горе вамъ, еретики въ искуствѣ!..
Я васъ сожгу невидимымъ огнемъ.

—

КОРЕНЦІО и КАРАЧЬОЛИ.

КАРАЧЬОЛИ. Коренціо!

КОРЕНЦІО. Карачьоли, побѣда!
На похороны славнаго Зампіери
Ты приглашенъ...

КАРАЧЬОЛИ. Грекъ, шутки не у мѣста!
И я пришелъ потребовать отчета,
Зачѣмъ ты убѣжалъ отъ Зампіери?

—

ТѢ ЖЕ и ЛАНФРАНКО.

КОРЕНЦІО *(не видя его).*
Затѣмъ, чтобы послать ему обѣдъ
И кипрское вино съ отравой.

КАРАЧЬОЛИ. Грекъ!
Какъ необдуманно...

КОРЕНЦІО. И какъ искусно!"
Ты понялъ ли раскаянье мое?

(Ланфранко хочетъ уйти; но Карачьоли услышалъ шумъ его шаговъ).

КАРАЧЬОЛИ. Кто здѣсь?

КОРЕНЦІО. Ланфранко!

КАРАЧЬОЛИ *(хватается за ножъ).*
А, синьоръ, Ланфранко!
Подслушивать!

КОРЕНЦІО. Карачьоли, постой!
Онъ нашъ, онъ долженъ нашимъ быть; есть письма
Въ моихъ рукахъ; онъ насъ не обвинитъ.
И хорошо, что во время пришелъ!
Да; я послалъ отраву Доменику.
Но для тебя, Ланфранко, я оставилъ
Кинжалъ, измѣну, подкупъ и разбой...
Оставь Неаполь: если завтра утромъ
Ты встрѣтишь солнце здѣсь, то ввечеру
Нигдѣ его заката не увидишь!
Не въ тайнѣ сила: ты его убійца,
Ты насъ уговорилъ, ты понуждалъ,
Ты помогалъ убійству Замшіери!
Есть письма, есть свидѣтели: не можешь,
Не смѣешь въ тайнѣ измѣнить! Иди
И собирайся въ путь. Иди, Ланфранко!

КАРАЧЬОЛИ. Ну, что жъ, Ланфранко, ѣдешь или нѣтъ?

ЛАНФРАНКО. О, дѣти, дѣти! Ѣду, безъ-сомнѣнья...
Я долго жилъ для смерти Замшіери,
Онъ умеръ, — мнѣ Неаполь вашъ не нуженъ.
Сегодня же въ обратный путь, простите!
Удачи въ многочисленныхъ трудахъ!

Прославьте свой Неаполь чудесами;
Арангуэсъ и гордаго Алкалу
Смутите слухомъ вашего успѣха,
И молоткомъ разрушьте оскорбленья,
Которыя оставилъ вашъ башмачникъ.
Люблю великихъ мстителей искуства!
Вы не дали бездарному невѣждѣ
Смѣяться надъ искуствомъ безнаказно.
И правъ вашъ судъ; я одобряю васъ...

КАРАЧЬОЛИ. Не просимъ!

КОРЕНЦІО. Нѣтъ, Карачьоли, напротивъ!
Я искренно благодарю Ланфранко
За лестный отзывъ, и ему взаимно
Желаю, и успѣха, и удачи,
Въ столицѣ міра, славы и художествъ...
Счастливый путь, Ланфранко!

ЛАНФРАНКО. До свиданья! *(Про себя).*
Разбойники! я прежде васъ отправлю.
(Громко).
Простите, добрые друзья!

КОРЕНЦІО и КАРАЧЬОЛИ. Прости!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната Ланфранко.

(Шесть дочерей Ланфранко въ глубокой печали сидятъ молча около стола. Катарина кормитъ двулѣтнюю Формозу).

ДЕЛІЯ. Нѣтъ маменьки!

КАТАРИНА. Три дня уже какъ нѣтъ.
Молитесь, дѣти, Богъ ее отыщетъ;
А на людей плоха надежда.

АНДЖЕЛИКА. Боже!
Неаполь такъ разбойниками полонъ!..
И всякой день мы слышимъ, тамъ убили,
Тамъ въ воду бросили, тамъ въ домъ вломились,
Тамъ отравили; можетъ-быть, злодѣи...

КАТАРИНА. Э, полно, Анджелика, Богъ съ тобой!
Кто женщину обидитъ? А синьора
Сама ушла, невѣдомо зачѣмъ,
Невѣдомо куда; передъ уходомъ
Она молилась нѣсколько часовъ,
И плакала горючими слезами...
Припомните, пришла синьора въ спальню,
Ты Анжелика съ Деліей молилась;
А прочія давно уже дремали...
Синьора обняла и васъ, и спящихъ,
И долго красными отъ слезъ глазами
Смотрѣла на Формозу въ колыбели...
Поцѣловавъ ее, перекрестила;
Потомъ свою старуху Катарину
Такъ больно обняла!.. и убѣжала...
Я тотчасъ догадалась; сердце чутко:
Бѣда сверчкомъ мнѣ въ уши зажужжала;
Не знаю, какъ ужъ я раздѣла васъ,
Схватила мой свѣтильникъ, и къ синьорѣ;
Глядь въ спальню, нѣтъ; въ столовую, темно;
Живой души не слышно; въ мастерскую,
Нѣтъ никого; я въ кухню, на чердакъ,
Весь домъ, дворъ, садъ, какъ кошка обыскала,
Къ калиткѣ, — отперта, и нѣтъ синьоры...
Куда такъ поздно, Боже сохрани!
Подумала, любовная затѣя!..
И въ сорокъ лѣтъ, и въ пятьдесятъ шалятъ;
А въ тридцать-восемь кровь еще кипитъ...
Сижу и думаю; погасъ свѣтильникъ,

Я встала, и зажгла; опять сижу;
Пришелъ Ланфранко : «Что, жена ужъ спитъ?»
Я зарыдала: «Нѣтъ синьоры Кіары,
Понять нельзя, куда она дѣвалась.»
— «Когда прійдетъ, ты не буди меня,
Скажи, что я пришелъ давно.» — и только;
Легъ и заснулъ... Я не могла уснуть,
Ночь на пролетъ въ слезахъ я просидѣла.
Поутру всталъ отецъ вашъ, и спросилъ:
«Что, нѣтъ жены?» — Я прорыдала... «нѣтъ»...
А онъ меня корить за слезы началъ!

АНДЖЕЛИКА. О! Катарина, можно ли не плакать?

ВЕРОНИКА *(пятая)*.
Мнѣ страшно, няня: подойди ко мнѣ!
Всѣ плачутъ, хочется и мнѣ заплакать...
Я въ садъ пойду, тамъ вѣрно веселѣй...
(Бѣжитъ къ дверямъ).

—

ТѢ ЖЕ и КІАРА, въ монашескомъ нарядѣ.

ВЕРОНИКА. Ай, няня, няня, привидѣнье!..

КІАРА. Дѣти!

ВСѢ ДОЧЕРИ. Ахъ, маменька—монахиня!..

КІАРА. Молчите!
Вы поняли, что значитъ мой нарядъ!
Для міра умираетъ ваша матерь;
Но будетъ жить для слезъ и покаянья.
Когда душа коварно волновалась
Житейскихъ благъ житейскою надеждой,
И нерѣшительно земное сердце
Задумало преобразиться въ тайнѣ,
И отъ надеждъ житейскихъ отказаться, —
Но со страстьми уже боролась я,

А съ долгомъ матери... и побѣдила!
Три дни я искушала умъ и сердце:
Увѣрилась, что я уже безстрастна;
Что я могу безъ слезъ и безъ улыбки
Смотрѣть на васъ; что я могу въ молитвѣ
Поставить васъ съ другими наравнѣ;
Что нѣтъ уже на свѣтѣ человѣка
Достойнаго любви и предпочтенья;
Что у меня Единый Богъ — единъ,
А идолы и грѣшниковъ грѣшнѣе;
Что добродѣтель — только крестъ въ семъ мірѣ,
И если данъ кому, такъ — до могилы!
Тогда прозрѣли очи Магдалины:
Въ пустынѣ, предъ распятіемъ, надъ книгой
На черепъ оперишсь, въ бесѣдѣ съ небомъ
Египтянка покой свой обрѣла;
Волнуема, то страхомъ, то надеждой...
Она достигла пристани покойной,
И Богъ ее, какъ дѣву, съ міра принялъ!
За мною, дщери Божіи, за мной,
Пока вамъ покаяніе не нужно!
Пока васъ свѣтъ и скверной и соблазномъ
Не обовьетъ, какъ смрадной паутиной!
За мной, за мной!..

ДѢТИ. Куда же?

КІАРА. Въ монастырь...

КАТАРИНА, АНДЖЕЛИКА И ДЕЛІЯ. Великій Боже!

ВЕРОНИКА. Маменька, поѣдемъ!

КІАРА. Увы, не нахожу моихъ дѣтей
Въ ребяческой невинной чистотѣ!
Свѣтъ заглянулъ въ неопытное сердце
Несчастной Деліи и Анджелики.
Пой погребальный гимнъ имъ, Катарина!
Онѣ скончались, свѣтъ ихъ одолѣлъ.

АНДЖЕЛИКА О матерь, матерь!

КІАРА. Бѣдныя, живите!
Я завѣщаю вамъ мою одежду
И келью; вы, клянусь, туда прійдете,
И скажете: подъ этимъ покрываломъ
Несчастная насъ къ счастію звала,
Но мы ее безумною считали...

ДЕЛІЯ. О, ради неба, маменька!...

КІАРА. Простите!
Теперь вдвойнѣ иду страдать...

КАТАРИНА. Ланфранко!

КІАРА. О, спрячьте вашу матерь! Катарина,
Спаси меня отъ ненавистныхъ взоровъ!
Съ нимъ встрѣтиться я не могу...

КАТАРИНА. Синьора,
За эту занавѣсь...

КІАРА (*за занавѣсомъ*).
Не измѣните!...

—

ТѢ ЖЕ, ЛАНФРАНКО и ЭСПАНЬОЛЕТЪ.

ЛАНФРАНКО Что, нѣтъ жены?

КАТАРИНА. Нѣтъ... нѣтъ!..

ЛАНФРАНКО (*съ улыбкой*).
Жена пропала!
Три дня не возвращается домой,
А мнѣ ея нѣтъ времени искать...
Такъ странно обстоятельства идутъ,
Такъ путаютъ невиннаго Ланфранко
Въ безбожныя, преступныя дѣла...
А передъ чернью трудно оправдаться!...
Риберра, я увлекъ тебя къ себѣ

За дѣломъ, за спасительнымъ совѣтомъ...
Оставьте насъ однихъ... Доменикино!...

Женщины уходятъ.

—

ЛАНФРАНКО, ЭСПАНЬОЛЕТЪ и КІАРА за занавѣсомъ.

ЭСПАНЬОЛЕТЪ. Неужели еще какое горе
Придумали несчастному? Творецъ,
Я умываю руки! Никогда
Я не хотѣлъ преслѣдовать Зампіери!
Не я его довелъ до нищеты!
Не я смутилъ его несчастный разумъ!
Ланфранко, Богъ свидѣтель, я хотѣлъ
Въ художествѣ опредѣлить Зампіери
И показать ему въ искуствѣ мѣсто,
Законное, безъ лести и хулы...
И чтожъ? — мой голосъ знамя къ возмущенью,
Мой бѣдный судъ какъ щитъ коварнымъ сплетнямъ!
Какъ на разбойника, какъ на злодѣя,
Художники безчестно ополчились.
И обезславили, и разорили;
И мало этого: въ враждѣ несытой
Затмили разумъ старца... Далеко ли
Могила отъ него!...

ЛАНФРАНКО. О, не далеко!

Кіара выходитъ изъ-за занавѣса.

И въ этомъ тайна... Можетъ-быть, Зампіери
Кончается, а я тону въ сомнѣньяхъ,
Идти ли къ Монтерею объявить,
Что два злодѣя глупому Лоренцо
Съ отравой дали яства и напитки?

ЭСПАНЬОЛ. Чего ты медлилъ страшный человѣкъ!

ЛАНФРАНКО. Но жизнь и мнѣ обѣщана за тайну,
И за измѣну смерть!

ЭСПАНЬОЛЕТЪ. Ты испугался!
Ты искренно, Ланфранко, испугался
Глупцовъ, которыхъ завтра же повѣсятъ!
Карачьоли, Коренціо, не такъ ли?...
Они меня шесть лѣтъ уже морятъ.
Чего еще ты медлишь? Поспѣшимъ
Къ несчастному, спасемъ!...

ЛАНФРАНКО. Нѣтъ, къ Монтерею
Должны мы эту тайну отнести!
Пускай онъ пріиметъ мѣры...

КІАРА (*схвативъ обоихъ за руки*).
Къ погребенью?...
Я здѣсь еще Ланфранко!

ЛАНФРАНКО. Всемогущій!

КІАРА. Ты предъ людьми и чистъ и справедливъ;
Но я — твоя дѣйствительная совѣсть.
Твои грѣхи, какъ кладъ, ношу съ собою:
Все!... гнусные завистника поступки,
Умышленную медленность твою,
И радость тайную о вражьей смерти;
Все знаю, слышу, вижу этимъ сердцемъ!
И я сама — смертельный грѣхъ Ланфранко!
Я — фурія изъ дѣвушки невинной;
Я, чистая невѣста Доменика,
По гнѣвному завистника разсчету,
Запятнана смертельными грѣхами!
Смой кровью ихъ; честь Кіары крови проситъ.
Нѣтъ для меня земнаго покаянья!
Я мой обѣтъ, мой чинъ, мою одежду
Грѣхомъ послѣднимъ, страшнымъ оболью,

Самоубійцей буду: но, Ланфранко,
Я обнажу тебя передъ людьми!

—

ТѢ ЖЕ, КАТАРИНА и ДОЧЕРИ.

КІАРА *(изступленная).*
Зачѣмъ? Вотъ, этотъ извергъ — не отецъ вашъ!
Узнайте! Я открою все; вы дѣти
Доменикина!

ДОЧЕРИ. Господи!

ЛАНФРАНКО. О, Кіара!..

КІАРА. А этотъ извергъ вашего отца
Извелъ отравой!.. Ненавидьте, дѣти,
И если можете, желѣзомъ, ядомъ
Ворвитесь въ грудь убійцы Доминика!
Отмстите за великаго отца!
Останьтесь съ нимъ, живите съ нимъ, какъ я;
Какъ черви внейтесь въ душу, въ мысли, въ рѣчи;
Едва ему блеснетъ отрады лучъ,
Облейте желчью, ссорой, иль сомнѣньемъ:
Создастъ ли что́ на проклятомъ холстѣ,
Ножами соскоблите, уничтожьте!
Онъ занеможетъ, станьте у одра,
Поодаль, улыбайтесь, веселитесь!
Попроситъ пить, вы уксусъ поднесите;
Попроситъ ѣсть, вы у его постели
Ведите пиръ, веселье, пѣсни, пляски,
Но ни куска злодѣю, ни куска!
Я не могу съ нимъ долѣ оставаться;
Я истощила месть мою надъ нимъ.
Докончите, изобрѣтите муки; —
Но если вы, волнуясь состраданьемъ,
Ему вину дерзнете отпустить
И Богу предадите судъ злодѣя...

То я изъ гроба встану и прійду
Въ устахъ съ проклятіемъ, въ рукахъ со смертью!
Простите навсегда! На гробъ Зампіери!..*(Убѣгаетъ)*.

—

ТѢ ЖЕ, кромѣ **КІАРЫ**.

ЭСПАНЬОЛ: Я лишній здѣсь. Синьоръ, весьма жалѣю...
ЛАНФРАНКО. Не вѣрьте ей!
ЭСПАНЬОЛЕТЪ. О, мнѣ какое дѣло
До вашихъ ссоръ! Простите.
ЛАНФРАНКО. О, молю васъ,
Не вѣрьте ей! Съ слезами на очахъ,
Я умоляю васъ, не вѣрьте...
ЭСПАНЬОЛЕТЪ. Вѣрю.
Я не умѣю горести не вѣрить.
ЛАНФРАНКО. По-крайней-мѣрѣ тайну сохраните!..
ЭСПАНЬОЛ: Объ этомъ ли заботиться вамъ должно?
Зампіери нѣтъ; все будетъ клеветой,
Вражды и зависти коварной басней.
Честь — не кора наружная, а сокъ:
Имъ дерево живетъ и зеленѣетъ!
Благодарю, что я рожденъ Кастильцемъ.

—

ТѢ ЖЕ, кромѣ Эспаньолета.

ЛАНФРАНКО. О! Анджелика, Делія, на васъ
Послѣднія надежды: но куда?
Бѣгутъ!.. постойте!..
(Дочери разбѣгаются отъ него въ разныя стороны; онъ ловитъ Веронику).
ВЕРОНИКА *(вырываясь)*.
Няня, Катарина!
Онъ и меня убьетъ! Эй, Катарина!..

—

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ и ПОСЛѢДНЕЕ.

Мастерская Доменика.

На полу два сосуда. За ними кипа книгъ. Посерединѣ гробъ, дурно сколоченный изъ дверей и столовыхъ досокъ. Ни одной картины, ни одного эскиза, ни одного очерка нигдѣ не видно; мастерская совершенно пуста; окна завѣшены или закрыты ставнями. Покой освѣщенъ лампой, стоящей у сосудовъ на полу.

—

ЗАМПІЕРИ (одинъ).

Зачѣмъ копить улики, обвиненья?
Міръ будетъ жить, положимъ, безъ конца,
Мои творенья вѣка три, четыре...
О! четырехъ-сотъ-лѣтняя сатира
На чистыя и дорогія чувства!..
Пусть время съѣстъ мои произведенья...
Въ преданіяхъ и книгахъ сохранятъ
Насмѣшками увѣнчанное имя!
И страшный судъ наступитъ, и тогда
Художники, на страшный судъ сбираясь,
Незнаю, перестанутъ ли хулить
Забытыя созданья Доменика!..
Нѣтъ; все съ собой въ могилу положу,
Эскизы, очерки, надежды, мысли.
И славнаго довольно для безславья;
А это пригодится и въ могилѣ...
Какая тьма грѣховъ! Гробъ — полнъ горою,
И самому нѣтъ мѣста. Надо крышу
Поглубже сдѣлать. Нѣтъ, я слабъ, усталъ.
Пусть отдохну... Теперь сосуды кстати.

(Беретъ сосуды и садится на гробъ).

Вино, вино!.. Ты сладостно какъ сонъ,

Сну — братъ родной, сну — пламенный отецъ:
Зачѣмъ ты не въ родствѣ съ незапной смертью?

(Пьетъ).

О, пѣть, какъ жизнь ты по груди бѣжишь,
И будишь кровь и воскрешаешь сердце!

(Опять пьетъ).

Глаза блестятъ живительной слезою.
Еще!.. Гори въ моемъ потухшемъ сердце,
Тамъ былъ огонь, но люди потушили:
Ты воскреси его священный пепелъ!
Еще, еще!.. Довольно... я согрѣтъ.
Жизнь! Господи, какая пропасть дней!
Исчисли, сколько разъ будило солнце
Къ работѣ недостойной, сколько разъ
Молился я предъ Богомъ и святыми...
О, сколько неуслышанныхъ молитвъ!..
Воспоминанія встаютъ какъ волны;
У гроба жизнь — какъ улица прямая
Покатая: все видишь; въ этомъ домѣ
Я росъ, тамъ воспитался, тамъ женился;
Тамъ честь, тамъ врагъ, встрѣчали у порога;
Вотъ начиная съ этой перекрестки,
Я уставалъ по улицѣ идти:
А люди, проходящіе лукаво,
Умышленно усталость умножали!
Вотъ церковь, вотъ часовня, вотъ дворецъ;
Вездѣ я былъ, то ученикъ прилежный,
То безталанный, немощный учитель...
О, безталанный!.. правдой дышитъ гробъ.
Ничтожество, темна твоя обитель!
Умру, — изъ состраданія схоронятъ, —
И память вѣчную Доменикину
Рекутъ по христіанскому обряду:
Но сердце въ немъ участвовать не будетъ!

Зачѣмъ мой грѣхъ узналъ я надъ могилой?
Былъ слѣпъ всю жизнь, прозрѣлъ когда ненужно?..
И вправду! Такъ ли дивный Рафаэль,
Въ безпамятствѣ недвижными очами
Смотрѣлъ на кисть, невольницу восторга?
И вправду! Такъ ли чудный Бонаротти
Далъ мрамору пророческую душу,
И Римъ уже столѣтье въ страхѣ ждетъ,
Что̀ изречетъ сей гнѣвный грозный старецъ?
А мудрецы аѳинскіе? Воскресли!
Вотъ путешественникъ, другой, и третій,
Вошли и смолкли, слушаютъ бесѣду
Великихъ медоустыхъ мудрецовъ...
Природа! Вся природа — для таланта
Влюбленная и страстная раба.
Какъ угодить старается владыкѣ!
Какъ одѣвается свѣжо, богато,
То въ яркій пурпуръ, то въ живую зелень,
Чтобъ нравиться пылающимъ очамъ
Талантами сіяющаго мужа!..
А міръ духовный, сердце человѣка,
Второе небо на землѣ, и тамъ
Талантъ — хозяинъ, стражъ и гость почетный.
А я! А у меня!.. Я — безъ таланта...

ДРУГОЙ ЗАМПІЕРИ (*сидящій на томъ же гробѣ*).
Перстъ! если измѣрять талантъ собою
Весельемъ собственной души и сердца,
Художественнымъ совѣсти довольствомъ, —
Ликуй! Великъ и твой талантъ и жребій.

ДОМ: ЗАМП: И, полно! Знаю, чувствую, — и плачу...
Какой святой, въ какой моей картинѣ,
Исполненъ святости и выраженья?
Кто жизнію живетъ, кто смертью умеръ,
Кто у меня съ природой до обмана,

И схожъ и вѣренъ? Кто въ моихъ твореньяхъ
Заставитъ душу трепетать восторгомъ
Или зажжетъ благоговѣйнымъ страхомъ?
Прочь! Правы обвинители: я сухъ,
Я холоденъ, однообразенъ, скученъ,
Писалъ безъ вдохновенья и любви;
Я по уму писалъ, а не по сердцу!..
Прочь! Я хотѣлъ общественное мнѣнье
Завоевать трудомъ, украсть работой;
Какъ жидъ, я очи черни подкупалъ,
Какъ Фарисей, молился предъ искуствомъ.
Что, можетъ-быть еще и славы жаждалъ?...
Да; ты не знаешь, можетъ-быть для шутки
Я жертвовалъ художественной мыслью;
Я можетъ-быть божественную кисть
Своекорыстной местью и досадой
За личныя обиды оскверналъ...
Не говори, я ничего не помню!..
О, ты не знаешь, можетъ-быть для злата
Я, въ тайнѣ, холстъ, назначенный для церкви,
Житейской эпиграммой запятналъ!

ДР: ЗАМПІЕРИ. О нѣтъ! Тогдабъ тебя хвалили люди,

ДОМ: ЗАМ. Да, это правда!.. Что за мысль сверкнула?
Топоръ, ты видишь. Съ острымъ топоромъ
Хочу идти въ сокровищный притворъ;
Расколотить четыре эти фрески;
Потомъ на быстраго коня, и въ Римъ.
Наступитъ ночь, вбѣгаю къ Людовику:
Исторія Цециліи — во прахъ,
Въ куски; потомъ къ Андрею de la Valle
И эту тму моихъ работъ презрѣнныхъ
Опять въ куски; потомъ въ притворъ Бандини, —
Есөирь, Юдиөь, Давида, Соломона
Разрушу; послѣ во дворцы Бассено

И Костакути; тамъ, въ Grotta ferrata,
Тамъ въ городѣ Фано... все въ куски, во прахъ!..
Вѣдь это будетъ исповѣдь, не такъ ли?
Смиреніе, не такъ ли?.. покаянье?..

ДР: ЗАМП: И Богъ тебѣ такъ безнаказно внемлетъ!
Грѣхъ овладѣлъ нетерпѣливой плотью;
Ты и чужое приписалъ себѣ...
Нѣтъ вдохновенья: ты вулканъ погасшій,
Но нѣкогда ты былъ блестящъ и силенъ;
За немощь настоящую, ты ропщешь,
Клевещешь на прошедшее блаженство.
Гдѣ память? Оглянись на Лодовика;
Исторію Цециліи припомни;
Ты слѣпъ, ты персть, но мнѣ весь міръ отверзтъ:
Смотри, народъ стоитъ благоговѣйно,
Обѣдня отошла, другой не будетъ...
Чего жъ онъ ждетъ! Безъ слезъ и безъ молитвъ,
Но съ тихимъ умиленьемъ шепчутъ люди;
Не смотрятъ другъ на друга, а на стѣну;
Цецилія богатства раздаетъ,
А эти нищіе, дары пріемля,
О цѣнности даровъ лукаво судятъ,
Одни другимъ завидуя; а тамъ
Тѣснится бѣдность, руки подымаетъ,
Хватаетъ даръ и рветъ свою добычу...
И все живетъ, какъ слѣдуетъ живымъ;
Не достаетъ движенья... Тамъ проконсулъ
Юпитера статую указуетъ,
Цецилія должна ей поклоняться;
Готовы жертвы, жертвенникъ пылаетъ,
Но въ ужасѣ, съ презрѣніемъ, Святая
Небесный ликъ, сіяющій въ лучахъ,
Отъ истукана гордо отвратила.

Какъ истиненъ величественный ужасъ!...
А смерть святой Цециліи!
ДОМЕНИКЪ ЗАМПІЕРИ, (*холодно*).
Прекрасно!
Что хорошо, то хорошо! Быть-можетъ
Счастливый случай, не талантъ...
ДРУГОЙ ЗАМПІЕРИ. Талантъ.
Нѣтъ, случай разрушитель, не создатель!
ДОМЕН: ЗАМП: Не говори, я помню этотъ случай;
Я прихожу разъ ввечеру домой:
Вхожу, темно; всѣ спятъ; я въ мастерскую,
Открылъ окно, и началъ строить арфу;
Вдругъ мысль: «Цецилія играла также.»
Цецилія!... Цецилія!... Потомъ
Какъ-будто заходили привидѣнья...
И храмъ и люди... ангелъ и священникъ;
Все это въ-живѣ...
ДРУГОЙ ЗАМПІЕРИ. Что жъ, не вдохновенье?
ДОМ: ЗАМП: Постой, не все. Ты помнишь куполъ?
ДРУГОЙ ЗАМПІЕРИ. Помню.
ДОМЕНИКЪ ЗАМП: Ее небесныя уносятъ силы....
Да; восемь ангеловъ: я всѣхъ ихъ видѣлъ;
Межъ ними былъ и Валерьянъ, я помню.
Я послѣ написалъ его особо....
ДР: ЗАМ: И этихъ фрескъ—довольно для потомства!
А ты хотѣлъ разбить ихъ, христіанинъ!
А посмотри Андрея de la Valle....
ДОМ: ЗАМ. Ахъ, Господи! тамъ тма моихъ грѣховъ...
ДР: ЗАМ: Грѣховъ! Чернѣетъ куполъ; тамъ Ланфранко;
А процвѣли твои Евангелисты....
ДОМЕНИКЪ ЗАМПІЕРИ. Не можетъ быть!...
ДРУГОЙ ЗАМП: Жаль, что смотрѣть въ потомство

Тебѣ нельзя: художники съ рѣзцами
Пришли на мѣдь рачительно собрать
Великія созданія Замніери;
А въ куполѣ, Ланфранко не примѣтенъ:
Осыпался, и не достигъ потомства;
Да и заботиться ни кто не хочетъ,
Что было тамъ написано....

ДОМЕНИКЪ ЗАМПІЕРИ. Неужто?
Такъ въ самомъ дѣлѣ я не безъ таланта?
И можетъ-быть я выше чѣмъ Ланфранко?
Ахъ, Господи, я весь горю, пылаю:
Не безъ таланта! я не безъ таланта!...

ДР: ЗАМ: На конной площади, при Санъ-Сильвестро,
Притворъ Бандини....

ДОМЕНИКЪ ЗАМПІЕРИ. Господи! Эсѳирь
Юдиѳь, Давидъ и Соломонъ.... Прекрасно;
Пусть я грѣшу, но это вдохновенье....
Клянусь, я пролилъ море сладкихъ слезъ....
Вотъ, какъ тебѣ сказать: писалъ я долго,
Но проведу двѣ три черты въ контурѣ
И плачу: такъ мнѣ сладко! Странно, другъ мой,
Четыре эти фрески у меня
Какъ на стѣнѣ въ душѣ моей висѣли;
Мнѣ исполнять ихъ долго не хотѣлось;
Жаль было разставаться. Что жь, заплакалъ,
И написалъ Эсѳирь! О, какъ прекрасна!
Какъ упоительна, томна! какъ дивно,
Небесно сложена! А въ положеньи
Замѣтилъ ты душевную истому?
Тутъ тѣло я заставилъ говорить;
На маленькомъ лицѣ я уписалъ
Главу изъ Стараго Завѣта. Чудно!
А для лица я не имѣлъ натуры.
Ну, а Юдиѳь? Краса и торжество!

Еще горитъ взволнованная кровь
И вольнымъ и невольнымъ преступленьемъ;
Въ мою Юдиѳь я долго былъ влюбленъ,
И сны тревожные мнѣ долго снились;
Теперь скажи, Давидъ не — вдохновенье?
О, я не безъ таланта! Люди, люди,
Мнѣ стóитъ разбудить воспоминанья,
Встревожить клады юности моей.
Безчисленно душевное богатство....
Не только можетъ-быть не безъ таланта,
Но геніальный, славный человѣкъ...
Кто знаетъ? Начинаю сомнѣваться.

ДР: ЗАМП: А фрески фарнезіанскія въ аббатствѣ
Въ Grotta Ferratta...

ДОМЕНИКЪ ЗАМПІЕРИ. Нѣтъ, Варѳоломей,
Исторія всей юности моей,
Начало славы, страсти и гоненій!
Тамъ ангелы... вотъ ангелы! Клянусь,
И Рафаэлевы ни-чуть не лучше....
Душой невинной дѣву обожая,
Ребенокъ легкомысленный, счастливый,
Я возвращался ночью изъ Фраскати...
На сердцѣ у меня сіяла Кіара...
Всю ночь мечтой супружества играя,
Я не спалъ; утромъ бросился въ притворъ:
Кисть засверкала; кончилъ; на стѣнѣ,
Гляжу, осталась Кіара. Всѣ черты,
Всѣ формы, въ легкомъ юноши нарядѣ...
Агуки, добрый мой Агуки, вправо
Садился на коня, а императоръ
Оттонъ склонился предъ святымъ. Не знаю,
Какъ это сочинилось, написалось,
Но эта фреска — геніальный трудъ.
Да все, о чемъ теперь мы говорили,

Все превосходно, славно, геніально!
Душа уединенная не вѣритъ
Коварной клеветѣ; горитъ сознанье
Златой звѣздой на сердцѣ человѣка,
Какъ мѣсяцъ на челѣ Діаны. Vivat!
Послѣдній кубокъ!... Vivat Доминикъ!

Слышенъ стукъ и шумъ; ломаются въ двери.

Стучать въ литавры славу Доминика!
Ты слышишь, призываютъ Доминика?
Потомство у воротъ; но я не умеръ:
За-утра я приду въ притворъ съ побѣдой.
Мой геній встрепенется, и Везувій
На радость и на ужасъ оживетъ!

Шумъ и стукъ сильнѣе и сильнѣе.

(Съ улыбкой).

Они хотятъ вѣнчать Доменикина!
Они хотятъ прощенія просить....

ЗАМПІЕРИ, КІАРА, ЧЕЧИЛІЯ, ЛОРЕНЦО, ПІЕДРО, и КІАРА, дочь Зампіери.

КІАРА, (*врываясь въ двери*).
Не пей вина, Доменикинъ, не пей!

ЗАМПІЕРИ (*ослабѣвая, роняетъ кубокъ и упадаетъ на гробъ*).
Прощаю! Но вѣнчанье отложите,
До-завтра... Клонитъ сонъ... Покойной ночи!

(Умираетъ).

ВСѢ (*бросаясь къ нему*).
Доменикинъ! Родитель!... Онъ заснулъ!...

ПІЕДРО, (*взявъ его за руку*).
Сномъ смертнымъ.... Господи, помилуй,
И помяни во царствіи своемъ
Страдальца Доминика Зампіери!

ПРИМѢЧАНІЕ.

Драма Доменико Зампіери посвящена Карлу Павловичу Брюллову. Можетъ быть не всѣмъ удалось видѣть гравюру, изображающую одну изъ сценъ этой драмы, свиданіе Доменикино съ Пуссеномъ на чердакѣ. См. Актъ 1. Явл. 4–е. Эту гравюру a la Rembrandt исполнилъ на мѣди самъ К. П. Брюлловъ и сдвали она не единственная его попытка въ этомъ родѣ. —

СТАТУЯ КРИСТОФА
ВЪ РИГѢ,
ИЛИ
БУДЕТЪ ВОЙНА!

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА ВЪ ШЕСТИ АКТАХЪ, ВЪ ПРОЗѢ.

ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

ечатанiи представлено было
узаконенное число экземпля-
января 1852 года.

Ценсоръ *Ал. Крыловъ.*

ПОСВЯЩ

Эдуарду И

ГУБЕ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

СИЛЬВЕСТРЪ ШТОБВАССЕРЪ, архіепископъ и господинъ города Риги.

БЕРНГАРДЪ ФОНЪ ДЕРЪ БОРГЪ, магистеръ провинціальный въ Инфлянтахъ.

БАРОНЪ КУЛЬМГАУСБОРДЕНАУ, рыцарь.

БАРОНЪ СТЕТРИ, рыцарь нѣмецкаго ордена.

КОМАНДОРЫ.

РЫЦАРИ.

БАРОНЪ ФОНЪ ШЛУММЕРМАУСЪ, эстляндскій дворянинъ и помѣщикъ.

ШАРФЕНБЕРГЪ.

КУНЦЪ, начальникъ Черноголовыхъ въ Ригѣ.

МЕЙСТЕРЪ ТРОМЕЛЬВИДЕРБАХЪ, МЕЙСТЕРЪ КРАХРАХЪ, ДРЕНБЕРГЪ, ФЛУССЪ, ШТАТЪ, РЕЙХЪ и другіе черноголовые.

МУХИНЪ, дьякъ.

ѲОМА СЕРЕДА, дуракъ князя Д. Д. Холмскаго.

НОВГОРОДСКІЕ КУПЦЫ.

ПСКОВСКІЕ КУПЦЫ.

СЛУГА псковскаго посольскаго дома въ Ригѣ.

СХАРІЯ, глава жидовскаго раскола.

ФРИЦЪ СИМСОНЪ, тайный жидъ.

НЕЗНАКОМКА.

ДОРОТЕЯ КУЛЬМГАУСБОРДЕНАУ.

РАХИЛЬ, дочь Схаріи.

СУСАННА, жидовка.

САРА, навращенная жидовка.

Безъ рѣчей: рыцари, латники Штобвассера, черноголовые, русскіе купцы, жиды, жидовки, свита незнакомки и рижская чернь.

Дѣйствіе въ Ригѣ въ 1472 году.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Сильвестръ Штобвассеръ.

Обширный залъ въ рижскомъ замкѣ. Большой столъ по срединѣ, уложенный книгами и бумагами, по бокамъ двѣ тумбы съ глобусами. Нѣсколько дверей. Въ сторонѣ, у окна, столикъ и кресло.

—

СИЛЬВЕСТРЪ ШТОВВАССЕРЪ за столомъ дремлетъ въ креслахъ; ДОРОТЕЯ будитъ его, держа въ рукѣ подносъ съ кувшиномъ, подъ мышкой бумаги.

СИЛЬВЕСТРЪ. А, carissima! Ты ужъ здѣсь! Ты не забываешь о моемъ здоровьи; цѣлебный напитокъ, особенно изъ твоихъ рукъ, semper diligentissima Dorothea!

ДОРОТЕЯ. И важныя бумаги, carissime frater.

СИЛЬВЕСТРЪ. Откуда?

ДОРОТЕЯ. Шарфенбергъ...

СИЛЬВЕСТРЪ *(хватая бумаги)*. Та-та-та! а гдѣ же онъ самъ?

ДОРОТЕЯ. Я его отдала подъ стражу, на всякій случай.

СИЛЬВЕСТРЪ. Bene! Но прикажи позвать любезнаго арестанта, онъ самъ важнѣе всѣхъ бумагъ...

(Доротея уходитъ, возвращается, садится у окна и предается чтенію.)

Сильвестръ *(разбирая бумаги)*. Жидъ Ровоамъ служитъ вѣрно! Въ Литвѣ объ насъ и думать забыли.

(Половина глобуса отворяется. Сильвестръ опускаетъ туда прочитанныя бумаги.)

Ну, а эти пустяки не принадлежатъ къ тайной библіотекѣ...

(бросаетъ на столъ бумагу.)

Вотъ это важно! Въ Новѣгородѣ ужасная война. Схаріа и всѣ жиды должны бѣжать оттуда... Per Jovem! Погода для рыцарей! И съ этой стороны неудача! Господинъ Императоръ Московскій не захочетъ войны съ орденомъ, пока не управится съ купеческими городами... Умный человѣкъ!

(опускаетъ въ тумбу послѣднія бумаги, глобусъ запирается.)

О, мы бы съ нимъ задушили этихъ ревельскихъ вагабундовъ, а почтеннаго Бернгарда фонъ-деръ-Борга я бы сжегъ передъ магистратомъ для потѣхи и науки. .

Доротея. Пфуй, Fraterchen! Жечь живыхъ людей...

Сильвестръ. Изъ любви къ другимъ живымъ людямъ; для истребленія соблазна, для чистоты всеобщей, для безопасности нашихъ владѣній отъ внѣшнихъ внутреннихъ враговъ. Vides ne?.. мы раздѣляемъ замокъ съ нашимъ врагомъ и его любовницами...

Доротея. Это сестры Бернгарда... И вы, фратерхенъ...

Сильвестръ. *Tace!.. Tace!..* Никогда въ Ригѣ не бывалъ магистръ; онъ шатался по ближайшимъ замкамъ, какъ надзиратель за бодростію ордена, а

. . . ть и ШАРФЕНБЕРГЪ (вошед
и преклоняетъ колѣ

СИЛЬВЕСТРЪ. Accipe benedi
mine Dei et benevolentiam nostr

ШАРФЕНБЕРГЪ *(оглядываясь)*
senti filia...

СИЛЬВЕСТРЪ. Statim, statim!
крѣпко усталъ, Доротея! Похозяйн
въ круглой залѣ приготовить хорош
надлежностями; — тамъ и отдохну

—

СИЛЬВЕСТРЪ и ШАРФЕН

СИЛЬВЕСТРЪ. Ну, что! —

ШАРФЕНБЕРГЪ. Неудача вездѣ
въ Московію черезъ невскія волост
хватили меня, но ничего на мнѣ не н
ли въ Новгородъ; тамъ нашелъ я
жетъ зубовъ; къ городу приближа
Императоръ; полководецъ его Хо

Высокопреосвященства; на третій день явился ко мнѣ какой-то Мухинъ и какой-то Зереда; гляжу — передъ окнами тройка и телѣжка; Мухинъ по-нѣмецки просилъ меня сѣсть въ эту ужасную колымагу. Онъ посмѣстился возлѣ меня. Зереда впереди съ ямщикомъ, и черезъ пятьнадцать дней всѣ трое — мы явились въ Ригѣ.

Сильвестръ. Гдѣ-же твои спутники?

Шарфенбергъ. Остались въ русской слободѣ, у купцовъ псковскихъ.

Сильвестръ. Къ кому же они пріѣхали?

Шарфенбергъ. Къ вашему высокопреосвященству!

Сильвестръ. Зачѣмъ же пейдутъ?..

Шарфенбергъ. Мухинъ говоритъ, что онъ, не выспавшись, важныхъ дѣлъ не начинаетъ и пойдетъ къ вамъ завтра.

Сильвестръ. По-крайней-мѣрѣ, не знаешь ли ты чего-нибудь? Чтó они говорили съ тобой дорогой?..

Шарфенбергъ. Со мной?.. ничего.

Сильвестръ. Въ пятьнадцать дней ни одного слова?

Шарфенбергъ. Ни одного слова, которое бы достойно было вашего вниманія. На всѣ мои вопросы я получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: *приказано хранить тайну*...

Сильвестръ. Порученія должны быть слишкомъ важны; проси Мухина пожаловать ко мнѣ немедленно. Ступай!

Шарфенбергъ. Еще не все. По дорогѣ мы встрѣтили пословъ магистровыхъ, барона фонъ

...редить мои

СИЛЬВЕСТРЪ (*съ нете*... будетъ заплачено! Все буд...

ШАРФЕНБЕРГЪ. Пока ... шелъ въ рыцарскій домъ и... па, деритскаго командора ... фонъ Шлуммермаусъ, котор... ву, не будучи рыцаремъ, ... плащъ и крестъ...

СИЛЬВЕСТРЪ. Хорошо, ... залъ епископъ?

ШАРФЕНБЕРГЪ. О, отец... умъ; онъ другъ вашему В-ст... лаетъ вамъ скорой смерти и... слѣдпее заставляетъ его дружи... фонъ-деръ-Боргъ жестоко оши...

СИЛЬВЕСТРЪ. Да что-же о...

ШАРФЕНБЕРГЪ. Досадова... московскаго; переговор... ...

то замѣтилъ, что хотя обвертки поистерты отъ дороги, но спурки новёхонькіе... Ergo...

СИЛЬВЕСТРЪ. Понимаю, но едва ли понялъ въ нихъ хотя одно слово мой добрый сынъ Стефанъ. Ну отецъ, рыцарь и баронъ! Что̀ изо всего этого будетъ?

ШАРФЕНБЕРГЪ. Это извѣстно одному Богу, да нѣсколько вашему В–ству. Но мнѣ-бы за ножи, да ночью! Снестись съ Черноголовыми въ Ревелѣ, Дерптѣ, Вольмарѣ и гдѣ только развелись эти пьяницы, да и за дѣло. Назначить день и часъ. Когда я былъ священникомъ, я и думать объ этомъ боялся; но теперь когда, съ разрѣшенія вашего, я имѣю счастіе принадлежать ко всѣмъ сословіямъ, имѣть семь костюмовъ, семь фамилій и семь окладовъ, управлять иностранными дѣлами четырехъ странъ и получать постоянныя и вѣрныя свѣдѣнія о состояніи и расположеніи ордена и народа... изгнаніе рыцарей такъ возможно, такъ легко... Теперь нѣтъ ужаснаго Менгдена. Тотъ бывало спитъ однимъ глазомъ, а другой такъ и скачетъ съ меня на ваше В–ство и обратно... Всегда въ спуровкѣ, какъ filia Dorothea, онъ въ желѣзной, а мы въ политической... Фонъ-деръ-Боргъ не Менгденъ, а вы его еще не прокляли!!..

СИЛЬВЕСТРЪ *(съ довольной улыбкой)*. Pergas, Pergas!

ШАРФЕНБЕРГЪ. Ни одинъ рыцарь не попалъ въ жидовскую ересь; вы упустили Схарію...

СИЛЬВЕСТРЪ. Онъ мнѣ нужнѣе въ Новгородѣ и Псковѣ; слабые сосѣди — укрѣпляютъ хозяина. Сплетни наши помогли сѣверной войнѣ и мы не боимся ни Швеціи, ни Даніи. Ссора прускаго ма-

сосѣдей въ очередь; обременилъ а
галъ Черныя Головы рыцарскимъ
истощилъ его казну на миры и пи
старикъ; жалко, per Jovem, жалко;
бороться... Дѣятельность моя начи
но Московія должна доставить ей п

ШАРФЕНБЕРГЪ. Sub dubio...

СИЛЬВЕСТРЪ. Nunquam, carissi
лаетъ ужасные успѣхи. Князья и са
въ ересь новую и фанатизмъ обыме
но пока разгорятся подброшенныя
московскія силы поослабить разруше
Видишь, я не такъ еще старъ...

ШАРФЕНБЕРГЪ. Этому много до
Я не ожидалъ найти приращенія до
серовъ...

СИЛЬВЕСТРЪ *(съ улыбкою само*
Tace! Tace!.. Masculum, diis gratia
genies alterius generis. T

ШАРФЕНБЕРГЪ *(отворивъ двери возвращается и опускаетъ забрало)*. Магистръ! Магистръ! —

—

СИЛЬВЕСТРЪ, БЕРНГАРДЪ фонъ-деръ-**БОРГЪ** и **КУЛЬМГАУСБОРДЕНАУ**.

СИЛЬВЕСТРЪ. Accipite benedictionem...

БЕРНГАРДЪ. Спасибо, спасибо, Штобвассеръ! Я не вѣрю вашему христіанскому сердцу... Въ моихъ рукахъ улика, но, клянусь Кристофомъ, мы разочтемся завтра же!

—

СИЛЬВЕСТРЪ звонитъ, входятъ **ЛАТНИКИ** и становятся между имъ и Магистромъ.

СИЛЬВЕСТРЪ *(взявъ жезлъ)*. Приступимъ къ разсчету, невѣрный сынъ! До-сей-поры я щадилъ васъ, заблудшія овцы; но мѣра долготерпѣнія Господня преисполнилась и анаѳема виситъ надъ вашими главами.

(ударивъ объ полъ жезломъ.)

Покайтесь! Снимите одежду, ея же вы недостойны; возвратитесь къ мирнымъ занятіямъ; я оставляю вамъ земли и замки, неправедно исторгнутые изъ рукъ духовенства; намъ не нужны мірскія блага; погружайтесь въ сквернѣ, купайтесь въ сластолюбіи; но желѣзомъ не заставляйте стадо мое покланяться златому тельцу, вами воздвигнутому. Не оскорбляйте памяти знаменитаго ордена, вѣрнаго слуги Религіи и Святѣйшаго отца, васъ проклявшаго! Самозванцы! — Сколько буллъ объявило міру, что орденъ богоотступниковъ уже не существуетъ! Вы не положили оружія, вы не возвратили въ руки пастырей креста, даровавшаго нѣкогда знаменитымъ рыцарямъ Ливонскаго Орде-

па, и вами украденнаго! — Чѣмъ занимаетесь вы? Разбоемъ! На что обращаете священное оружіе знаменитыхъ рыцарей? — Копья ваши стоятъ на мостахъ проѣзжихъ, вы изъ нихъ сдѣлали рогатки, а мечемъ сдираете пошлину съ бѣдныхъ поселянъ за мосты и дороги! Что дѣлаете въ вашихъ скопищахъ? Буйствуете другъ противъ друга, назначаете турниры, проливаете кровь безполезно, омрачаетесь виномъ и не рыцарскими страстями? А дома?.. Гдѣ обѣты безжества и трезвости? Цѣлые гаремы изъ дочерей бѣдныхъ дворянъ, изъ русскихъ и литовскихъ плѣнницъ; и все это какъ пріобрѣтено! Украдено или взято съ разбоя! Гдѣ вашѝ войны? Солнце уже не освѣщаетъ вашихъ подвиговъ; братья ночи и духа злаго, днемъ вы бѣжите предъ полками сосѣдними, а во время мира, ночью, врываетесь въ псковскую землю, славную красотою женщинъ, и, похитивъ дѣвчонку, влечете огонь и мечь на бѣдный народъ; вы безъ кары, вы запираетесь въ замкахъ, воздвигнутыхъ съ помощью нечистыхъ силъ, и пьете грѣхъ съ устъ женщины, за которую пылаютъ ваши окрестныя села!

(вставъ и приближаясь къ магистру.)

Кто же вы, дѣти соблазна и тмы кромѣшной, неужели защитники, поборники христіанства! Покайтесь грѣшники или анаѳема погрузитъ васъ въ мракъ, изъ него же пришли вы... И первый ты, лженачальникъ, покажи примѣръ смиренія и преклони съ разскаяніемъ колѣно предъ символомъ страданій искупителя...

ВЕРНГАРДЪ (*Кульмаусборденау*). Баронъ! не удивляйтесь! Рекомендую: это господинъ города Риги! Наши несчастія дали ему такую дерзость!

Проповѣдь, которую вы изволили слышать, сочинили на насъ за двѣсти лѣтъ; при поставленіи каждый архіепископъ заучиваетъ ее наизустъ, вмѣстѣ съ небольшимъ ученіемъ о похищеніи у рыцарей свѣтской власти въ четырехъ областяхъ ордена.

§ 1. Рыцарь врагъ Бога живаго, потому что онъ не дѣлится добытымъ съ меча золотомъ съ духовенствомъ.

§ 2. Противу рыцаря дозволена всякая клевета, обманъ, лжесвидѣтельство и даже смертоубійство, зане онъ проклятъ Богомъ.

§ 3. Посылать папѣ каждый годъ десятину изъ отнятаго всякими неправдами достоянія рыцарей.

СИЛЬВЕСТРЪ. Умолкни, богохульникъ!

БЕРНГАРДЪ. § 4. Молиться ежедневно о погибели ордена, зане рыцари лишены христіанскаго имени рижскимъ господиномъ.

§ 5. Архіепископу не имѣть болѣе трехъ сестеръ; епископу болѣе двухъ, священнику одной... У Штобвассера было одно время десять... Теперь осталась одна Доротея Кульмгаусборденау...

СИЛЬВЕСТРЪ *(воздвигая жезлъ)*. Анаѳема!..

КУЛЬМГАУСБОРДЕНАУ. Кульмгаусборденау! Изъ нашей фамиліи! Жаль, что я не пьянъ, а то бы рижскій господинъ имѣлъ справедливую причину жаловаться на нравы рыцарей.

СИЛЬВЕСТРЪ. Анаѳема!

КУЛЬМГАУСБОРДЕНАУ. Тише! я имѣю благословеніе папы и отпускъ грѣховъ на десять лѣтъ; и такъ всѣ мои грѣхи — *прошедшіе;* въ число ихъ я ужъ за одно включу еще одинъ, въ полномъ

смыслѣ смертельный, но прежде я долженъ увѣриться... Гдѣ она? Гдѣ Доротея? Подайте ее сюда? Я очищу родъ нашъ отъ гнилыхъ членовъ! Подайте сюда Доротею!

ВЕРНГАРДЪ. Баронъ! вы можете потребовать ее судебнымъ порядкомъ; Штобвассеръ не спрячетъ ее, не ушлетъ изъ замка... Торжественно объявляю замокъ въ осадѣ... Штобвассеръ, только безъ женщинъ и бумагъ, можетъ уѣхать куда ему угодно. На первыхъ имѣетъ право баронъ, на вторыя — я! Сильвестръ измѣнникъ государству... Господинъ Штобвассеръ! Пожалуйте ваши бумаги!..

СИЛЬВЕСТРЪ *(послѣ краткаго размышленія, во время котораго лице его нѣсколько разъ измѣнялось, снимаетъ съ пояса ключи и подаетъ магистру)*. Возьмите!..

ВЕРНГАРДЪ *(бросается къ столу, собираетъ бумаги, вынимаетъ изъ ящиковъ, не прикасаясь до глобусовъ)*. Благоразумная покорность! Совѣтую вамъ уѣхать изъ Риги, потому, что завтра соборъ рыцарей, магистрата и Черноголовыхъ узнаетъ ваши преступныя сношенія съ Императоромъ Московскимъ... Совѣтую вамъ это сдѣлать, изъ уваженія къ вашему сану; пускай осудятъ васъ за глаза. Я не могу поручиться за огорченіе народа.

СИЛЬВЕСТРЪ *(покорно)*. Я уѣду.

ВЕРНГАРДЪ. А пока мы не стѣснимъ вашей свободы! Вольный пропускъ всѣмъ и къ вамъ и отъ васъ, кромѣ женщинъ. Бумаги и женщины нужны для вашей улики. Вы можете еще дѣйствовать въ свою пользу...

СИЛЬВЕСТРЪ *(сжавъ губы, шепотомъ)*. Я буду...

БЕРНГАРДЪ. Бумаги, кажется, всѣ. Теперь я увольняю васъ отъ непріятной бесѣды...

—

СИЛЬВЕСТРЪ, ЛАТНИКИ и ГАНСЪ.

СИЛЬВЕСТРЪ. Гансъ! возьми домашнихъ каменьщиковъ и заложи до ночи въ два кирпича башню съ круглой залой. Послѣ дѣла, каменьщиковъ запри въ дворянскую темницу, а на свѣжее мѣсто передвинь трофей съ гербомъ... Пошелъ!

(*Ходя по комнатѣ безъ жезла, закинувъ руки назадъ.*)

Молоко на губахъ не обсохло, и хочетъ сломать Сильвестра...

(*Къ латникамъ.*)

Ну, а вы сюда!.. Я приду къ вамъ! Ждите меня у первой двери...

(*Зажигаетъ и подаетъ имъ факелъ; они уходятъ въ подземеліе, ходъ въ стѣнѣ.*)

—

СИЛЬВЕСТРЪ (*одинъ.*)

Глупецъ! Свободный пропускъ! Я не выйду изъ зáмка, а выброшу тебя... или... Чтó это значитъ, Шарфенбергъ! Гдѣ же твой Мухинъ...

—

СИЛЬВЕСТРЪ и ШАРФЕНБЕРГЪ.

ШАРФЕНБЕРГЪ. Магистръ предупредилъ насъ и Мухинъ не хочетъ видѣтся съ вашимъ В-ствомъ.

СИЛЬВЕСТРЪ. Такъ я съ нимъ увижусь. Еще успѣемъ. И не до Мухина теперь! Завтра въ Ригѣ — кровавая исторія.

ШАРФЕНБЕРГЪ. Кто? съ кѣмъ?

СИЛЬВЕСТРЪ. А вотъ увидишь! Ты знакомъ съ Кристофомъ, что за воротами? Въ глубокую

ночь надо снять его съ места и спрятать хоть за две мили отъ Риги, въ безопасномъ мѣстѣ...

ШАРФЕНБЕРГЪ. Да какъ же я это сдѣлаю? Послѣднiй разъ, какъ я снималъ его для починки, я думалъ, что конецъ мой пришелъ; онъ ужасно тяжелъ; а этому ужъ будетъ лѣтъ шесть, тогда я былъ помоложе!

СИЛЬВЕСТРЪ. Ну, а теперь покрѣпче. Да ужъ какъ хочешь, а о полуночи, чтобы Кристофа не было въ Ригѣ. Иначе мы погибли...

ШАРФЕНБЕРГЪ. Какъ... Что?...

СИЛЬВЕСТРЪ. Не распрашивай, времени не много и могутъ подслушать. А теперь забѣги къ Черноголовымъ и скажи, что идешь ночью гулять въ Штобвассеровъ погребъ, который, прибавь, будетъ открытъ для Черноголовыхъ, по случаю прибытiя изъ Палестины знаменитаго барона Кульмгаусборденау. Скажи, а самъ кругомъ города, да за Кристофа, слышишь за Кристофа; онъ одинъ можетъ помочь намъ. Если Кристофоръ утромъ будетъ въ Ригѣ, то къ вечеру тебя повѣсятъ противу рыцарскаго дома... Успѣешь, приходи въ Штобвассеровъ погребъ... Да! Гдѣ живетъ Мухинъ?

ШАРФЕНБЕРГЪ. Въ домѣ псковскомъ?

СИЛЬВЕСТРЪ. Въ посольскомъ.

ШАРФЕНБЕРГЪ. Именно.

СИЛЬВЕСТРЪ. Хорошо! Его надо выручить...

ШАРФЕНБЕРГЪ. Изъ чего?

СИЛЬВЕСТРЪ. Это ужъ мое дѣло. Теперь прощай!

(опускаясь въ то же подземелье, куда ушли латники.)

Задвинь за мной стѣнку, да поплотнѣе...

ШАРФЕНБЕРГЪ (одинъ, задвинувъ стѣну.)

Непостижимый старикъ! Про него и Богъ и смерть забыли; зато будутъ помнить люди! Воплощенный... Тфу! господи, прости мое прегрѣшеніе.

АКТЪ ВТОРОЙ.

—

Послы.

Большая изба на Псковскомъ Посольскомъ дворѣ въ Русской Слободѣ при городѣ Ригѣ. Убранство на половину нѣмецкое, на половину русское; у большой печи кровать съ пуховиками; изъ нихъ видна только одна голова МУХИНА. На прилавкахъ сидятъ новгородскіе и псковскіе купцы, раздѣльно, одни отъ другихъ отвернувшись; на упожной спинкѣ кровати сидитъ верхомъ СЕРЕДА.

—

СЕРЕДА, купцамъ.

Цыпъ, цыпъ, пѣтушки
Золотые гребешки
Новгородскіе купцы
И псковскіе молодцы.

Слышь ты, рыжая борода, чтó у тебя рука-то въ рукавицахъ? кулака не сведешь, рта купчинѣ не зажмешь? А? Гладили, холили; къ добру неволили... Такъ пѣть разтолстѣли, да не поумнѣли. Кланяйся, борода, за умную рѣчь!

МУХИНЪ (*полусонный*). А тебя, Середа, надо бы посѣчь.

СЕРЕДА. Эй, Муха, не остри; у тебя, вишь,

... не пожаловалъ; не даромъ
другъ бояринъ, али еще не бояринъ
такъ знаешь и родился, какъ бы
Муха?

МУХИНЪ, (*зѣвая*). Вѣрно, Сере
Дмитріевича Холмскаго баитъ.

СЕРЕДА. Ай да, Муха! Лёжмя смѣк
какъ встанетъ, да умоется, да п
му; дьякъ, а дороденъ какъ бояринъ
послѣ обѣда до креста часа два обл
не бояринъ? На прилавкѣ не спит
пуховикъ подъ одинъ бокъ, да пухо
гой бокъ... али не думный бояринъ?
то думный... Думаетъ по два короба
двѣ рѣчи спускаетъ, да ужъ зато
твое воронье карканье.

МУХИНЪ, (*поворачиваясь*). Начал
а съелъ...

СЕРЕДА. Чортъ знаетъ на что!

али выпьешь, али проспишь; за женами, у нихъ, знаешь, много... нельзя.... ты и такъ на кота смахиваешь.... Нельзя... Такъ куда-жъ я тебя дѣну, Муха?... Въ послы, въ послы! Ай да Середа, каждому мѣстечко найду! А ужъ что за посолъ; отъ лѣни завѣта не выронитъ... Хоть бы и теперь... Пріѣхали въ Ригу, да и въ пуховики. «Сами пріидутъ дескать, кому нужно.» Ай да Муха! Въ правду: пришелъ магистеръ самъ магистеръ, а Муха и усомъ не ведетъ; лёжмя дѣла повершилъ; брякнулъ *свое*, чему научили, а больше *знать не можно*, (*Мухинъ храпитъ*) да и уснулъ.... Ну, что вы, бороды, поняли притчу, а притча изъ правды сложена; хоть цѣлый Новгородъ на пуховикъ посади, слова не выдавишь. Поклонитесь лучше мнѣ, я вамъ скажу по-своему, а вы смѣкайте, да заморскаго подливайте... (*Таинственно*): «*Языка* у васъ покуда не отрѣ-«жутъ, а замелетъ вздоръ, помните какъ его «звали, а какъ *его* звали!. .»

КУПЕЦЪ НОВОГОРОДСКІЙ, (*привставъ и почесываясь*). Надо-быть про Вѣче баишь...

СЕРЕДА. Вотъ ужъ и видно, что по бородѣ и умъ! Давай заморскаго!... Не жалѣй! На то ужъ мѣхъ притащилъ.

КУПЕЦЪ. Да мы мѣхами то его посольской милости хотѣли челомъ бить...

СЕРЕДА, (*протягивая руку, ему подаютъ стопу*). Не умничай! Вишь спитъ, а я глотку для кого деру; а дашь, такъ этакое скажу, что еще за мѣхомъ на домъ побѣжишь. Ну, вотъ такъ... За то еще притча:

(таинственно.)

«На торгу гостей не будетъ, а къ посацкимъ, «да къ боярамъ новгородскимъ коты на дворъ, «мышей ловить. Ну; а эту поняли?»

купецъ *(также)*. Надо быть купцовъ не тронутъ.

середа. Ай да борода! Ну, послушай, я и тебя въ послы; Муха, когда посольскую рѣчь говорить, а ты, когда посольскую рѣчь слушать; зато, изволь, пожалуй еще выпью. Вотъ такъ. А теперь безъ притчи скажу; государь свою отчину помиловалъ, только маку въ посацкихъ да боярскихъ огородахъ маленько порубилъ, да и то не много, головокъ штукъ десять, и войнѣ—аминь...

купцы *(привставъ всѣ, весело)*. Ой-ли? Али и въ правду.

середа. Налей, скажу! *(выпивъ)*. Въ правду, въ правду... Передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ, мой другъ князь мнѣ сказывалъ, а то такой князь, что и безъ отца былъ бы княземъ; вотъ какъ я, не солжетъ, хоть три гривны заплати...

купецъ. Послушай, Середа! я те самъ три гривны дамъ, да кабы намъ восвояси-то можно убраться...

середа. Пойдемъ въ церковь, присягну. Давай три гривны.

купецъ. На, возьми, на здоровье; а если ты солгалъ, такъ не пеняй, отыщу на краю свѣта..

середа. Э, кабы ты зналъ, гдѣ край свѣта, да ужъ изволь, лови, я не спрячусь, моя правда. Ну, мѣха подъ прилавокъ, а сами по домамъ, спать хочу...

купецъ. Да какъ же-то намъ его посольской милости откланяться...

СЕРЕДА. Я ему завтра поклонюсь, али вы приходите, да мѣховъ по-больше...

КУПЕЦЪ. Нѣтъ, батюшка. Мы ужъ сегодня пустимся въ путь. И такъ запоздали, да все боялись въ трескотню попасть...

СЕРЕДА. Ну, поѣзжайте съ Богомъ, да коли мой другъ князь Данило Дмитріевичъ у насъ, поклонитесь отъ Середы и скажите, что на службу не скоро будетъ. Спать пошелъ...

НОВГОРОДСКІЕ КУПЦЫ *(уходя и кланяясь).* Счастливо оставаться...

СЕРЕДА. Съ Богомъ, съ Богомъ! *(Псковичамъ).* А вы, что?

ПСКОВСКОЙ КУПЕЦЪ. Да мы вмѣстѣ съ ними не ходимъ.

СЕРЕДА. Потому что братья. И дѣло! Такъ вы еще тутъ съ нами останетесь?

КУПЕЦЪ. Денька два, чтобы не вмѣстѣ ѣхать.

СЕРЕДА. И то дѣло; да вы же еще и его посольской милости ничѣмъ не поклонились, такъ приходите, пожалуйста, завтра. Ей Богу спать хочу.

ПСКОВСКІЕ КУПЦЫ *(уходя и откланиваясь).* Счастливо оставаться...

—

СЕРЕДА и МУХИНЪ (спящій).

СЕРЕДА. Проваливайте, голыши, а гляди какъ носъ подымаютъ; бѣда, какъ цыплята пѣтушатся...

(соскакивая со спинки и проворно одѣваясь).

Ну, Середа, пришла твоя череда; мой пословичъ спитъ, а посолъ сидитъ; такъ не много смѣкнешь,

слободѣ ужъ вѣрно новгородскіе
оклнкъ знаю... Великое слово: а
ретъ... Ну, Муха, спи, почива
разболтай, что веревка, что кул
скій дурачекъ... А ты, Herr vo

(уходя).

пошелъ въ гости чужой медъ пит
ловить, правду рыбицу удить!...

МУХИНЪ (спитъ). Посольскаго д
раетъ стопы и уноситъ мѣха, прин

СЛУГА. Его милость али вино
дорога сломала...

(прислушиваясь).

Сегодня у нѣмцевъ али праздн
походъ; въ слободѣ ни одинъ нѣ
кромѣ набольшаго; наши-то улегли

(скрипъ колесъ; отворяетъ

Гляди, гляди, новгородскій обозъ
телѣга, то корабль; что ...

солъ не у нихъ, а на нашемъ дворѣ спитъ, да ужъ это видно царь изъ гнѣва такъ приказалъ; и это вѣрно ихніе латники... Сюда идутъ; видно слово послу молвить хотятъ, да поклонъ отдать. Пойти, отперегь...

—

МУХИНЪ (спитъ; голоса за дверьми).

ГОЛОСЪ ПЕРВЫЙ. Гдѣ Мухинъ?

ГОЛОСЪ ВТОРЫЙ. Спитъ.

ГОЛОСЪ ПЕРВЫЙ. Разбуди.

ГОЛОСЪ ВТОРЫЙ. Не смѣю.

ГОЛОСЪ ПЕРВЫЙ. Ну такъ мы разбудимъ. Покажи гдѣ онъ!

—

МУХИНЪ (спитъ). **ШТОВВАССЕРЪ**, въ рыцарскомъ вооруженіи и плащѣ, латники и **СЛУГА**.

ШТОВВАССЕРЪ. Господинъ Мухинъ, Господинъ Мухинъ, извольте вставать!

МУХИНЪ. Полно, Середа, не мѣшай!

ШТОВВАССЕРЪ. Это не Середа! Васъ будитъ Сильвестръ Штоббассеръ.

МУХИНЪ (*барахтаясь въ пуховикахъ*). Измѣна! Измѣна! Кто впустилъ!

ШТОВВАССЕРЪ. Тише! Господинъ Мухинъ! будьте покойны; мы пришли спасти васъ отъ опасности.

МУХИНЪ (*откинувъ верхній пуховикъ и сидя на постели, приходитъ въ себя*). Середа, а Середа? Гдѣ ты?... Что вамъ угодно?... Вы измѣнникъ... Завтра васъ отрѣшатъ... Такъ вы, пожалуйте, не путайте меня въ это дѣло...

Штоввассеръ *(садясь на его постели)*. Сказки, господинъ Мухинъ, магистерскія сказки!... Завтра предамъ его анаѳемѣ; заговоръ рыцарей противу русскихъ докажетъ, что я дѣйствую по совѣсти и справедливости.

Мухинъ. Заговоръ?

Штоввассеръ. Заговоръ уже созрѣлъ. Ночью сегодня исполненіе... Я пришелъ предложить вамъ безопасное убѣжище въ моемъ замкѣ. Медлить нечего... Одѣвайтесь.

Мухинъ *(поднимаясь)*. Середа! Середа! Гдѣ онъ?

Слуга. Онъ ушелъ давно въ городъ.

Мухинъ. Съ кѣмъ?

Слуга. Одинъ.

Мухинъ. Да онъ заплутается...

Слуга. Нѣтъ, кажется онъ бывалый...

Мухинъ. Подай сапоги и поясъ...

Штоввассеръ. Вотъ видите, господинъ Мухинъ, вамъ бы слѣдовало быть ко мнѣ...

Мухинъ. Я такъ и хотѣлъ, и государевы бояре такъ наказали...

Штоввассеръ. Такъ вы посланы ко мнѣ — и сообщили магистру тайны, назначенныя для меня!!..

Мухинъ. Никакихъ тайнъ, господинъ Штоббассеръ! Слово государевыхъ бояръ коротко. На письмо ваше приказано сказать: «И Ливь и Чудь мои отчины! Сидите въ мирѣ, обогащайте казну мою промысломъ и торговлей! Въ чужія дѣла не вмѣшивайтесь! А пріидетъ время, потребую отче-

та, и будетъ награда вѣрнымъ, опала и казнь измѣнникамъ! Теперь еще некогда, но близокъ часъ, когда пріиму отчины изъ рукъ вашихъ. Блюдите землю мою, донде же пріиду. Іоаннъ.» Вотъ и все тутъ. Вамъ ли, магистеру ли это сказано, всё равно; лишь бы вѣдали.

ШТОБВАССЕРЪ. Вотъ это новость! Іоаннъ считаетъ насъ своими вассалами!

МУХИНЪ (*одѣваясь*). Не знаю.

ШТОБВАССЕРЪ. Я жаловался на орденъ, какъ государь государю; просилъ войска, чтобы унять бунтовщиковъ.

МУХИНЪ. Не вѣдаю...

ШТОБВАССЕРЪ. И это отвѣтъ! Несчастная земля! Сколько у тебя государей! и прусскій магистръ и Шведъ и Датчанинъ и Польша и Москва считаютъ тебя своимъ наслѣдіемъ. А всему причиною эти крамольники въ чужой одеждѣ. Никто бы не дерзнулъ поднять руки на достояніе церкви; ихъ козни, ихъ грабежи, — вотъ причины нашихъ несчастій, вотъ права нашихъ сосѣдей.

МУХИНЪ. Я готовъ, Штобвассеръ.

ШТОБВАССЕРЪ. Не стоило бы спасать вашей жизни, но эта жизнь нужна мнѣ и благодарите Бога, что она попала на мои счеты. Пойдемъ! По-русски ни слова!

Самъ тушитъ огонь. Съ улицы видно, какъ Штобвассеръ собственноручно запираетъ окно и потомъ ставни.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Жиды.

Обширная зала въ домѣ тайныхъ жидовъ въ Рогѣ; нѣсколько дверей; главная на запорѣ. Посреди нѣ виситъ мѣдный паукъ со множествомъ свѣчъ. Скамьи покрыты краснымъ сукномъ, столы въ цвѣтныхъ покрышкахъ съ магическими изображеніями. Посреди нѣ столъ трапезный.

РАХИЛЬ и САРА.

РАХИЛЬ (*въ богатѣйшемъ еврейскомъ костюмѣ; платье атласное; спензеръ, шитый золотомъ; на шеѣ крупные жемчуги съ золотымъ медаліономъ, осыпаннымъ брильянтами; сережки и фероньера брильянтовыя и такъ далѣе*). Что́, Сара? древняя память тяготитъ душу; погрузи ее въ источникъ обновленія, и юнымъ умомъ снова подражай пчелѣ.

САРА (*въ русскомъ костюмѣ*). Ахъ ты, умница, дочь чудоваго учителя! У тебя нѣтъ отчизны!

РАХИЛЬ. Понимаю, чистая голубица! но, принявъ законъ Авраама и Іакова, и ты потеряла отчизну, и ко святымъ мѣстамъ Іудеи должны быть обращены крылѣ души твоей!

САРА. Ахъ ты, дѣвица, что краше Сусанны, о которой вчера говорилъ умное слово отецъ твой, ахъ ты Юдиѳь безстрастная, безлюбовная, не видала ты другой красавицы — Волги-матушки; мурава-трава, что пухъ на лицѣ твоемъ, такъ свѣжо *отъ нея*, такъ по-дѣвичьи берега Волги красуются;

и земля на ней не та, что у нѣмцевъ... И что въ правду? Отецъ отсталъ, я за нимъ; онъ пошелъ на службу, а меня послалъ въ Ригу въ вѣрѣ укрѣпляться.

РАХИЛЬ. Не сѣтуй, Сара! Сколько дочерей Авраама снесли бы жемчужныя ожерелья, алмазы и камни самоцвѣты, которыми украшаютъ себя втайнѣ, чтобы удостоиться чести вступить въ домъ Схаріи, гдѣ только три Еврейки и слишкомъ двадцать дочерей возвращенныхъ на лоно нашей вѣры; гдѣ красота, одна красота небесною печатью украсила лица жительницъ; гдѣ съ утра до вечера неисходно обитаетъ ливонскій орденъ и готовъ превратиться въ жидовъ, если бы хотя одна изъ насъ захотѣла купить этотъ подвигъ дорогою цѣною... И знаешь ли, Сара? Мы не безопасны; если магистръ одолѣетъ Штобвассера и выгонитъ его изъ Риги, тогда домъ Схаріи превратится въ домъ плача и безславія. Правда, есть и между рыцарями нашей вѣры, но еще не много, и костеръ не только не удержитъ меча защиты, но сомкнетъ уста притворной нѣмотой...

САРА. Зачѣмъ же Схаріа не отошлетъ насъ въ другой городъ?...

РАХИЛЬ. Куда же, Сара?...

САРА. Въ Великій Новгородъ... Во Псковъ... Въ Полоцкъ...

РАХИЛЬ. Самъ Схаріа не могъ тамъ долѣе оставаться... Вчера пріѣхалъ; правда, сильны наши между Руссами, но царь московскій не пожалѣетъ сжечь завѣтные муромскіе лѣса подъ нашими тѣлами. А здѣсь, пока Штобвассеръ—мы—его уши, —его казначеи,—его послы,—хотя Богъ втайнѣ

другія... тѣ, которыя живутъ
ходятъ сюда только для бесѣд
благовременно въ домы, пото
обители нашей не всегда почти
ушли съ отцемъ въ палату та
незнакомкой.

САРА. Кто она?

РАХИЛЬ. Какое дѣло до пи
свется жажда. И она сама спи

САРА. Но она христіанка?

РАХИЛЬ. Теперь едва ли? Пр
выйдетъ отъ учителя! *(слышенъ*
Это кто? Не подаетъ знака. Са
прислушиваются).

ГОЛОСЪ *(за дверьми).* Заря

ТѢ ЖЕ И БАРОНЪ С

РАХИЛЬ *(отворяя).* Наш

РАХИЛЬ *(съ улыбкою сожалѣнія)*. Вотъ, баронъ, кажется ваша религія. Не губите, благородный баронъ, нѣжнаго цвѣтка преступною любовью; вы не можете на ней жениться; ваши обѣты — святы по необходимости...

БАРОНЪ. Если Схаріа умретъ, вѣрно сестра Рахиль займетъ его мѣсто. Женщины вездѣ торжествуютъ; я слышалъ что у новгородскихъ купцовъ теперь княжитъ какая-то купчиха, Марта... Но гдѣ же Сусанна?...

(слышенъ стукъ).

ГОЛОСЪ *(за дверьми)*. Заря и радуга...

—

ТѢ ЖЕ и НЕЗНАКОМЫЙ РЫЦАРЬ (съ опущеннымъ забраломъ).

РАХИЛЬ *(отворивъ двери, съ ужасомъ)*. Ахъ!... *(съ лаской)*. Войдите!...

РЫЦАРЬ. Гдѣ Схаріа?

РАХИЛЬ *(въ замѣшательствѣ)*. Въ городѣ. Еще не возвращался. Сейчасъ будетъ, черезъ минуту... Я давно его ожидаю... Не угодно ли присѣсть .. Что это онъ такъ долго...

РЫЦАРЬ *(взявъ ее за руку)*. Рахиль; перестань... Я знаю гдѣ онъ. Наврацаетъ. Не смѣй предупреждать его. Я знаю, кто съ нимъ. Хочу повѣрить и только... Я сяду возлѣ тебя и ты сократишь скуку ожиданія — дѣтской лаской... Не такъ ли?

(садится съ нею въ углу).

РАХИЛЬ. Великій Боже!

РЫЦАРЬ. Рахиль, смотри прямо на мое забрало! Я хочу тобою любоваться... Жаль, что этотъ баронъ торчитъ здѣсь... Нельзя ли его удалить съ Сарой...

... онъ не
РАХИЛЬ. Нѣтъ! Онъ при
только обмануть Сусанну.
РЫЦАРЬ (*кашляя*). Дури
одна, Рахиль, могла бы поко
(Рахиль, опустивъ глаз
БАРОНЪ. Кто этотъ рыцар
САРА. Не знаю. Должно-бы
БАРОНЪ. Сколько-жъ ему
САРА. Должно быть со-сто.
БАРОНЪ. Да отъ чего же о
САРА. Схарія не кланяется н
волосъ...

(стукъ).

ГОЛОСЪ (*за дверьми*). Заря

—

ТѢ ЖЕ и СЕРЕД

СЕРЕДА (*отряхивая шапку*)
споди! Заправскій

стное слово, послѣ; теперь нельзя. *(громко)* Когда ты отстанешь отъ своихъ привычекъ...

СЕРЕДА. Некогда, матушка, переучиваться. А что̀ слышно про старика? — Пріѣхалъ, али нѣтъ?

РАХИЛЬ. Пріѣхалъ.

СЕРЕДА. Тото-же, пріѣхалъ. А кто ему грамоты сдѣлалъ? Рука руку моетъ; послуга за послугу; да гдѣ же онъ, кумушка?..

РАХИЛЬ. Что̀ ты это, Ѳома! Какъ тебѣ не стыдно...

СЕРЕДА. Да ужъ на языкъ не гляди; на какой бокъ ляжетъ, тѣмъ и говоритъ; познаешься съ жидами, своимъ вздоръ мелешь: поживешь съ христіанами, жидовкѣ въ кумовья пойдешь. Ну, лебедка моя! Кого нибудь да подай; дѣло — утка; безъ заряду не убьешь, а тутъ въ Ригѣ — стадо, не перестрѣляешь...

—

ТѢ ЖЕ, СУСАННА и нѣсколько женщинъ выходятъ изъ внутреннихъ покоевъ.

СУСАННА *(бросаясь къ Середѣ)*. Митвохе, Митвохе, а что̀, есть гостинцы?

СЕРЕДА. Здравствуйте, матушки сестрицы! Знаю нашъ законъ твердо; будь судомойка, да шелкъ на плечахъ, дорогое зерно на шеѣ, въ кружевахъ, что въ паутинѣ; видишь васъ теперь сколько; подаришь одной, другая захочетъ; перессоритесь, да подымете содомъ, такъ, что до ратуши дойдетъ. Ничего не дамъ. Да и что вамъ за гостинцы подаритъ бѣдный жидовинъ, у кого казна въ головѣ, а умъ въ карманѣ... Обирайте нѣмцевъ; не бойсь, на ваши же деньги гостинцы купятъ; если бы хотя десятую долю жидовскихъ

пошлинъ воротить, городъ построю. Да вотъ проѣздомъ подъ самой Ригой, въ Нейермиленѣ, глядимъ —на мосту гамъ; самъ командоръ въ жидовской повозкѣ; два жида привязаны къ деревьямъ, да такъ кричатъ, будто свиное стадо у князя на кухнѣ рѣжутъ.

(рыцарь прислушивается).

Горе взяло. Я къ командору,—а онъ въ отвѣтъ: Вотъ нехристи, не хотѣли дѣлиться, такъ я все взялъ, и птичку въ придачу... Я къ жидамъ; оба разомъ какъ загомонили, ну ни слова не понялъ; оглянулся, нѣмцевъ нѣтъ; повозка пустехонька; отвязалъ я жидовъ; одинъ, постарше, всплеснулъ руками, да и бухъ въ воду; а другой, извощикъ, разсказалъ, что покойникъ купецъ; а товаръ его съ дочерью въ замокъ унесли. Поди, судись съ ними. Наше дѣло сторона; по службѣ вступиться не могу; на насъ дѣло царское; — проѣхали, да призадумались, да, и все тутъ...

РЫЦАРЬ, (*потираетъ руками, потомъ записываетъ въ книжникъ*). Командоръ... Нейермиленъ... (*громко*) а котораго числа?

СЕРЕДА, (*вздрогнувъ*). Какъ котораго числа!... Да что ему за дѣло!.. Не помню... Кто это, Рахиль?...

РАХИЛЬ (*дрожа*). Не знаю...

СЕРЕДА. Какъ же онъ здѣсь?..

РАХИЛЬ, (*шепотомъ*). Не спрашивай!... Мы всѣ погибнемъ, если...

РЫЦАРЬ, (*подходитъ къ Середѣ*). Ты, Середа, слуга посла московскаго; если тебя повѣсятъ, за это войны еще не будетъ... Но тебя не повѣсятъ, если ты завтра повторишь разсказъ свой

передъ христіанами и утвердишь клятвою по русскому обычаю; за то подарятъ три такіе мѣшка; на, одинъ въ задатокъ...

СЕРЕДА, (*опять садится на свое мѣсто, глядя то на Рыцаря, то на кошелекъ*). Матушки сестрицы, деньги безъ глазъ, сами не знаютъ откуда и куда идутъ. Наше дѣло сторона: лишь бы деньги; съ жидовской вѣрой и жидовскій норовъ въ душу лезетъ. Когда бы мнѣ поймать гдѣ нибудь за воротами Шарфенберга.

РЫЦАРЬ, (*тревожно*). За воротами? За какими воротами?

СЕРЕДА. За какими попало, да только не въ Ригѣ; онъ тоже вольный жидовинъ безъ бороды; дуката не дамъ, что онъ самого господина рижскаго къ нашей вѣрѣ не приколдуетъ....

Рахиль напрасно подаетъ знаки. Середа будто ихъ не замѣчаетъ.

РЫЦАРЬ. Рахиль! Поди сюда! Садись на старое мѣсто.... (*Тихо*). Гляди на меня, на одного меня... Ты уже измѣнила!

РАХИЛЬ, (*тихо*). Богомъ клянусь, онъ не знаетъ...

РЫЦАРЬ. Молчи!..

СЕРЕДА, (*барону, который все это время шептался съ Сусанной*). Благородный рыцарь! Вы не знаете Шарфенберга!

БАРОНЪ. Отстань, сдѣлай милость, братъ Ѳома!

СЕРЕДА. Да вы не отбивайте у меня Сусанны! Что это, Рахиль, какой у тебя надзоръ?

РЫЦАРЬ, (*Рахили*). Молчи!

СЕРЕДА. Да и сама-то ты, матушка, къ Нѣмцу льнешь.... А я путемъ-дорогой обѣщалъ тебя въ жены Шарфенбергу, если онъ уморитъ Штобвассера, по условію....

Рыцарь дѣлаетъ движеніе.

РАХИЛЬ, (*тихо рыцарю*). Молчите! Вы насъ погубите.

СЕРЕДА. Да что мнѣ Штобвассеръ! Я уже сторговался съ Дерптскимъ.... За безопасность нашего рижскаго дома будутъ Стефану и связи и деньги и союзники.... А не исполнитъ условія — уморю. Не даромъ кабалѣ учился. Вотъ черный листикъ; самъ выковалъ въ осьмое полнолунье для Штобвассера; вотъ прошло еще три луны: остается одна, и только пикни господинъ рижскій, только заикнись про нашъ домъ, про нашу Рахиль... бензъ!...

Рыцарь вздрогнулъ. Рахиль, очами полными благородныхъ слезъ глядитъ на Середу.

СЕРЕДА, (*со смѣхомъ*). Лови рыбицу въ мутной водѣ, а потянутъ за сапогъ спроси только — куда? Противу злодѣя, оборви съ удочки волосокъ на его шею; вотъ я каковъ, матушки сестрицы. Вѣдь и Менгденъ умеръ отъ жидовской молитвы. А было жутко; ужъ господинъ рижскій совсѣмъ было насъ выдавалъ....

РАХИЛЬ. Братъ Ѳома, кажется, наши идутъ.

СЕРЕДА. И пора... Засидѣлся я у васъ, а дѣла пропасть... Вотъ и старикъ...

—

ТѢ ЖЕ и СХАРІА. За нимъ **НЕЗНАКОМКА**, два **РЫЦАРЯ**, нѣсколько жидовъ и женщинъ.

СХАРІА (*входитъ торжественно*, *съ жезломъ*

въ рукѣ, въ мистической одеждѣ. Всѣ, кромѣ Рыцаря, почтительно преклоняются). И созвѣздія и тѣни не обманули меня! Сынъ Ѳома принесъ намъ извѣстія.

СЕРЕДА. Радостныя, отецъ Схаріа...

СХАРІА. Покрой ихъ тайною, пока не удостоимся внимать твоему глаголу... Хотите ли, благородная дама, присутствовать при вечерней трапезѣ нашей?..

НЕЗНАКОМКА. Благодарю, дивный учитель. Душа моя не покойна, хотя будущность обѣщаетъ счастіе... Какъ онъ дивно похожъ!! Послѣдній разъ я видѣла его въ Псковѣ, и когда узналъ, что я должна ѣхать въ Ригу, онъ сказалъ, что увидится со мною въ этомъ домѣ. Странно исполнилъ онъ свое слово... Совершенно живой, тотъ же голосъ, тѣ же взоры... О, какъ силенъ ты, Схаріа, передъ Богомъ....

СХАРІА, (*поднявъ глаза къ небу*). Вѣрою и молитвою.

НЕЗНАКОМКА. Страшно душѣ моей, сердце приросло къ моему Богу, но этотъ сонъ.... эти слова.... Нѣтъ, Схаріа! дай подумать, дай убѣдиться.... и тогда...

СХАРІА. Я не настаиваю, не требую, даже не совѣтую. Одно убѣжденіе—свѣтъ, и безъ него не прозритъ слѣпорожденный! Я даже не хотѣлъ говорить о твоемъ пророкѣ.

РЫЦАРЬ, (*вставъ съ мѣста, грозно*). Пророкъ?...

СХАРІА. Великій Боже!!...

РЫЦАРЬ (*подходитъ къ нему*). Схаріа... Два слова... Кто эта женщина?

РЫЦАРЬ. Кого ты хочешь ду

СХАРІА. Хотите ли я призову
дена....

РЫЦАРЬ. Не нужно! Скажи,
предать смерти Бернгарда.

СХАРІА. Могу... (*рыцарь вздро*

РЫЦАРЬ. Можешь-ли предать
рыцарей?

СХАРІА. Нѣтъ... Двѣ три жертв
ловѣку, и то если безопасность мо
буетъ ихъ смерти. Замѣтьте, что
виситъ отъ нашихъ молитвъ; иног
перты, и трубы горняго вниман
Молитва найдетъ скважины въ неб
всплыветъ ѳиміамомъ въ обители

РЫЦАРЬ. Оставимъ пустой раз
шелъ за дѣломъ. Мнѣ нужно лже

СХАРІА (*всплеснувъ руками, гро*
рый разъ!

сходитъ обвиненіе и, нечего дѣлать, Іудеи пошли стезею клеветы... Мы нищіе; отъ насъ требуютъ богатствъ: мы должны прибѣгнуть къ воровству; мы честны; намъ не вѣрятъ: мы должны употреблять обманъ и тогда намъ легче, покойнѣе Мы добры; насъ преслѣдуютъ, выдавливаютъ желчь — и человѣкъ плоть... Страданія берутъ верхъ и, озлобленные несправедливостью, мы обращаемся въ аспидовъ ядовитыхъ, мстительныхъ... Мы правдивы... но должны покупать жизнь цѣною лжесвидѣтельства!!...

РЫЦАРЬ. Я не женщина, Схарія!—Мнѣ нуженъ лжесвидѣтель, изъ сословія Черноголовыхъ, немедленно, сейчасъ, сію минуту, или я уйду; а завтра, если бы и захотѣлъ придти сюда, не найду уже знакомаго дома... Прощай!

(уходитъ).

СХАРІА (*поднявъ глаза къ небу*). Іосія, послѣдуй за рыцаремъ и исполни все, что повелитъ онъ...

(Іосія, поклонясь, уходитъ за рыцаремъ).

—

ТѢ ЖЕ, кромѣ РЫЦАРЯ и ІОСІИ.

СХАРІА (*бросаясь къ дочери*). Рахиль... Рахиль! Чиста ли ты?...

РАХИЛЬ. Родитель! Предчувствіе ли, сонъ ли, но топоръ Юдиөи кажется не минуетъ рукъ моихъ.

СЕРЕДА. Вздоръ! Пустяки! И великіе люди часто боятся ходить ночью въ другую комнату; я зналъ мудреца, который боялся кошекъ, и богатыря — котораго пугалъ колокольный звонъ... Вздоръ!.. Но скажи, старикъ, кто этотъ рыцарь?...

СЕРЕДА. О! не теперь..
гоню ихъ; они скроются, а
ротится...

СУСАННА (*бросаясь къ*
Митвохе! Рыцарь хочетъ уб

СЕРЕДА. Что? Убить?...

БАРОНЪ. Она не соглаш

СЕРЕДА. Да на что? Види
невѣста!

БАРОНЪ. Молчи, жиденок
научу какъ обращаться съ бл
Мы тебя отъ магистрата отн
пускай сожгутъ...

СЕРЕДА. Руки коротки, за
сегодня на разбой нарядился в
хотѣлъ увести силою; слышь,
некому, да мыло съѣлъ. Не в

БАРОНЪ. Я рѣшился. Я не
Отдайте мнѣ Сус

СЕРЕДА. Поглядимъ...

БАРОНЪ *(подходя къ нему)*. Отдай Сусанну!..

СУСАННА. Митвохе, ради Бога, ради матери твоей!...

СЕРЕДА. Не плачь! У меня взятки гладки... Прочь!

БАРОНЪ, *(вынимая мечъ)*. Схарія, не обвиняй меня въ насиліи.

(бросается на Середу, тотъ спускаетъ въ него кистень прямо въ лицо).

СЕРЕДА. Молодъ!

(отъ удара рыцарь шатается).

СЕРЕДА. Врешь! Упадешь!... *(Рыцарь падаетъ мертвый)*.

(Всеобщее волненіе).

СХАРІЯ *(падая предъ дамой на колѣна)*. Благородная дама, не выдавайте насъ!

НЕЗНАКОМКА. Онъ достоинъ своей казни Надъ нимъ совершился Судъ Божій...

СХАРІЯ. О, да благословитъ васъ Богъ Авраама и Моисея! Но поспѣшите удалиться сами; не хотѣлъ бы я, чтобы въ это страшное дѣло вы были замѣшаны.

НЕЗНАКОМКА. Прощай, достойный учитель! Но гдѣ же увидимся?

СЕРЕДА (*спокойно снимая съ рыцаря вооруженіе и надѣвая на себя*) Во Псковѣ, на посадскомъ дворѣ Александра Княжича!...

НЕЗНАКОМКА. Великій Боже! Развѣ онъ?...

СЕРЕДА. Жидовинъ, какъ и мы грѣшники...

НЕЗНАКОМКА, *(уходя въ ужасѣ)*. О поѣдемъ,

будто на меня ковано. Я за эти
дилъ; пока ты съ бабами возил
нуждѣ и послалъ... Ну, проща
трапезой! Я вамъ такихъ диковин
три дня на радости спать не буд
когда. Уберите барона, да молит
царя Томаса фонъ-Митвохе. . (у
провожаютъ).

АКТЪ ЧЕТВЕРТ

Рижскія Черныя Г

**Штобвассеровъ погребъ. Бочки въ р
изъ полированной плиты; стѣны из
браженіемъ синихъ цвѣтковъ готиче
жду аллеями бочекъ двуиголныя ска
посерединѣ; огромная лампа, не вп
освѣщаетъ углы погреба, изъ кото
направленіямъ идутъ ...**

КУНЦЪ, ТРОМЕЛЬВИДЕРБАХЪ, КРАХРАХЪ и другіе **ЧЕРНЫЯ ГОЛОВЫ**.

КУНЦЪ. Мейстеръ Тромельвидербахъ! О чемъ вы такъ прилѣжно думаете?

ТРОМЕЛЬВИДЕРБАХЪ, *(улыбаясь)* Гм!

КУНЦЪ. Вы вѣрно догадываетесь о причинѣ приглашенія?

ТРОМЕЛЬВИДЕРБАХЪ, *(качая головой)*. Гм!

КУНЦЪ. Или можетъ быть голова ваша соображаетъ выгоды, какія намъ обѣщаютъ два турнира...

ТРОМЕЛЬВИДЕРБАХЪ. Гм! Нѣтъ господинъ голова! Я думаю... что въ этой бочкѣ?... Настоящее ли Либфрауенмильхъ, или такое, какъ у меня...

КУНЦЪ. А какое же у васъ, М. Тромельвидербахъ?

ТРОМЕЛЬВИДЕРБАХЪ. Гм! Для рижскихъ обывателей настоящій, а для русскихъ купцовъ у меня средній мозель въ такой бочкѣ; безъ пѣтушка; потому, что я пью вино только чужое.

КУНЦЪ. Э... У Штобвассера должно быть вино настоящее; онъ самъ долго жилъ на Рейнѣ!

КРАХРАХЪ. Да только въ такіе погреба гостей не приглашаютъ. Вотъ и у фонъ-деръ-Борга, намѣдни, — гляжу, самые почтенныя имена; знаете, этакіе,. прочтутъ тебѣ, важно, — отвѣдаешь, плюнуть хочется; мнѣ разсказывалъ мейстеръ Цвейдрейфиръ, что когда отъ усердія къ магистру онъ порядкомъ нализался и сѣлъ на бочку рѣчь говорить, у языка колёса отняло, ни съ мѣста; онъ хотѣлъ сойти съ бочки и промочить горло; не

..., улегся; укрылс
Спитъ, — а двери щелкъ, щ
идутъ люди съ фонаремъ:
скрыпъ — щелкъ, щелкъ, а
бочекъ ходить, да въ уголъ,
лись. Мейстеръ за ними; в
вая дверь, а изъ нея свѣт
спустился; а тамъ другой по
няго и бочками и стекломъ,
пола, просто земля... Мейсте
верху гостиная, а внизу-то с

ТРОМЕЛЬВИДЕРВАХЪ. Гм
было при Менгденѣ; бывало,
высокопреосвященствомъ, Черн
въ значительную опасность...
рыцари! Простаго — въ долг
наличныя, потому что страха
при Менгденѣ, триста рыцарей
ликаго Бога, подумайте сами,

ВСѢ. Такъ.

—

чуть только на войну, сейчасъ нарядъ Черноголовымъ идти съ ними, противу всѣхъ правъ и привиллегій, такъ, что въ городѣ некому хлѣба печь.

КУНЦЪ. Отъ этого многіе раззорились. Мейстеръ Дицъ и четыре сына убиты подъ Островомъ; жена и дочери въ люди пошли. Пфуй, какой стыдъ!... Я уговаривалъ, обѣщалъ помочь, но...

КРАХРАХЪ. И къ кому же, мейстеръ Кунцъ? Къ командору, въ Кокенгузенъ, а вашей милости извѣстно какой тамъ содомъ.

—

ТѢ-ЖЕ и СЛУГА въ богатой ливрѣе.

СЛУГА. Въ честь защитниковъ города Риги и ея господина архипастыря Сильвестра, приказано отрыть бочку стараго Либфрауенмильхъ и просить гостей...

(Черноголовые бросаются со стопами и окружаютъ бочку.)

—

ТѢ-ЖЕ и СЕРЕДА (со стопой въ рукѣ, изъ внутреннихъ пещеръ).

СЕРЕДА. А какого году?

СЛУГА. Какъ написано, 1323...

ЧЕРНЫЕ ГОЛОВЫ. За сто! За сто! Удивительно! Какъ тонко, а какой запахъ!

СЕРЕДА *(впереди съ полной стопой)*. Да здравствуетъ Штобвассеръ.

ЧЕРНОГОЛОВЫЕ. Да здравствуетъ Рига и рижскій господинъ.

СЕРЕДА. Пѣсню!...

КУНЦЪ. Нейдетъ! Нейдетъ! Надо уважать мѣсто и время...

лись, а вѣдь, промежду насъ бу
вѣрно есть штукъ нѣсколько...

ЧЕРНОГОЛОВЫЕ. Такъ что
гость не обижайся, да и что мог
рыцари... Мы за васъ... Мы вс

КУНЦЪ. Не одобряю...

ПЕРВЫЙ ЧЕРНОГОЛОВЫЙ. П
Кунцъ! Пришла наша пора! По
тому, не больше, рыцарь Риззела
харку хотѣлъ насильно увести, ка
струнили; у самыхъ воротъ мира
одного рыцаря не было бы въ тот
если бы вы, мейстеръ Кунцъ, на
не сидѣли.

КУНЦЪ. Какъ вы можете это г

ПЕРВЫЙ ЧЕРНОГОЛОВЫЙ, *(не*
Почему же и пѣть!... Я сказалъ
ды пѣть; не прямо; согласно съ п
силлогізми.

же это можно? мы съ вами ѣхали объѣздомъ; на встрѣчу два рыцаря изъ воротъ; мы сошли передъ Кристофомъ, преклонили колѣна и сотворили молитву, а они проѣхали и шапки не сломали; а ваша милость какъ-будто и не видали такой дерзости...

СЕРЕДА, *(сидя)*. Ахъ, они безбожники, язычники!...

ВТОРЫЙ. Истинно такъ! Истинно такъ!... Помилуйте, господинъ голова, мы весьма уважаемъ вашу милость, но Кристофа больше, хотя, правда, онъ статуя, а вы человѣкъ, но статуя...

ТРЕТІЙ. Просто, защитникъ города Риги; пока онъ съ нами, все хорошо; а когда спрячется, всегда въ Ригѣ какое-нибудь важное несчастіе случается.

ЧЕТВЕРТЫЙ. А, главное — привиллегія... привиллегія...

СЕРЕДА. Кажется, тутъ есть и ущербъ городовой казнѣ!

ВТОРОЙ. Какъ же не ущербъ? по фунту серебра съ каждаго... Штрафъ значительный...

ПЯТЫЙ. Охъ! господинъ голова, я ужъ не смѣлъ вспоминать о моей обидѣ; да не я одинъ говорю. А конюхъ фонъ дерь-Борга? За семь серебряныхъ подковъ не заплатилъ; пять мѣсяцевъ меня обманывалъ; во все это время ѣлъ и пилъ у меня; укралъ у меня золоченое турецкое стремя съ футляромъ, а на судѣ меня же назвалъ *воромъ*... Я ужъ о вещахъ ничего не говорю, но моя честь, привиллегія, право, законъ, магистратъ, сословіе, городъ...

єра, а напротивъ, въ угож
на зло фонъ-деръ-Боргу, ко
боится Русскихъ и старается
Императора Московскаго.

ТРЕТІЙ. И это только от
же не боялись ни Москвы, ни

КУНЦЪ. Другія времена...

ВТОРЫЙ. Э! Какія времена!

ТРЕТІЙ. Лѣнь...

ЧЕТВЕРТЫЙ. Женщины ..

ПЯТЫЙ. Расколы...

ШЕСТЫЙ. Вино.

СЕДЬМЫЙ. Ересь...

ВТОРЫЙ. И наша снисходител

СЕРЕДА. Всё такъ. Да русскі
виноваты?...

ВТОРЫЙ

выгодно, что вчера магистратъ описывалъ все его имущество за долги...

—

ТѢ-ЖЕ и ФРИЦЪ СИМПСОНЪ (ІОССІЯ) безпрестанно оглядывается; то смотритъ вверхъ.

ТРОМЕЛЬВИДЕРВАХЪ. Да вотъ и теперь, псковскіе купцы мою свекровь какъ хитро обманули; жемчугъ продали, ради знакомства, старыхъ связей съ нашимъ домомъ, съ убыткомъ, по ихъ словамъ; поглядите же, что за жемчугъ. Ни одной жемчужины... Она къ нимъ... Назадъ... Не берутъ... Это не тотъ; отъ того еще нитка осталась; и точно нитка настоящая и помѣлче, а этотъ слишкомъ крупенъ и за такую цѣну настоящій жемчугъ продать, значитъ подарить. И концы въ воду... На судъ. Купцы не пошли. Какой тутъ судъ? Видѣла что покупала. И судить правда не чего...

ВТОРЫЙ. А что досаднѣе. Въ глаза смѣются. Они по нашему выучились, а мы по-русски нѣтъ; такъ что они про насъ въ глаза между собою говорятъ, не приведи Господи. Толмачи намъ сказывали. Да вотъ почтенный обыватель Фрицъ Симсонъ съ форштата; онъ частенько на Русь ѣздитъ, такъ вѣрно слышалъ какъ про насъ Руссины толкуютъ.

ФРИЦЪ, *(оглядываясь, про себя)*. Онъ долженъ быть здѣсь... я медлю... я могу погубить братій. *(Громко)*. Какъ они про насъ толкуютъ? Все это вздоръ, пустяки, мелочь, послѣ того, что я сегодня видѣлъ и слышалъ...

ВСѢ. Что, что такое?

ФРИЦЪ. Теперь уже поздно, а завтра я хотѣлъ идти въ нашъ домъ и объявить какъ слѣдуетъ...

ТѢ-ЖЕ и СЛУГА, за нимъ не
посахъ сто

СЛУГА. Кому угодно ви
По стопѣ на голову жалуетъ
сите!

Середа беретъ. Фри

ЧЕРНОГОЛОВЫЕ. Что жъ тѣ

ФРИЦЪ. Послѣ того, что в
не пить дотѣхъ-поръ, пока не на
лей Кристофа...

ЧЕРНОГОЛОВЫЕ. Какъ! Опя

ФРИЦЪ. Нѣтъ! Псковскіе ку

ЧЕРНОГОЛОВЫЕ. Браво!!!..

СЕРЕДА. Что за дьявольщин
Іоссіи).

ЧЕРНОГОЛОВЫЕ. Ну, разска

СЕРЕДА. Что же ты онѣмѣлъ
ждутъ, а уже ...

ФРИЦЪ. Ѣли яблоки и орѣхи, видно послѣ вина; начали по своему смѣяться надъ моимъ усердіемъ; а потомъ и надъ Кристофомъ...

ЧЕРНОГОЛОВЫЕ, *(снявъ шляпы).* Св. Кристофъ, не погуби насъ!

ФРИЦЪ. Тѣмъ бы и кончилось, но купцы узнали меня и давай расспрашивать о Кристофѣ самымъ дерзкимъ образомъ: «Что это за болванъ? Кто его тутъ поставилъ; посмотри какое у него красное рыло; видно, съ Штобвассера лицо то дѣлали, а волоса, что пенька литовская...» Я не выдержалъ, ударилъ хулителя.

ЧЕРНОГОЛОВЫЕ. Богохульника?

ФРИЦЪ. Да; того, что хулилъ Кристофа; и бросился бѣжать; догнали, побили, я заблаговременно упалъ, а то бы въ живыхъ не остался; испугались; отъ меня отошли, но уходя все въ Кристофа яблоками и орѣхами бросали...

ЧЕРНОГОЛОВЫЕ. Что же Кристофъ?

ФРИЦЪ. Кристофъ молчалъ.

ЧЕРНОГОЛОВЫЕ. И не тронулся съ мѣста!...

ФРИЦЪ. Ни съ мѣста! Дайте вина; я усталъ; я избитъ...

(Глубокое и глубокомысленное молчаніе. Середа пристально глядитъ на Фрица. Голосъ на улицѣ.)

Кристофъ идетъ, Кристофъ идетъ!

(Черноголовые безмолвно снимаютъ шапки. Вся сцена до конца шепотомъ.

КРАХРАХЪ. Поспѣшимъ за нимъ; онъ уходитъ; вы знаете, что когда Кристофъ уходитъ, не миновать Ригѣ бѣды.

КУНЦЪ. Что это вы? Съ ума сошли. Какъ это

. ...о, это несколько

КРАХРАХЪ. Нѣтъ, совершенно

КУНЦЪ. Все такъ. Но я никс
стофа не проходилъ въ такомъ вид
всегда объѣзжалъ въ другія ворота.

КРАХРАХЪ. Такъ онъ уйдетъ и
провалится, или погибнетъ подъ во,

КУНЦЪ. Въ самомъ дѣлѣ, это
читься... Ей Богу, я не знаю что
кажите отпереть черный домъ, удари
собрать совѣтъ...

КРАХРАХЪ. Какой тутъ совѣтъ?
фу это впервые, и если-бъ вы тогда
рыцарей два фунта серебра...

КУНЦЪ. Ахъ, оставьте! Я плачу
та, только скажите, что мнѣ дѣлать.

ТРОМЕЛЬВИДЕРВАХЪ. Извѣстно
что и всегда въ подобныхъ случаях
можно смягчить только скорою мест

ЧЕРНОГОЛОВЫЕ. Горе вамъ, богохульники! На псковской дворъ! На псковской дворъ!...

(подымаютъ Кунца и уходятъ.)

СЕРЕДА (*поймавъ Фрица, душитъ его*). Кому же я отомщу за несчастныхъ братьевъ?

ФРИЦЪ. Штобвассеру!... Я лжесвидѣтель...

АКТЪ ПЯТЫЙ.

Ливонскій провинціяльный магистръ и рыцари.

Зала въ рыцарскомъ домѣ въ Ригѣ.

МАГИСТРЪ БЕРНГАРДЪ фонъ-деръ-**БОРГЪ** (ходитъ по залѣ въ сильномъ волненіи), **БАРОНЪ** фонъ **ШЛУММЕРМАУСЪ** и два **КОМАНДОРА** (въ разныхъ мѣстахъ), въ сторонкѣ **БАРОНЪ** фонъ **КУЛЬМГАУСЪВОРДЕНАУ**, сидитъ въ креслахъ и дремлетъ.

МАГИСТРЪ. Штобвассеръ не показывался?...

КОМАНДОРЪ I. Нигдѣ...

МАГИСТРЪ. Ни въ одномъ окнѣ свѣта?...

КОМАНДОРЪ I. Нигдѣ, кромѣ погреба.

МАГИСТРЪ. А! Черноголовые въ гостяхъ...

КОМАНДОРЪ I. До единаго...

МАГИСТРЪ. Изъ нашихъ тамъ, надѣюсь, нѣтъ никого.

КОМАНДОРЪ I. Вы не изволили приказать...

МАГИСТРЪ. Стыдно сильному держать лазутчиковъ; наше дѣло правое...

...стръ. Никто не

КОМАНДОРЪ I. Никто
а погребъ, сколько извѣс
кого сообщенія съ прочим

МАГИСТРЪ. Удивительн
таться и спрятать Доротек
обыски?

КОМАНДОРЪ I. Нѣсколь

МАГИСТРЪ. Что же наш

КОМАНДОРЪ I. Столы и
деньги и разныя драгоцѣнны
и письма... Я не нашелъ то
залы, что возлѣ трофейной;
не былъ уже лѣтъ десять;
передѣлать, но только этой
Примѣтно, что Сильвестръ ж
дѣ мы дѣлали обыскъ, но м
ыхъ вещей и домашней утвар

МАГИСТРЪ. Конечно все
ѣсть...

Судъ Сильвестра, въ своемъ родѣ, дѣло неслыханное! Сколько будетъ шуму въ Европѣ! Можетъ-быть увлечетъ рыцарей, какъ прежде, на крестовые походы противу Литвы; намъ нужна помощь; да на дорогѣ гросмейстеръ съ польскимъ королемъ и нашъ бѣдный орденъ, точно Исландія, за девятью морями, на краю свѣта. Безъ союзниковъ... И тѣсно.... И бѣдно... И лѣнь и соблазнъ... За себя?.. О, посмотрите, я посѣдѣлъ... А за себя не краснѣлъ ни разу; но за братій, за рыцарей, сыновъ меча и креста, я долженъ краснѣть даже предъ Штобвассеромъ!!...

(останавливаясь и глядя изъ подлобья на командоровъ.)

Ко мнѣ — въ желѣзѣ!... Но много ли бодрыхъ, могучихъ? Ахъ, друзья, васъ только я вижу съ удовольствіемъ, съ отрадой, съ горемъ, потому что некого съ вами сравнивать... И гдѣ они? Гдѣ? Вы знаете! На лонѣ нѣги, въ объятіяхъ женщинъ, можетъ-быть, даже не христіанокъ. — Вотъ сыплется другой часъ, а еще никто не явился; къ чему послужила строгость Мейгдена, моя жестокость?... Нѣтъ... Время... Все время... и времени не одолѣетъ воля одного, двухъ...

Ужъ видно нужно, если я зову въ рыцарскій домъ — ночью... Такъ нѣтъ! Непослушаніе, развратъ. Нечего дѣлать, ударьте въ колоколъ.

ШЛУММЕРМАУСЪ. Господинъ магистръ! Это смутитъ Ригу...

МАГИСТРЪ. Правда!

ШЛУММЕРМАУСЪ. Между-тѣмъ, пока одѣнутся, осѣдлаютъ коней, перекличутъ ратниковъ...

МАГИСТРЪ. Одѣнутся! Ха, ха, ха! Одѣнутся! Въ замшевыя латы, бархатныя кольчуги, въ персид-

..., нежели эти ру(

ШЛУММЕРМАУСЪ. По... магистръ, теперь все споко... нѣтъ; миръ...

МАГИСТРЪ. Нѣтъ, баро... мирiе. Москва считаетъ нас... Польша тоже. Великiй маги... — тоже. Всѣмъ некогда; ... истратимъ послѣднiя силы и... серомъ.

ШЛУММЕРМАУСЪ. У мен... подинъ магистръ; объявимъ, ... старости сдѣлался ребенкомъ ... выбору нашего добраго Стефан...

МАГИСТРЪ. Агать! Агать ... томъ!

ШЛУММЕРМАУСЪ. Надо ж...

МАГИСТРЪ. И кончу...

ШЛУММЕР...

магистръ. По-крайней-мѣрѣ, если съ нашей стороны не будетъ повода, Москва не начнетъ.

шлуммермаусъ. Богъ знаетъ.

магистръ. И не допуститъ. Пограничные Командоры люди стараго порядка.

шлуммермаусъ. И древнихъ лѣтъ! Заяцъ на охотѣ убьетъ.

магистръ. Торговля идетъ съ большою выгодою для Русской Ганзы...

шлуммермаусъ. И съ убыткомъ для Риги.

магистръ. Вы черновидецъ, баронъ.

шлуммермаусъ. По-крайней-мѣрѣ искренній.

магистръ. Какъ же помочь горю?

шлуммермаусъ. Уступить Штобвассеру Ригу, а самимъ отправиться въ Феллинъ, сосредоточить тамъ всю силу именно теперь, когда по разсчету Іоанна, видимому и ясному, Русская Ганза должна рушиться...

магистръ. Выгоды должны остаться.

шлуммермаусъ. Останутся, по возвращеніи Русскими поморья.

магистръ. Баронъ! Вы спите и видите сны...

шлуммермаусъ. Какъ кошка! Весь орденъ въ Феллинъ и умныхъ пословъ въ Москву! Посольская наука сдѣлалась важнымъ орудіемъ въ рукахъ умнаго.

—

ТѢ-ЖЕ и ГОНЕЦЪ.

гонецъ. Гонецъ съ псковской границы.

магистръ, (*уходя въ боковую комнату*). Подь за мной! Баронъ, пожалуйте!..

—

ко помѣстье, такъ оно и
ники въ сосѣдствѣ.

БАРОНЪ. Ну господа!
орденъ сталъ похожъ на
совѣтъ ведутъ. Спать ужа
рыцарскіе совѣты; я самъ
лѣнивъ, а слушать сколько
натуры нельзя идти, а у м
другой долго очень говори
сохнетъ. Симпатія...

(Гонецъ входитъ, ему показыва
магистръ; онъ на

КОМАНДОРЪ II. Неужели
баронъ, совѣты еще идутъ
скому правилу...

БАРОНЪ. Вездѣ. Нѣтъ в
все-таки что-нибудь да вып
напряженія, какъ утверждаю
ко въ горлѣ, и въ мозгахъ

КОМ...

КОМАНДОРЪ II. Я пошлю, а вы скажите, баронъ, что вино ваше... Знаете, я и стопу прикажу принести только для васъ, а мы ужъ какъ-нибудь...

—

БАРОНЪ и КОМАНДОРЪ.

БАРОНЪ. Забавные нравы!... Однако же магистръ молодецъ: его боятся...

КОМАНДОРЪ I. Извините, баронъ, это не отъ страха...

БАРОНЪ. А отъ чего же?

КОМАНДОРЪ I. Такъ! Изъ учтивости: магистръ самъ не пьетъ.

БАРОНЪ. Какъ такъ? Не пьетъ? А какъ не былъ магистромъ, пилъ?

КОМАНДОРЪ I. Да, изрѣдка...

БАРОНЪ. Ну, такъ и теперь, хоть изрѣдка, да пьетъ; только не съ вами! А что, командоръ, много у него подвиговъ?..

КОМАНДОРЪ I. До ста.

БАРОНЪ. А у васъ, Командоръ?

КОМАНДОРЪ I. Про себя не говорятъ...

БАРОНЪ. Однако же...

КОМАНДОРЪ I. За пятьдесятъ, будетъ.

БАРОНЪ. Руку, командоръ!

—

ТѢ-ЖЕ и КОМАНДОРЪ II съ бутылками и со стопою.

БАРОНЪ, (*второму*). А у васъ сколько?

КОМАНДОРЪ II. Чего?

БАРОНЪ. Подвиговъ.

...руку, руку
же сторону всѣ трое; такъ

КОМАНДОРЪ I. Рыцар

(Отходятъ от

БАРОНЪ. Что же вы э

КОМАНДОРЪ I. Баронъ

БАРОНЪ, (*про себя*). Н

—

ТѢ-ЖЕ и множество РЫЦАР
кафтанахъ, въ чулкахъ и баш
ионами, съ короткими шпагами

РЫЦАРЬ ПЕРВЫЙ. Что
мають о полуночи, а сами..

КОМАНДОРЪ I. Магистръ

РЫЦАРЬ ПЕРВЫЙ. Скажи
намъ какая опасность? Нѣтъ
въ Ригѣ спокойно? Говорятъ,
болѣ убили Барона Стегри?...

РЫЦАРЬ ВТОР...

рыцарь третій. Вытолкали! Вы знаете Гретхенъ, что продаетъ перья; она всегда сидитъ въ лавкѣ; я заходилъ самъ, да слишкомъ много было глазъ; послалъ Фрица; или онъ сдѣлалъ не ловко предложеніе, или, можетъ-быть, не довольно тихо; поднялся шумъ и его принесли полуживаго...

баронъ. Ну, еще милостиво!

четвертый рыцарь. (*Пятому*). Ахъ, здравствуйте! Скажите, пожалуйте, гдѣ вы это достаете такія изящныя матеріи! Вчера на васъ былъ алый камзолъ, шитый золотомъ; сегодня палевый, а завтра...

пятый рыцарь. Блѣднозеленый, рыцарь, блѣднозеленый! Слабость надежды!... Къ несчастію, я долженъ изъясняться цвѣтами моего платья...

четвертый рыцарь. Неужели вы опять влюблены?

пятый рыцарь. Смертельно.

четвертый рыцарь. Въ который разъ?...

пятый рыцарь. Ахъ, не спрашивайте, не спрашивайте! Все прежнее была шутка, дѣтская шалость; а теперь... наконецъ и я видѣлъ ревельскую Діану.

рыцари. Какъ! Развѣ она здѣсь?...

пятый рыцарь. Была! Повидалась съ магистромъ, съ братомъ, заѣхала, по дѣлу, въ жидовскій тайный домъ... Я слѣдовалъ за нею, какъ ребенокъ за продавцемъ игрушекъ, но туда уже не смѣлъ войти...

третій рыцарь. Странно, какъ и магистръ

и Штобвассеръ позволяютъ жидамъ гнѣздиться въ Ригѣ.

четвертый рыцарь. Ничего страннаго. Нужные люди... При томъ же они живутъ подъ христіанскими именами, ничего дурнаго не дѣлаютъ; по связямъ съ иностранными державами, служатъ ордену искренно и усердно...

вторый рыцарь. Положимъ, мы понимаемъ съ вами пользу всего этого, но Черноголовые...

третій рыцарь. При случаѣ, Черноголовые сдѣлаютъ изъ жидовъ иллюминацію города Риги; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, особенно, если умретъ Штобвассеръ.

четвертый рыцарь Да до случая далеко. Любопытно, за чѣмъ у нихъ могла быть ревельская Діана?

пятый рыцарь. Это меня мучитъ, рыцарь! Я видѣлъ какъ она уѣзжала... Просто, въ ужасѣ... Вскочила на коня, спутники также .. и ускакали. Я хотѣлъ вломиться къ жидамъ,.да боялся осквернить себя нечистой бесѣдою; бросился за нею, но за воротами узналъ, что она пустилась въ дорогу; и я долѣе здѣсь не останусь... ѣду! завтра же ѣду...

четвертый рыцарь. Куда же!

пятый рыцарь. На псковскую границу. Кстати тамъ у меня есть замокъ и мы съ нею будемъ встрѣчаться на охотѣ. Послушайте, какой цвѣтъ самый приличный для охоты.

баронъ. Сѣрый!

пятый рыцарь. Пфуй, вы шутите! Могутъ подумать, что я волкъ; и неосторожно; и сѣрый

цвѣтъ не цвѣтъ; надо что нибудь яркое, рѣзкое, чтобы издали она могла узнать: я или нѣтъ!...

БАРОНЪ. Да для этого, я думаю, нуженъ не особенный цвѣтъ, а особенная любовь...

ПЯТЫЙ РЫЦАРЬ. Любовь прійдеть, баронъ! Настойчивость дѣлаетъ чудеса...

БАРОНЪ (*допивая вино*). Можетъ-быть! По этой части я никогда не былъ уменъ. Съ малыхъ лѣтъ я влюбился въ холостую жизнь, въ сочную бесѣду, въ жирный столъ и военную трапезу съ кровью.

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ. Скажите, баронъ, неужели тамъ, на Западѣ, еще существуетъ это сказочное рыцарство, съ Палестиной и прочими дивными странами?

БАРОНЪ. Все есть на Западѣ! И Палестина и рыцари! Только въ Палестину теперь ѣздятъ одни охотники, — на поморьи подерутся, да въ Кипръ или въ Апулію отдыхать, что называется, на лаврахъ; а чаще зацѣпятся въ Кипрѣ, да тамъ и живутъ въ завѣтныхъ пещерахъ. Мы съ отцемъ ходили къ Мертвому морю за наслѣдствомъ. Въ Кипрѣ я окончилъ рыцарское воспитаніе, дрался съ Турками, дрался въ Европѣ почти со всѣми народами; остаются Москва и Литва... Что? Каковы у нихъ рыцари?

(**всѣ хохочутъ**.)

Да чего же вы смѣетесь!

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ. Да какіе тамъ рыцари! Безъ именъ, безъ девизовъ, безъ правилъ и уставовъ, безъ магистровъ и командоровъ, безчиновное стадо... Тамъ и князь и купецъ и земледѣлецъ и мѣщанинъ, всѣ одной степени, и все дерется.

БАРОНЪ. А, это не хорошо! Слѣдовало бы условиться... А, впрочемъ, вамъ же должно быть легче. А давно ли была война?...

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ. Ужасно давно! При Менгденѣ мы сожгли только три четыре деревни, а съ Бернгардомъ ни старой бабы не ограбили...

БАРОНЪ. А такъ это-то у васъ называется войной?...

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ. А то что же?

БАРОНЪ. Да, и это война... Но я не о такой спрашиваю; а такъ, знаете, войско съ войскомъ, рыцарь съ рыцаремъ, въ рядахъ, безъ обоза, въ чистомъ полѣ...

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ. Время сдѣлало большіе успѣхи, баронъ... И только одна крайность должна заставлять проливать кровь...

БАРОНЪ. Ну, господа, такъ я вамъ не товарищъ, и поѣду на Москву и Литву — одинъ. Ни одного села не сожгу, ни одной женщины не ограблю.

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ. Такъ что же вы тамъ будете дѣлать?..

ВТОРОЙ РЫЦАРЬ. Гостить, пока ночью не зарѣжутъ гдѣ-нибудь..

ТРЕТІЙ РЫЦАРЬ. Въ погребѣ...

БАРОНЪ (*вставъ и ударивъ по столу кулакомъ*). Въ погребѣ, громъ и молнія!...

(всѣ смѣются.)

—

ТѢ ЖЕ, МАГИСТРЪ и БАРОНЪ фонъ ШЛУММЕРМАУСЪ (всеобщее молчаніе).

БАРОНЪ. Магистръ, я вызываю всѣхъ вашихъ *рыцарей* на поединокъ...

[redacted]

рыцари. Всѣхъ?..

баронъ. Всѣхъ, — одного послѣ другаго...

магистръ. Не время, не время, баронъ! Орденъ въ опасности и домашнія ссоры должны уступить общему дѣлу...

баронъ *(садясь)*. Орденъ въ опасности!... Я забываю обиду до минованія опасности!...

магистръ. Храбрости, благородные рыцари! Храбрости и самоотверженія! Печальная ночь! Три гонца принесли мнѣ неожиданныя извѣстія. На псковской границѣ, изъ малаго Нейгаузена, молодой рыцарь уѣхалъ тайно къ барону фонъ Шлуммермаусъ, пробылъ у него въ домѣ до вечера, но такъ какъ ни хозяина, ни хозяйки дома не было, люди ему отказали въ ночлегѣ и онъ долженъ-былъ оставить замокъ съ больною головой и съ тяжелыми ногами. Возвращаясь, онъ переѣхалъ псковскую границу, сдѣлалъ въ селѣ тревогу, его связали, командоръ хотѣлъ выручить рыцаря силою... но русскіе всѣхъ ихъ захватили и перерѣзали!

рыцари. Возможно ли?

магистръ. Такъ донесли мнѣ; но я увѣренъ что причина смерти нашихъ братій — другая: псковскія женщины... Врагъ человѣчества поставилъ нашему ордену въ сосѣдство племя красавицъ. Не могу подобрать на псковскую границу надежныхъ командоровъ. Всѣ на одинъ ладъ; только и дѣло занимаются женской охотой... Вотъ и теперь, я увѣренъ, не-смотря на грозный примѣръ, всякій изъ васъ, благородные рыцари, готовъ заступить мѣсто убитаго! Не такъ ли? Страсти манятъ на погибель! За минуту блаженства — смерть и

нанести се всему ордену для его
жень прибѣгнуть къ посторонней
ронѣ! Вы здѣшній уроженецъ, ч
шей земли! Вашимъ подвигамъ п
отдалъ справедливость самъ свят
ператоръ и другіе государи... Вс
мой, вы сами изъявили желаніе с
ликимъ знаменемъ...

БАРОНЪ *(сидя)*. Служить—я наз

МАГИСТРЪ. И, кажется, прово
доставятъ вашей храбрости не мал
ли я буду въ силахъ умилостивит
доносовъ, которыми осыпаетъ меня
Первый бой, если онъ будетъ, заго
ской границѣ; первою жертвой буд
Кульмгаусборденау!

БАРОНЪ *(встаетъ)*. Я ѣду се
вайте проводника ..

МАГИСТРЪ. Рыцари и братья!

рыцари. Умремъ, благородный Бернгардъ, но не отстанемъ.

магистръ. Проснулись! Штобвассеръ! Они проснулись... и сотни погребовъ не спасутъ тебя отъ суда земнаго!... Вы еще не знаете, до какой дерзости дошелъ Сильвестръ! Вооруженною рукою онъ увелъ Мухина съ псковскаго подворья.

рыцари. Не можетъ быть!

магистръ. Я говорю! — Онъ можетъ погубить его и свалитъ вину на насъ! Нечего откладывать!!... Военный обыскъ; всѣ выходы запереть, приставить стражу; оцѣпить Ригу. Мы объявимъ его ребенкомъ, если другія средства не помогутъ! Входы и выходы по всѣмъ улицамъ Риги займутъ рыцари своими ратниками! — Въ этомъ домѣ, неисходный капитулъ, въ очередь, по три командора, для суда и расправы. Черноголовымъ не давать собираться, заставлять ихъ сидѣть дома смирно; непокорныхъ вязать и отсылать въ Рыцарскій Домъ; собрать магистратъ, но туда не пускать Черноголовыхъ; въ магистратъ депутатомъ отъ ордена назначается баронъ фонъ Шлуммермаусъ Малѣйшее сопротивленіе, малѣйшее несогласіе съ нашими выгодами будетъ строго наказано, и завтра весь магистратъ будетъ смѣненъ. Кромѣ того, если ото всѣхъ постовъ останутся рыцари и ратные люди, учредить конные и пѣшіе дозоры; колокольни трехъ церквей запереть и приставить стражу; Домъ Черноголовыхъ освѣтить и приготовить мѣста для меня, для осьми командоровъ, для членовъ магистрата и для Купца, а самого Купца доставить сюда. — Командоры, раздѣлите между собою, что кому исполнить, и за дѣло!... Баронъ! Когда же вы отправитесь?

...стръ!..

МАГИСТРЪ. Не рыц... водпиьомъ; для этого м... ратника...

БАРОНЪ. Тѣмъ болѣе, ... дей не влюбляются... Вы ... надемъ, вмѣсто псковской ... Ну, Богъ съ вами, магис... на псковской границѣ, ма... Нейгаузенъ... кажется, з... труднѣе названья, а находи... времени тратить нельзя. Я ... мы поѣдемъ, распросимъ, ... ся... Вамъ теперь некогда; ... замѣчаю, важенъ! Дай Богъ ... дарю васъ за порученіе; н... на самый короткій срокъ, ... щайте!

...ѣ ЖЕ, кромѣ БАРОНА ФОН...

На псковской дворъ! Кристофъ ушелъ! На псковской дворъ!

МАГИСТРЪ, *(обнажая мечъ).* Насъ предупредили! За мной! Имъ нуженъ урокъ — или смутамъ конца не будетъ. Кто въ желѣзѣ, тотъ впередъ... *(Опустивъ мечъ).* Трое!... Всего трое... Съ игрушечными мечами и безъ коней!...

—

ТѢ ЖЕ И КУНЦЪ.

КУНЦЪ. Господинъ магистръ! Господа командоры! Господа рыцари! Спрячьте меня, укройте меня, я человѣкъ смирный, оцарапаю палецъ, увижу кровь, дурно дѣлается, у меня жена, пять дочерей, ни одного сына; убьютъ, и куда дѣнется семейство Кунца!.. Я уговаривалъ, усовѣщивалъ — ничто не помогло... Спрячьте меня, на сегодняшнюю ночь; завтра протрезвятся, увидятъ сами, что они сдѣлали глупо, неосновательно, неразсудительно; измѣна противъ правъ и привиллегій, противу магистрата... Я тамъ былъ... ни живой души!... Спасите меня, укройте меня!

МАГИСТРЪ. Да что̀ такое Кунцъ? Что съ тобой?

КУНЦЪ. Со мной, ей-Богу, ничего! Я знаю мои обязанности; безъ воли магистрата нельзя тронуть сосѣдней кошки, не только Кунца... Я это всё понимаю; конечно, они грѣшники, преступники; ихъ надо сжечь... Но на законномъ основаніи; по приговору магистрата; въ присутствіи вашей свѣтлости и его высокопреосвященства и всѣхъ именитыхъ людей города Риги... Я это все понимаю, но они понимать не могутъ, перепились, умъ въ руки перешелъ...

МАГИСТРЪ. Да кого же сжечь, кто преступники?...

КУНЦЪ. Помилуйте, такъ вы не знаете? Весь городъ знаетъ; это случилось уже послѣ захожденія солнца; люди видѣли, они поколотили добраго Фрица, можетъ-быть также въ пьяномъ видѣ, потому, что псковскіе купцы иногда загуливаются въ нашихъ австеріяхъ за полночь...

МАГИСТРЪ. Да что же они сдѣлали?

КУНЦЪ. Ужасъ, господинъ магистеръ, ужасъ! У насъ у всѣхъ волосы встали дыбомъ, когда Кристофъ проходилъ мимо насъ...

МАГИСТРЪ. Такъ Кристофъ опять исчезъ...

КУНЦЪ. Не исчезъ, господинъ магистръ, а ушелъ, просто ушелъ, какъ я отъ товарищей; только не тайно, а явно; обошелъ всю Ригу, укрѣпленія, заперъ ворота и погрузился въ Двину!...

МАГИСТРЪ. Кристофъ?... Статуя?... Съ младенцемъ и фонаремъ...

КУНЦЪ. Точно такъ господинъ магистръ, точно такъ! И фонарь свѣтился какъ звѣздочка.

МАГИСТРЪ. И вы это видѣли?

КУНЦЪ. Какъ же не видѣли, господинъ магистръ? видѣли и слышали.

МАГИСТРЪ. Господа рыцари... Кто поближе, бѣгите за лошадьми! Это Штобвассеровская шутка, которая можетъ кончиться важнымъ и страшнымъ событіемъ...

—

МАГИСТРЪ, КОМАНДОРЪ I, ШЛУММЕРМАУСЪ и КУНЦЪ.

МАГИСТРЪ. Кунцъ, опомнись, прійди въ себя!...

КУНЦЪ. Ничего, ничего! Господинъ Магистръ; прошло, отъ страха прошло! Впрочемъ, вашей свѣтлости извѣстно, я всегда воздерженъ...

МАГИСТРЪ. Вѣкъ чудесъ! Вѣкъ чудесъ! Нечего сказать! Живые люди дѣлаются невидимками; статуи ходятъ по городу. Не говорилъ ли чего Кристофъ?...

КУНЦЪ. Какъ же, ваша свѣтлость!—Очень много, но я помню послѣднія его слова: горе Ригѣ!...

МАГИСТРЪ. Воистинну, горе!... Командоръ, надо поставить почетную стражу къ навѣсу Кристофа; любопытно знать, когда онъ возвратится.

КУНЦЪ. Прекрасная мѣра, ваша свѣтлость, прекрасная мѣра... стражу... стражу... почетную... стражу.

ТѢ ЖЕ и СЕРЕДА.

СЕРЕДА. Магистръ ливонскаго ордена! Именемъ царя и великаго князя Іоанна я требую спасенія несчастныхъ братій! Спасайте русскихъ! Лжесвидѣтель взвелъ на нихъ клевету. Лжесвидѣтель, купленный Штобвассеромъ дорогою цѣпою!

МАГИСТРЪ. Вы можете это доказать!

СЕРЕДА. Нѣтъ.

МАГИСТРЪ. Почему?

СЕРЕДА. Потому что не могу. Но клянусь вамъ въ истинѣ словъ моихъ Богомъ и государемъ... Не медлите, вы будете въ отвѣтѣ...

МАГИСТРЪ. Но кто же вы? Мы съ вами гдѣ-то видѣлись?

СЕРЕДА. Я — Середа, дуракъ государева дьяка Мухина...

МАГИСТРЪ. Гдѣ жъ Мухинъ?

СЕРЕДА. На псковскомъ дворѣ, въ пуховикахъ. Да оставьте распросы, а бѣгите на псковской дворъ...

КОМАНДОРЪ I. Гдѣ взялъ ты это вооруженіе?

СЕРЕДА. Съ трупа барона Стегри...

КОМАНДОРЪ I. Онъ убитъ?

СЕРЕДА. Черноголовыми... Говорю вамъ, перестаньте распрашивать и не теряйте напрасно времени... Еще нѣсколько минутъ и я спрошу у васъ, что сказать мнѣ государю о смерти Мухина и псковскихъ гостей!...

(стукъ копытъ, при лунномъ свѣтѣ видно множество всадниковъ на площади.

МАГИСТРЪ. Вотъ и рыцари! Поѣдемъ!

СЕРЕДА. Дайте мнѣ лошадь, магистръ!

МАГИСТРЪ. Ты — дуракъ, — на рыцарскомъ конѣ, товарищъ рыцарей въ дѣлѣ чести!...

СЕРЕДА. Поѣзжайте же одни, да спасите мнѣ псковичей, а не то будетъ всѣмъ вамъ не ладно...

МАГИСТРЪ *(уходя)*. Чудеса! Просто чудеса! Ѣдемъ!

КУНЦЪ *(вслѣдъ магистру)*. Ваша свѣтлость, господинъ магистръ, куда же вы это? Спрячьте прежде меня...

—

КУНЦЪ и СЕРЕДА (держитъ его за полу).

СЕРЕДА. Не слушайте, не слушайте! Я его спрячу! Вотъ пусть только опоздаютъ, такъ я тебя, батюшка! Видишь, начальникъ! И двери разбойникамъ настежь, и самъ впереди, да какъ заяцъ унаровилъ, *да и скокъ* въ рыцарскій домъ... Постой, я у тебя

буду начальникомъ; погляжу, какъ ты меня не послушаешь. Видишь, разбойники, втихомолку храбрецы... Да чего мы тутъ стоимъ? Пойдемъ, братъ, по Ригѣ гулять, авось что́-нибудь узнаемъ...

КУНЦЪ. Господинъ Ду... ду.. господинъ русскій!

СЕРЕДА. Нѣтъ, братъ. Одному скучно, а наскочатъ пьяницы — ты же меня боронить будешь...

КУНЦЪ. Я вамъ дамъ открытый листъ, господинъ русскій, листъ, открытый листъ...

СЕРЕДА. Да, у васъ всѣ псковскіе купцы за опасными грамотами жили, да что́ въ томъ толку... Пойдемъ...

КУНЦЪ. Я вамъ дамъ фунтъ серебра...

СЕРЕДА. А сколько возьмешь у бѣдныхъ псковичей? Не нужно; пойдемъ...

КУНЦЪ. Господинъ русскій, господинъ русскій; я ужъ по бровямъ вижу, у васъ что-то не доброе на умѣ...

СЕРЕДА. Ты угадалъ, и потому я отъ тебя не отстану и въ этомъ домѣ не оставлю; поищемъ мѣста по глуше, чтобы на яву черти снились...

КУНЦЪ. Господинъ русскій баронъ! Клянусь, я не врагъ Москвы; завтра же предамъ суду Троммельвиндербаха и другихъ главнѣйшихъ зачинщиковъ. Вотъ увидите, какъ я буду строгъ!

СЕРЕДА. Сказки! Кто тебя-то, главнаго, накажетъ?... Пойдемъ, сядемъ возлѣ этого самого Кристофа, въ оврагѣ...

КУНЦЪ *(въ ужасѣ)*. Возлѣ Кристофа!!... въ оврагѣ!!...

(Изо всѣхъ силъ вырывается и убѣгаетъ. Середа бѣжитъ за нимъ, но у дверей останавливается).

свою корысть... Господи Іисусе Хри

АКТЪ ШЕСТЫ

Убійца.

Рижская площадь между рыцарским тушью и домомъ Черноголовыхъ. Всяк улицы загорожены бочкам

ЧЕРНОГОЛОВЫЕ (въ отдаленіи). **СЕ** на стѣну).

ДРЕЙВЕРГЪ. Рыцари отступили лену.

ФЛУССЪ. Въ самомъ дѣлѣ?...

ДРЕЙВЕРГЪ. Жена Кунца всё з

ШТАТЪ. Откуда?

ДРЕЙВЕРГЪ. Съ крыши...

РЕЙХЪ. Да что же она кричала съ крышки..

ДРЕЙБЕРГЪ. «Дрейбергъ, Дрейбергъ, сынокъ... бѣги въ Домъ и скажи, что рыцари перешли последній мостъ; стоятъ на нейермиленской дорогѣ...»

ФЛУССЪ. Да за что ихъ выгнали.

ТРОММЕЛЬВИДЕРВАХЪ. Они убили псковскихъ купцевъ, они уничтожили столь выгодную торговлю съ Москвой; подрывъ; разбой; нѣтъ безопасности...

ШТАТЪ. Помилуйте! Да вѣдь эта честь принадлежитъ нашимъ; не сами ль вы вчера возставали противу русскихъ купцовъ? Не сами ль вы кричали, что надо отмстить за Кристофа? Не всѣ ли бросились съ ножами на псковскій дворъ?!...

РЕЙХЪ. Не всѣ, не всѣ! И половины не было.

ШТАТЪ. Да гдѣ же они оставались?

РЕЙХЪ. Многіе остались между бочками, многіе на дорогѣ, нѣкоторые вовсе не участвовали въ знаменитомъ подвигѣ, потому что не были околдованы...

ТРОММЕЛЬВИДЕРВАХЪ. Помилуйте, господа, что вы говорите! Какъ вамъ не стыдно принимать на себя преступленіе, которое Шгобвассеръ справедливо приписалъ рыцарямъ и проклялъ подвигъ съ героями.

ВСѢ. Что вы говорите, что вы говорите!

ТРОММЕЛЬВИДЕРВАХЪ. Да развѣ вы не читали объявленія? оно прибито на всѣхъ улицахъ; видите, вонъ тамъ читаютъ люди это объявленіе...

ФЛУССЪ. Кто умѣетъ читать? Господа! Кто умѣетъ читать? Пожалуйста, прочтите!

СЕРЕДА. А вотъ извольте! (*читаетъ*). «Съ сокрушеннымъ сердцемъ приняли мы ужасное извѣстіе, погрузившее Ригу въ пропасть опасности и позора. Увлеченные корыстію, обольщенные драгоцѣнностію псковскихъ товаровъ, люди, издавна смущающіе наше спокойствіе, подъ личиною защиты городовъ и селъ нашихъ; люди, которые, не смотря на буллы святѣйшаго отца, ихъ неоднократно проклявшаго, именуются самовольно рыцарями упраздненнаго съ давнихъ временъ нѣмецкаго ордена, омрачая священное названіе всѣми возможными пороками, довершили стыдъ свой ко вреду государства порокомъ, отъ котораго возмущается пастырское сердце наше... Яко разбойники, во тьмѣ ночной, послѣ тайнаго богопротивнаго совѣта, они устремились in corpore на жилища купцевъ псковскихъ; тамъ нашли вѣрныхъ сыновъ нашихъ и достойныхъ защитниковъ города Риги. Вѣроятно, свѣдавъ о преступномъ заговорѣ, Черныя Головы, въ похвальномъ усердіи, поспѣшили спасать невинныхъ. Но рвеніе малаго числа слабовооруженныхъ людей возбудило въ нечестивцахъ только большее остервененіе; Черныя Головы должны были искать спасенія собственнаго; жилища Псковитянъ наводнились ночными сподвижниками врага человѣческаго; купцы избиты до единаго; товары ограблены...»

ФЛУССЪ. Вотъ видите, мы товаровъ не трогали; ахъ, какіе злодѣи, а пріѣхали подъ видомъ защиты...

СЕРЕДА. Смирно! (*Читаетъ*). ...Даже дѣти не ушли отъ меча проклятаго!... Въ сердечномъ унынiи, видя лице Господа нашего отвратившимся отъ города, нѣкогда тихой, мирной обители счастли-

выхъ граждань, не видя средствъ къ удаленію изъ нѣдръ Риги враговъ ея спокойствія, по малочисленности, дурному вооруженію и врожденной робости рижскихъ граждань. Я долженъ былъ вооружиться единственнымъ, оставшимся мнѣ оружіемъ... Донынѣ я воздерживалъ громы, довѣренные моей совѣсти, надѣялся исправленія, ожидалъ раскаянья... Напрасно! И такъ да будетъ проклятъ лженачальникъ и всѣ его лжерыцари! Актъ проклятія совершится сегодня же въ церкви св. Іакова, въ пятомъ часу по восхожденіи солнца. Вамъ же всѣмъ вѣрнымъ посылаю свое архипастырское благословеніе.

Сильвестръ.»

ЧЕРНОГОЛОВЫЕ *(глухо)*. Да будуть прокляты лжерыцари! Да здравствуетъ Сильвестръ.

СЕРЕДА. Нѣтъ, Штобвассеръ; Его Царское Величество будетъ все вѣдать и тогда уже никакой Кристофъ не спасетъ тебя. *(Отирая слезу)*. Братья, братья! Ваша кровь пошла на срамное дѣло. Простите, братья! вчера еще я по моему норову надъ вами подтрунивалъ. Простите, братья! я не зналъ вашей доли...

(Звонятъ въ колокола; бьютъ въ набатъ).

Ну, что еще? Теперь молчи, Середа, пуще мухи, молчи; молодечество въ мошну; а уши на показъ...

—

Еще **ЧЕРНОГОЛОВЫЕ** вбѣгаютъ толпой.

КРАХРАХЪ. Кончено. Все кончено. Рыцари уѣхали. До единаго уѣхали.

—

ТѢ ЖЕ и КУНЦЪ, торжественно сопровождаемый Магистратомъ и важнѣйшими ЧЕРНОГОЛОВЫМИ.

КУНЦЪ *(съ важностью кланяясь)*. Поздравляю васъ, дѣти мои, поздравляю! Побѣда! Рыцари изгнаны! Мы ихъ проводили съ должною честію. Когда я принялъ начальство и водворилъ порядокъ, они уже были у воротъ... Предстояло трудное дѣло, но Богъ благословилъ... Убійцы, враги города Риги, пошли безъ битвы къ Нейермилену... Всю ночь я трудился для васъ, добрые братья; всю ночь собиралъ защитниковъ для бѣдныхъ Псковичей. Всю ночь...

(Увидавъ Середу, заикается).

СЕРЕДА. Только пикни, такъ я начну говорить...

КУНЦЪ, *(поблѣднѣвъ)*. Всю ночь... Всю ночь...

ЧЕРНОГОЛОВЫЕ. Штобвассеръ! Штобвассеръ!.. Нѣтъ, добрые братья! Это спасенный отъ меча рыцарей... Лжерыцарей... Да, да, лжерыцарей... Русскій посолъ.

ТѢ ЖЕ и МУХИНЪ на лошади верхомъ, передъ нимъ и за нимъ ЛАТНИКИ.

ТРОММЕЛЬВИДЕРВАХЪ. Русскій посолъ, московскій посолъ! Да будетъ онъ ходатаемъ нашимъ! Господинъ Кунцъ, господинъ Кунцъ! Надо дать пиръ на счетъ города! Подойдите, попросите!..

КУНЦЪ (*стараясь оправиться. Тихо*). Всю ночь... Проклятая ночь... *(громко)* Ваша свѣтлость, господинъ великій посолъ великаго императора Московіи и всего востока...

мухинъ (*соскочивъ съ коня*). Середа, голубчикъ, Середа, ты цѣлъ, невредимъ, какъ тебя не захватило...

середа. Э, батька, кому висѣть, тотъ и въ морѣ не утонетъ... (*Обнимаются*).

кунцъ (*Троммельвидербаху*). Какъ же это? Да кто же онъ?

троммельвидервахъ. Должно быть другой посолъ.

кунцъ, (*ему же тихо*). А! Я, съ перваго раза угадалъ, что онъ не дуракъ. (*Громко*) Ваши свѣтлости, господа великіе послы...

середа. Пошелъ къ чорту, Кунцъ! Я люблю похороны, да не такіе! Оставьте насъ въ покоѣ, а сами продолжайте вашу потѣху... Знашь, Муха, они всѣ въ личинахъ, всѣ потѣшаются.

мухинъ. Какъ? И они? Я думалъ что только рыцари, что убили купцовъ...

середа. Не рыцари...

мухинъ. Такъ кто же? Видишь, какой ты Середа, я такъ радъ, что ты уцѣлѣлъ, что и меня не прикололо, а ты въ сердцахъ, да еще и въ сердцахъ шутишь. Скажи правду! Такъ не рыцари убили Псковичей?..

середа. Не Рыцари.

мухинъ. Такъ, видно, эти, съ длиннополыми картузами, черные, какъ будто изъ руды выползли.

середа. Нѣтъ...

Колокола; на конѣ съ почетной стражей въѣзжаетъ Сильвестръ Штобвассеръ.

мухинъ. Такъ кто же, Середа? ужъ ты вѣрно провѣдалъ...

ЧЕРНОГОЛОВЫЕ. Да здравствуетъ Сильвестръ!

СЕРЕДА. Ты слышалъ?

МУХИНЪ. Ну...

СЕРЕДА. Это онъ!...

МУХИНЪ. Кто онъ?

СЕРЕДА. Убійца!

КНЯЗЬ

ДАНIИЛЪ ВАСИЛЬ

ХОЛМСКIЙ

ДРАМА ВЪ ПЯТИ АКТ

воевода.

ЛЕВЧАДЬЕВЪ, московскій воевода.

АРСЕНЬЕВЪ, московскій воевода.

ПСКОВСКОЙ ПОСАДНИКЪ.

АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ КНЯЖИ...
нецъ.

ФОМА НИКОЛАЕВИЧЪ СЕРЕДА, шутъ

МИТЯ, карликъ его же.

ЗАХАРІЙ МОИСЕЕВИЧЪ ОЗНОБИНЪ, пс...
первый воевода.

ВТОРОЙ ВОЕВОДА.

ВАРНГАРДЪ, ФОНЪ-ДЕРЪ БОРГЪ, маги...

БАРОНЪ ФОНЪ-КУЛЬМГАУСБОРДЕНАУ,

ФИЛИБЕРТЪ ФОНЪ-КЮХЕЛЬМЮНСТЕР...

БАРОНЪ ФОНЪ-ШЛУММЕРМАУСЪ, фонъ...

ПОСОЛЪ отъ ганзейскихъ городовъ.

ГАНСЪ, кастеланъ малаго Нейгаузена.

РОДЕРИХЪ, слуга барона фонъ-Шлуммер...

МОИСЕЙ, тайный жидъ.

БАРОНЕССА АДЕЛЬГАЙДА ФОНЪ-ШЛУМ...

РАХИЛЬ, дочь купца Ознобина.

ИЛЬИНИШНА, хозяйка жидовскаго дому

ЛИЦА безъ рѣчей: московскіе бояре; ор...
скаго; псковскіе бояре, купцы и ...
командоры; гонцы; ...

Пытница.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Рыцарскій залъ въ замкѣ малый

РЫЦАРЬ БАРОНЪ фонъ КУЛЬМГА и ГАНСЪ.

РЫЦАРЬ *(весь въ желѣзѣ, сидит передъ нимъ бутылка и стопа).* Ни ка молнія! Осталось только старое, как вонскаго Ордена. У купцовъ есть, да греба для насъ заперты; магистер Сильвестръ Рижскій грабитъ псковс ты держи постъ за ихъ грѣхи! Послу точно, ординарнаго во всемъ замкѣ

ГАНСЪ. Я уже докладывалъ вамъ, господинъ рыцарь, что со вторника

на; и стыдно, когда псковскіе зайцы обманутъ желѣзнаго пса. У меня перчатка съ глазами, пока я самъ не сплю. Да и рыцарь Филибертъ теперь разгуливаетъ по Великой Рѣчонкѣ. На кого положиться? Не искушай меня, Гансъ, а нето соглашусь, и выпью весь твой погребъ разомъ...

ГАНСЪ. Неужели, благородный господинъ рыцарь, вы можете всегда такъ проводить ночи?

РЫЦАРЬ. Что̀ ты это бредишь, Гансъ? Какъ такъ?

ГАНСЪ. Вѣчно въ желѣзной скорлупѣ, вѣчно безъ сна, и вѣчно...

РЫЦАРЬ. Съ бутылкой? А раки? День и ночь въ скорлупѣ, и пьютъ всю свою жизнь...

ГАНСЪ. Воду, благородный господинъ рыцарь!

РЫЦАРЬ. То ихъ натура! А моя благородная натура воды терпѣть не можетъ. Я люблю мою черепаху, и вылѣзаю, когда приходится ее чистить или... ну, да ты понимаешь!... есть случаи... а чѣмъ худо? Не мягко, зато сонъ легокъ: въ расплохъ не укуситъ муха или сабля некрещенаго; домъ повалится, не раздавитъ... Тебѣ въ диковину; ты привыкъ глядѣть на дерптскихъ щеголей въ заммшѣ и бархатѣ, въ беретѣ и чуть не въ юбкѣ,—а прійдетъ къ дѣлу, купцы бьютъ. Громъ и молнія! Чего! сами въ Ригѣ заторговались; рады, что Богъ море далъ; корабли завели литовскую пеньку продавать. Нѣтъ! лучше поѣду по моимъ баронствамъ дичь стрѣлять, чѣмъ видѣть всю эту скверну...

ГАНСЪ. Благородный господинъ баронъ и рыцарь, развѣ вы не изволите принадлежать къ нашему ордену?

... и не мудрено... Съ такими
кимъ развратомъ!... Пфуй, Гансъ!

ГАНСЪ. Бутылочку стараго?...

РЫЦАРЬ. Нѣтъ, нѣтъ, Боже
на сѣдлѣ, а все-таки ноги нужны.
послалъ не даромъ. Съ псковски
видишь *(указывая на трофеи)*, мы
управились; теперь бы намъ вымани
го Александра Княжича, этого бог
что людей пугалъ на сто верстъ во
Такъ видишь, Гансъ, может слу
стараго пить не приходится. Вотъ
лось мнѣ въ Регенсбургѣ, но вре
мира, бесѣдуя съ монахами... *(С*
Гансъ, погляди, кто тамъ.

ГАНСЪ, *(смотритъ въ окно).*
хельмейстеръ.

РЫЦАРЬ. Сколько ихъ?

ГАНСЪ. Семь.

РЫЦАРЬ. Одного кувшина ...

ТѢ ЖЕ, кромѣ ГАНСА.

ФИЛИБЕРТЪ, *(усталый, садясь)*. Командоръ, я не съ добрыми вѣстями.

РЫЦАРЬ. Твое дѣло разсказывать, мое слушать.

ФИЛИБЕРТЪ. Не даромъ купцы не трогали насъ слишкомъ мѣсяцъ, послѣ обиды. Они донесли Московскому, а тотъ имъ прислалъ какого-то славнаго Холмскаго...

РЫЦАРЬ. Славнаго! Добрые вѣсти, рыцарь, добрые!...

ФИЛИБЕРТЪ. Съ пятидесятью тысячами войска...

РЫЦАРЬ. Да откуда онъ набралъ такую пропасть народа? развѣ Московія такъ велика?

ФИЛИБЕРТЪ. Говорятъ, больше Польши съ Литвою...

РЫЦАРЬ. Мало ли что говорятъ! Это, я думаю, не войско, а чтó-нибудь въ родѣ городскаго ополченія; ночные сторожа съ трещотками, собранные со всѣхъ городовъ и деревень Московіи. Ну, что дальше?

ФИЛИБЕРТЪ. Видишь, командоръ, теперь распутица, злое время.

РЫЦАРЬ. Твоя правда; отъ того-то мнѣ такъ и хочется вина.

ФИЛИБЕРТЪ. Идти на насъ не хотятъ; ждутъ снѣга и съ первымъ морозомъ начнется война.

РЫЦАРЬ. Нѣтъ, Филибертъ! Не бывать войнѣ. Магистръ сподличаетъ; за грабежъ заплатитъ, за безчестье вдвое, да и закажетъ, въ честь выгодному миру, замшевый турниръ на замшевыхъ рапирахъ.

—

Тѣ же, кромѣ Ган(

Рыцарь. Слушай, Филиберт
плохо. Хотѣлъ я поѣхать куда-ни(
да теперь стыдно.

Филибертъ. Стыдно, командо

Рыцарь. Выпьемъ же, Филибе
красвѣть, такъ отъ вина. *(Пьютъ)*

—

Тѣ же, Гансъ и Гон

Рыцарь. Ну, теперь давай писа

Филибертъ. Давайте, командо

Рыцарь. Да кто же будетъ писа

Филибертъ. И я тоже.

Рыцарь. Ну, Гансъ, такъ пиш

Гансъ садится у стола и берет

Гансъ. Что-жъ писать?

Рыцарь. Пиши!.. *(Слышенъ ро*
чего не пиши...

купъ! Это онъ, Гансъ?.. Это у него сестра амазонка, рыскаетъ за дичью съ ватагой обожателей?.. Это она околдовала псковскаго богатыря такъ, что тотъ и на подвиги пересталъ ѣздить?.. А! это она, Гансъ?..

—

ТѢ ЖЕ и БАРОНЪ фонъ-ШЛУММЕРМАУСЪ.

БАРОНЪ. Гдѣ баронъ?

РЫЦАРЬ. Здѣсь. Что́ вамъ угодно?

БАРОНЪ. Помилуйте! Что вы дѣлаете? Псковичи у стѣнъ вашего замка. За милю, по-крайней-мѣрѣ, мы начали трубить; ни одного воина вы намъ не выслали на помощь...

РЫЦАРЬ. Вѣтеръ противный, трубъ не разслышишь, особенно когда въ нихъ трубятъ съ перепуга... А развѣ у васъ было сраженіе? Много добычи, баронъ?

БАРОНЪ. Я не заслужилъ, баронъ, такого пріема. Служа ордену, я пріобрѣлъ уваженіе...

РЫЦАРЬ. Конечно, политическими, а не военными вылазками. Вы, говорятъ, на посылкахъ, виноватъ, на посольствахъ выросли.

БАРОНЪ. Послушайте, баронъ! Кто вамъ далъ право оскорблять человѣка, который едва знакомъ съ вами?.. Но все въ сторону, несчастіе мое слишкомъ велико. Я васъ призываю къ долгу, баронъ и рыцарь, именемъ ордена: садитесь на коней! Мы еще догонимъ Псковичей!..

РЫЦАРЬ *(схвативъ шлемъ и перчатки)*. Гдѣ, гдѣ они, баронъ?

БАРОНЪ. Мили три, не больше! Они захватили сестру мою со всѣми охотниками...

РЫЦАРЬ *(кладетв шлемв и перчатки)*. Охота опасное ремесло, а женщина не принадлежитъ къ ордену.

БАРОНЪ. Баронъ! Вы не были отцемъ, братомъ, но были, по-крайней-мѣрѣ, сыномъ женщины.

РЫЦАРЬ. Нѣтъ. Я родился отъ меча и пушки. Колыбелью моей былъ рыцарскій щитъ; игрушки — мусульманскіе кинжалы, добытые желѣзными руками отцевъ моихъ съ труповъ невѣрныхъ. Да, господинъ баронъ! Я во всю жизнь не зналъ замши и бархата, а единственное доказательство, что матерью моею была женщина — это одѣяло, шитое шелками, ея работы; вы можете видѣть его на моемъ минотаврѣ, въ конюшнѣ.

БАРОНЪ *(про себя)*. Звѣрь! Онъ не поѣдетъ! Адельгайда, ты погибла!

(Слышенъ рогъ).

РЫЦАРЬ. У меня сегодня въ замкѣ будто турниръ. Гости да гости!.. Кто тамъ?.. погляди, Гансъ.

ГАНСЪ. Множество рыцарей, господинъ баронъ! Все поле черно, отворили ворота, впускаютъ...

РЫЦАРЬ. Впускаютъ? Вѣрно свои...

—

ТѢ ЖЕ и ГОНЕЦЪ.

ГОНЕЦЪ. Господинъ магистръ Бернгардъ фонъ-деръ-Боргъ, со всѣмъ орденомъ...

РЫЦАРЬ. Встанемъ, Филибертъ!

ФИЛИБЕРТЪ. Встанемъ...

(Не могутъ подняться).

РЫЦАРЬ. Ну, такъ останемся.

ФИЛИБЕРТЪ. Останемся.

РЫЦАРЬ. Вѣдь онъ насъ нашелъ на своемъ мѣстѣ...

ФИЛИВЕРТЪ. На своемъ мѣстѣ, и въ полномъ вооруженіи.

РЫЦАРЬ. И въ полномъ вооруженіи.

ГАНСЪ. Не убрать ли вино?

РЫЦАРЬ. Не тронь! не допито!..

—

ТѢ ЖЕ, МАГИСТРЪ и КОМАНДОРЫ.

МАГИСТРЪ. Здравствуйте, благородный баронъ!.. Какъ! и вы здѣсь?.. Я только-что узналъ о вашемъ несчастіи! Что́, не говорилъ ли я: Сильвестръ рижскій зажжетъ бурю?.. Знаете ли, что изъ Москвы пошло во Псковъ пятьдесятъ тысячъ войска. Это уже не вспомогательный отрядъ. Такая сила идетъ для завоеваній и, кажется, намъ прійдется съѣхать съ поморья и уступить Русскимъ завоеванія трехъ вѣковъ. А вы смѣялись надъ пророчествами отца Тромли! Вы не вѣрили приговору свѣтилъ небесныхъ!.. И не одинъ Тромли: въ Дерптѣ, въ Ревелѣ, въ Данцигѣ ученые люди наблюдали небесныя явленія, и предсказали паденіе ордена. Эти слухи проникли въ города; люди волнуются; хотятъ новаго порядка; хотятъ государства и государя. Что́ бы ни было, а мы должны исполнить свой долгъ! Медлить нечего. Мой совѣтъ — ударить самимъ на Псковъ. Возьмемъ — хорошо; нѣтъ — бросимся, дальше, въ глубь страны, заставимъ ихъ думать о безопасности собственнаго края, о могуществѣ ордена, о нашей готовности сражаться и отчаянно защищать каждую пядь земли, купленную рыцарскою кровью...

... рыцарями, и вотъ двѣнад...
тыхъ собственноручно съ моих...

БАРОНЪ. Но еще не съ Хол...
баронъ! Полководецъ, какихъ ...
ріи. О! я его знаю...

МАГИСТРЪ. Меня увѣдомляю...
уже на походѣ.

РЫЦАРЬ. Нѣтъ, господинъ м...
во Псковѣ.

МАГИСТРЪ. По-крайней-мѣрѣ...

РЫЦАРЬ. Тамъ же... Филибе...
вори, что узналъ ты?

ФИЛИБЕРТЪ *(вставъ съ труд...*
тысячъ и Холмскій во Псковѣ ст...
станомъ, и .. пьютъ нѣмецкія ви...
регли сами купцы, съ которыми...
а то бы я не имѣлъ счастія го...
свѣтлостью: такъ близко наѣхалъ...
сковскій! Сильные отряды по вс...
къ нашей границѣ и къ свѣту дол...
новиться у нашего ...

БАРОНЪ. По-крайней-мѣрѣ, есть время, есть возможность подумать, описаться, переговорить... Я знаю Холмскаго. Послѣднее мое посольство въ Торжекъ дало мнѣ возможность близко познакомиться со всѣми людьми Іоанна.., Рѣшительно, Холмскій, и умомъ, и способностями, несмотря на свою безбородую молодость, выше всѣхъ. Какъ полководецъ, съ самымъ ничтожнымъ отрядомъ, онъ надѣлалъ чудесь въ новогородскомъ походѣ; какъ вельможа, онъ одинъ, въ обширномъ дворѣ Іоанна, любитъ науки, собираетъ около себя людей ученыхъ, какихъ только въ Московіи найти можно, и неразъ просился у Іоанна въ послы къ императору или, по-крайней-мѣрѣ, къ королю шведскому... Москва и русскіе вельможи ему ненавистны; они останавливаютъ его кипящее честолюбіе, оскорбляютъ гордость. Съ такимъ характеромъ, оружіе послѣднее средство. Нельзя-ли дать пищи его несытому честолюбію, нельзя-ли устремить его вниманія на Литву, на возможность возвратить многія области подъ державу Іоанна. Обѣщаемъ помощь, вовлечемъ въ медленность, и гнѣвъ Іоанна окуетъ руки Холмскаго опалой; тогда...

МАГИСТРЪ. Баронъ, возьмете ли вы это важное дѣло на себя?

БАРОНЪ. На себя одного, — нѣтъ; но вмѣстѣ съ барономъ Кульмгаусборденау я не теряю надежды на успѣхъ...

РЫЦАРЬ. Я — въ послахъ!

БАРОНЪ. Ваша слава извѣстна Холмскому, ваши рыцарскія привычки поправятся князьямъ и ратникамъ; ваша искренняя, неподдѣльная храбрость утверждена пограничными подвигами и даетъ хорошее мнѣніе о духѣ цѣлаго ордена. Говорить я

что послѣ такого униженія я не

БАРОНЪ. Какъ угодно, ба
не ѣду.

РЫЦАРЬ. Да неужели вы ду
сти орденъ?..

БАРОНЪ. Другихъ средствъ
по-крайней-мѣрѣ, есть надежда.
на оружіе намъ нельзя полагать
ми мы должны спѣшить: города
соединиться въ одну державу, и
государя, а орденъ вытѣснить х
возможно, чтобы Холмскій не узна
рахъ съ господами Риги и Дерп
городовъ. Я писалъ въ Ригу, чт
мѣрѣ, захватили этого полу-по
прозваннаго у Русскихъ дуракомъ
рыцаремъ фонъ-Митвохе. Этотъ
узналъ все и скрылся. Можетъ-
даже съ умысломъ. Понимаете
ни силы, но и тайны могутъ б
у меня есть нѣкоторыя средства,
ко при ...

БАРОНЪ. Все, что̀ вамъ угодно, баронъ; на все соглашаюсь, только ѣдемъ!... Благословите, господинъ магистръ!

МАГИСТРЪ. Командоры, пойдемте изготовить грамоты. Надо успѣть окончить все до заутрени...

(Всѣ, кромѣ Кульмгаусборденау, уходятъ).

РЫЦАРЬ. Я не могу опомниться!.. я, рыцарь, баронъ фонъ-Кульмгаусборденау, въ послахъ!.. Что̀ объ этомъ скажетъ императоръ, Германія, исторія?

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

(Обширная зала съ стеклянною галлереей; за стеклами видна на крыльцѣ толпа разнаго народа. У дверей стража.

—

ЛЕВЧАДЬЕВЪ и ПОСАДНИКЪ.

ПОС. Мнѣ жаль псковскихъ бояръ, людей посадскихъ:
Морозъ такой: ихъ держать на крыльцѣ!..
Могли бы, кажется, въ избѣ погрѣться,
А то языкъ бояре отморозятъ...

ЛЕВЧАДЬЕВЪ. Благодари, что самого впустили.
Ты видѣлъ тамъ же ратныхъ воеводъ,
Пословъ Ганзы, пословъ новогородскихъ.
Князь видитъ всѣхъ въ окно, и размышляетъ,
Кому и что̀ сказать...

ПОСАДНИКЪ. Скажи, пожалуй, —.
Ты старый другъ и другу не измѣнишь, —
Какъ это государь послалъ ребенка,
Безъ бороды, противу хитрыхъ Нѣмцевъ?

ЛЕВЧАДЬЕВЪ. Ну, кто кого перехитритъ, не знаю!
Одно бѣда: все хочетъ сдѣлать вдругъ:

ПОСАДНИКЪ. О, руки короты

ЛЕВЧАДЬЕВЪ.

Гадалъ па звѣздахъ царь, пере
И такъ сказалъ: «Ланшка мой
Пойдетъ...» и войско указалъ у
Насъ было тысячъ тридцать. Г
Еще прибавилъ двадцать, обѣщ
Что мѣсяцъ, подсылать... Стар
Что небо знаетъ какъ своихъ п
Не одобрялъ похода. Государь
Сказалъ: «Молчи, я самъ гадат
Что было на Москвѣ людей учел
Всѣхъ забралъ Холмскій, всѣ с
Читаютъ, пишутъ по старинным
А что такое, чортъ не разберет
Свѣтъ Божій тѣсенъ для такихъ
Ты только погляди на челядь кн
Царемъ живетъ, царемъ выходит
Мы, у него, меньше воеводы,
Холопья; гордости на сто князе
Жить на Москвѣ не можетъ; ст
А . . . . . .

И еслибъ не ливонская война,
Онъ захворалъ бы съ горя и досады...

ПОСАД. Ну, хорошо! Зачѣмъ же князь теперь
На Нѣмцевъ не ударитъ?..

ЛЕВЧАДЬЕВЪ. Онъ смѣкаетъ;
Смѣкнетъ, и въ восемь дней онъ будетъ въ Ригѣ.

—

ТѢ-ЖЕ и МИТЯ.

МИТЯ. Князь приказалъ пускать народъ.

ЛЕВЧАДЬЕВЪ. *(къ стражѣ).* Пускайте!

—

Входятъ разные воеводы, псковскіе бояре, ганзейскіе послы, Александръ Княжичъ, и жилые люди. Изъ боковыхъ дверей выходятъ, попарно, мальчики, за ними врачъ, двое младшихъ воеводъ и наконецъ князь Холмскій съ покрытою головою, въ комнатномъ платьѣ; садится на княжеское мѣсто. Всеобщее молчаніе.

КНЯЗЬ. Что, какова погода?

(Голоса въ толпѣ).

Снѣгъ съ дождемъ.
Съ утра морозить начинало. Вѣтеръ.
По улицамъ проѣзда нѣтъ отъ грязи;
Распутица; вчера была икра;
Сегодня солнце топитъ снѣгъ послѣдній...

КНЯЗЬ *(подымаетъ руку, все умолкаетъ).*

(Про себя).

Нѣтъ Середы! Великій мой посолъ
Несетъ съ собой богатыя извѣстья...
Что снѣгъ, морозъ! Не остановятъ Русскихъ;
Но Середа, какъ воздухъ нуженъ мнѣ...

(Громко)

Что, — легкіе отряды на границѣ

ПЕРВЫЙ ВОЕВОДА. Гонецъ к

Жена больна при смерти; на

Нашла какая-то зараза. Князь,

Позволь домой...

КНЯЗЬ. Ступай, по не

Что у тебя московскія знамена,

Что въ домѣ рыцарскомъ дален

Ты долженъ былъ поставить тв

И видно эта честь, небесной во

Назначена другому воеводѣ.

Слѣпотствуя во мракѣ, намъ ли

Что небомъ непреложно рѣшено!

Ты молодъ; Богъ жену подастъ

Сестру магистра можетъ-быть, а

Не купишь жизнью цѣлаго потом

Ступай домой!..

ПЕРВЫЙ ВОЕВОДА. Я остаюсь!

КНЯЗЬ.

А ты о чемъ?..

князь (*гнѣвно*). На мѣсто!
Какъ вольница какая, отъ Татаръ
Переняли вы ратный безпорядокъ!
Пора понять, что важныхъ дѣлъ успѣхъ
Лежитъ въ порядкѣ общемъ, въ послушаньи.
И я повиноваться васъ заставлю!..
Отъ дряхлой и пустой боярской спѣси,
Дѣламъ великимъ, славнымъ, не родиться...
Молчать и слушаться! вотъ ваше дѣло.
Въ лѣсу убилъ холопьями лисицу
И думаетъ, что съ Нѣмцами война —
Потѣшная охота. Безъ меня,
Васъ Нѣмцы перебьютъ по-одиначкѣ;
Со мной, и вы въ богатыри пойдете.
Ты не женатъ, такъ можетъ-быть отецъ,
Иль дѣдушка отъ старости при смерти.
Ступай лечить его травой домашней;
Куда тебѣ отечество прославить,
Спѣсь новгородскую сломать, во Псковѣ
Сидѣть на мѣстѣ княжескомъ, Литву
И орденъ мѣрить дальновиднымъ окомъ
И знать когда и гдѣ побѣда будетъ!
Ступай домой, или ступай на мѣсто.
второй воевода. На мѣсто, князь!
князь. Спасибо. Это кто?
посадникъ. Посолъ ганзейскихъ городовъ...
князь. Приближьтесь!
посолъ. Свѣтлѣйшій князь! отъ многихъ городовъ
Я къ Новугороду посломъ назначенъ..
князь. Такъ не ко мнѣ!
посолъ. Къ тому, кто власть имѣетъ.
Насъ рыцари столѣтія тѣснятъ.
Пока порядокъ правилъ орденами,

И города, почти во всемъ п
Рѣшили тѣсный заключить с
Противъ обоихъ орденовъ но
Противу свѣтской власти ду
Особое составить государств
И на престолъ достойнаго из
Содѣйствія, свѣтлѣйшій князь
Безъ русскихъ городовъ борь
И только раззореніемъ грози

князь. Какіе города? Не Дер
Не Ревель, не Либава: это на
За Нѣманомъ всѣ города своб
Все дѣлать, что имъ Богъ на
Но въ гавани языческой Полу
Ужъ русская граница. До сви
Подумайте, посолъ, и приходи
Мы отъ союза вашего не про
Но только на объявленныхъ у

посолъ. Свѣтлѣйшій князь...

князь

Паритъ по небу, роется въ землѣ.
Познанія намъ замѣняютъ опытъ.
ПОСАД. Князь, страхъ войны ученыхъ разогналъ.
А проживали, нечего сказать!
Но какъ-то, разъ, сожгли мы чародѣя,
Который бурю поднялъ на Великой
И черное пятно навелъ на солнце...
Самъ повинился, самъ впередъ сказалъ...
Безъ пытки, на лице была улика!
Сожгли, а прочіе перепугались.
У насъ есть свой, посадской человѣкъ,
Захарій Моисеевичъ Ознобинъ:
Такъ, если во Псковѣ, позвать прикажетъ?..
КНЯЗЬ. Я жду его къ обѣду... Это кто?

—

ТѢ-ЖЕ и АРСЕНЬЕВЪ.

КНЯЗЬ. Арсеньевъ!
Ты, вѣрно, далеко не заходилъ?
АРСЕНЬЕВЪ. Я долженъ былъ вернуться по-неволѣ.
Привелъ съ собой богатую добычу...
КНЯЗЬ. Ого! Добычу! Счастливъ первый шагъ!
Кого и что?..
АРСЕНЬЕВЪ Во-первыхъ, фонъ-баронину...
Мудреное прозваніе такое!
Она въ мужской одеждѣ воевала;
Хотѣла Островъ взять прошедшимъ лѣтомъ.
Съ ней рыцарь, тоже труднаго прозванья,
И разные окрестные дворяне;
Всего сто тридцать человѣкъ.
КНЯЗЬ. Спасибо.
Ты мой наказъ однако же исполнилъ?
И, звѣрства нашего забывъ привычки,
Былъ ласковъ съ плѣнными, великодушенъ?

Не хвастаютъ сосѣдния держа
И намъ доступны рыцарскія
Проси же плѣнницу сюда, Арс
Хочу и угостить и ободрить..

АРСЕНЬЕВЪ. Она со мной!

КНЯЗЬ. Введи!
Успѣхъ войны отъ признаковъ
Умѣй гадать, все скажется вп

—

ТѢ ЖЕ АДЕЛЬГАЙДА И А

АДЕЛЬГАЙДА. Вы неучтивы, гос
По холоду заставили гулять!
Кого же, даму! Варвары! А га
Вашъ славный князь?..

КНЯЗЬ. Малютка-
Въ дни скуки Богъ игрушку по

КНЯЖИЧЪ. Кого я вижу, всемо

АДЕЛЬГАЙДА. На креслахъ кто?

АРСЕНЬЕВЪ

АДЕЛЬГ. Вотъ такъ! Слухъ правъ: дороденъ и могучъ,
Умъ на лицѣ написанъ европейскій;
Нѣтъ азіятскихъ, варварскихъ ухватокъ...
Я очень рада вашему знакомству.
Извольте руку, князь! Что жь? Поцѣлуйте!

КНЯЗЬ. Простите, баронесса!

АДЕЛЬГАЙДА. Вашъ обычай
Ужасно глупъ. Самъ господинъ магистеръ,
Духовная особа, государь,
Къ рукѣ подходитъ къ дамамъ. Поцѣлуйте жъ!

КНЯЗЬ. Помилуйте!

АДЕЛЬГАЙДА. Князь, это неучтиво,
Но я прощаю васъ...

(Отходя).

Живутъ въ берлогахъ,
Какъ дикіе Татары и Монголы!
Женъ держатъ въ ящикахъ съ окномъ и дверью;
Жена, корова, лошадь — все равно!
Ихъ грубости не должно удивляться, —
За неучтивость взыскивать нельзя...

ХОЛМСК. Упрекъ чувствительный, но справедливый!
Не знаю какъ поправить оскорбленье;
И какъ-то не свободно мнѣ при ней...

АДЕЛЬГ. Что̀ это, князь? У васъ совѣтъ, собранье?
Вы вѣрно дѣломъ стали заниматься?
О, продолжайте! Я вамъ не мѣшаю...

КНЯЗЬ. И это — плѣнница? Тиха, спокойна,
Смѣется, шутитъ, и въ толпѣ мужчинъ
Гуляетъ, словно старшій воевода!...

АДЕЛЬГ. Я вижу, князь, при мнѣ вы не хотите
Судить людей... Назначьте мнѣ темницу,
И я уйду.

...мою дворъ д...
АДЕЛЬГАЙДА. Простит...
Нѣтъ, вы не звѣрь, ко...
Дѣтей своихъ сосѣдніе...
Я узнаю въ васъ рыцар...
Но свѣтлый санъ вашъ...
И я въ палатахъ вашихъ...
Назначьте мнѣ домъ скр...
Честное слово, уходить...
Не вѣрите, приставьте ст...
Скорѣе отпустите на поко...
Или позвольте сѣсть, я т...
Не то я, князь, безъ приг...
...НЯЗЬ. Садитесь, баронесс...
...ДЕЛЬГАЙДА. По-рыцарски!...
...нязь уступилъ псковской...
...рекрасно, князь! Но я одн...
...нѣ совѣстно, что славный...
...зъ мѣста передъ плѣнниц...
...мъ кресла, господа, въ уг...
...итесь, князь, поближе; да...
...вашии правы...

Въ глазахъ зажгли язвительные взоры,
Въ уста слова палящія вложили...
Все дивно въ ней, и красота, и умъ,
И самая одежда!.. Нѣтъ, Арсеньевъ,
Ты милостей отъ Холмскаго не жди!
Награду я придумаю другую
За дьявольскій подарокъ... Что́ мнѣ дѣлать?)

АДЕЛЬГАЙДА. Садитесь, князь, и начинайте судъ!
Я очереди буду ждать послушно.
Мнѣ весело у васъ, какъ-будто дома;
Но этимъ людямъ надо дать покой:
У нихъ свои домашнія работы,
Имъ утро дорого, пора на торгъ,
Кому домой, кому во храмъ Господній;
А плѣнницу послѣднюю судите...

КНЯЗЬ *(про себя)*. Наединѣ я съ нею не останусь!
Какъ-будто жаль ее, какъ-будто стыдно;
И странно сердце прыгаетъ... Боюсь
Въ глаза взглянуть, боюсь ей молвить слово;
Не смѣю жаловать, казнить не смѣю,
И, просто, не умѣю говорить...
Такое у меня въ душѣ творится,
Чего я въ жизнь свою не испыталъ...
Постой же, я уйду отъ искушенья.

Громко.

Съ васъ, баронесса, судъ я начинаю.

АДЕЛЬГ. Мой добрый князь! мнѣ должно встать.

КНЯЗЬ. Сидите!
Да не глядите на меня, молю васъ!...

АДЕЛЬГАЙДА. Обрядъ забавный!

КНЯЗЬ *(про себя)*. Я смѣшонъ! Я страненъ!
Гдѣ жъ рыцарское взять мнѣ обращенье,
Любезность рѣчи, сладость выраженій?

И рыцарей самихъ я прис
Вниманьемъ къ слабои, бе.

Громко

Я васъ освобождаю, барон
Вы болѣе не плѣнница моя
Назначьте день и часъ: съ
Вы можете отправиться въ

АДЕЛЬГАЙДА. (Я вся дрожу
Врага, кого Русины трепета
Меня, къ кому вашъ Остров
Готовъ былъ выйти?... Горы

КНЯЗЬ. Клянусь вамъ, не пре

АДЕЛЬГАЙДА.

Нѣтъ! если въ плѣнъ достал
Какъ даръ великодушья и п
Свободы не возьметъ, честна
Она не опозоритъ подлымъ
Не мало копій въ ревельских
Изломано во славу Адельгай
Не мало и ...

князь. О! если такъ, пускай прійдутъ! Кровавый,
Не свадебный, найдутъ во Псковѣ пиръ;
Я обвѣнчаю ихъ съ землей холодной.
Всѣхъ адскихъ чаръ, всѣхъ адскихъ волхвованій
Я не боюсь. За плѣнницу мою,
Вокругъ стѣны псковской, другую стѣну
Изъ труповъ гордыхъ рыцарей воздвигну!
Не дамъ тебя, клянусь святою Тройцей,
Пророкомъ Даніиломъ, славой русской,
Не дамъ тебя ни недругу, ни другу!
Я рыцарь твой! Спасите силы неба!...
Гдѣ врачъ? Лечи меня, лечи! Я боленъ,
Душа болитъ, болитъ смертельно сердце.
Врачъ! Я отравленъ! Врачъ! Я околдованъ.

Отталкиваетъ врача.

Мнѣ не нужна твоя пустая помощь.
Сгорѣлъ мой сонъ! Бѣгите, Адельгайда!
Вели сѣдлать коней моей дружинѣ!
Бѣгите, Адельгайда, умоляю!...
Васъ ждетъ отецъ, печальная семья;
Васъ проведутъ спокойно и съ почетомъ...
Хотите?

адельгайда. Нѣтъ! мнѣ хорошо у васъ!
Я остаюсь. Вы можете неволей
Меня отправить; волей не поѣду...

князь. Умилосердись, страшная жена!

адельг. Мой рыцарь, я не встану съ этихъ креселъ,
И предаю себя твоей защитѣ
Отъ самого тебя...

князь. Не въ этомъ домѣ,
Не подъ одною крышкой; я уйду.
Велите мой шатеръ раскинуть въ станѣ.
Въ походъ, скорѣй въ походъ! . и завтра утромъ

—

АДЕЛЬГАЙДА и **К**

КНЯЖИЧЪ *(подбѣгая къ баро*

АДЕЛЬГАЙДА *(сидя въ крес.*
Молчи, молчи! Онъ можетъ в

—

АКТЪ ВТО

—

Посольская п

—

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВ

Княжескій шате

—

КНЯЗЬ спитъ

Охъ, бѣдный князь! не могъ отколдоваться;
Унесъ съ собой въ палатку чары; плакалъ,
Молился и читалъ... Не помогло!

(Князь проснулся и съ ужасомъ озирается).

митя. Что снилось, князь?

князь. Мнѣ снился Середа.
Какъ лѣшій, долго надо мной смѣялся...
Я утопалъ, а Середа съ народомъ,
Не дуракомъ, а рыцаремъ одѣтый,
На берегу стоялъ и хохоталъ...
Тону... вдругъ на холмѣ... Нѣтъ, дай засну;
Авось опять увижу Адельгайду!

митя. Не лучше ли послать къ архіерею?
Пускай васъ окропитъ святой водой
И чары сниметъ...

князь. Охъ! какія чары?
Царь Іоаннъ! Не это ли та дѣва,
Что мнѣ твое гаданіе сулило?
Природы неразгаданныя тайны!
Зачѣмъ васъ знать даровано немногимъ?..
Она, она... Увидѣлъ и прикованъ,
И мысли къ ней бѣгутъ, и даже память
Забыла все прошедшее, но ярко
Ее одну душѣ смущенной кажетъ...
О. Адельгайда! взоръ твоихъ очей
Сильнѣе звѣздъ и чаръ и волхвованій.

митя. За то жъ ее, голубушку, сожгутъ!

князь. Кого сожгутъ?

митя. А эту, Адельгайду...

князь *(вскочивъ)*.
Сюда! Кто тамъ? Безумцы, суевѣры!..

—

За самую малѣйшую обиду...
Бѣгите!.. Суевѣрье торопливо

—

ТѢ ЖЕ, кромѣ АРСЕ

ЛЕВЧАД. Князь Даніилъ Димитр
Послы пріѣхали сегодня ночью

КНЯЗЬ. Зачѣмъ? Нѣтъ мира бо
Мнѣ месть нужна; мнѣ кровь
Мы въ полдень выступимъ. По

ЛЕВЧАДЬЕВЪ. Обычай святъ. От
Пускай свое разскажутъ и уѣд
Война войною, а послы послам

КНЯЗЬ. Ты правъ. Зови! Не вов

—

КНЯЗЬ и МИТЯ

КНЯЗЬ. И такъ, я снова долже

ТѢ ЖЕ, БАРОНЪ ФОНЪ-ШЛУММЕРМАУСЪ, РЫЦАРЬ ФОНЪ-КУЛЬМГАУСБОРДЕНАУ и ЛЕВЧАДЬЕВЪ.

КНЯЗЬ *(идетъ къ нимъ на встрѣчу).*
Что̀ вижу! Какъ печальны эти лица!
Ее ужъ нѣтъ? Не правда ли, ужъ нѣтъ?
Да отвѣчайте же!.. Чужіе люди!
Кто ихъ впустилъ?

ЛЕВЧАДЬЕВЪ. Баронъ фонъ-Шлуммермаусъ,
Баронъ и рыцарь Кульмгаусборденау,
Послы ливонскаго магистра...

—

ТѢ ЖЕ, кромѣ ЛЕВЧАДЬЕВА.

КНЯЗЬ. Что̀ вамъ
Угодно? Времени у насъ немного;
Война объявлена; войска готовы,
И завтра запылаютъ ваши села.
Я все сказалъ. Мнѣ некогда. Прощайте!

БАРОНЪ. Пресвѣтлый князь, невѣдомо еще
Что̀ выгоднѣй, война иль миръ съ магистромъ?
Онъ не одинъ. Въ Полангенѣ гросмейстеръ,
Съ нѣмецкимъ орденомъ, съ гостьми, казною;
Графъ Каценэленбогенъ, герцогъ Швабскій,
Сынъ императора Альбрехтъ Австрійскій,
Съ дружинами подходятъ къ королевству.
Имъ все одно съ кѣмъ воевать, съ Литвой,
Съ Москвой, съ Татарами... Пришли за славой,
Чтобы сложить лавровые вѣнцы
Къ стопамъ любимыхъ женщинъ...

КНЯЗЬ *(про себя).*
Адельгайда,
А я внесу войну въ твою отчизну!

... его — соблазнъ ...

КНЯЗЬ. Пускай идутъ! Домой и...
Любимыхъ женщинъ не увидат...
Земли святой не унесутъ съ со...
Ливонскій берегъ нашъ, до Кор...
И Гданска, достоянье Ярослава
Я возвращу державѣ Іоанна...
Пришла пора; громада русскихъ
Стремится вышней силой воедин...
Вѣка дробили Русь, бичи восток...
И запада пришли на Русь; Татары
Полцарствомъ овладѣли, а Литва
Отъ насъ отпала съ ересью латин...
Поморье беззащитное досталось
На долю Нѣмцевъ... Но пришла с...
Съ зарей, Москва подниметсл над...
Царь Іоаннъ, державный исполин...
Возсталъ: въ его священную деси...
Восточная имперія сложила
Послѣдніе залоги православья,
И древняго ...

Мнѣ смуты вашихъ городовъ извѣстны,
И слабость ордена и духовенства...
Какъ прахъ разсѣется ливонскій орденъ!
Къ родной Руси поморье прирростетъ!..

БАРОНЪ. Вы молоды, пресвѣтлый князь, простите,
Вамъ неизвѣстна сила государствъ...

КНЯЗЬ. А вотъ измѣримъ...

БАРОНЪ. На авось.

КНЯЗЬ. О! нѣтъ, по-русски,
Побѣдами и милостью...

БАРОНЪ. Но если...

КНЯЗЬ. У насъ нѣтъ *если*... Сказано, и будетъ!
Вы рѣчь мою повѣрите на дѣлѣ.

БАРОНЪ. Князь! жаль мнѣ васъ.

КНЯЗЬ. Баронъ, извольте ѣхать,
И объявите вашему магистру,
Что я сегодня вышелъ изо Пскова...

РЫЦАРЬ. Позвольте мнѣ благодарить васъ, князь,
За гордую увѣренность. Дерзайте!
Я славныя сраженія предвижу,
Мечамъ и чести много будетъ дѣла.
Обычаевъ московскихъ я не знаю,
Но если это можно... я оставлю
Мою перчатку въ ратушѣ псковской.

КНЯЗЬ. Когда война окончится, баронъ,
Я вызовъ вашъ пріиму. Назначьте мѣсто;
Я васъ убью въ честь женщины любимой,
По вашему обычаю...

РЫЦАРЬ. Прекрасно!
Но у меня нѣтъ женщины любимой;
Смерть ваша не нужна, и потому

... въ дѣлахъ граждански
Не могъ я слѣдовать за ходомъ и
Моей сестры, не могъ искоренить
Не женскихъ въ ней привычекъ.
Она къ охотѣ пріучилась; послѣ,
Руководимая стихами бардовъ,
И шведскихъ и нѣмецкихъ, Аделы
На смѣхъ и горе, стала Амазонкой
Во время мира осаждала Островъ,
Стефана въ деритскомъ замкѣ окр
Сожгла посадъ и съ дорогой добы
Пришла подъ Ригу въ самый Нейе
Подумаешь, что Богъ ее назначилъ
Женой завоевателю вселенной!...
Она, къ несчастью, недурна собой,
И обожатели толпой явились.
Пѣвцы ей льстили, рыцари вздыхал
Турниры начинались и кончались
Подъ вымышленнымъ именемъ Діан
Простые поселяне называютъ
Діаной ...

[redacted]

БАРОНЪ. За это жизнью я готовъ ручаться.
Напрасно я кругомъ ея разставилъ
Лазутчиковъ; напрасно предлагалъ
Замужства знаменитыя. Напрасно!...
Всѣмъ женихамъ она вела разборъ,
И каждый былъ смѣшонъ въ ея разборѣ...

КНЯЗЬ. Смѣшонъ? Возьмите же ее отсюда;
Возьмите, уѣзжайте, черезъ часъ
Она и вы должны оставить Псковъ.

БАРОНЪ. Благодарю васъ, князь, за вашу милость.
Скажу вамъ искренно, я одного
Боялся — вашего свиданья съ нею...

КНЯЗЬ. Какъ? почему?

БАРОНЪ. Герой безъ бороды,
Вы, нѣжный юноша, съ такою славой,
Исполненный всѣхъ рыцарскихъ достоинствъ,
Все это близко сердцу Адельгайды,
Кипящему ея воображенью...
Богъ знаетъ, чтó могло придти на умъ!...
Вѣдь надо же кого-нибудь любить
Разъ въ жизни, по природѣ, для порядка...
Какъ міръ стоитъ — и царь и рабъ послѣдній
Любили, князь!

КНЯЗЬ *(про себя)*. Она меня не любитъ!
Любили, да! И я любилъ отца,
И мать родную, и сестеръ, и братьевъ.
А это не любовь, нѣтъ, просто, пытка!
Она всю грудь и жжетъ, и колесуетъ;
Мозги горятъ, кровь будто въ лихорадкѣ.
Нѣтъ! это не любовь...

БАРОНЪ. Пресвѣтлый князь,
И я былъ молодъ и любилъ когда-то,
Съ любовію боролся, изнемогъ;

И вѣрьте, князь: недол...
Гулять на полѣ; близок...
Пора прійдетъ и вся мо...
Чтобъ выборъ на достоі...
Простите, князь!

КНЯЗЬ.

Не знаю, какъ начать... В...
У васъ знакомства есть,
Покупки, можетъ быть, ...
Въ торговомъ городѣ вы ...
Вы можете остаться день, ...
Недѣлю даже.

БАРОНЪ.

Нѣтъ,
Благодарю за милости, я ...
Съ сестрой спѣшитъ домой, ...

КНЯЗЬ. А если Адельгайда ...

БАРОНЪ. Помилуйте!

КНЯЗЬ.

Но если?...

БАРОНЪ.

Я ...
Ст...

князь. Я объ одномъ прошу, не принуждайте!
Я отпускалъ ее съ моей дружиной;
Она меня отказомъ оскорбила...

баронъ. Несчастная! Сбылись мои сомнѣнья!
Она васъ видѣла, и совершилось!
Теперь она конечно не поѣдетъ!
Вы шутите, какъ юноша шалите;
Въ трудахъ войны нашли себѣ игрушку;
А намъ готовите позоръ, несчастье!...
Я извлеку ее изъ этой бездны,
Изъ пламени насильно унесу...
Простите, князь. Бѣгу! Еще есть время!
Пойдемъ, Баронъ, пока не опоздали...

—

КНЯЗЬ и МИТЯ.

князь. Стой, Нѣмецъ! Я не выдамъ Адельгайды?
Она моя добыча, мой вѣнецъ!
Зови вождей! Зови мою дружину!...

(**Митя уходитъ.**)

князь (*надѣвъ шлемъ и мечъ, и беретъ щитъ*).
Я — рыцарь твой. Далъ слово и сдержу...
Сгорю отъ глазъ твоихъ; твоя улыбка
Мнѣ сердцѣ рветъ; присутствіе твое
Огнемъ какимъ-то воздухъ наполняетъ.
Но не отдамъ тебя! Я рыцарь твой!

(**Уходитъ.**)

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Довольно обширная и опрятная комната въ русскомъ домѣ; въ глубинѣ видны перилы и лѣстница внизъ и наверхъ въ свѣтлицу.

вась принесеть съ товар
мнѣ, ни собакамъ покоя
ворять уже не приходит
Покойному муженьку моем
было хорошо: самъ кудес
ради и колдовство и колду
что ты будешь дѣлать!...

РАХИЛЬ. Какой грѣхъ,
погляди, какъ ты ходишь н
въ сундукахъ!... чай, золо

ИЛЬИНИШНА. Да еслибъ
да бы я вась, нехристей, у
Иконы поспичали, да попря
тивныя пѣсни; на дворъ бо
быковъ бьють, куръ рѣжут
чертей завели. Вотъ и вчера
халъ твой отецъ, Захарiи
въ свѣтелку кудесники и по
потѣха!... Я на лѣстницу.
ку... а тамъ

щенкомъ достала, да сама выкормила, Рыжикъ-то мой, на пескѣ валяется... Ломало его, ломало, вотъ такъ, будетъ; три раза здравствуй сказить, да и духъ вонъ... Тутъ, матушка, ноги я, сама не знаю какъ, подобрала, да въ старую избу, да на полати, да въ пуховикахъ такъ и умерла... Анъ Захарій Моисеевичъ шасть въ избу: а двери-то я, матушка, изнутра заперла и щеколду подвязала. Вижу, колдунъ! просто колдунъ! И въ пуховикахъ найдетъ. Нечего дѣлать! поднялась, да, со страху, сиплымъ голосомъ какъ зареву: «Не буду Захарій Моисеевичъ! вотъ-те Христосъ, не буду!...» Онъ тутъ ласковымъ голосомъ началъ меня, и хозяюшкой, и голубушкой, и по имени, и по отчеству, и мужа, и отца, и дѣтей давай расхваливать, и денегъ далъ. Жаль, что нехристь такой, а куда какой умный! Ему бы посадникомъ быть, когда-бъ кудесничество бросилъ... А то и самъ, и другихъ сманиваетъ. Вонъ Олександра Михайловичъ, что̀ за разумъ и дородство Княжичемъ прозвали... приколдовалъ! А что за купецъ, что за ратникъ! Какъ наши, прошедшаго лѣта, на Нѣмцевъ ходили, на войнѣ всѣхъ перебилъ, на пиру всѣхъ перепилъ, такъ, что потомъ, какъ покой съ Нѣмцами сталъ, то недѣли не проходило, или Нѣмцы къ нему, или онъ къ Нѣмцамъ въ гости ѣдетъ. Все бы хорошо: да Захарій Моисеевичъ его испортилъ.

РАХИЛЬ. Перестань, Авдотья Ильинишна! Что̀ же отецъ мой худаго дѣлаетъ? Вашимъ же бѣднымъ помогаетъ; по пятницамъ нищихъ столомъ на дворѣ кормитъ; и на вѣче посадникъ и владыка благодарность ему объявили... А дома почему не позабавиться?

пѣсни...

ИЛЬИНИШНА. Ну-ка, ну-ка оброни.ла! А пѣсни веселой нашу какую.

РАХИЛЬ. Дай бандуру!..

ИЛЬИНИШНА. Вотъ такъ съ тобой, что дятлы въ дупл: чаинбъ.

РАХИЛЬ *(поетъ):*

Съ горнихъ странъ
Палъ туманъ
На долины,

И покрылъ
Рядъ могилъ
Палестины.

Прахъ отцовъ
Ждетъ вѣковъ
Обновленія.

И сребро,
И добро,
И святыню

Повесемъ
Въ старый домъ,
Въ Палестину.

ИЛЬИНИШНА. Ха, ха, ха! это у нея веселая пѣсня! Ногъ не дергаетъ. Нѣтъ, матушка, коли веселую, такъ я запою: дай откашляну, а ты подбрякивай.

(поетъ:)

Ходитъ вѣтеръ у воротъ;
У воротъ красотки ждетъ.
Не дождешься, вѣтеръ мой,
Ты красотки молодой.
Ай люли, ай люли,
Ты красотки молодой!

Съ парнемъ бѣгаетъ, горитъ,
Парню шепчетъ, говоритъ:
«Догони меня, дружокъ,
Нареченный муженекъ!»
Ай люли, ай люли,
Нареченный муженекъ!

Ой ты, парень удалой,
Не гоняйся за женой!
Вѣтеръ дунулъ и затихъ:
Безъ невѣсты сталъ женихъ.
Ай люли, ай люли,
Безъ невѣсты сталъ женихъ!

Вѣтеръ дунулъ и Авдей
Полюбился больше ей...
Стоитъ дунуть въ третій разъ —
И полюбится Тарасъ!
Ай люли, ай люли,
И полюбится Тарасъ!

Полюбился больше о
Стоитъ дунуть въ тр
И полюбится Тарасъ
Ай люли, ай лі
И полюбится Т
И съ пляской это очень мил
Ай люли, ай лю

—

СХАРІА, АДЕЛЬГАЙДА

СХАРІА. Что слышу, Рахиль
русскія?

РАХИЛЬ. На всякій случай.
женін всему надо учиться: мо
тятся обстоятельства.

СХАРІА. Возврати мнѣ упрек

РАХИЛЬ. Ахъ! это, кажется, нан

СХАРІА. Служи ей, Рахиль, к
покоятся надежды Израиля...

АДЕЛЬГАЙДА. Посмотрѣла бы я, какъ бы ему помогли тайныя науки, если бы я не соскучилась безъ Александра! Кругомъ война; отряды Холмскаго показались въ разныхъ мѣстахъ. Прямо бѣжать во Псковъ, сочли бы измѣной: я поѣхала на охоту; и когда толпа рыцарей и моихъ людей, завидя русское войско, старалась увлечь меня въ замокъ, я корила ихъ стыдомъ и первая бросилась на непріятеля. Люди и одинъ только рыцарь не отстали отъ меня: и всѣ въ плѣну; прочіе рыцари бѣжали... Я нашла моего Александра съ такими жертвами, а вы у меня его отняли!

СХАРІА. Я не отнялъ его, баронесса, а сохранилъ... Слышу, князь хочетъ меня видѣть. Я зналъ это еще въ Ригѣ, и потому, только сюда пріѣхалъ, бѣгу... и въ княжьемъ покоѣ нахожу только васъ и Александра... Безумье! Черезъ мгновенье онъ могъ возвратиться. Чужіе люди могли замѣтить! Народъ называлъ васъ колдуньей и требовалъ вѣча, допросовъ, казни... О! баронесса! чего мнѣ стоило оградить себя отъ этихъ подозрѣній! И если бы половина сановниковъ не признавала меня своимъ учителемъ, мнѣ бы оставалось или бѣжать или сгорѣть на кострѣ... Спасая васъ, я подвергалъ себя бѣшенству черни; но кто можетъ измѣнить приговоръ неба! Я зналъ его, я прочиталъ въ свѣтилахъ и дѣйствовалъ покойно... Вашъ Александръ прійдетъ, когда затихнетъ народное волненіе; прійдетъ путемъ неожиданнымъ; между тѣмъ я пойду къ князю: наша бесѣда упрочитъ ваше счастіе. Такъ по крайней мѣрѣ предсказываютъ книги.

(Колоколъ).

Вѣчевой колоколъ? Такъ поздно! Что̀ это зна-

чить? Боюсь, не объ васъ ли хлопочетъ князь Холмскій. Нечего дѣлать, надо идти на вѣче...

АДЕЛЬГАЙДА. Какъ! развѣ вы можете?

СХАРІА. Купецъ рижскій, купецъ псковской, купецъ новгородскій, человѣкъ именитый во всѣхъ трехъ городахъ. Вотъ титла для слѣпой черни; но тайный санъ, дарованный небомъ, блистателенъ какъ само небо, усыпанное многосмысленными звѣздами... Растетъ моя жатва! Ни градъ, ни буря не сожнутъ моего поля; колосъ наливается, и день близокъ... Великій, торжественный, праздникъ возрожденія... Второй колоколъ? Простите, баронесса: мнѣ надо быть прежде третьяго уже на мѣстѣ. Ильинишна, пойдемъ! Гдѣ ключи?.. Если Александръ постучится въ ворота, пропусти: а больше ни кого!.. Слышишь?..

ИЛЬИНИШНА *(за кулисами)*. Слышу, батюшка Захарій Моисеевичъ!

—

АДЕЛЬГАЙДА и РАХИЛЬ.

АДЕЛЬГАЙДА. Если псковское вѣче изволитъ безпокоитъ ночью почтенныхъ сановниковъ, ради меня, это будетъ страхъ какъ забавно! Жаль, что я не могу лично посмѣяться высокой мудрости князя Холмскаго: не видавъ въ жизнь свою ни одной порядочной дамы, онъ счелъ меня, Рахиль, колдуньей, волшебницей, и убѣжалъ отъ меня за рѣку. Видно, тамъ чары недѣйствительны!..

РАХИЛЬ. Неужели?

АДЕЛЬГАЙДА. Изъ учтивости, я не расхохоталась; но я сначала подумала, что это русскій способъ изъясненія въ любви...

РАХИЛЬ. Баронесса! и онъ не очаровалъ васъ въ свою очередь? Его воинственный видъ, блестящіе глаза, умныя рѣчи... никакого впечатлѣнія?

АДЕЛЬГАЙДА. Никакого.

РАХИЛЬ. Никакого! Послушайте, баронесса, вы не знаете, какъ первые признаки любви непохожи на самую любовь. Вы дошутитесь, баронесса!

АДЕЛЬГАЙДА. Что́ съ тобой, Рахиль? Полно ребячиться! Всему причиною уединеніе. Сидишь взаперти; вѣрно, удалось взглянуть на него въ щелку — и влюбилась!

РАХИЛЬ. Баронесса, не оскорбляйте меня. Но, молю, не любите его: я говорю это изъ участія къ вамъ.

АДЕЛЬГАЙДА. Ну, послушай, Рахиль! чтобы успокоить тебя, я скажу откровенно и ясно: я люблю другаго.

РАХИЛЬ. Понимаю, баронесса, понимаю... И я тоже люблю другаго!

АДЕЛЬГАЙДА. Кого же?

РАХИЛЬ. Дѣвичья тайна! Одно скажу вамъ, я счастлива, вижу его всякій день: онъ уже давно тайный сынъ Израиля. По праву сестры, я нерѣдко бесѣдую съ нимъ, безъ свидѣтелей.

АДЕЛЬГАЙДА. Рахиль, Рахиль!..

РАХИЛЬ. Онъ такъ ласкаетъ меня! онъ такъ богатъ, красивъ, могучъ!

АДЕЛЬГАЙДА. Его имя, имя, Рахиль...

РАХИЛЬ. Помиримся, баронесса! помиримся! Вы любите его; вы пріѣхали для него, вы презрѣли любовь Холмскаго для Александра...

АДЕЛЬГАЙДА. Къ ко
или къ ней?

КНЯЖИЧЪ. Что это зн

РАХИЛЬ. Теперь я у
предамся мечтамъ: въ них
имли нѣтъ друга, кромѣ с
позовите.

—

АДЕЛЬГАЙДА и

КНЯЖИЧЪ. Адельгайда,
просъ!

АДЕЛЬГАЙДА. Послушайт

КНЯЖИЧЪ. У нашихъ др

АДЕЛЬГАЙДА. Конечно, э
главный другъ нашъ!... Кон
вару для меня! Вы приготов
въ жидовскомъ домѣ!

КНЯЖИЧЪ. Баронесса!

АДЕЛЬГАЙДА. Молчите! Вы
ихъ жениховъ:

стрѣлы и вдругъ остановились какъ вкопаные: ваши слова насъ поразили... и врагъ мой сталъ гостемъ, собесѣдникомъ... женихомъ! Вы все это помните; вы плакали отъ радости, цѣловали мои ленты; любовь ваша мнѣ казалась басней, сномъ, очарованіемъ... Война насъ разлучила; не вы, а я бросила отчизну, и подлой плѣнницей пришла искать васъ... И гдѣ же мы свидѣлись! На глазахъ моей соперницы, которая васъ не любитъ: слышите, не любитъ! Въ домѣ жида, гдѣ вы занимаете мѣсто сына! Подумайте, какимъ стыдомъ покрыли вы Адельгайду! Теперь я съ благодарностью пріиму предложеніе князя.

княжичъ. Позвольте, баронесса!

адельгайда. Молчите! Какой вы рыцарь! Вы думали, что я васъ любила? Какъ легко васъ дурачить, мужчины! Я сдѣлала мое дѣло: свела съ ума непобѣдимаго Александра Псковскаго, какъ васъ называли наши добрые рыцари; свели съ ума князя Холмскаго. Чего больше! ѣду въ Ригу дѣлать то же съ имперскими гостями.

княжичъ. Но вы не позволите сказать слова, не позволите оправдаться?..

адельгайда. Вы можете оправдаться! Ради самого неба, отвѣчайте: вы можете оправдаться?..

княжичъ. Не въ чемъ и оправдываться, баронесса; но удостойте выслушать...

адельгайда. О! я ли не слушаю, сердцемъ, душою?.. Скорѣе, скорѣе!

княжичъ. Схарія ослѣпилъ меня своими предсказаніями, видѣніями, снами. Представьте, когда я возвратился изъ вашего замка, онъ разсказалъ

КНЯЖИЧЪ. Мало, он
Наше счастіе было утвер
гою цѣной! Не спраши
его не обманъ: онъ могу
моя въ его рукахъ: он
нѣтъ. Слово — и вѣче
осудитъ...

АДЕЛЬГАЙДА. Что ты

КНЯЖИЧЪ. Моло, не
во Псковѣ, Схарія для нас
мощь, и совѣтъ. Но нена
несса: я продалъ товары,
тѣлъ бѣжать къ вамъ; съ
смуты, уйти въ Ревель и...

АДЕЛЬГАЙДА. Александр
да ли, я кстати пошла въ п
вать! Теперь ночь... Все
Князь за рѣкой... Не правда

Гротій колоколъ, стукъ кольца

ТѢ ЖЕ, ИЛЬИНИШНА, свѣтитъ на лѣстницѣ, и **БАРОНЪ ШЛУММЕРМАУСЪ,** въ широкой епанчѣ.

ИЛЬИНИШНА. Сюда, сюда, осторожнѣе, Александръ Михайловичъ. Лѣсенки-то еще не починили...

(Увидѣвъ Княжича, роняетъ лампу).

Ахъ, тьфу ты, чортовъ домъ! Двойники ходятъ.

ТѢ ЖЕ, кромѣ **ИЛЬИНИШНЫ.**

БАРОНЪ. Адельгайда!

АДЕЛЬГАЙДА *(про себя).* Морицъ!... Ну, Александръ, мы попались!

БАРОНЪ. Прекрасный плѣнъ, баронесса! веселый плѣнъ! Теперь баллады объ васъ будутъ полнѣе. Не достаетъ похищенія, бѣгства...

АДЕЛЬГАЙДА *(Княжичу).* Онъ, вѣрно, подъ окномъ все слышалъ.

БАРОНЪ. Суровое сердце, безстрастіе, насмѣшки надъ именитыми женихами!... И что жъ? Любовь давно уже была заторгована псковскими купцами.

АДЕЛЬГАЙДА. Вы слишкомъ дерзки, господинъ баронъ, и за этимъ не стоило ѣздить во Псковъ...

БАРОНЪ. Десять минутъ наединѣ, Адельгайда, и ты увидишь, что я не даромъ пріѣхалъ во Псковъ.

КНЯЖИЧЪ *(тихо Адельгайдѣ).* Я не уйду!

АДЕЛЬГАЙДА. (Да и не нужно!) Вы можете говорить, баронъ: это мой лучшій другъ; отъ него у меня нѣтъ тайны.

БАРОНЪ. Я посолъ нашего магистра. Съ этими звѣрьми, ты знаешь, жизнь посла всегда въ опасности. Я долженъ передать тебѣ завѣт...

на случай моей смерти... Не правда ли, теперь и лучшіе друзья будутъ лишніе?

АДЕЛЬГАЙДА. А! Если такъ, вы можете уйти, Александръ Михайловичъ. Благодарю васъ за пріятную бесѣду; не забывайте меня. Я долго еще проживу во Псковѣ.

КНЯЖИЧЪ. Простите, баронесса. Жалѣю, что не могу воспользоваться лестнымъ приглашеніемъ. Завтра мы выступимъ въ походъ...

АДЕЛЬГАЙДА. Такъ поклонитесь отъ меня родимымъ холмамъ и зáмкамъ, и будьте сострадательны къ безоружному человѣчеству. Простите!..

—

АДЕЛЬГАЙДА и БАРОНЪ ШЛУММЕРМАУСЪ.

БАРОНЪ. И это вы меня обмануть хотѣли? Дѣти, дѣти! Нѣтъ, Адельгайда, я нѣсколько знаю человѣческое сердце... Ты его любишь, не такъ ли?

АДЕЛЬГАЙДА. Можетъ быть! *(Напѣваетъ)*.

Я люблю кого хочу,
Не даю отчета...

БАРОНЪ. Онъ влюбленъ въ тебя.

АДЕЛЬГАЙДА. Можетъ быть! можетъ быть!... *(Напѣваетъ)*:

Жить на волѣ, какъ живу,
Вся моя забота!

БАРОНЪ. Вы хотите обвѣнчаться тайно.

АДЕЛЬГАЙДА. И это можетъ быть.

БАРОНЪ. И этого-то не будетъ.

АДЕЛЬГАЙДА. Въ самомъ дѣлѣ?... *(Отходитъ отъ него и напѣваетъ)*:

Я люблю щелчки давать
Графамъ и баронамъ;
Вольно жить, да поживать
По своимъ законамъ. .

БАРОНЪ. Ахъ, Адельгайда, теперь не время дурачиться, шутить. Кажется, и возрастъ уже не тотъ!

АДЕЛЬГАЙДА. Двадцать второй годъ, господинъ баронъ, по книгамъ и росписямъ. Возрастъ пламенной любви и великихъ подвиговъ. Я хочу идти войной на цареградскаго султана...

БАРОНЪ. Къ чему такъ далеко, когда отечество требуетъ твоей помощи, когда ты должна спасать орденъ отъ погибели, Ливонію отъ раззоренія?

АДЕЛЬГАЙДА. Я?

БАРОНЪ. Только ты одна!...

АДЕЛЬГАЙДА. Что же вы меня не выбрали своимъ магистромъ? Да и согласится ли на это гросмейстеръ? Да я не дамъ обѣта не выходить замужъ ..

БАРОНЪ *(смѣется)*. Мнѣ нравится твой острый умъ, сестра, и служитъ порукой въ совершенномъ успѣхѣ нашего дѣла. Но, ради Бога, выслушай! Князь Холмскій влюбился въ тебя до безумія; ты очаровала его. И неудивительно. Съ твоею красотою, съ твоимъ веселымъ нравомъ, ты можешь побѣдить рыцаря самаго опытнаго въ дѣлахъ любви, не только Холмскаго, пламеннаго юношу, который и спитъ и видитъ славу западныхъ рыцарей. Онъ полюбилъ тебя всею душею, всѣмъ сердцемъ, на всю жизнь, такъ, какъ этотъ купчина и любить не умѣетъ...

... теремахъ вы
вершенно примириться
мѣръ успѣемъ найти с
родамъ и приготовиться
гайда, назначеніе твое
тописяхъ сохранится тв

АДЕЛЬГАЙДА. И это
скажите, что вамъ за ох
жін? Пускай живутъ дер
нихъ есть свои страсти, с
рывы... Да и давно ли
судьбу свою?... Честь ве
сожалѣнію, я не могу пом
обширнымъ планамъ. При
должна, какъ брату, объя
евѣста, съ чѣмъ васъ и п

БАРОНЪ *(закусивъ губы)*
шки?...

АДЕЛЬГАЙДА. Я сама доч
весьма мало забо...

вамъ замужъ безъ моего согласія; но не пугайтесь: я благословляю вашу любовь.

АДЕЛЬГАЙДА. Я не узнаю васъ, баронъ!

БАРОНЪ. Потому что не дали себѣ труда узнать меня покороче. И я любилъ, и до-сихъ-поръ чувствую мою потерю. И послѣ горькаго опыта грѣшно было бы противиться вашему счастію. Но неужели нельзя согласить вашей страсти съ необходимостью оказать услугу отечеству?

АДЕЛЬГАЙДА. Какимъ образомъ, баронъ?

БАРОНЪ. Пожертвуйте Ливоніи только двѣ недѣли!

АДЕЛЬГАЙДА. Зачѣмъ?

БАРОНЪ. Пошутите надъ сердцемъ влюбленнаго человѣка, бросьте ему надежду и отнимите, зажгите до конца всѣ чувства его пламенною страстью и наложите на нихъ узду рыцарской добродѣтели, перемѣшайте ласки съ упреками, однимъ словомъ употребите всѣ тѣ средства, которымъ женщинъ не учатъ...

АДЕЛЬГАЙДА. Въ умѣ ли вы, баронъ? Вы говорите во снѣ!

БАРОНЪ. Нимало, баронесса. Мнѣ нужно только двѣ недѣли. Глубокая осень; войско проголодается, примерзнетъ; ропотъ, доносы, опала; пятьдесятъ тысячъ не легко собрать: отложатъ до весны, до лѣта, и орденъ спасенъ. Ну, такъ вы согласны?

АДЕЛЬГАЙДА. Ищите другихъ союзниковъ, баронъ. Вы больше мнѣ не братъ...

БАРОНЪ. О! если нельзя добромъ, баронесса, уговорить васъ на подвигъ великій, такъ я вамъ приказываю: слышите ли, приказываю!... Теперь

ритесь моимъ предложені
не станетъ...

АДЕЛЬГАЙДА. Знаю, з
и убійцей...

БАРОНЪ. Нѣтъ, *я подп*

АДЕЛЬГАЙДА. Дурной р
простить любимому соперн

БАРОНЪ (*не выпуская е*

АДЕЛЬГАЙДА (*измѣняясь*

БАРОНЪ. Понимаете ли?
отступнику, не колдуну, ко
бадой! Псковское вѣче, какъ
не любитъ. Темница, пытка
те ли: не дурной разсчетъ,
ли въ моемъ домѣ... роковы

АДЕЛЬГАЙДА. Но гдѣ же
свидѣтели?..

БАРОНЪ (*не выпуская пи*

АДЕЛЬГАЙДА. Чтó же это? Записка, обязательство не воевать земли нѣмецкой, и больше ничего!

БАРОНЪ. Мало! Но погляди кому; «Учителю и вождю новаго Израиля, Схарія, астрологу Сильвестра Рижскаго!..» И такъ, баронесса, двѣ недѣли...

АДЕЛЬГАЙДА. Дѣлайте, чтó угодно, господинъ баронъ. Я повинусь...

БАРОНЪ *(хочетъ обнять ее)*. Сестра моя, Адельгайда, позволь обнять себя!

АДЕЛЬГАЙДА. Прочь, прочь! Казните меня вашими приказаніями, но не заставляйте обнимать ненавистнаго...

БАРОНЪ *(взявъ ее подъ руку и уходя)*. Пожалуй, пожалуй! Но, въ такомъ случаѣ, еще одно условіе: показывать видъ искреннѣйшей любви ко мнѣ, хоть въ эти двѣ недѣли, и бороться между страстью къ князю и привязанностью къ брату. .

АДЕЛЬГАЙДА. Да куда же вы ведете меня? Я могу остаться и здѣсь.

БАРОНЪ *(громогласно)*. Между *жидами?*

АДЕЛЬГАЙДА *(зажимая ему ротъ)*. Не кричите, баронъ, не кричите: я повинуюсь.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Жидовская кабала.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Покои въ квартирѣ барона фонъ-Шлуммермауса.

БАРОНЪ *(одинъ, прислушиваясь у дверей)*. Спятъ!..

Схаріа медлитъ... Скоро и ночь пройдетъ. Надо спѣшить. Безпутные рыцари запировались и упустили этого проклятаго шута-посла, господина Середу... Онъ можетъ помѣшать нашему дѣлу... Ага! Наконецъ... Тише, тише! Все ли съ тобой, Схаріа?

—

БАРОНЪ и СХАРІА.

СХАРІА. Все, сіятельнѣйшій баронъ!

БАРОНЪ. Что такъ поздно?

СХАРІА. Князь задержалъ.

БАРОНЪ. Когда я выслалъ тебя сюда изъ Риги, я не зналъ и самъ, для какой цѣли, для какого назначенія. Предчувствіе увѣряло меня, что умъ твой пригодится для моего дѣла. Ну, что князь?

СХАРІА. Я сдѣлалъ мое дѣло. Описывая мои путешествія съ береговъ Хенила по многимъ державамъ и городамъ, я довольно счастливо представилъ ему рыцарскіе нравы, любовь къ женщинамъ и героическимъ подвигамъ; коснулся видовъ на поморскіе города, и не скрылъ отъ него, что приговоромъ звѣздъ суждено на землѣ ливонской образоваться новому торговому государству...

БАРОНЪ. Умно, умно!.. Что́ дальше?

СХАРІА. Точно такъ, какъ вы предсказывали. Онъ началъ спорить: замѣтно, что нѣкоторыя астрологическія свѣдѣнія онъ уже пріобрѣлъ въ Москвѣ, отъ моихъ учениковъ. Вамъ извѣстно, баронъ, что даже самъ Іоаннъ...

БАРОНЪ. Знаю, знаю! Ну, что дальше?

СХАРІА. Сегодня, чуть смеркнется, мы приступимъ къ повѣркѣ. Но мы еще успѣемъ, баронъ, переговорить объ этомъ; а я вамъ долженъ сказать,

что одни мои средства ничтожны. Любовь его къ баронессѣ безмѣрна: онъ хочетъ удивить рыцарей своею страстью, и если...

БАРОНЪ. Такъ нечего медлить! Адельгайда убита. Она не вѣритъ моимъ обѣщаніямъ; совсѣмъ перемѣнилась: нѣтъ прежней веселости, игривости. Все исчезло. Осталась только женщина, съ несчастною любовью. Помоги, Схаріа!

СХАРІА. Сейчасъ, сейчасъ, баронъ. Но выгодно ли расположены комнаты? Не проснется ли баронесса прежде, нежели мы успѣемъ поставить магическій ящикъ? Кромѣ того, мнѣ нуженъ ростъ покойницы...

БАРОНЪ. Та же Адельгайда, двадцати пяти–шести лѣтъ. Въ лицо едва ли ее помнитъ сестра. Впрочемъ, у меня есть портретъ, весьма схожій...

СХАРІА. Портретъ? О! тогда ни какой трудности...

БАРОНЪ. Неужели? Да какимъ образомъ?

СХАРІА. Золотой огненный шаръ прокатится по стѣнѣ. Отъ блеска баронесса проснется. Тогда прозрачною ногою, едва прикасаясь къ шару, баронесса Розалія предстанетъ взорамъ дочери... А не можете ли припомнить, каковъ былъ у нея голосъ?

БАРОНЪ. Говори шопотомъ.

СХАРІА. Правда, правда. Да вы сами, баронъ, способны быть первымъ кабалистомъ нашего времени!

БАРОНЪ. Я и занимаюсь тѣмъ же, только въ другихъ формахъ. Слова ты заучилъ?

СХАРІА. Помню, помню... «Адельгайда! Исполни волю брата. Онъ ведетъ тебя къ счастію... Але-

не разберетъ словъ .. І
«Исполни волю Морица»
и медленно, потомъ немн
тебя къ счастію; Алексан
вее: «Я порукой», даже п
это «но» надо произнести
мысловатостью, а последні
тяжнъе: «Исполни волю бр
портретъ, и ступай! Двер
скрипнутъ; тамъ другія. С
дверей, налѣво окна, направ
заспу, потушу свѣчи и кон

(Тушитъ св

—

БАРОНЪ (один

Что мое письмо? Холмскій
бѣщалъ, что мы будемъ од
ажется, будетъ. Противъ

голосъ адельгайды. Морицъ, Морицъ, сюда!

баронъ. Нѣтъ, Адельгайда, я усталъ... сонъ мой крѣпокъ...

—

БАРОНЪ и АДЕЛЬГАЙДА; она выбѣгаетъ въ спальномъ платьѣ.

АДЕЛЬГАЙДА. Морицъ! Гдѣ ты, Морицъ! Я умираю!

БАРОНЪ. Что съ тобой, Адельгайда?...

АДЕЛЬГАЙДА. Братъ, это ты? О, дай узнать себя!
Я вся дрожу... Мнѣ дурно... Свѣту, свѣту!
Братъ, погляди, тамъ демоны живутъ,
Тамъ ходятъ призраки...

БАРОНЪ. Подайте свѣту!...
Сонъ, Адельгайда...

АДЕЛЬГАЙДА. Нѣтъ! Такіе сны
Не снились никому... Теперь мнѣ жарко,
А прежде я отъ ужасу озябла...
Нѣтъ у тебя съ собой ея портрета?

БАРОНЪ. Чьего?

АДЕЛЬГАЙДА. Портрета матери.

БАРОНЪ. Со мной?...

АДЕЛЬГАЙДА. Ахъ, покажи, подай!...

БАРОНЪ. Я принесу.
Онъ въ спальнѣ у тебя, въ моей шкатулкѣ...

АДЕЛЬГ. Нѣтъ, не ходи! Теперь ты дорогъ мнѣ:
Ты долженъ счастіе мое устроить.
Да, Морицъ, я твоя! Располагай
Желѣзной волей Адельгайды... Да!
Ты любишь Адельгайду и отчизну.
Твой свѣтлый умъ успѣлъ сообразить

АДЕЛЬГАЙДА. Не спу,
Завѣтамъ матери.

БАРОНЪ. Ахъ,
Забудь свой сонъ и п
Минуты нѣтъ, тѣнь м
Явилась... Но...

АДЕЛЬГАЙДА. Ты пп

БАРОНЪ. По опыту. Вот
Зарятъ взойдетъ, прѣде

АДЕЛЬГАЙДА.

БАРОНЪ. Сюда, одинъ, б
Глаза твои должны сіять
Слова до смерти сердце
Ни одного дѣйствительна
И тысячу двусмысленныхъ

АДЕЛЬГАЙДА. Мнѣ страш

БАРОНЪ.

ТѢ ЖЕ и ЖЕНЩИНЫ съ платьями. Свѣтаетъ.

БАРОНЪ. А вотъ и платья принесли.

АДЕЛЬГАЙДА. Какія?
Я не сниму военнаго костюма...
Особенно при немъ...

БАРОНЪ. Нѣтъ, Адельгайда!
Кого нарядъ богатый не украситъ?
Онъ царственность крестьянкѣ придаетъ;
Воображенью болѣе простора;
И больше съ женской прелестью согласенъ...
Пора, сестра...

АДЕЛЬГАЙДА. Да это просто пытка!
(Отирая слезу).
Гоняютъ какъ ребенка; учать, мучатъ!
Туда, баронъ, я не пойду...

БАРОНЪ. Баронъ!
Туда не приглашаю баронессы;
Я смѣю предложить другой покой.

АДЕЛЬГАЙДА. Ну, полно, полно, Морицъ, я иду.
Пойдемте, бабы, станемъ одѣваться!

—

БАРОНЪ и СХАРІА.

БАРОНЪ. Ну, выходи, Схарія! Кажется, теперь все на ладъ пойдетъ. Люди страстные скорѣе покоряются мечтамъ, нежели убѣжденіямъ здраваго разсудка.

СХАРІА. Нѣтъ, баронъ, согласитесь, что есть въ природѣ силы, противъ которыхъ не устоитъ мудрѣйшій.

БАРОНЪ. Два кабалиста не всегда разумѣютъ другъ друга. Но все равно, доверши торжество своего искуства!

Жидъ! Какъ глубо
Какъ ведетъ ересь во
Какъ онъ понимаетъ,
разве въ последней кр
въ борьбе — съ одной
тайны природы... Что
ника въ честолюбіи? Это
князя и отсрочило жребій
(Беретъ со стола запечат

БАРОНЪ и

БАРОНЪ. Родеригъ,
князь и мы поговоримъ
письмо отъ магистра, как
лано.

РОДЕРИГЪ. Слушаюсь.
внизу идетъ.

БАРОНЪ. Вот

[redacted]

БАРОНЪ *(протягивая руку)*. А! здравствуйте, милости просимъ! Что, баронъ, побѣда?

РЫЦАРЬ. Лежатъ!

БАРОНЪ. Поздравляю, баронъ!

РЫЦАРЬ. Признаюсь, эта побѣда стóитъ поздравленія! Нѣтъ, баронъ, я раздѣляю ваше мнѣніе: съ этимъ народомъ лучше жить въ мирѣ. Куда нашимъ замшевымъ рыцарямъ! Я желѣзной перчаткой, такъ, для шутки, столъ расшибъ, а Русскій одинъ кулакомъ, просто кулакомъ въ натурѣ, изъ полной бочки дно высадилъ! А другой видитъ, вино брызнуло: хвать за бочку, и, словно, бутылку стоймя поставилъ. Я не трусъ, господинъ баронъ, но совѣтую просить мира... хоть съ уступками.

БАРОНЪ. Однако жъ вы ихъ побѣдили...

РЫЦАРЬ. Еще бы! Улеглись, всѣ улеглись на полѣ чести! Но, признаюсь, и я къ вамъ попалъ потому только, что не нашелъ ни моего дома, ни моего Филиберта. Пришелъ на какую-то площадь... Дивное дѣло, баронъ: на верху дорога, нѣсколько футовъ пониже другая! Не могу взойти на гору, а горы нѣтъ... Мира, мира просить! Одѣвайтесь, баронъ; пойдемъ мира просить.

БАРОНЪ. Это на васъ не похоже, баронъ!

РЫЦАРЬ. Ни на что не похоже! Помилуйте, какъ, кулакомъ, изъ полной бочки дно высадить!.. Изъ полной бочки! Понимаете ли, баронъ, всю трудность подвига! Вамъ случалось когда-нибудь...

БАРОНЪ. Послушайте, баронъ: миръ будетъ, но мнѣ нужно ваше дѣятельное содѣйствіе.

РЫЦАРЬ. Громъ и молнія! Если бы не противъ моей земли, я бы съ ними пошелъ...

же вы оставите этотъ домъ грѣха, и переѣдете ко мнѣ...

Надѣваетъ плащъ и шляпу, и беретъ ее за руку.

АДЕЛЬГАЙДА. Прочь отъ меня! Я закричу, баронъ: найдутся люди...

БАРОНЪ. Тише, Адельгайда! Если вы не покоритесь моимъ предложеніямъ, завтра Александра не станетъ...

АДЕЛЬГАЙДА. Знаю, знаю, вы способны быть и убійцей...

БАРОНЪ. Нѣтъ, я подниму на него мечъ князя!

АДЕЛЬГАЙДА. Дурной разсчетъ, баронъ. Герой проститъ любимому сопернику..

БАРОНЪ *(не выпуская ее рукв)*. Но не *жиду!*

АДЕЛЬГАЙДА *(измѣняясь въ лицѣ)*. Великій Боже!

БАРОНЪ. Понимаете ли? Не жиду, не тайному отступнику, не колдуну, который занимается кабалой! Псковское вѣче, какъ наша ратуша, шутить не любитъ. Темница, пытка и костеръ... Понимаете ли: не дурной разсчетъ, баронесса! Двѣ недѣли въ моемъ домѣ... роковыя двѣ недѣли!.. или...

АДЕЛЬГАЙДА. Но гдѣ же доказательства? гдѣ свидѣтели?..

БАРОНЪ *(не выпуская рукв)*. Схарія у меня на ниткѣ. Я самъ велѣлъ вовлечь твоего Александра въ ересь. Понимаешь ли? Вовлечь надеждой на твою руку. Скажу слово, и этотъ домъ обыметъ пламя! И Схарія знаетъ, что судьба его и всѣхъ его клевретовъ въ моихъ рукахъ; но онъ мнѣ нуженъ, и это знаетъ Схарія; и въ моей скромности заключена его безопасность. Свидѣтельства, *доказательства!* Довольно ли этого?

АДЕЛЬГАЙДА. Что же это? Записка, обязательство не воевать земли нѣмецкой, и больше ничего!

БАРОНЪ. Мало! Но погляди кому; «Учителю и вождю новаго Израиля, Схаріи, астрологу Сильвестра Рижскаго!..» И такъ, баронесса, двѣ недѣли...

АДЕЛЬГАЙДА. Дѣлайте, что угодно, господинъ баронъ. Я повинусь...

БАРОНЪ *(хочетъ обнять ее)*. Сестра моя, Адельгайда, позволь обнять себя!

АДЕЛЬГАЙДА. Прочь, прочь! Казните меня вашими приказаніями, но не заставляйте обнимать ненавистнаго...

БАРОНЪ *(взявъ ее подъ руку и уходя)*. Пожалуй, пожалуй! Но, въ такомъ случаѣ, еще одно условіе: показывать видъ искреннѣйшей любви ко мнѣ, хоть въ эти двѣ недѣли, и бороться между страстью къ князю и привязанностью къ брату. .

АДЕЛЬГАЙДА. Да куда же вы ведете меня? Я могу остаться и здѣсь.

БАРОНЪ *(громогласно)*. Между жидами?

АДЕЛЬГАЙДА *(зажимая ему ротъ)*. Не кричите, баронъ, не кричите: я повинуюсь.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Жидовская кабала.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Покои въ квартирѣ барона фонъ-Шлуммермауса.

БАРОНЪ *(одинъ, прислушиваясь у дверей)*. Спитъ!..

БАРОНЪ. Какой языкъ?
Москву большой Варвар

АДЕЛЬГАЙДА (*улыбаясь,*
Да! и въ Москвѣ зажгло
Наружная любовь, языкъ
Разсчитанные обороты ч

Князь! Мой нарядъ вамъ

КНЯЗЬ.
Не понимаю, что́ вы гов
Притворство — грѣхъ...

АДЕЛЬГАЙДА. Нѣтъ,

КНЯЗЬ. Блестящая, богатая
Такъ въ золотыхъ лучахъ

(Шлуммерлусъ дѣлаетъ

АДЕЛЬГАЙДА. Князь, вѣрно,
Успѣли перенять языкъ бле
Понятія о рыцарской бесѣд
И мстите намъ за дерзкія с
Такого языка я не слыхал
И как...

Не женщина! Мнѣ страшно слушать васъ.
Въ устахъ героя нѣжныя слова,
Какъ мечъ его, и мѣтки и побѣдны...
(Задумчиво глядя на князя, какъ будто про себя.)
Какая цѣль!.. Какъ рыцарь своенравный,
Кочуя, ищетъ не войны, а жертвъ,
Чтобъ, возвратясь къ стопамъ своей царицы,
Сказать: я былъ на всѣхъ концахъ земли,
Сто рыцарей сошлись со мной и пали,
И дѣвы не по нихъ, по мнѣ тоскуютъ!
(Громко.)
Не правда ль, князь, вы ищете побѣды?..

КНЯЗЬ *(подходя къ ней)*.
Побѣды, да, надъ чувствомъ непонятнымъ.
Зачѣмъ глаза глядятъ, слухъ чуткій слышитъ?
Зачѣмъ чего-то жаждетъ, проситъ сердце?..
Зачѣмъ, какъ рой, крылатыя надежды
Кругомъ меня жужжать о новомъ благѣ?
И это благо предо мной! Я вижу,
Полжизни я носилъ съ собой доныпѣ;
Полсердца честь и славу обожало:
Пришла пора, другая половина
Зажглась, и, горе мнѣ... я сталъ несчастенъ!

АДЕЛЬГАЙДА. Утѣшьтесь! Если сердце запылало,
Знать, близокъ день, и сбудутся надежды.

КНЯЗЬ. День наступилъ...

АДЕЛЬГАЙДА. Мы мало, князь, знакомы,
Но я одинъ вопросъ себѣ позволю:
Во Псковѣ иль въ Москвѣ царица ваша?

КНЯЗЬ. Во Псковѣ.

АДЕЛЬГАЙДА. Псковъ обиленъ красотою.
И братъ любилъ Псковитянку, и мнѣ
Судили звѣзды здѣсь супруга встрѣтить.

... насказаль обширного
Чѣмъ громче предсказань
Не спорю, жениховъ тене
Графъ Каценеленбогенъ,
И мало ли владѣтельныхъ
Напомнять ваши рижскіе

КНЯЗЬ. Я встрѣчу ихъ, н

ШЛУММЕРМАУСЪ. Судьба

КНЯЗЬ. Со зн
И ваши гости знамя то́ ув
Съ воздушныхъ башень Ри
Уже въ пути, ужь въ Остр
Я жду его... И завтра, пос
Какъ море, рать московска
Лерить, Фелинь, Ригу, Реве
Довольно войска у меня, си
И все измѣнится въ землѣ

ШЛУМ. Въ послѣднемъ пѣть
Объ этомъ громко говорять
И побѣ...

Увидите, Голландцы подорвутъ
Купцовъ Венеціи и Лиссабона!
Тамъ самородная ганза, какъ гидра
Многоголовая, растетъ и крѣпнетъ,
И, близокъ часъ, орелъ морской торговли
Нѣмецкое поморье осѣнитъ,
Тогда какъ этотъ жребій былъ назначенъ
Балтійскому поморью. Нашъ Магистеръ,
Нашъ орденъ, всѣ готовятся къ реформѣ.
Конечно, только нашъ Сильвестръ Штобвассеръ
Не согласится. Нужно твердыхъ рукъ,
Ума обширнаго, немало войска,
Согласье русскихъ городовъ, и только...
Но, впрочемъ, я надежды не теряю:
Сынъ императора, который къ намъ
Идетъ на помощь, человѣкъ съ умомъ,
Пойметъ, въ какомъ мы положеньи. Онъ
Наслѣдовать имперіи не будетъ,
И потому устроитъ государство
Своимъ умомъ, для самого себя,
При помощи столь явныхъ обстоятельствъ..
Да это, просто, кладъ дается въ руки!
Конечно, сынъ Московскаго Царя,
Хотя бы дальній родственникъ его,
Для этой цѣли если бъ былъ назначенъ,
Тогда скорѣй переворотъ удастся...
И по весьма естественной причинѣ:
И Новгородъ и Псковъ пойдутъ съ любовью
Къ надежному союзу, отъ Москвы
Отложатся. Владѣнья ихъ огромны;
Безчисленны предметы ихъ торговли;
Они получатъ первенство въ ганзѣ,
И, какъ Литва, Русь новая возстанетъ!..

—

Шестаго, — это въ п
Графъ Каценеленбоген
Альбертъ Австрійскій
Весь орденъ на границ

(Къ Кульмгаузе

Баронъ! Мнѣ надо сооб
Князь не разсердится. Д
Пресвѣтлый князь! Я от
И вашъ отказъ, и почем
Во Псковѣ я невольно за
Угодно, я отвѣтъ мой по

Князь. Пишите, что хоти
Что я привѣтъ магистру
Что, можетъ быть, его п
Пошли бъ удачнѣе, когда
Далекихъ странъ не вздум
Меча, несытаго ливонской
Скажите, что во мнѣ взыгр
Что княжество мое...

БАРОНЪ (*уходя съ Кульмаусборденау. Тихо Адельгайдѣ*).

Поправь! Я, кажется, испортилъ дѣло...

АДЕЛЬГ. Чтó съ вами, князь?

КНЯЗЬ. Не смѣйтесь, баронесса!
Съ мужчинами я разочтусь мечемъ.
Они смертельнымъ смѣхомъ захохочутъ...
Но вы...

АДЕЛЬГАЙДА. Нѣтъ, князь, я понимаю васъ..
Вы не должны поморскаго вѣнца
Другому слабодушно уступать.
Вы — русскій князь! Быть только воеводой
И тѣсно и ничтожно для героя!
Я тотчасъ это чувство поняла:
Оно родное мнѣ...

КНЯЗЬ. Какое чувство?

АДЕЛЬГАЙДА. О, не скрывайте лучшихъ ощущеній!
Ихъ движетъ чистая, святая слава.
Князь, вы достойны новаго вѣнца!
Зачѣмъ я не мужчина? Честóлюбье!
Зачѣмъ одно ты сердце бѣдной дѣвы
Наполнило собой?

КНЯЗЬ (*страшно хохочетъ, и вдругъ становится мрачнымъ*).
И это чувство
Одно въ прекрасномъ сердцѣ обитаетъ?..
И никогда любовью къ человѣку
Не билось это сердце?.. Никогда?..

(Адельгайда, молча, лукаво глядитъ на него).

КНЯЗЬ. Угодники святые, я истаю!
Желѣзный ратникъ, я теряю чувства!..
Такъ мы одни... Прости мнѣ, дѣва...

И это — честол

князь. Все за любовь!.. Все за

АДЕЛЬГАЙДА.

Вы на пути ребенка повстрѣча
Легко сманить его цвѣткомъ, 1
Легко увлечь почетными страст
Ошиблись, князь!.. Я вамъ во в
Назначена цѣна моей любви...
Цвѣтокъ — мой скипетръ, ябло
Игрушка — королевская корона
Любить могу; но пѣть, не вѣрь
Какъ я не вѣрю рыцарямъ, бар
Я столько слышала любовныхъ

князь. Клянусь...

АДЕЛЬГАЙДА. И клятвъ слыхал
Мнѣ нужно жертвъ...

князь *(упавъ на колѣни)*.

Царица, и

АДЕЛЬГАЙДА *(блѣднѣя, оглядыі*

(Цѣлуетъ его въ лобъ и, закрывъ лицо руками, убѣгаетъ).

КНЯЗЬ *(вставъ)*.

Дрожи, земля!.. Преображенныхъ чувствъ
Неистовая буря разразилась!
Свѣтилъ небесныхъ мудрые завѣты!
Я понялъ васъ!.. Могучій Іоаннъ!
Не нуженъ я тебѣ какъ полководецъ.
Отъ запада я отграничу Русь
Обширной, самобытною державой,
И, какъ Литва, еще возникнетъ Русь!
Мой древній соименникъ, Даніилъ,
Великій галицкій король, съ небесъ
Взгляни на подвигъ слабаго потомка,
Благослови и укрѣпи совѣтомъ!..
Три брата будутъ въ православномъ мірѣ,
Мы свяжемъ ихъ союзомъ долговѣчнымъ,
Потомки — ихъ сольютъ въ одну державу,
И слава намъ, строителямъ Руси!..

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Свѣтлица въ жидовскомъ домѣ.
Ночь.

—

СХАРІЯ (одинъ, подходитъ къ окну).

Я вѣрю вамъ, кочующія звѣзды!
Вы носите алмазными путями
Судьбы царей, народовъ и вѣковъ.
Вы предрекли учителю Эхиму
Еврейскаго народа возрожденье,
И съ той поры, отъ береговъ Хенила
До Волхова, размножился Израиль!
Вѣтръ слабоумія надулъ вѣтрило,

Я видала его,
Жениха моего,
Въ тихомъ сладости
Гдѣ-то въ райской
Какъ онъ статенъ,
Какъ могучъ, какъ
Обняла я его,
Жениха моего!
Сталъ и мраченъ и
Мой суровый женихъ
Онъ невѣсту свою
Съ смѣхомъ бросилъ
Но въ волнахъ голу
Мой ужасный женихъ
Я любила тебя...
И проснулась... люби

СХАРІЯ. Опомнись, дочь! О комъ

РАХИЛЬ. Я?

СХАРІЯ. Рахиль, день вражды и
Не отравляй тебѣ

Которыми великіе раввины
Велятъ намъ покупать вторую жизнь?...
Любовь, любовь! О, дочь! Не намъ любить.
Слезоточивое страдальцевъ племя...
Позоромъ наше сердце заковали,
Для нашихъ тѣлъ разставили костры,
И, въ кандалахъ, молитвы наши къ Богу!..
Люби ихъ, Рахиль, если жить не хочешь;
Но устъ твоихъ враждебныя уста,
Клянусь горой Синая, не коснутся!
Костеръ насъ ждетъ: и лучше на костеръ
Я принесу тебя съ собой на жертву,
Но въ дѣвственной, священной чистотѣ...

РАХИЛЬ. Родитель!

СХАРІА. Да, мы опоздали, Рахиль!
Есть чары въ женщинѣ, сильнѣе нашихъ,
И Шлуммермаусъ употребилъ тѣ чары!
Онъ въ сердцѣ Князя Холмскаго зажегъ
Неодолимыя любви мученья;
И сѣть его крѣпка, и Адельгайда
Измѣнитъ Александру своему!
И Схарія измѣнитъ Александру!

РАХИЛЬ. Какъ, мой отецъ?.. Не сонъ ли видишь ты?
Въ словахъ твоихъ нѣтъ связи...

СХАРІА. Рахиль, Рахиль!
Костеръ насъ ждетъ. А нить отъ нашей тайны
Въ дурныхъ рукахъ... Баронъ за неудачу
Насъ выдастъ. Доказательствъ тьма, и, я
Сѣсть на корабль ганзейскій не успѣю...
Князь мнѣ сказалъ день своего рожденья,
И справиться по книгамъ приказалъ,
Что звѣзды, въ день и часъ его рожденья,
Внимательнымъ открыли мудрецамъ.

Я не нашелъ!

РАХИЛЬ. Ихъ нѣтъ въ бл

Ихъ нѣтъ, клянусь! Кому сул

Прекраснымъ сердцемъ князя

СХАРІА. Не сказано. Тебѣ я на

Поймать его, какъ стараго Св

Но Шлуммермаусы насъ преду

Баронъ составилъ гороскопъ д

И сбудется посольскій гороско

Вотъ онъ, гляди! Безъ выклад

И я несу его на гибель князя.

РАХИЛЬ. Но можетъ быть, род

Не лучше ли открыть весь заг

Въ участіи преступномъ повин

Я помогу... Онъ защититъ тебя

СХАР. Нѣтъ, отъ костра Князь Хол

РАХИЛЬ. Онъ не полюбитъ гордо

СХАРІА. Они ужъ поцѣлуемъ об

Я видѣлъ все...

[redacted]

ТѢ ЖЕ, и ЖИДЪ, въ костюмѣ царскаго латника.

ЖИДЪ. Готовъ!

СХАРІА. Готовъ? Спѣши, Мойсей, въ Москву;
Раздай по надписямъ всѣ эти письма;
Ко мнѣ въ отвѣтъ посланій не бери,
А на словахъ пускай тебѣ разскажутъ:
Идутъ.. Бѣги!..

РАХИЛЬ. Отецъ, что̀ это значитъ?

СХ. У насъ, въ Москвѣ, есть въ братьяхъ и бояре!
Молчи!... Теперь что̀ слово, то̀ измѣна.
А, это Александръ!... Простись съ нимъ, Рахиль;
Далекая темница ждетъ его;
Но помни: слово — и костеръ зажжется!...

—

СХАРІА, РАХИЛЬ и КНЯЖИЧЪ.

КНЯЖИЧЪ. Учитель! я погибъ. Мнѣ измѣнили!

СХАРІА. Кто измѣнилъ? Изъ нашихъ?

КНЯЖИЧЪ. Адельгайда!

СХАРІА. Какъ ты перепугалъ меня! Я думалъ...

КНЯЖИЧЪ. Мнѣ одному, учитель, одному!
Она выходитъ замужъ...

СХАРІА. За кого?

КНЯЖИЧЪ. За Князя Холмскаго!

СХАРІА. Не вѣрь!..

КНЯЖИЧЪ. Не вѣрю,
Но во Псковѣ теперь другой нѣтъ рѣчи.
Всѣ говорятъ, ужъ тайно обручились.
Другой посолъ на пирѣ объявилъ,
Что свадьбѣ быть назначено въ четвергъ...

РАХИЛЬ. Разрушь, разрушь ихъ счастіе, родитель!
Властей невидимыхъ могучій повелитель!

Молитесь за успѣхъ! (Про с
Облитое отравой страсти сер
Измѣнчиво какъ море. (Гром

РАХИЛЬ (*обнявъ Схарію*).
Прощай, родитель! (*Про себя*
Но Богъ съ тобой. Ужасенъ
Невыносимо пламя лютой сме
Безъ мести жить нельзя, а мо
Прощай, родитель!..

СХАРІЯ. Что̀ съ то

—

ТѢ ЖЕ, И ИЛЬИНИ

ИЛЬИНИШНА. Захарій Мо
Моисеевичъ! пропали мы! Уход
Я тебя всегда Богомъ стращал
вышло!...

СХАРІЯ. Да что̀ случилось?..

ИЛЬИНИШНА. Князь зоветъ!

Отцевъ его воздвигну изъ могилъ...
Въ такой порядокъ звѣзды приведу,
Какой мнѣ будетъ нуженъ. До свиданья!

княж. Учитель! жизнь и смерть въ твоихъ рукахъ;
Богатствъ моихъ, сокровищъ половину,
Отъ пращура торговлей нажитыхъ,
Я принесу на жертву братству... Только
Ты возврати невѣсту дорогую!

схарія *(Рахили)*.
Чтò жъ ты молчишь?

рахила. Я ничему не вѣрю;
Все знаю, и пойду моимъ путемъ...

схарія. Но тайна, дочь моя...

рахиль *(улыбаясь)*. Умретъ со мной.

схарія. Пойдемъ, Ильинишна...

ильинишна. Нѣтъ, ужъ я не пойду! Изъ чести ли зовутъ, или изъ другаго чего, помилуй Богъ, не пойду! Безъ проводовъ, Захарій Моисеевичъ! изволь безъ проводовъ! Скажи Сенькѣ: онъ на дворѣ еще, не угомонился; пускай за тобой запретъ; а ужъ я не пойду! видитъ Богъ, не пойду!.

—

РАХИЛЬ, КНЯЖИЧЪ и ИЛЬИНИШНА.

ильинишна *(подходя къ окну)*. Эко времячко! Зимою окна на распашку! А это чтò?.. Экой уродъ ѣдетъ, на ослѣ, или на коровѣ!.. А мальчишекъ-то, мальчишекъ! Гляди, гляди, къ нашимъ воротамъ поворачиваетъ!.. Сенька, слышь ты, не пускай!.. Ворота завизжали. Охъ, ты, олухъ, охъ, ты, окаянный! Да я и тебя съ нимъ полѣномъ со

..., ..., солоне
лучиной вмѣсто м

ИЛЬИНИШНА. Домовой! Види
Александръ Михайловичъ, Домо
рите крестъ и молитву: домово

РАХИЛЬ И КНЯЖИЧЪ. Сере

ИЛЬИНИШНА. Вотъ тебѣ ра
еще прозвищемъ!

СЕРЕДА (*кланяясь на всѣ чет*

Слава Городу Великом
Тройцѣ, матери церкв
Всѣхъ честныхъ монас
Государынѣ!
Слава всѣмъ Псковским
Ихъ *Великой* матери,
И Черехѣ, и Мирожѣ,
Перевозу Ольгину!..
Слава всѣмъ честнымъ
И посадскимъ, и гостя
Всѣмъ посадамъ, всѣмъ

княжичъ *(также)*. Съ ужасомъ слушаю его рѣчи... Впрочемъ, у него такой норовъ; съ разу не поймешь..

середа *(положивъ деревянный шлемъ)*. Проклятая деревяшка! Голову свернула! Самъ выдолбилъ, пока лошадей кормили...

рахиль. Онъ съ нами не говоритъ, какъ будто незнакомъ...

александръ. Какая-нибудь затѣя: спроста онъ ничего не дѣлаетъ.

середа. Слышь ты, Ильинишна?

ильинишна. Слушаю, батюшка; милости просимъ; очень рады милости вашей, имя, отчества не вѣдаю. *(Про себя)*. Да какъ онъ мое-то знаетъ?..

середа. Пошла спать!

ильинишна. Что́, пошла спать? Не хочу! Да съ чего ты взялъ? Какое тебѣ дѣло? Ты мнѣ не указъ! Я тебя со двора полѣномъ! Вотъ какъ крикну — весь конецъ сбѣжится...

середа. Тише, Ильинишна; пошла спать, а не то выдамъ. Вѣдь я не даромъ домовой — всю подноготную знаю...

ильинишна. Я ни въ чемъ невиновата. Батюшка государь, прости крупному слову! Такъ ты, знаешь, круто заговорилъ! А я и сама съ норовомъ...

середа. Такъ убирайся же, Ильинишна...

ильинишна. Иду, иду... Гляди, Александръ Михайловичъ, чтобы онъ чего не унесъ... *(Возвращается)* А что́, твоя милость здѣсь ночевать будетъ?..

середа. Пошла спать!

...РЕДА. Ну, теперь здраве
Что новаго?

АЛЕКСАНДРЪ. (Вмѣстѣ

Князь женится на Адельгайдѣ; уже обручились: въ четвергъ свадьба; она прiиметъ православную вѣру; поѣдетъ въ Москву; ее запрутъ на княжескiй дворъ, и я никогда ее не увижу...

Князь на баро ее отсю неизвѣс околдов ла забыл отечеств

СЕРЕДА. Тише, тише! Стойте! му очередь? Катилося яблоко... И начинай; у этого заноза въ сердцѣ болѣнь...

РАХИЛЬ (опустивъ голову). Бу вато: не само бѣды ищеть, а бѣд

СЕРЕДА. Ужъ не въ меня ли ты рилась? Жаль, если правда. И ужъ бросилъ: хочу въ татары идти... Рахиль: я тебѣ...

СЕРЕДА. Вижу, вижу: и ты въ дуры пошла! Да все-таки не женюсь: своя есть. И за одну спасибо не скажу. Сначала дура полюбила дурака, а потомъ стала про моего князя бредить.

РАХИЛЬ. Братъ Ѳома! братъ Ѳома! Ужъ вѣрно такія звѣзды на небо пришли. Всѣ на меня! Отецъ, любимые братья, посторонніе... всѣ .. всѣ!.. Да уйдите отсюда!.. это моя свѣтелка... это моя дѣвичья постель... На этомъ изголовьѣ еще такъ недавно жило мое счастье... Уйдите отсюда, оставьте меня!..

СЕРЕДА. Послушайте! Али и всѣхъ во Псковѣ пришибло? Ну, что мнѣ тутъ понять? Или ты рѣхнулась, или въ самого князя втюрилась?..

РАХИЛЬ *(показывая на голову и сердце)*. Ты правъ... тутъ чего-то не достаетъ; за то тутъ...

СЕРЕДА. Ничего, матушка; сходи за папоротникомъ, на ночь намочи, поутру проглоти: къ вечеру здорова будешь...

РАХИЛЬ *(съ отчаяніемъ)*. Ѳома!

СЕРЕДА. Ну, что?

РАХИЛЬ. Прощай!..

СЕРЕДА и КНЯЖИЧЪ.

СЕРЕДА. Что за диво! Угорѣла дѣвка. Жаль, хоть и еретичка. Знаешь, отъ ея рѣчей что-то не ловко. Ну, а ты? Тоже кикиморы въ головѣ?

КНЯЖИЧЪ. Ты шутишь, Ѳома, да намъ не до шутокъ. Погоди, узнаешь самъ, что тутъ надѣлалъ Шлуммермаусъ...

СЕРЕДА. А онъ здѣсь, голубчикъ?

стакнулся.

СЕРЕДА. А ты думалъ, как

КНЯЖИЧЪ. Неужели?.. Я с

СЕРЕДА. И сойдешь, отступ
уже не осъпясгъ головы твоей...
единаго, Бога русскаго, ты дв
Понимаешь ли?

КНЯЖИЧЪ. Какъ, развѣ ты

СЕРЕДА. Жидъ! Я тебѣ язык
ный жидовинъ! Мальчишка! ты
когда меня, съ отцемъ моимъ
за долги, въ холопьи выдали...
чика по семнадцатому году, с
сердцѣ, съ силой въ рукѣ, съ ц
что же я? расплакался, по-твоем
и писать умѣлъ; молитвы разби
шего діакона; рѣчи мои ножемъ
и продалъ меня Холмскимъ;

то, по молодости, нашалишь .. Сталъ другой царь. Данилка мой въ гору пошелъ; помолвили его, да на подвиги и ну посылать. Добро вотъ такъ кругомъ и обросло, знай коси: бросишь гривну, рубль растетъ; бросишь горсть, поле засѣяно; махнешь рукой, пожаръ тухнетъ; крикнешь, кровь не льется... И вся Русь рада-радехонька; за насъ по церквамъ молятся. Новое пошло, и стала Русь державой... Понимаешь ли?..

княжичъ. Да мнѣ оттого не легче!

середа. Матушка и розгами сѣчетъ, а все-таки любишь... А васъ бы, вольницу, и не такъ еще надо...

княжичъ. Ахъ, Ѳома! ты другъ князю; спаси меня, выручи, открой ему, что Адельгайда любитъ меня одного, что я люблю ее, что не видать князю счастія, если у меня ее отниметъ...

середа. Изволь! женю тебя...

княжичъ. Ѳома, государь мой и благодѣтель! бѣги же къ князю, пока...

середа. Стой, постой, погоди! Вотъ то-то и есть! Козелъ по берегу ходилъ... «На, сѣна, Васька.» — Не хочу, видишь, на томъ берегу лугъ въ цвѣту. Прыгъ!.. Рѣка широка; ногъ не хватило, а омутомъ охватило. «Самъ сѣна дамъ, только выручи!..» — Не утонешь, Васька, кайся; а иначе съ тебя, какъ съ козла молока. — Покаялся, вытащили; а Васька и ну бодаться... А грѣхъ — проказа! Вотъ я въ чужой шубѣ походилъ: у нѣмцевъ хитрости учился; ради царскаго дѣла, и съ жидами пѣсни пѣлъ и съ нѣмцами вино пилъ; такъ вотъ теперь такъ сгорбился, что развѣ же-

на палкой выпрямить... Нѣтъ, братъ, сердце береги; сердце — мякоть...

КНЯЖИЧЪ. Не мучь, Середа. скажи чего ты хочешь?..

СЕРЕДА. Догадайся.

КНЯЖИЧЪ. О! если ты думаешь, что я увлекся ересью, ты ошибаешься.

СЕРЕДА. Гляди, говорила старуха, какое сегодня солнце бурое! А слѣпому нужна полушка: «Ахти, кричитъ слѣпой, какое оно бурое!..»

КНЯЖИЧЪ. Нѣтъ, Ѳома, ересь моя притворна. Я узналъ, какъ искусенъ Схарія въ колдовствѣ; пришелъ къ нему, обѣщалъ гору денегъ. Не нужно, говоритъ, я ее приколдую; брата заговорю; на роденьку затонъ наведу; свадьбу слажу... И могъ ли я тогда не притвориться, когда цѣною временнаго, и то ложнаго, отступничества была Адельгайда?.. И все шло такъ счастливо!..

СЕРЕДА. Такъ ты не жидъ?

КНЯЖИЧЪ. Не жидъ, Середа; клянусь Богомъ и нашей Троицей, не жидъ!..

СЕРЕДА. Знатно! Коробъ сладкихъ слезъ наплачу, не я одинъ. Да и кто забудетъ Бога, Которому молился у постели отца и матери! Сюда, Александръ, на эту грудь! Я ихъ, кудесниковъ! Праха не будетъ! Очищу Русь отъ ереси и пойду Казань воевать!

КНЯЖИЧЪ. Середа, ты медлишь, а Схарія и Шлуммермаусъ губятъ князя...

СЕРЕДА *(надѣвъ шлемъ и обнявъ Княжича.)*
Въ походъ, на брань, спокойно и умно!
Великъ Стратигъ, когда въ великомъ сердцѣ

Онъ только умѣстилъ свою отчизну;
Глаза его отъ блеска не ослѣпнутъ,
Не помутятъ его разсудка чары.

(Уходя.)

Городъ за городомъ
Покоряются!
Воинъ за воиномъ
Покланяются!
Ахъ, Ты, Господи!
Какъ люблю тебя,
Мать-земля родимая,
Русь православная!..

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Покои князя. Впереди столъ съ книгами и магическими приборами; двуцвѣтнымъ фонаремъ освѣщена комната. **КНЯЗЬ** со вниманіемъ разсматриваетъ чертежи. **СХАРІА** смотритъ на него съ улыбкой.

КНЯЗЬ. Благопріятныя стоятъ созвѣздья!
Такъ. Несомнѣнно. Я ихъ узнаю.
Другіе толки на Москвѣ я слышалъ;
Самъ Іоаннъ иной давалъ имъ смыслъ,
Пославъ меня на вѣрную погибель...

СХАРІА. Но, государь, измѣнятся созвѣздья;
Двѣ-три недѣли, и опять прійдется
До осени откладывать, а люди
Препятствія умножать...

КНЯЗЬ. Мудрый мужъ,

Конецъ сомнѣніямъ! Кон
Я твердою стопой къ вел
Пойду, и міръ событьямъ
Но о любви ты не сказал

СХАРІА. Притворщица, она
Всѣ сны ея я собралъ въ
Всѣ сны—одинъ и тотъ же
Она у васъ просила короле
Державы, скипетра, вѣнца.

КНЯЗЬ. Дивлюсь я мудрост

СХАРІА. Вы обѣщали, князь

КНЯЗЬ.

СХАРІА. Всмотритесь сами,
Вы оба исполняете невольно
Она любовь свою прикрыть
Вы будто радости повинова
А между тѣмъ сбывается су

КНЯЗЬ. Да! мудрено против
Намъ слабымъ

А Эзельскій и Дерптскій согласились...
Я письма получилъ. Новогородцы
Готовы мнѣ повиноваться, если
Я отъ Москвы ихъ выручить съумѣю.
Я говорилъ съ ихъ умными послами:
Они отъ радости едва не плачуть!
Ганзейскіе послы сегодня ночью
Послали въ города своихъ гонцевъ,
Согражданъ приготовить къ договору.
Союзъ съ магистромъ конченъ и подписанъ;
Остался Псковъ...

СХАРІА. Невѣжество Псковитянъ
Грозитъ вамъ, князь, упрямствомъ и волненьемъ.
Ихъ надо сильнымъ поразить ударомъ,
Внезапно, неожиданно, на вѣчѣ:
Тогда имъ трудно будетъ колебаться.

КНЯЗЬ. Войска войдутъ и вѣче окружатъ;
Малѣйшее сопротивленье... тучей
На нихъ слетитъ огромная дружина
И колоколъ обрушитъ на виновныхъ...

СХАРІА. Согласны ль будутъ наши воеводы?..

КНЯЗЬ (*съ улыбкой*).
Я ихъ училъ повиноваться слѣпо.
За подвиги я награждалъ ихъ щедро...
Не такъ, какъ насъ за Новгородъ взыскали!
И рать мою, какъ мысль, послать могу я
На всѣ концы земли... Пойдетъ съ охотой...

СХАРІА. О, государь! судьба державы новой
Завидна и славна!.. Дай Богъ успѣха!
Но дѣло къ свѣту; надо ѣхать въ Ригу...

КНЯЗЬ. Пойдемъ; и грамоты уже готовы.

(Уходитъ. Схарія тушитъ фонарь и идетъ за княземъ.)

—

Душъ коварной свято
День, погоди!.. Ослъпнетъ ст
Позволь по крайней мъръ у п
Мнъ «горе» прокричать, пото
Чу, кто идетъ?

—

СЕРЕДА и СХАР

СХАРІА (*отирая лобъ.*)
Исполненъ страш
Спасенъ Израиль — гордый вр
Теперь бъги, посолъ, не возра

СЕРЕДА (*охвативъ его одной рук*

Стой, нътъ дороги дальше! А!
Узналъ ли Середу! Я обличите

СХ. (*съ трудомъ освобождаясь*).

СЕРЕДА. Сгинь, п
Ты могъ убить жидовской каб
Дътей развратныхъ или слабоу
Но ты зачъмъ у князя б

Того, кто смѣлъ у князя воровать
Святыя чувства вѣры и отчизны!
Какъ зайца понесу тебя на вѣче,
И обличу, и подожгу костеръ!
Гори, Іуда! Мы смѣяться будемъ
Потѣшному огню жидовской казни...

СХАРІА. Невѣрный сынъ!

СЕРЕДА. Меня не обморочишь!
Нѣтъ, батюшка, Захарій Моисеичъ,
Пока вы мнѣ служили языками,
Пока я васъ гонцами разсылалъ
И на жидахъ посольскую науку,
Какъ на письмѣ, покойно исправлялъ,
До той поры я былъ *жидомъ притворнымъ.*
Теперь я — обличитель и судья,
И Русь отъ вашей ереси очищу...

(Схарія шаритъ около себя, ища ножа.)

СЕРЕДА. Жидъ, не ищи ножа: кистень отстегнутъ!

СХАРІА. Нѣтъ, Середа, мошны ищу...

СЕРЕДА. Не надо!
Заплатишь кровью и костьми! На вѣче!

СХАРІА. А хлѣбъ, а соль, прибѣжище, защита,
Услуги, деньги? Это все забыто!...

СЕРЕДА (*оставляя его*).
Ты правъ!... Бѣги! Дамъ срока до полудня;
Но если во Псковѣ тебя иль Рахиль,
Послѣ полудня, встрѣчу гдѣ нибудь;
Но если въ русскомъ городѣ какомъ
Черезъ недѣлю я тебя увижу;
Но если слово твоего писанья
Мнѣ попадется на землѣ крещеной:
Изъ Риги принесу тебя на вѣче!
Отъ пламени и чары не спасутъ...

СХАРІА. Бѣгу! Но слово: до полудня...

СЕРЕДА. Торгъ!
Не умничай! А то на мѣстѣ выдамъ...

СХАРІА. Прости, невѣрный сынъ!

СЕРЕДА. Прощай, собака!
Что это? И фонарь его волшебный,
И ящикъ съ разноцвѣтными огнями,
И книги съ кабалой и зеркалами?...

—

СЕРЕДА и КНЯЗЬ.

КНЯЗЬ (*не обращая вниманія, кто передъ нимъ*).
Лукьянъ, снеси записку баронессѣ...

СЕРЕДА (*беретъ изъ рукъ записку*).
Прикажешь, князь, отвѣта дожидаться?

КНЯЗЬ. Кого я вижу? Середа! Ты здѣсь?
Давно ли? что, здоровъ?...

(Середа падаетъ къ ногамъ князя).

КНЯЗЬ. Вставай!... Вотъ кстати!
Долой свою дурацкую одежду,
Мы съ Азіей разстанемся навѣки.
Съ перомъ въ рукахъ, ты будешь мнѣ полезенъ;
Твоимъ посольствомъ я весьма доволенъ.
Вставай же, Середа!

СЕРЕДА. Князь, я не встану...
Вели меня въ Великую снести
И съ моста въ воду бросить...

КНЯЗЬ. Это что?

СЕРЕДА (*подымаясь*). Я Русскимъ родился, и умереть
Хотѣлъ бы Русскимъ...

КНЯЗЬ. Кто жъ тебѣ мѣшаетъ?...

СЕРЕДА. Ты, князь!

КНЯЗЬ. Вставай; помиримся, увидишь,

Какъ ты неправъ. Скажи, чего ты хочешь?
На радости, дай милостью поздравлю.
Ну, говори, чего ты хочешь?..

СЕРЕДА. Смерти!

КНЯЗЬ. Брось глупости! Чѣмъ миловать тебя?
Скажи, я ничего не пожалѣю.

СЕРЕДА (*вставъ*). Есть во Псковѣ купчина удалой:
На нѣмцевъ онъ охотился съ дружиной,
Въ походахъ свёлъ недоброе знакомство
Съ какой-то дѣвушкой; влюбился; свадьбу
Хотѣлъ играть, какъ вдругъ она попалась
Къ тебѣ въ полонъ...

КНЯЗЬ. Ну!

СЕРЕДА. Александръ Михайлычъ,
Что̀ Княжичемъ зовутъ, мнѣ другъ старинный:
Зазноба проняла; онъ умираетъ;
Умреть, когда не отдадутъ невѣсты...

КНЯЗЬ. Арсеньевъ!

СЕРЕДА. И она его любила,
А можетъ, и доселѣ любитъ...

КНЯЗЬ. Нѣтъ,
Не любитъ; ненавидитъ. Эй, Арсеньевъ!

—

ТѢ ЖЕ и АРСЕНЬЕВЪ.

КНЯЗЬ. Взять Княжича подъ стражу! Въ монастырь,
Гдѣ бѣглые сидятъ, на хлѣбъ и воду!
Я научу любить мою невѣсту!
Ступай, Арсеньевъ! Разскажи дорогой,
Что у меня сегодня обрученье,
Что Адельгайда любитъ Даніила,
И будетъ государыней его...
Что ежели она его любила,

и мѣсяца не будетъ
Помолвили тебя съ

Князь. Нѣтъ, Ѳомка,
Мнѣ новый міръ откр
Мой разумъ шире, се
Надежды краше. Сере
Я получу за счастіе п
Сегодня... Ѳомка, все
Вчера мы были съ не
Отстали, рѣчь зашла о
О нашей жизни, обо в
Лежитъ въ судьбѣ еще
Я съ нею былъ такъ л
Слова лились съ какимъ-
Глаза смотрѣли прямо н
Я даже руку пожалъ, и
Поцѣловалъ каштановую
Ахъ, Середа, я счастливъ
Пять мѣсяца, я весь прео
Не правда ли, я сталъ

У нихъ играютъ рыцарскіе кони...
А рыцари, за праздничнымъ столомъ,
Съ далекихъ странъ стеклись на пиръ въ поморье...
Пусть мой удѣлъ возьмутъ на государя.
Что отъ него осталось? Два села,
Да городъ въ пять домовъ съ однимъ приходомъ...
Возстанетъ ново-русская Ганза,
Поморье флотъ пошлетъ на Португальцевъ
И на Венецію. Я самъ поѣду...
Магистръ согласенъ. Рыцари согласны.
Черноголовые во всѣхъ мѣстахъ
Въ восторгѣ отъ ганзейскаго союза.
Я ихъ глава, я новый государь
Въ семьѣ царей, помазанныхъ отъ Бога!
Ужъ Новгородъ прислалъ своихъ пословъ;
Получено согласье отъ магистра
И городовъ... Мой колоколъ, скорѣе
Подай мнѣ вѣсть!.. и я пойду вѣнчаться
Двойнымъ вѣнцомъ державства и любви...

СЕРЕДА. Князь...

КНЯЗЬ. Псковичи, какъ дѣти, непослушны.
Я на зарѣ велѣлъ собраться вѣчу...
Войска проходятъ мостъ...

(**Колоколъ**).

А! наконецъ!
По-моему, старикъ, звонить ты долженъ:
Я — твой и государь и покровитель...
Пора мнѣ одѣваться! До свиданья.

(**Уходитъ**)

СЕРЕДА *(упавъ на колѣни.)*
Князь! ты измѣнникъ!...

—

тутъ написано?...

РЫЦАРЬ. Цѣлая лѣтоп
чертей! Шлуммермаусъ боль
что я ни читать, ни писать п
что русскіе города отлагаі
соединяются съ нѣмецкими..
ютъ союзъ, особое государст
рями, которые тутъ назван
одинъ нашъ старый магистръ,
дой князь, — а послѣ смерти
втораго протектора уже не из
сячъ вѣдьмъ! Что это такое?
не позволю. Миръ, такъ мир
война. А такихъ глупостей д
несбыточны, нелѣпы и вредят

ТѢ ЖЕ и КНЯЗЬ, въ богат
костюмѣ.

—

лъ, въ-третьихъ, я не приложу этого честнаго оружія къ подлому дѣлу...

князь. А, вы разсуждаете! Вы умѣете не только сражаться, но искусны и въ посольской наукѣ.

рыцарь. Помилуйте, какая тутъ наука! Просто. обманъ. Я не знаю, по какому праву вы распоряжаетесь вотчинами и городами Московскаго Императора, но очень хорошо понимаю, что Бернгардъ, безъ гросмейстера и безъ римскаго императора, не смѣетъ продать или уступить клочка земли ливонской! Какъ смѣла эта *сонная мышь* дѣлать подобныя предложенія? Да мнѣ его не жаль; за оскорбленіе моего посольскаго достоинства я ему обрублю уши: не уймется, такъ я его привяжу ко хвосту моего Минотавра и повезу въ Регенсбургъ, на судъ императора римскаго: какъ онъ смѣлъ опорочить честное имя Германца?... Мнѣ его не жаль, а жаль, что я его не выкинулъ изъ окошка нейгаузенской башни, когда онъ ко мнѣ явился просить погони за этою вѣдьмой Адельгандой.. .

князь. Господинъ баронъ....

рыцарь. Позвольте, князь! Мнѣ, понимаю, должно знать себя и беречь собственную честь; а до васъ, какое мнѣ дѣло. Я въ васъ подозрѣвалъ героя, все вышло наизворотъ. Я уѣзжаю, но прежде долженъ уничтожить этотъ договоръ, въ который Шлуммермаусъ осмѣлился включить мое имя.

князь. Что̀ вы дѣлаете?...

рыцарь. Разрываю мой стыдъ и связи съ измѣнниками. ..

...ть, которо...
Мнѣ остается сожалѣт...
тите участвовать въ ве...

СЕРЕДА. Схарія! Я ...
я его выпустилъ? Князь ...
открою.

(Второй ...

КНЯЗЬ. Послѣ вѣча, ...

СЕРЕДА. Я не пущу те...

КНЯЗЬ. Небо знаетъ ...
чему быть, чему не мино...
сказки свои ты разскажеш...
сонъ грядущій.

—

РЫЦАРЬ и ...

РЫЦАРЬ. Жаль! Какъ ...
Вѣдь онъ и вправду въ коро...
шатный король!...

СЕРЕ...

РЫЦАРЬ. Въ Швецію, искать подвиговъ.

СЕРЕДА. Нѣтъ, баронъ, пока они строятъ воздушную державу, мы можемъ заключить съ вами договоръ, честный, благородный, безобидный. Послѣ неудачи они подпишутъ, особенно, если надъ ухомъ Шлуммермауса, по обѣщанію, вы подымете мечъ свой, баронъ.

РЫЦАРЬ. Браво!... Чудесная выдумка!

СЕРЕДА. Садитесь, баронъ; вотъ перо, бумага.

РЫЦАРЬ. Нѣтъ, садись ты; это не мои оружія: они по рукѣ плутамъ и... Пиши!... Да мы не знаемъ порядковъ!..

СЕРЕДА. Я знаю все, баронъ; главное — условія, а въ посольскій порядокъ мы успѣемъ привести весь ревельскій архивъ, и кончить по-человѣчески. И такъ, первое условіе...

РЫЦАРЬ. Вѣчный миръ...

СЕРЕДА. Нѣтъ.

РЫЦАРЬ. Какъ нѣтъ?

СЕРЕДА. Да какой же миръ у государя съ подданными? Поморье наша земля, древній удѣлъ Ярослава; онъ самъ срубилъ городокъ Юрьевъ, что вы прозвали Дерптомъ. Какой тутъ миръ? Временное прощеніе и то съ тѣмъ, что, по первому призыву государя, земля поморская приметъ нашихъ намѣстниковъ... Не хочу мира! Не бывать миру! А писать просто: государь прощаетъ своихъ ниѳлятинскихъ людей за всѣ произведенные ими разбои, грабежи и нападенія на псковскія его государевы волости...

РЫЦАРЬ. Послушай: Шлуммермаусъ это подпишетъ, но я — нѣтъ! Почему я знаю, чья земля? Рыцари въ той землѣ: слѣдственно, земля — ихъ....

СЕРЕДА. Пожалуй! Ну, такъ напишемъ просто, что государь прощаетъ всѣхъ рыцарей ордена, Сильвестра Штобвассера и рижскихъ Черноголовыхъ.

РЫЦАРЬ. Вотъ это хорошо! Виноваты; и это такъ. Простить можно... Справедливо, справедливо! Пиши; а въ заключеніи пиши, чтобы впередъ подобнаго ничего не дѣлали, и трактату конецъ.

СЕРЕДА. О! нѣтъ, баронъ... Государь прощаетъ, но съ тѣмъ, чтобы понесенные псковскими купцами убытки были немедленно, втеченіи, положимъ, трехъ мѣсяцевъ, вознаграждены штобвассеровскою и городовою казною, пополамъ...

РЫЦАРЬ. Пиши, пиши!...

СЕРЕДА. Да за переходъ царскаго войска и понесенные отъ того убытки и раззоренія заплатили бы въ его государеву казну, сколько по сыску причтется....

РЫЦАРЬ (*снимаетъ шлемъ*.) Уфъ градомъ... Такъ усталъ думать! А только, кажется, и это справедливо: войско пришло, не подвиговъ искать, а по волѣ государя. Пиши, пиши только поскорѣе. Проклятый Шлуммермаусъ, до чего онъ довелъ меня — сочинять мирные договоры! Что скажетъ потомство? А? Что скажетъ исторія?

СЕРЕДА. Наконецъ...

РЫЦАРЬ. А! слава Богу! наконецъ пришелъ *конецъ*....

СЕРЕДА. Во всемъ жить попрежнему; споры, взаимныя неудовольствія, обиды, и прочая, рѣшить по прежнимъ договорамъ. Во исполненіе чего цѣловать крестъ обѣимъ сторонамъ по ихъ вѣрѣ, а государю держать свое поморье въ любви и милости....

РЫЦАРЬ. *Свое* — вонъ! Когда императоръ завоюетъ — будетъ его; можетъ-быть по праву оно и теперь его, но я подписать не могу; и это слово дѣлу не помощь. Аминь. Уфъ!... Теперь, давай, я первый приложу подпись и концы въ воду....

СЕРЕДА. Нѣтъ, погодите, баронъ; надо привести въ порядокъ, а тогда уже....

—

ТѢ ЖЕ и АДЕЛЬГАЙДА.

АДЕЛЬГАЙДА. Гдѣ князь?... Ради Бога, гдѣ князь?

РЫЦАРЬ. Вотъ эта дѣвчонка всему злу причина. Прощай! Я съ нею говорить не хочу и не умѣю....

АДЕЛЬГАЙДА. Постойте, благородный рыцарь. Ахъ! и ты здѣсь, великодушный защитникъ невинности! Я видѣла, какъ твой кистень подарилъ смертью сластолюбца. Молю васъ, благородные люди, спасите Адельгайду, возвратите ей блаженство, счастіе, жизнь, все... моего Александра!... Онъ въ темницѣ....

РЫЦАРЬ. Какимъ образомъ? Кто могъ посадить князя въ темницу? Чтó за небывальщину изволитъ разсказывать эта....

АДЕЛЬГАЙДА. Какого князя, баронъ! Моего Александра, моего друга, моего.... моего.... жениха!

РЫЦАРЬ. Послушайте! Такъ сколько же у васъ жениховъ?

АДЕЛЬГ. Одинъ, одинъ!.. и тотъ въ темницу брошенъ!
И вѣче для него выдумаетъ смерть!
И за меня!... зачѣмъ его любила,
Зачѣмъ пошла въ позорный плѣнъ охотой,
Зачѣмъ любовь проснулась въ этомъ князѣ,
Ничтожномъ идолѣ московской славы.
Баронъ! вотъ преступленья Александра.

РЫЦАРЬ. Да вы объявлены невѣстой князя!

АДЕЛЬГАЙДА. Уже! Когда? Я ненавижу князя,
Чуть не молюсь о гибели его,
И, если бъ я не плѣнницей была,
Перчатки рыцарей ливонскихъ тучей,
Дождемъ желѣзнымъ; на него слетѣли бъ.
Теперь я плѣнница у нихъ двойная!...
И князь и братъ — властители мои.
Еще, пожалуй, силой обвѣнчаютъ.

РЫЦАРЬ. Что? силой? Никогда! Я вашъ защитникъ!
Однажды на Востокѣ поселянку
Хотѣлъ эмиръ обидѣть: я вступился,
И груда мертвыхъ тѣлъ широкимъ валомъ
Въ долинѣ поднялась, и съ той поры
Эмиръ не приходилъ за поселянкой....
Я — рыцарь вашъ, и посмотрю, какъ силой
Изъ дома моего возьмутъ васъ въ церковь!

АДЕЛЬГ. Пускай возьмутъ!.. но только Александра
Спасите, Александра! Я сама
Пойду въ соборъ... но только Александра!...

СЕРЕДА. Стой, матушка! Иди себѣ съ барономъ;
Я приведу къ нему и Александра,
И самъ возьму, за честь и правду, мечъ.

АДЕЛЬГ. Спаситель мой, не медли! Вѣче быстро,
По волѣ князя, скажетъ приговоръ....

СЕРЕДА. Нѣтъ! это вѣче Богу своему
И государю не измѣнитъ... Прочь,
Соломенныя латы дурака,
Шлемъ деревянный, подлая лучина!
Я болѣе — не княжій рабъ, я — рыцарь
За Русь мою, за честь ея, за славу!
Нетлѣнная меня броня обложитъ;
Мой шлемъ Господней силой осѣнится;
Дурацкій мечъ преобразится въ пламя.
Пойдемъ, друзья! Богъ солнце остановитъ,
Когда подъ нимъ велитъ добру свершиться.

РЫЦАРЬ. Поди, веди войну съ такимъ народомъ!

(Уходятъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Псковское вѣче. Каѳедра. Скамьи. Вдали видѣнъ старый Троицкій Соборъ и дома псковскіе; за рѣкою станъ и монастыри; тотчасъ за скамьями, подъ высокимъ желѣзнымъ позолоченымъ навѣсомъ, на четырехъ столбахъ, украшенныхъ рѣзьбою, вѣчевой колоколъ. Веревки отъ языка, обвитыя лентами и галунами, держатъ трое юношей въ богатыхъ русскихъ костюмахъ; три рогатки охраняютъ три входа на вѣче; при каждой по два воина, въ полномъ вооруженіи, съ позолоченными топорами...

—

ПОСАДНИКЪ и разнаго званія именитые люди псковскіе.

…младшихъ братьевъ, го
Почетное мы назначаемъ м
(Войско окружаетъ вѣче, с
Москва пришла на мирный п
Съ оружіемъ! Но Пскову Бо
И Богъ свидѣтель въ вѣрност
И не смущайтеся, зане невин

ТѢ ЖЕ и ВОЕВ

ПОСАДНИКЪ. Для царскихъ вое
Дай Богъ гостямъ и здравья и

…ЕВЧАД. Благодаримъ, Арсень
Какъ важничаютъ Псковичи на

АРСЕН. Народъ—ребенокъ: скуч
А старая Москва, какъ дѣдъ у
Должна глядѣть на шалости вну
Сквозь пальцы…

…ЕВЧАДЬЕВЪ. Така…

Вчера дружина цѣлая пошла
Въ Ливонію для нѣмки за бандурой:
Безъ той бандуры жить она не можетъ!...
Одѣлся по-нѣмецки, намъ велѣлъ
Всѣмъ по-нѣмецкому перерядиться.
И ты, гляди, нѣмецкій мечь привѣсилъ...
Съ обновкой поздравляю!...

АРСЕНЬЕВЪ. Приказали!
Да и тебѣ, Левчадьевъ, не мѣшало бъ
Купить нѣмецкое вооруженье....

ЛЕВЧАД. Да денегъ нѣтъ. И этотъ мечъ надеженъ...
Онъ помнитъ Ольгерда и Гедимина:
Такъ Нѣмцамъ съ нимъ не совладать; и глупо
Отъ дѣдовской отречься старины,
Въ угодность дерзкой и развратной дѣвкѣ.
Посмотримъ, скажутъ ли въ Москвѣ спасибо
За наши непотребныя продѣлки?
Задумалъ князь недоброе!...

АРСЕНЬЕВЪ. Молчи!
Онъ съ дѣтства былъ хитеръ и своенравенъ,
И промаха не дастъ. И на Москвѣ
Ученый царскій звѣздословъ о немъ
Всегда съ большимъ почетомъ отзывался.
Ему вся подноготная извѣстна...

—

ТѢ ЖЕ и ШЛУММЕРМАУСЪ.

ТРИФОНОВЪ. Слышь, нѣмецъ, брыль долой!

ШЛУММЕРМАУСЪ. Что̀ это значитъ?

ТРИФОН. Слышь, нѣмецъ, поклонися вѣчевому!
Сломай картузъ свой длиннополый; слышишь?

ШЛУММЕРМАУСЪ (*снявъ шляпу и нѣсколько разъ кланяясь колоколу*).
Ты, главный и безсмысленный крикунъ,
Пустая мѣдь, пустыхъ головъ ораторъ!
Отрѣжутъ твой языкъ велерѣчивый,
Падутъ твои нарядные столбы,
И пряники татарскихъ украшеній
Московскимъ дѣтямъ раздадутъ въ игрушки.

ПОСАДН. Пора бы вѣче начинать; князь медлитъ.

ТРИФОН. Князь не указъ. А ты на что́, посадникъ?
Князь во Псковѣ и самъ стоитъ подъ вѣчемъ.

ВЪ ТОЛПѢ. Князь на мосту! Князь на мосту! Садитесь!

(Всѣ усѣлись.)

ЛЕВЧ. Хотѣлъ бы знать, зачѣмъ у вѣча войско?
Зачѣмъ намъ велѣно, всѣмъ воеводамъ,
Присутствовать на святочной забавѣ?
Недоброе, Арсеньевъ, мы увидимъ!

—

ТѢ ЖЕ и КНЯЗЬ. Впереди мальчики попарно; за княземъ врачъ и двое меньшихъ воеводъ. Всѣ встаютъ. Князь, поклонясь вѣчевому, кланяется на всѣ четыре стороны.

НАРОДЪ. Да здравствуетъ царь Іоаннъ! Ура!

ПОСАДНИКЪ. Да здравствуетъ великій воевода
Царя, князь Даніилъ Димитричъ Холмскій!

НАРОДЪ. Да здравствуетъ князь Даніилъ Димитричъ!

КНЯЗЬ (*восходитъ на возвышеніе*).
Привѣтъ великому святому Пскову,
Державному ганзейскому собрату!
Оплотъ Ганзы противъ Татаръ, Москвы —
Противъ Литвы; торговлею богатый,
Торговлею и промысломъ живущій,

Псковъ — безъ земли; товары — почва Пскова;
Ладьи — его могущество; а вѣче —
Стражъ неусыпный правъ и преимуществъ.
Поклонимся мѣдяному владыкѣ,
И вѣче многодумное начнемъ.

НАРОДЪ. Да здравствуетъ князь Даніилъ Димитричъ!

ПОСАДН. Князь Даніилъ Димитричъ! много чести
И славы намъ даруетъ Государь,
Когда твоими княжьими устами
Великія слова намъ посылаетъ.
Чѣмъ благодарствовать? Москва богата:
Псковской казны не нужно Іоанну;
А нужно, пусть пришлетъ. Сосуды предковъ
Мы соберемъ въ подарокъ Государю,
Виномъ заморскимъ погреба наполнимъ,
Парчей богатой, шпанскими шелками
До потолковъ домъ царскій уберемъ,
И князя Довмонта мечемъ поздравимъ
За ласки государевы... Не вѣришь?..
Преклонна предъ посломъ его колѣни,
Мы клятвой утвердимъ...

КНЯЗЬ. Остановитесь!
До клятвы далеко... Съ другою клятвой
Васъ ждетъ владыка въ Троицкомъ Соборѣ.
Та клятва счастіе упрочитъ Пскова;
Сольетъ его съ могучимъ государствомъ...

ПОСАДН. Помилуй, князь! Да въ чемъ мы провинились?
Противу брата мы Царю служили!
Ты кликнулъ кличъ, и я съ псковской дружиной
Стоялъ уже у вратъ новогородскихъ.
Псковская преданность Царю извѣстна;
Не отымайте вѣчеваго старца,
Намѣстниковъ своихъ не присылайте;

Не быть княженіямъ сі
Не быть и вашимъ вол
Вся Русь, какъ съ матеј

ПОСАДНИКЪ. Мы съ нею
И на войнѣ и въ мирѣ,
Оттуда къ намъ святите
Тамъ нашъ верховный с
Спурокъ въ Москвѣ; у в
Московскій Царь — еди
И не было у насъ еще і
И, знаетъ Богъ, не буде
Мы клятвой утвердимъ...

КНЯЗЬ.
Васъ слить съ Москвой ı
Но Богъ за васъ! И слав
Даруемый торговымъ гор
Наука васъ еще не озари
Не знаете, что славныя д
И жизнь и смерть, не то
Но цѣлыхъ городовъ и г
Отъ ...

князь. Ганза стара, опасно разшаталась;
Порядка нѣтъ, затѣмъ что нѣтъ единства;
Что городъ, то другое государство;
У всякаго есть тайный государь;
Всѣ города между собой враждуютъ,
Затѣмъ, что тайную между собой
Ведутъ войну по личному внушенью.
И старая разрушится Ганза:
Мечъ рыцарей ей больше не въ защиту;
Поморье къ Шведамъ, Москвичамъ, Литвинамъ
Безъ боя перейдетъ, и незамѣтно
Торговыя, богатыя столицы
Въ простыя деревушки превратятся.
И города, по приговору Неба,
Хотятъ другаго, прочнаго устройства;
Хотятъ имѣть властителей, но явныхъ,
Могучихъ покровителей союза,
Кому наука ратная извѣстна
И не чужда управа городская.
Всѣ города вдоль нашего поморья
Идутъ въ союзъ, отъ Ладоги до Датчанъ...

(Заикаясь.)

Я не искалъ такой державной чести...
Но мнѣ велятъ небесныя свѣтила...
Псковъ будетъ первымъ городомъ ганзейскимъ,
Восточною столицею союза...
Безъ русскихъ городовъ союзъ неплотенъ..
Конецъ налогамъ, податямъ, наборамъ...

(Про себя.)

Какъ жарко!... А зима!... Я покраснѣлъ.
Потъ бьетъ ручьемъ...

шлуммермаусъ *(тихо князю)*.
Князь, кончите! Васъ ждутъ

Великiй Псковъ и ... держ
Какой дадите намъ отвѣт

ОБЩIЙ ГРОМК

(Воеводы, вставъ, отходятъ
мальчики убѣгаютъ за врачемъ
Земскiе послы у

ШЛУММЕРМАУСЪ (*низейски*
Теперь кровопролитiе начнет
Князь не уступитъ, Псковъ
За все, про все, чернь взыщет

ПОСАДНИКЪ (*оставъ съ мѣ*
подходитъ къ Холмск
руку и выводитъ съ о
Князь съ мѣста княжьяго дол
Измѣною еще не осквернялось
Жаль намъ тебя, но это мѣст
А грѣшнику на паперти церк
Владыка нашъ укажетъ
Тамъ

ПОСАДН. Князь, солнце русское, какъ Богъ—едино!
Смотри! Недвижное, оно надъ нами
По волѣ и приходитъ и уходитъ;
На пядь пути его ты не измѣнишь;
А звѣзды падаютъ, какъ листъ осенній,
Какъ вы, князья, предъ солнышкомъ московскимъ.

КНЯЗЬ *(громко)*.
Посадникъ!

ПОСАДНИКЪ. Князь! вся власть твоя, съ измѣной,
Падучею звѣздой съ небесъ скатилась...
Жаль мнѣ тебя; корить стыдомъ не стану,
И разгоню свидѣтелей стыда...
Ударьте въ колоколъ!

КНЯЗЬ. Постой!

ПОСАДНИКЪ. Ударьте!

(Народъ машетъ шапками).

ТРИФОНОВЪ. Да мы еще ни слова не сказали!
За смѣхомъ рѣчи не могли собрать.
Слышь! отъ Москвы хотѣлъ онъ отложиться...
Положимъ, баба угорѣла: дѣти,
Въ снѣжки играя, царика назначатъ;
А города не бабки, не снѣжки.
Войдетъ же въ голову такая глупость!..

ПОСАДНИКЪ. Довольно! Вѣче кончено! Ступайте
Всѣ по домамъ! Забудьте что̀ случилось!
Безгрѣшныхъ нѣтъ на этомъ грѣшномъ свѣтѣ.
Не вамъ прощать, не вамъ и осуждать...

(Нѣкоторые уходятъ).

ТРИФОНОВЪ. Посадникъ, выдай князя намъ на судъ!

КНЯЗЬ. Купцы! Рѣшайте на торговомъ вѣчѣ
Судьбу товаровъ, мытъ, налоговъ, пошлинъ;
Глядите за амбарами своими;

...на князя русскаго?.. Я в...
Вашъ шумный торгъ, ку...
И этотъ колоколъ втопчу...
Не нужны вы для нашего...
Пустыней я съ Москвою р...

(Обнажая м...

И этотъ мечъ на гробъ ва...
Левчадьевъ, гдѣ твой рогъ?

(Всѣ убѣгаютъ, даже стражи и...

КНЯЗЬ, ПОСАДНИКЪ...

ЛЕВЧАДЬЕВЪ. Нѣтъ, мечъ в...
одн...
Грѣху смертельному мы неприч...
За отчину Московскаго Царя,
Великій Псковъ, за Троицу Свя...
Мы постоимъ: и тысячи людей,
Что заморилъ ты...

И Государь, а мы идемъ въ Москву.
Великъ ты былъ, и память славныхъ дѣлъ
Какъ знамя передъ нами развивалась;
И мы во славу дѣлъ твоихъ великихъ
Рукъ не наложимъ на тебя. Прощай!

(Посаднику).

Но если вѣче дерзкое посмѣетъ
На волю князя посягнуть, тогда
Мы злой языкъ отрубимъ вѣчевому,
И вольницѣ псковской отнимемъ руки.
Во всѣ четыре стороны, въ край свѣта,
Пускай несетъ свой стыдъ, свою измѣну.
Суди его Господь и Государь!

КНЯЗЬ. Товарищи, сподвижники, прощайте!
Одинъ, звѣздамъ таинственнымъ покорный,
Я свѣтлый путь мой отыщу... Прощайте!

(Нѣкоторые воеводы протягиваютъ руки.)

ЛЕВЧАДЬЕВЪ *(отводя ихъ руки)*.
Нельзя къ измѣннику вамъ прикасаться,
Пока онъ покаяньемъ не очищенъ...

АРСЕНЬЕВЪ. Мой добрый князь!..

ЛЕВЧАДЬЕВЪ. Я старшій воевода!
За мной, въ Ливонію! На бой, на славу!..

(Уходятъ; за ними, съ трубными звуками, и войско).

—

КНЯЗЬ и ПОСАДНИКЪ, поодаль.

КНЯЗЬ *(вслѣдъ войску, съ отчаяньемъ)*.
Умолкните!.. Какъ похоронный звукъ,
Труба гремитъ!.. Какъ-будто въ бурномъ морѣ
Одинъ, къ доскѣ прикованный, плыву я,
И мысли надо мной встаютъ валами...

...ЖЕ, и СЕРЕДА, восход...
...локола и ударяе...

КНЯЗЬ (*вздрогнув, оглядыв*...

Всем...
То Середа! Съ нимъ мать, ...
Съ нимъ дѣвственная слава...
Съ нимъ образъ Іоанна пре...

(Идетъ ...

О, Боже! заступи меня, пож...

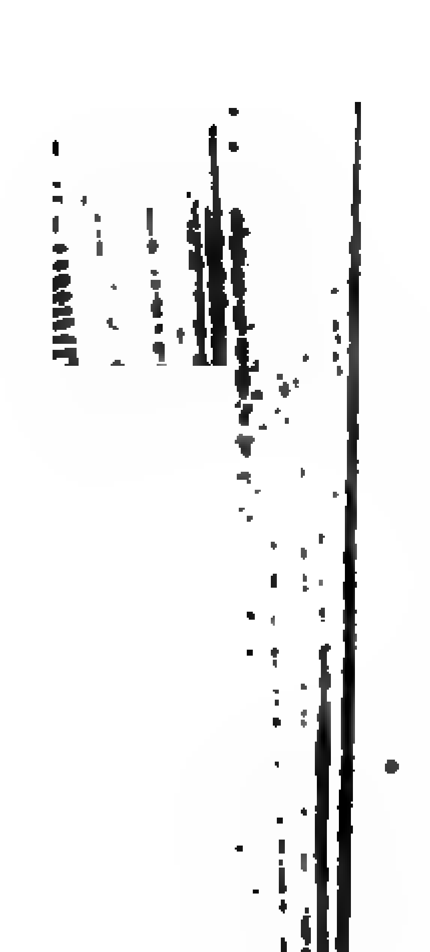
(Середа продолжаетъ звонить. ...

АКТЪ ПЯТ...

Опала.

ЯВЛЕНІЕ ...

И обо мнѣ угодникамъ святымъ
Доносъ несетъ!.. Владыка со крестомъ
Проклятіемъ на Холмскаго грозится!..
И двери нашей православной церкви
Для Холмскаго навѣки затворились!
Кому же вѣрилъ я? Святому небу,
Его живымъ, блестящимъ письменамъ!
Чего хотѣлъ я?.. Счастія, богатства,
Великой славы русскимъ городамъ!
Что я теперь? Безъ войска воевода!
Я русскій князь, безъ княжества, отчизны!
Безъ церкви, православный христіанинъ!
Одинъ среди столицы многолюдной,
Оставленный врагами и друзьями,
Безъ слугъ, безъ войска, безъ казны... одинъ!
Но ранъ теперь моихъ въ душѣ не слышу;
Нѣтъ въ сердцѣ пустоты: тамъ — Адельгайда!
Она ужасную оцѣнитъ жертву.
Любовь ея живою благодатью
Залечитъ раны глупаго тщеславья.
Въ ней я найду казну, друзей, отчизну,
Въ ней землю грѣшную я позабуду
И зáживо въ міръ лучшій перейду...
Не все ль для васъ, прекрасныя созданья?
И слава насъ такъ тягостно волнуетъ,
И змѣй тщеславія такъ сердце гложетъ?
Несытая алчба богатствъ, сокровищъ...
Все... все!.. Зачѣмъ? Сорвать улыбку дѣвы,
Въ груди ея бой сердца ускорить,
И душу жаркой страстію встревожить...
О, Боже мой! гдѣ мой великій подвигъ?
Гдѣ новая поморская держава?
Гдѣ тронъ твой, королева Адельгайда?
Вчера еще, на раковинахъ дивныхъ,



Шатры изъ тканей персск
А на помостъ шелковые к
Гдѣ этотъ сонъ? Гдѣ звѣзд

(Глядя въ

Опять зажглись святыя пи
Созвѣздья, какъ вчера, сто
Все тотъ же смыслъ, все т
Знать, день еще не наступ
Любовью неиспытанной пы
Я объявилъ небесное велѣн
Но я одинъ — нѣтъ друга
Рой тяжкихъ чувствъ, вели
Тѣнь ужаса, тѣнь славы и
Въ душѣ встаютъ безмѣрн
И давятъ грудь своей безм
Арсеньевъ!... Николай!.. С

(Оглядывается въ ужа

Нѣтъ никого!.. Одинъ во т
Одинъ на цѣломъ свѣтѣ бе
И даже тѣни собственной

(Про себя).

Дуракъ пришелъ боярина дурачить;
Онъ хохоталъ, когда бѣжалъ я съ вѣча,
И колокольнымъ звономъ провожалъ,
Пока я не укрылся въ этомъ домѣ...
Теперь онъ чаялъ Холмскаго найти
Въ уныніи, отчаяньи, слезахъ,
Убитаго позорнымъ неуспѣхомъ,
И проповѣдь начать по праву дядьки...
Нѣтъ, погоди!.. И тѣни тайныхъ чувствъ
Ты не увидишь!

(Оборачиваясь, съ примѣтнымъ разстройствомъ.)

Здравствуй, Середа!

СЕРЕДА. Здорово, князь!

КНЯЗЬ. Зачѣмъ ты здѣсь?

СЕРЕДА. Пора
Ложиться спать: такъ кто жъ тебя раздѣнетъ?
Ты сказки заказалъ на сонъ грядущій,
И я весь день по городу ходилъ
И знатныхъ сказокъ понабралъ беремя...

КНЯЗЬ. Чай про меня?

СЕРЕДА. Нѣтъ, про тебя ни слова.
Вѣдь у меня кистень за рукавомъ;
А какъ онъ мѣтокъ — во Псковѣ извѣстно...
Князь, гдѣ ты ляжешь, здѣсь, или внизу?

КНЯЗЬ. Здѣсь.

СЕРЕДА. Я принесъ походную постель,
Кису твою съ червонцами, фонарь,
Кувшинъ съ водою: ночью пить захочешь;
Да для себя татарскій самострѣлъ,
Ночнаго гостя ради...

КНЯЗЬ. Середа!

(не сводя глаз с

СЕРЕДА. Вотъ и постель,
Да что ты на фонарь глаз

КНЯЗЬ. Откуда онъ

СЕРЕДА. Не выд
Укралъ у Схаріи, обмана р
И на Москвѣ старухъ моро
Пугать дѣтей жидовскимъ ф

КНЯЗЬ. Жидовскимъ!

СЕРЕДА. Да. Захар
Псковской купецъ, купецъ н
И рижскій, жидъ ученый, к
Штобвассеромъ: я въ Ригѣ в
Пошелъ въ расколъ, учился
Меня дурачили, и я дурачилъ
За то, что я не ѣлъ свинаго
Когда у нихъ былъ на п

Я Схарію посвойски проводилъ;
Хотѣлъ, какъ пса, вести его на вѣче,
Потомъ на площади его поджарить;
Да всплакался, разжалобилъ, далъ слово
Не возвращаться къ нашимъ городамъ:
Ну, Богъ съ нимъ, отпустилъ; теперь жалѣю.

князь. Кто право далъ тебѣ враговъ отчизны
И церкви православной отпускать?

середа. Какой отчизны, князь?

князь (*покраснѣвъ, отходитъ*). Привычка, Середа.
Разсказывай, я слушаю... Чтò дальше?
Такъ Схарія ушелъ?

середа. Ушелъ одинъ,
И въ бѣгствѣ Богъ преслѣдовалъ злодѣя!
Дочь Схаріи, единственная, Рахиль,
Красавица, какихъ на цѣломъ свѣтѣ
Десятка не начтешь, въ тебя влюбилась...

князь. Въ меня?

середа. Да какъ! спаси насъ Богъ, съ тобой
И отъ любви такой и отъ безумства, —
И, чай, была бъ твоей княгиней, если бъ
Баронъ сюда сестры не подослалъ...
Гдѣ Схаріи бороться съ Шлуммермаусомъ!

(Князь быстрыми шагами ходитъ посреди комнаты).

середа. И Рахиль заперли въ глухой свѣтлицѣ,
И Схарія дочь продалъ Шлуммермаусу,
За то, чтобъ ереси его не выдалъ,
И помогалъ, какъ слышно, — я не знаю, —
И кабалой, и звѣздами, и рѣчью
Своею бархатной, шелковой рѣчью.
Но слухъ проникъ въ высокую свѣтлицу;
Она стрѣлой умчалась изо Пскова

Безъ облачка, безъ вѣтра,
Вдругъ у плиты остановил
Вся въ бархатѣ, въ шелку, въ
Во всей красѣ жидовскаго и
Во всей дѣвичьей, свѣжей кр
Упала наземь, плакала, и би
Въ грудь нѣжную, слезами о
Потомъ ко Пскову руки прот
И, будто камень, долго такъ
Вдругъ вѣчевой ударилъ, и он
По льду осеннему стрѣлой пус

КНЯЗЬ. Что жъ рыбаки?

СЕРЕДА.

Достали
Дѣлили перлы, камни и златни
А мертвую хотѣли возвратить
Въ Великую съ булыжнымъ ож
Какъ вдругъ, откуда ни возьмис
Все тайные жиды, а между ними
Самъ Схарія... схватили тако
И берегом

Жидовка князя русскаго любила!
Безуміе!... по мнѣ оно понятно;
Любовь не знаетъ родовыхъ различій,
Слѣпотствуетъ, сама на смерть стремится...
Жидовка, ты хотѣла быть княгиней!...

СЕРЕДА. А можетъ-быть поморской королевой...

КНЯЗЬ. Ты здѣсь еще? Коня! Зови дружину. .

СЕРЕДА (*отворяя окно*).
Дружина князя Холмскаго, постой!
Не уходи въ Москву, знаменъ священныхъ
Не уноси изъ княжьяго шатра!...
Сюда, сюда!... Не слушаютъ. . идутъ!

КНЯЗЬ. Идутъ! воистину идутъ! уходятъ!...
И, въ первый разъ, безъ Холмскаго!

СЕРЕДА. Безъ битвы,
Безъ славы и побѣдъ, какъ стадо съ поля.

КНЯЗЬ. Большое знамя подняли, несутъ...

СЕРЕДА. Безславными холопскими руками!

КНЯЗЬ. Не троньте! Стойте! То моя святыня!

СЕРЕДА. Святыня, оскорбленная грѣхомъ...

КНЯЗЬ. Врешь! Знамя то̀ надъ трепетной Казанью,
Надъ мѣсяцемъ татарскимъ развернется.

СЕРЕДА. Такъ'

КНЯЗЬ. Знамя то̀, по русскимъ городамъ,
Орлицей пронесется и дѣтей,
Что̀ вырвали изъ русскаго гнѣзда,
Татары, Шведы, Нѣмцы и Литвины,
Подъ царственныя крылья соберетъ...
И знамя то̀, что̀ вѣкъ, то выше, выше,
Надъ цѣлымъ міромъ будетъ подниматься
И племена далекихъ странъ, съ край-свѣта,

Большое знамя русское завидятъ...
И въ страхѣ сѣверному исполину
Поклонятся...

СЕРЕДА. Такъ, такъ, ей-Богу, такъ!
Жаль, князь, что не съ тобой...

КНЯЗЬ. Со мной! Казань,
Псковъ, Новгородъ, со мной его увидятъ!...
Прощай, большое знамя, до свиданья!...

—

ТѢ ЖЕ, БАРОНЪ ШЛУММЕРМАУСЪ и слуги съ факелами.

БАРОНЪ. Князь, будь героемъ до конца, отдай,
Отдай сестру.

КНЯЗЬ. Баронъ, что̀ это значитъ?...

БАРОНЪ. Нѣтъ во Псковѣ прекрасной Адельгайды!
Она похищена людьми твоими
Я обошелъ весь городъ и посады,
Никто ея не видѣлъ. Только ты
Съ такою тайной могъ ее похитить;
Взаимная любовь васъ согласила
На стыдъ бароновъ Шлуммермаусовъ. Князь,
Отдай мнѣ Адельгайду, и потомъ
Возьми ее, какъ рыцарю прилично,
Изъ рукъ моихъ, у алтаря святаго.

КНЯЗЬ. Баронъ, гдѣ Адельгайда? Въ сотый разъ
Ты Холмскаго обманывать задумалъ.
Но не удастся, нѣмецъ, не удастся!...
Ты думаешь, твой подвигъ совершился?
Ты вырвалъ у меня и мечъ и славу,
Предупредилъ паденіе Нифлантовъ,
И съ честью хочешь въ Феллинъ возвратиться?...
И это не удастся! Ты не рыцарь;

Но все равно! У насъ нѣтъ вздорныхъ счетовъ:
Мечь наголо! Долгъ красенъ платежемъ.

БАРОНЪ. Князь!

КНЯЗЬ. Ни полслова! Или какъ собака
Ты побѣжишь въ свой Феллинъ безъ ушей!
Гдѣ Адельгайда? Ты ее насильно
Тайкомъ услалъ въ отечественный зáмокъ!
Быть-можетъ въ Ригу, въ Данцигъ, Регенсбургъ!
Мнѣ все равно! Догнать еще успѣемъ;
Но признавайся: гдѣ она? Скорѣй!

БАРОНЪ. Клянусь...

КНЯЗЬ. Безъ клятвъ. Тебѣ игрушка клятвы.
У насъ другія клятвы съ Адельгайдой:
Союзъ сердецъ, любовью заключенный,
Не разорвешь какъ мирный договоръ...
Скорѣй! Рука дрожитъ; я не ручаюсь
За жизнь твою.

БАРОНЪ. Ей-Богу, князь, не знаю,
Гдѣ Адельгайда.

СЕРЕДА *(ставъ между ними)*. Ну-ка, господинъ
Большой посолъ ливонскаго магистра,
Поройся въ головѣ, авось смекнешь,
Гдѣ отъ тебя укрылась баронесса.

КНЯЗЬ. Ты знаешь, Середа?

СЕРЕДА. Еще бы: знаю!

КНЯЗЬ. Ну!

СЕРЕДА. У барона Кульмгаусборденау.
Сегодня, съ нимъ, въ Инфлянты уѣзжаетъ.

БАРОНЪ. Князь, я бѣгу спасать невѣсту вашу;
Велите церковь освѣтить, пошлите
За патеромъ, свидѣтелей найдите,
И приходите сами за невѣстой ..

Не правда ли, стеченье обстоятельствъ
Намъ дѣйствовать рѣшительно велитъ?...
Все кончится сегодня. До свиданья!

—

КНЯЗЬ и СЕРЕДА.

КНЯЗЬ. Все кончится сегодня?... Боже, Боже!
Я близокъ такъ къ верховному блаженству!
Я назову супругой Адельгайду!...
И безъ вѣнца, она царицей будетъ
Всѣхъ чувствъ моихъ. Прощай и честь и слава,
И подвиги, и весь соблазнъ тщеславья!
Есть и безъ васъ блаженство на землѣ!
Не сны ль опять?...

СЕРЕДА. Сны!... и дурные сны!...
Проснешься, какъ проснулся ты на вѣчѣ.
Я вижу: все надѣлала любовь!
Такъ знай же, князь: она тебя не любитъ.

КНЯЗЬ. Не любитъ?

СЕРЕДА. Да.

КНЯЗЬ. Не любитъ? Середа,
Другъ нѣжной юности моей, наставникъ,
Носитель таинъ моихъ, мой добрый другъ!
Возьми назадъ убійственное слово.
Ты видишь, какъ таинственныя звѣзды
Въ ужасный день всего меня лишили...
Не думаешь ли ты, что я не понялъ,
Какой я грѣхъ смертельный совершилъ?
Ты знаешь ли... Поди сюда, послушай,
И въ тайнѣ сохрани, по старой дружбѣ...

(Шепотомъ).

Я обманулъ довѣренность Царя!...
Мнѣ кажется, что эти звѣзды — очи

Народа Русскаго, глядятъ съ укоромъ...
Мой другъ, молчи! Не сказывай отцу,
Женѣ... Мнѣ кажется, что я измѣнникъ!...

СЕРЕДА *(утирая слезы)*. Князь...

КНЯЗЬ. Не мѣшай мнѣ плакать и молиться!
Все потерять... для дивной Адельгайды...
Восторги неиспытаннаго чувства,
Блаженство райское, какъ хмѣль, какъ чары,
Все существо мое преобразили.
Я не жалѣлъ моихъ потерь пустыхъ,
Ужъ ничего не понимало сердце,
Я звѣздамъ покровительнымъ не вѣрилъ:
Къ одной звѣздѣ я приковалъ мой жребій;
Я слышалъ простодушныя признанья
Любви, я видѣлъ искреннія слезы,
Въ глазахъ читалъ правдивые обѣты...
О Боже! я любилъ!... Изъ состраданья
Не повторяй своей ужасной шутки!
Да! я люблю...

СЕРЕДА *(торжественно)*. Она тебя не любитъ.

КНЯЗЬ. Умолкни!

СЕРЕДА. Споръ нашъ глупъ, безъ доказательствъ.
Пойдемъ, ты самъ увидишь...

КНЯЗЬ. Не хочу!...
Постой, пойдемъ! Но что̀ жъ я тамъ увижу!
Соперника счастливаго... обманъ?
Въ чужихъ объятіяхъ свою невѣсту?

(Дико хохочетъ).

Возьми мой ножъ... пойдемъ... возьми мой мечъ...
Постой, не тронь; я буду равнодушенъ...
Гдѣ твой кувшинъ?

(Пьетъ, весь дрожа).

О! если бъ не воды,

А яду добрый другъ принесъ!.. Пойдемъ!
(Еще болѣе дрожа и блѣднѣя).
Ты видишь, Середа, какъ я спокоенъ...
Позволь мнѣ опереться на плечо ..
Вотъ такъ... пойдемъ... все кончится сегодня!

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Купеческій домъ во Псковѣ.

—

Слуги тащутъ тюки и мѣшки въ главныя двери; изъ боковыхъ выходятъ **РЫЦАРЬ, КНЯЖИЧЪ** и **ФИЛИВЕРТЪ**.

РЫЦАРЬ. Такъ это ты, Александръ Псковской? Думалъ убить, а пришлось женить! Ужъ это, вѣрно, такъ въ звѣздахъ написано. Но какъ тебя изъ темницы выручили?

КНЯЖИЧЪ. Середа приказалъ выпустить, именемъ князя. А Середѣ и Царь Іоаннъ вѣритъ... честной малый! Но, баронъ, гдѣ же Адельгайда?

РЫЦАРЬ. Одѣвается къ вѣнцу.

КНЯЖИЧЪ. Какъ, къ вѣнцу?

—

ТѢ ЖЕ и **АДЕЛЬГАЙДА** въ пажескомъ костюмѣ.

АДЕЛЬГАЙДА. Ура! наша взяла!

—

ТѢ ЖЕ и **БАРОНЪ** изъ другихъ дверей.

БАРОНЪ. Едва ли баронесса!

АДЕЛЬГАЙДА. Братъ Морицъ!...

КНЯЖИЧЪ. Я предчувствовалъ несчастье...

РЫЦАРЬ. Баронъ! и кстати. Гдѣ нашъ договоръ?
Моимъ отъѣздомъ всѣ довольны будутъ.

(Филибергъ приноситъ бумагу.)

ВАР. Баронъ, теперь конецъ дѣламъ посольскимъ.
Сбираю дворъ и въ Фелинъ отправляюсь;
Пажъ у меня вчера сбѣжалъ тайкомъ.
Я отыскалъ его, и все въ порядкѣ,
И, кажется, мы можемъ вмѣстѣ ѣхать...
Но шутки въ сторону: я самъ не знаю
Какъ васъ благодарить за ту услугу,
Что вы сестру отъ Холмскаго укрыли?..
Теперь онъ ордену и ей нестрашенъ.
Сбылось мое пророчество: Инфланты
Ушли отъ разрушительной грозы,
И власть и сила Холмскаго распались;
И Адельгайду ждетъ другой женихъ,
Назначенный, по мирному трактату,
Державный графъ, сосѣдъ нашъ и союзникъ:
Онъ въ Ригѣ ждетъ ее, и черезъ мѣсяцъ,
Прошу васъ къ ней пожаловать на свадьбу.
Ну, что́, баронъ?

РЫЦАРЬ. Я думаю, что лучше
Повѣсить васъ, иль утопить въ Великой.

ВАРОНЪ. Баронъ!

РЫЦАРЬ. Вы роль посольскую съиграли?
Позвольте жъ, я начну. Вотъ договоръ,
По совѣсти и чести справедливый.
Извольте подписать.

ВАРОНЪ. О! я готовъ.
Позвольте прочитать...

РЫЦАРЬ. Читать нельзя!
Глядите, я разрѣзываю руку:

Вотъ кровь моя, вотъ рыцарская подпись!
Я подписалъ, извольте.

ВАРОНЪ. Но, баронъ. .

РЫЦАРЬ. Не умничать! Не то я вашей кровью
Самъ подпишу...

ВАРОНЪ *(подписывая)*.
Ничтоженъ договоръ,
Когда къ нему пожами принуждаютъ...

РЫЦАРЬ. Ухъ, громъ и молнія! Не ваше дѣло...

ВАРОНЪ. Подписано!

РЫЦАРЬ. Теперь, какъ старшій братъ,
Благословите юную чету. .

ВАР. Что̀ вижу? Княжичъ здѣсь! Ужъ обвѣнчались?
Не правда ли?

РЫЦАРЬ. За вами стало дѣло...
Мы ждали только вашего согласья.
И съ помощью меча его получимъ...

ВАРОНЪ. Нѣтъ, никогда!

РЫЦАРЬ. Посмотримъ!

ВАРОНЪ. Никогда!
Возьмите все, помѣстья наши, за̀мки,
Но чести праха и моихъ великихъ предковъ
Не выдамъ! Богъ свидѣтель и заступникъ!

РЫЦАРЬ. И въ немъ характеръ есть!

ВАРОНЪ. Баронъ, вы сами —
Отъ роду знаменитаго, вы сами
Убить хотѣли дальнюю родню,
Ничтожную и глупую дѣвицу,
За то, что сирота жила съ Сильвестромъ.
Безъ воли, баронесса Доротея
Такимъ стыдомъ покрыла имя ваше,

А вы ей не простили, и хотите,
Чтобъ я, дочь знаменитыхъ нашихъ предковъ,
Послѣдній отпрыскъ дому Шлуммермаусовъ,
Соединилъ съ купчиной безъименнымъ!
Баронъ, я въ судьи васъ беру...

РЫЦАРЬ. Онъ правъ,

АДЕЛЬГАЙДА *(со смѣхомъ)*.
Баронъ, не слушайте, какіе предки!
Мы выходцы изъ Гамбурга: нашъ прадѣдъ
Матросомъ былъ на кораблѣ; въ Инфлантахъ
Былъ торговцемъ обознымъ; сынъ его
Разбогатѣлъ, купилъ себѣ помѣстье,
А нашему отцу титулъ барона.

—

ТѢ ЖЕ, КНЯЗЬ и СЕРЕДА, въ дверяхъ.

АДЕЛЬГАЙДА *(продолжаетъ тѣмъ же тономъ)*.
Никто изъ нихъ на ратномъ полѣ чести
Въ дворяне вражьей кровью не крестился.
Братъ Морицъ носитъ мечъ и щитъ почётный;
Но въ рыцари никѣмъ онъ не поставленъ.
Мой Александръ на собственный вашъ зáмокъ,
Баронъ и рыцарь Шлуммермаусъ, на васъ,
Какъ левъ ударилъ: вы бѣжали съ поля;
Я храброму на встрѣчу поспѣшила;
Мечи распались: ихъ — любовь сломала.
Баронъ и братъ, вы сами обѣщали:
Когда мы Князя Холмскаго удачно
Обманемъ...

(Князь дѣлаетъ движеніе).

СЕРЕДА. Князь! потише, погоди...

АДЕЛЬГАЙДА. Отдать меня за Александра замужъ!
И только этой дорогой цѣной

Такъ подло я обманывала князя.
Послушайте, баронъ: вотъ этотъ братъ,
Что честью роду дорожитъ, велѣлъ мнѣ
Позволить князю цѣловать себя,
И я позволила! Мой Александръ,
Сюда! Сюда! Горячимъ поцѣлуемъ
Сними измѣну съ этихъ устъ и клятву
На вѣрную супружескую вѣрность!

(Бросается въ объятія Княжича).

БАРОНЪ *(котораго рыцарь не пускаетъ)*.
Пустите! прочь! Онъ осквернитъ ее!
Онъ тайный жидъ...

ВСѢ. Онъ тайный жидъ!!

АДЕЛЬГАЙДА. Спаситель!

(Князь и рыцарь вырываютъ Княжича изъ рукъ Адельгайды, и держатъ надъ нимъ ножи. Баронъ хочетъ взять руку Адельгайды, но Середа не допускаетъ).

КНЯЗЬ. Охъ, весело!.. Охъ, любо!.. Если все,
Псковъ, Адельгайда, звѣзды и друзья,
Мнѣ измѣнили... месть мнѣ не измѣнитъ.
Дѣтей украли у волчицы, слышишь!
Но въ бѣшенствѣ она сыскала вора;
Не выпуститъ!.. и медленною смертью
Кровь высосетъ несчастная волчица...
О! измѣнить царю, отчизнѣ, братьямъ,
Въ смертельный грѣхъ запутаться, какъ въ сѣти,
Горѣть стыдомъ безмѣрнымъ! Эта жажда
Жидовской кровью только утолится!
Смерть тайнаго жида — заслуга, подвигъ!
Поди сюда, простись съ своей невѣстой!
Скажи спасибо ей за муки ада,
Которыми жида я истязую!
Поди сюда!

КНЯЖИЧЪ *(съ гордостью).*
Князь!

АДЕЛЬГАЙДА *(простирая руки).*
Александръ, прійди!
Умремъ, не унижаясь предъ безумцемъ!
Уста къ устамъ! Простимся на мгновенье!

КНЯЗЬ *(таща его назадъ).*
Прочь! Я его Іуду поцѣлую!
Я обниму желѣзными руками!
Я съ устъ его проклятіе сорву,
Жидовское проклятіе!.. ножомъ!
И ножъ, жидовской кровью оскверненный,
Сожгу съ его нечистымъ трупомъ вмѣстѣ!
Прочь латы! Га! Охъ, весело! охъ, любо!

(Разорвавъ латы Княжича, подымаетъ ножъ).

АДЕЛЬГАЙДА *(схвативъ его за руку)*. Князь, я твоя!

КНЯЖИЧЪ. Не стыдно ль Адельгайда?
Умремъ не унижаясь!

АДЕЛЬГАЙДА *(не выпуская руки)*. Я твоя!
Возьми меня наложницей въ Москву;
Рабамъ своимъ отдай меня рабыней;
Продай Татарамъ: я на все готова
За жизнь его!

КНЯЗЬ. О! вспомни, Адельгайда,
Какую руку удержать ты хочешь!
Она несла московскій громъ въ Инфантлы:
Ты вырвала неотразимый громъ.
Я той рукой тебѣ же царство строилъ,
Я той рукой велъ къ брачному вѣнцу
Измѣнницу, любовницу жида;
Клялся тебѣ предъ небомъ и землею...
И что она теперь? Тростникъ изсохшій,

(.Пѣлаетъ усилiе

АДЕЛЬГАЙДА (упаеъ и

СЕРЕДА (расталкивая ю
Стой! онъ не жидъ!

ВСѢ. Не

АДЕЛЬГАЙДА.
Спаситель, Матерь Божiя
Молю васъ, оправдайте
И я умру... Я слышу мо

СЕРЕДА. Онъ тайный жид
Онъ занимался кабалой ж
Умѣлъ владѣть жидовскиз
Показывать покойниковъ
И звѣзды толковать... Кн

КНЯЗЬ. Но гдѣ поруки?

СЕРЕДА.
Вели подать Евангелье!
Псковское духовенство

Цѣпой условій была Адельгайда.
Ужъ если послѣ Схаріи есть жидъ,
Такъ это вы, баронъ фонъ-Шлуммермаусъ!

княжичъ. Князь, Середѣ не вѣрь! Я тайный жидъ.

князь. Что̀ это значитъ?

адельгайда. Боже всемогущій!

княжичъ. Я вижу, ты мнѣ не отдашь невѣсты:
Страсть разумъ твой и честность одолѣла,
Страсть низвела тебя къ стыду, къ измѣнѣ,
Страсть сдѣлала разбойникомъ тебя!
Какъ звѣря, ты хотѣлъ меня зарѣзать!
И, послѣ этого, могу ли думать,
Что ты мнѣ возвратишь мою супругу?
Я вижу, какъ твои глаза сверкаютъ;
Я вижу, какъ отечеству измѣнникъ
Священной чести дѣвы не уважитъ,
И оскверненную свою рабыню
Отдастъ рабамъ или продастъ Татарамъ!
Я понялъ все, и жизнь мнѣ не нужна.
Спаситель запретилъ самоубійство;
А жить я не могу безъ Адельгайды:
Такъ, за одно, возьми и этотъ грѣхъ
На душу, отягченную измѣной!
Я тайный жидъ! Вели казнить меня.

адельгайда. О! если такъ, я—тайная жидовка!
Скорѣе на костеръ! вѣнчай насъ смертью!

князь. Я понялъ все, и на кострѣ духовномъ,
Стою одинъ предъ русскою державой.
Казнь неисходная въ груди открылась.
Какъ-будто сердце рухнуло! какъ-будто
Грѣхи мои проказой тѣло кроютъ!
Глаза слезу отравленную точатъ,
Земля не хочетъ грѣшника носить...

(Адельгайдѣ).

Прости мнѣ, мученица глупой страсти!

(Княжичу).

Прости, страдалецъ лютости моей!
Хоть этотъ грѣхъ вы съ Холмскаго снимите!

(Указывая на небо).

Просите у него благословенья
Страдальческими, чистыми устами!
Для Холмскаго ужъ небеса закрыты!

(Соединяя ихъ руки).

Молитесь за измѣнника! Не плачьте,
Не жгите благодарными слезами..
Они меня отъ казни не спасутъ,
Глядите! русская встаетъ держава,
Какъ море, на измѣнника идетъ;
Въ рукахъ торчатъ карательные камни,
Въ устахъ проклятія дымятся... Силы
Небесныя... я — вашъ! казните!

(Падаетъ ницъ).

—

Двери отворяются. Входятъ **МОСКОВСКІЕ БОЯРЕ, ПОСАДНИКЪ, РАТНЫЕ ВОЕВОДЫ, ПСКОВСКІЕ БОЯРЕ**, прислужники съ факелами, и Псковская стража.

КНЯЗЬ (*подымаясь*).
За мной такъ скоро? Какъ казнятъ меня?
Четвертовать? повѣсить? сжечь живаго?

БОЯРИНЪ. Князь Даніилъ Димитричъ...

КНЯЗЬ. Что я вижу!
Вы, пестуны мои, мои родные!
Великіе московскіе бояре!
О, добрый царь!.. Почетная опала!..

БОЯРИНЪ. Царь и великій князь всея Руси,
Иванъ Васильевичъ, узналъ докладно

(Всѣ преклоняютъ колѣни, кромѣ рыцаря, который однако же снимаетъ шлемъ).

О всѣхъ причинахъ рижскаго разбоя,
Съ Боярской думой указалъ на время
Войну съ Ливонскимъ Орденомъ оставить,
А ратнаго большаго воеводу,
По тайному доносу Шлуммермауса,
И по другимъ извѣстьямъ достовѣрнымъ,
За легкомысліе, лишить начала.
Но, какъ по сыску дознано, что тотъ же
Посолъ магистра былъ всему причиной,
И ратнаго большаго воеводу,
Несвѣдущаго въ дѣлѣ звѣздномъ, тайной
Наукой, кабалой, сестрой своей
И чарами заморскими иными,
Околдовалъ, то царь нашъ указалъ:
Посла того въ цѣпяхъ въ Москву доставить...
Посадникъ, волю царскую исполни!

(По знаку Посадника, воины уводятъ барона).

Князь! царь при отпускѣ твоемъ на Нѣмцевъ
Пожаловать мечемъ тебя изволилъ...
Подай его!

КНЯЗЬ. О, милость, пуще казни!
Сокровище! Святыня? Все съ тобой
Теряетъ Холмскій!

(Крѣпко обнявъ мечъ).

О! какъ-будто сердце
Ножемъ вырѣзываютъ изъ живаго!..

(Съ плачемъ)

Возьмите сами... Я отдать его не въ силахъ.

(Берутъ мечъ).

СЕРЕДА. Мужайся, князь!

БОЯРИНЪ. Теперь ты, князь свободенъ.

КНЯЗЬ. Свободенъ, безъ отчизны и меча!
Свободенъ, подъ опалой Государя!

(Бросаясь къ нимъ).

Да! я измѣнникъ; слышите, измѣнникъ!
Я отъ Руси на вѣче отложился;
Два города, съ ихъ землями и моремъ,
Хотѣлъ я отлучить отъ государства:
Мнѣ казнь нужна, и казнь на Лобномъ Мѣстѣ!

БОЯРИНЪ. Нѣтъ; шалость дѣтская не стóитъ казни.
Святая Русь соединилась въ царство,
И пядь земли отъ Божіей державы
Ни сила, ни измѣна не отрѣжетъ!
Князь Даніилъ Димитричъ, до свиданья!

(Всѣ, кромѣ Князя и Середы, медленно уходятъ).

ПРИМѢЧАНІЕ.

Драма Статуя Кристофа въ Ригѣ, съ Драмою Князь Холмскій, составляетъ одно цѣлое и служитъ послѣдней большимъ Историческимъ Прологомъ, почему обѣ драмы и были посвящены одному лицу, покойному поэту нашему Э. И. Губеру. Для представленія на сценѣ Драмы Кн. Холмскій М. И. Глинка написалъ увертюру, антракты и два нумера для пѣнія, изъ коихъ одинъ на слова «Ходитъ вѣтеръ у воротъ» пріобрѣлъ общую извѣстность. Драма Князь Д. Д. Холмскій была написана въ 1840 году и первый разъ представлена на Александрынскомъ театрѣ 30 Сентября 1841 года.

ИВАНЪ РЯБОВЪ,

РЫБАКЪ АРХАНГЕЛОГОРОДСКІЙ,

ДРАМА ВЪ ДВУХЪ АКТАХЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

ПОСВЯЩЕНО

ВАЛЕРІАНУ ЕМЕЛЬЯНОВИЧУ

КЛОКОВУ.

Представлена въ первый разъ 12 Апрѣля 1839 года, въ бенефисъ П. А. Каратыгина.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГРИГОРІЙ ЖИВОТОВСКІЙ, полковникъ Гайдуцкаго Полка.
АНТИПЪ МИРОНЫЧЪ ПАНОВЪ, лоцманъ.
НАСТАСЬЯ, дочь его.
ИВАНЪ РЯБОВЪ, рыбакъ.
ДМИТРІЙ ГОРОЖАНИНЪ.
ОМЕЛЬКА, рыбакъ.
КУЗЬМИНИШНА, жена его.
ИВАНЪ ШУБНИКЪ, лавочникъ съ Архангельска.
СОЛДАТЪ Гайдуцкаго Полка.
Солдаты, рыбаки, деревенскія женщины и плѣнные Шведы.

Дѣйствіе, въ 1701 году 26 іюня, на острову Новая-Двинка, въ пятнадцати поприщахъ отъ Архангельска, близъ Березовскаго Устья Двины.

Я

Внутренность землянаг
Давида. Валъ со стор
стены, совершенно вы
пушки. Солдаты и рыба
тешутъ колья, ставятъ
вую руку на авансценѣ
ка, ящики и разная обо
съ кащ

Полковникъ ЖИВОТОВС
нѣлъ пушку; АНТИПЪ,
ками работаютъ у валу
житъ на

ЖИВОТОВСКІЙ. Ну,
егодня почи не бывать.
ь. То и дѣло оглядыва

ОМЕЛЬКА (*лежа*). Д
ятый день

омелька. Ослѣпнешь, братъ, какъ станешь въ чортову трубу и ночью глаза таращить.

животовскій *(смотря въ трубу)*. Нѣтъ, то не корабль, а просто большой рыбацкій карбасъ.

омелька. Да что онъ — таможня что ли? Кораблей сторожитъ!

животовскій *(сходя съ валу)*. Что пріуныли, да попритихли! Гдѣ запѣвало? Качай пѣсни! Не солдатское дѣло за работой въ молчанку играть.

солдатъ. Ваше высокоблагородіе, мы не молчимъ, а слушаемъ, какъ Антипъ про царя баетъ.

животовскій. Что же онъ разсказываетъ?

солдатъ. Важно, ваше высокоблагородіе, сказываетъ...

животовскій *(садясь на пушку)*. Да что?

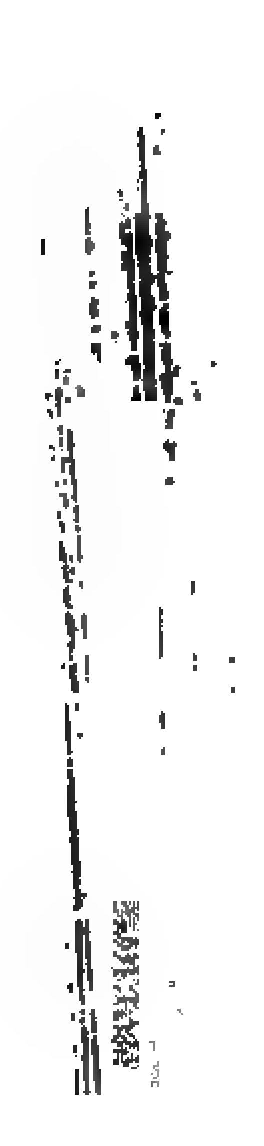
солдатъ. Про то онъ знаетъ!

животовскій. Что ты, Антипъ, молодцовъ-то тѣшишь?.. Вишь, они и уши развѣсили...

солдатъ. Къ слову пришлось, государь командѣръ! Нашего-то дѣла вашинская служба не понимаетъ. *Своимъ* важничаетъ, а я вотъ имъ и толкую, что никакому супостату, кто ни есть, на Бѣломъ нашемъ морѣ не бывать... мели, да льдины, да разныя страсти... Такъ тутъ, батюшка, и своимъ подчасъ не сподручно! Тутъ, батюшка, стало-быть, самъ царь струхнулъ, а, власть ваша, командѣръ, царь-то Петръ Алексѣевичъ не трусливаго десятка.

омелька *(поднимаясь)*. Ну, поѣхалъ Антипъ: у него слова, что утки бѣгутъ!

антипъ. Я милости твоей доложу, что Антипъ



старику на-хвасть говорить в
ту пору и меня припугнуло, со
кабы съ нами государя не был
разсудить изволишь: у меня н
дарь; оплошать тройной грѣхъ
что у добраго мужа жена, по
другой бы разъ я на этакую
тутъ нельзя; государь-то... у м
освѣщенный Аѳанасій, и всякія
ства съ Питербурха; нельзя; с
вотъ какъ кошка скребетъ; че
какъ сова все вижу; голосъ-т
больше царскаго. Онъ, знаешь,
стеръ нашинскаго дѣла; на дру
хозяинъ; ну, а наше-то Бѣлое
привыкло. Разыгралось, расходи
что вышли въ Унскую Губу; ту
тру просторъ; гору подниметъ,
другую въ догонку, да еще бол
нѣе, да курчавѣе; а яхта черел

ни почемъ, да вѣтеръ крѣпчаетъ, морю больно жарко; темь такая, что зги не видно, мели попрятались, небо ушло; царь-то и началъ тутъ приставать: «Антипъ, да Антипъ! лоцманъ, да лоцманъ!» я все молчу, да знай правлю; тутъ, стало-быть, царь-государь обидѣлся; давай на меня прикрикивать, да побранивать. Я все молчу, да знай правлю, да думаю: «Стара шутка! Гнѣвить тебя, государь, отвѣтами не стану, а ты у меня на рукахъ, у одного у меня на рукахъ, а я на Бѣломъ-то больше твоего смыслю. Казни послѣ на вину, да мнѣ-то жизнь ни почемъ, а тебя, моего батюшку, не выдамъ» Государь больно осердчалъ; бѣжитъ на меня, да за рупоръ; я не выдержалъ, да и кричу: «Не замай!» Государь пуще прежняго; не стало моей мочи, я перекрестился, да, ни живъ ни мертвъ, холопской моей рукою хвать его за руку, да и прикрикнулъ: «Поди, пожалуй, прочь, я больше твоего знаю, и вѣдаю куда правлю.»

ОМЕЛЬКА. Ахти, Господи, Антипъ Миронычъ! какъ же это ты такъ небрежно обмолвился?

АНТИПЪ. Сказалъ, батюшка! сказалъ, ей-Богу, сказалъ! да и одурѣлъ со страха и жду самъ не знаю чего... Государь поглядѣлъ на меня гнѣвно, потомъ милостиво, и сказалъ: «Ну, Антипъ, Богъ тебѣ помощь»... Вотъ, ей-Богу, не лгу, какъ сказалъ это государь, погода пуще, вѣтеръ крѣпче; горы такъ и подымаетъ, а я усомъ не веду; яхта что по дорогѣ бѣжитъ; всѣ струхнули. Государь и самъ подумалъ, что неладно: далеко ли до бѣды, а на меня, Богъ ему прости, ужъ вѣрно и надежду отложилъ; къ преосвященному; исповѣдался, причастился; не успѣли отмолиться, я какъ гаркну: «Берегъ!» Слышатъ и не видятъ, такъ и

видятъ да не вѣрятъ: я и плюнуть не успѣлъ, забѣлѣли стѣны Петроминской обители; я поприкрикнулъ на команду, вотъ мы и въ Соловкахъ; и всѣ цѣлы и невредимы; яхта на якорѣ, а Антипъ лоцманъ на боку.

Омелька. Сломало не бойсь! Чего больно размолодечился!

Антипъ. Слегъ, батюшка, отъ устали. Такъ вотъ глаза и смыкаетъ истома. Вдругъ, не то во снѣ, не то на яву, слышу зоветъ: «Антипъ! Антипъ!» По голосу узналъ, сонъ пропалъ, гляжу: государь стоитъ передо мною. «Спасибо, Антипъ», говоритъ мое солнышко *(Указывая на грудь)*. Ахти, Создатель мой, что у меня тамъ-то творилось! Ни дать ни взять Свѣтлое Христово Воскресеніе. А онъ-то подходитъ, да хочетъ меня руками взять. Ну, батюшка, командѣръ, нече грѣха таить, виноватъ: первый разъ отродясь больно струсилъ, то есть, стало-быть, и малышемъ такъ трусить не приходилось. Я отъ него, а онъ за мной. Ахти, Господи, страсти какія! «Чего ты, Антипъ! куда ты, Антипъ?.. Погоди! Не бойсь! Дай поцѣлую за службу и за правду»... Ну, знаешь, этакое счастіе и во снѣ увидишь, такъ проснешься, да съ койки мячикомъ спрыгнешь, а тутъ этакое диво, да на яву!.. Я ему въ отвѣтъ *брбррр!*.. такъ ротъ и залѣпило. Онѣмѣлъ, батюшка командѣръ, что хвастать, онѣмѣлъ! А онъ меня и поймалъ въ царскія ручки, да и чмокъ въ самый лобъ .. Ухъ, упаси, Господи, самого будто въ банѣ парятъ, а на лбу словно угольевъ насыпали; а уши, знашь, между собою такъ и перекликаются: эка милость, эко счастіе, эка благодать!..

Омелька. Ай да, Антипъ Мироньичъ, знай нашихъ!

Антипъ. Какъ ужъ меня на ту пору немочь не пришибла, не вѣдаю! Умеръ бы, умеръ, какъ бы меня государь спросомъ не обидѣлъ: «Ну, чѣмъ тебя подарить, Антипъ?» Подарить? сначала сказала душа, а тамъ и губы... «Подарить! Да что, государь, ваше царское величество, али я какой Нѣмецъ наемный? Нѣтъ, государь, ваше царское величество, обижать не изволь, ничего не надо!» А на ту пору поднесъ государю денщикъ одежу. Погляжу, а онъ бѣдненькой весь промокъ, да и снимаетъ съ себя поскорѣе полушубокъ, да ко мнѣ: «Слушай, Антипъ! *(продолжаетъ со слезами)* не обижай же и ты меня. Не царское дѣло дѣтямъ своимъ въ долгу оставаться. Возьми мою мокрую одежу. И дѣти и внуки тебя и меня авось поминать будутъ. Прощай, Антипъ! Я никогда тебя не забуду»... *(Рыдая)*. И пошелъ, и пошелъ!.. Только-то я его и видѣлъ!

Животовскій *(къ солдату)*. А какъ звали его отца? Кто знаетъ?

Солдатъ *(къ Омелькѣ)*. Слышь, ты, чайка, какъ его батьку-то кличутъ?

Омелька *(кланяясь)*. Мирономъ, кавалеръ! Миронъ Пановъ.

Животовскій *(къ Антипу)*. Прости меня, Антипъ Мироновичъ, я у васъ человѣкъ новый, и не зналъ, что на тебѣ такая милость царская. Прости меня за обращеніе!

Антипъ. Что ты это, государь командѣръ, смѣяться надъ старикомъ изволишь! Наше дѣло холопье. Что я за невидаль такая?.. На нашей сторонкѣ любой рыбакъ съ кораблемъ управится. Вотъ изъ этой же деревни, что за валомъ, молодой ры-

бакъ нынче набольшимъ на архіерейскомъ барколопѣ; а какъ аглецкіе Нѣмцы приходятъ съ торгомъ, такъ рыбаковъ въ лоцмана берутъ. Да и я, ваша милость, простой рыбакъ, и вотъ теперь, какъ отъ службы отпущенъ, такъ хожу съ молодцами на промыселъ за семгой, треской и палтусиной.

животовскій. Все одно, Антипъ Миронычъ, все одно! Ты у меня старше генерала. Проси, чего хочешь, все для тебя сдѣлаю. Ужъ на мнѣ не сбудется пословица: *Жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь.* Подъ моимъ началомъ, какъ самъ знаешь, весь берегъ; бояринъ князь Алексѣй Петровичъ Прозоровскій, что у насъ на Холмогорахъ воеводою, и преосвященный Аѳанасій, на руки мнѣ сдали все дѣло и распорядокъ; у меня, знаешь, опричь моего Гайдуцкаго Полка, и городовой полкъ и съ командиромъ подъ началомъ; покуда я у васъ хозяинъ, такъ, пожалуйста, сдѣлай мнѣ уваженіе, если что тебѣ нужно, такъ не запинайся, Антипъ Миронычъ.

антипъ. Всѣмъ доволенъ, ваше высокоблагородіе, ничего не надо. Изба хороша, полна добромъ, красна милостью царской да дочкой. И Богъ-то благословляетъ. Вотъ опомнясь и женишка прінскалъ; слюбились; послѣ Петрова дня, стало-быть, и свадьбу, дастъ Богъ, затѣемъ. Всѣмъ доволенъ, ваше высокоблагородіе, всѣмъ доволенъ! *(Почесываясь)* А ужъ если милость твоя такъ велика, то у меня есть и просьбица...

животовскій. Говори, пожалуй, Антипъ Миронычъ.

антипъ. Да вотъ что. Не пеняй моему жениху, что онъ и до-сей-поры не въ явкѣ.

животовскій. Чтó такое, Антипъ Миронычъ?

антипъ. Да вотъ, ты далъ указъ земляные городки ставить, а на нашемъ острову — царскую крѣпость съ пушками; изъ ближнихъ деревень всѣ рыбаки пошли безъ наймовъ на работу, бросили промыслы, и смотри, безъ трехъ дней въ двѣ недѣли, берегá, словно царскій корабль, пушками убраны; и на острову-то у насъ крѣпость, какъ грибъ, растетъ; наши рыбаки всѣ въ явкѣ. А моего-то Ивана нѣтъ какъ нѣтъ!

животовскій. А гдѣ же онъ?

антипъ. На дальнемъ промыслѣ, ваше высокоблагородіе; объ нашемъ случаѣ не знаетъ. Вотъ въ четвертокъ пойдетъ третья недѣля, какъ онъ съ товарищами пошелъ на большомъ карбасѣ къ Соловкамъ. Дочь глаза выплакала, а я не смѣю не надѣться на Божіе милосердіе; пусть учится: такое ли еще будетъ? А, можетъ, и ловъ-тó богатъ, а къ свадьбѣ, сталобыть, денегъ нужно, такъ онъ и смѣкаетъ. Такъ не кори, командѣръ! Богъ милостивъ, пріѣдетъ; а пока я за него.

животовскій. Богъ съ тобою, Антипъ Миронычъ. Чтó ты это! Пріѣдетъ, хорошо; а не пріѣдетъ, обойдемся. И ты ступай себѣ съ Богомъ домой, да ложись спать, а мнѣ ужъ тебя службой взыскивать не ладно...

антипъ. Богъ съ тобою, ваше высокоблагородіе. Чтó ты это! Я и на промыслѣ отъ своихъ не отстану, а ужъ въ военномъ случаѣ... Нѣтъ, командѣръ! Коли чего сдѣлать силы не хватитъ, такъ, стало-быть, научить-то смогу...

животовскій. Полная воля, Антипъ Миронычъ; какъ самъ изволишь. Ну, ребята, шабашъ

на часокъ, да за кашу, а тамъ опять за работу. А рыбаками-то, знать, еще изъ деревни поѣсть не приносили? Ужъ хорошо бы и отдыхать вмѣстѣ, чтобы потомъ отъ работы не отрываться.

СОЛДАТЪ. Несутъ, ваше высокоблагородіе. Ужъ и не далече.

(Солдаты, оставляя работы, медленно собираются на авансцену.)

АНТИПЪ. Боюсь; прогнѣваться изволишь, а у меня давно языкъ чешется: отчего это, ваше высокоблагородіе, въ дѣлѣ такой спѣхъ?.. Далеко вдоль берега солдаты притаились, да и ночь и день глазъ не сводятъ со взморья; три земляные городка съ пушками; а тутъ и крѣпость съ пушками. Въ нашей сторонѣ этакого и старики не помнятъ и не слыхивали...

ЖИВОТОВСКІЙ. Не спрашивай, Антипъ Миронычъ!

АНТИПЪ. Слушаюсь, ваше высокоблагородіе, слушаюсь! *(Послѣ краткаго молчанія)* Оно, стало-быть, противу ратныхъ людей, али противъ какого звѣря морскаго, али противъ кого нибудь; не наше холопское дѣло знать, зачѣмъ оно. Про то знаютъ старшіе. И такое стало-быть можетъ, что аглецкіе Нѣмцы хотятъ грабежи творить по городу, али казну стащить въ Архангельскомъ, али что́ ни есть такое богомерзкое; оно пожалуй намъ что́ за дѣло: да вотъ такъ, кабы знатьё, можно бы еще что́-нибудь попридумать... Не правда ли, государь-командеръ?

ЖИВОТОВСКІЙ. Не спрашивай, Антипъ Миронычъ, говорить нельзя. Царская воля, чтобы не*христи* не узнали.

Антипъ. Слушаюсь, ваше высокоблагородіе! слушаюсь! А что́ баютъ въ деревняхъ, будто рыбаки, что́ съ дальнихъ промысловъ сегодня наѣхали, видѣли въ морѣ далече свейскихъ Нѣмцевъ. Такъ это шутникъ какой-нибудь съ дуру, али съ похмѣлья бабъ пугалъ, али дѣтей стращалъ? Знаемъ мы и свейскихъ Нѣмцевъ, и свейскіе корабли; ходятъ какъ черепахи, а путь по океану, такъ не равенъ часъ, гдѣ нибудь и льдомъ затретъ. И торговые гости безъ нашего брата не сунутся; мелей-то однѣхъ съ кличкой въ день не перечесть: а безъ клички-то еще сколько! Такъ ужъ на томъ, ваше высокоблагородіе, я и стою, что свейскимъ Нѣмцамъ не бывать. А если другое какое зло, такъ лучше бы намъ вѣдать. Неравенъ случай, оплошаешь, а коли извѣстенъ, такъ дружнѣе и дѣло идетъ. И мы же, власть твоя, командѣръ, мы нехристямъ своего не выдадимъ, и что́ по завѣту сказано, и то̀ свято схоронимъ.

Животовскій. Да нынче чужаго не узнаешь; всѣ на хитрости стоятъ. И какъ ты угадаешь, Антипъ Миронычъ, всѣ ли здѣсь Русскіе?

Антипъ. Не знаю, ваше высокоблагородіе, какъ твои ратные люди, а наши-то, всѣхъ знаю, какъ деревья на нашемъ острову. Богъ миловалъ, они всѣ до одного въ православную церковь ходятъ и посты держатъ, и родились и выросли на этомъ берегу. Все, батюшка, русскіе люди. Положись что̀ на отца роднаго. Русскій, какъ и самъ знаешь, и какъ, говорятъ, по всѣмъ книгамъ написано, Русскій отродясь измѣнщикомъ не былъ.

Животовскій. Ну, коли такъ, у меня народъ на крѣпости также свой; наказу это не будетъ

...рите, кто на домъ пришелъ, хмѣльнаго не бери; хмѣль — же, идутъ сюда Шведы, хот торгъ раззорить...

ОМЕЛЬКА. Городъ взять! А стриженые! Городъ взять! Лез поди съ дураками, толкуй!

ЖИВОТОВСКІЙ. Семь шве военныхъ кораблей съ войскомъ на Архангельскъ.

ОМЕЛЬКА. Пошли, да не дой ки растаскаютъ.

ЖИВОТОВСКІЙ. Быть имъ н трова дня...

ВСѢ. Сказки! Не бывать! Све ки шутятъ: нашли кого пугать!

ЖИВОТОВСКІЙ. Смирно! Ну, ковать; вамъ говорятъ, а вы по...

Антипъ. Ну, чтó Омелька, у нихъ видно ужъ такая нація; и рыба часомъ сама въ неводъ лѣзетъ.

Омелька. Молчи, Антипъ Мироньичъ, наши идутъ. Эй, ребята, бабамъ ни гугу! Командѣръ не приказалъ...

Животовскій. Ну, ребята, а пока я съѣзжу на земляной городокъ, не слыхать ли тамъ чего; у меня по всему берегу притаились солдаты: такъ если чтó увидятъ, по всему берегу огни пойдутъ, а сами къ городкамъ и къ крѣпости. Держите ухо востро. Антипъ Мироньичъ, у меня здѣсь и трехъ офицеровъ нѣтъ, да и тѣ прихворнули: такъ пожалуй, Антипъ Мироньичъ, присмотри за молодцами. Слушать его, ребята, какъ меня самого! Васька, трубу и лодку! *(Уходитъ.)*

—

Рыбаки въ особой кучѣ; солдаты уносятъ кашу въ глубину сцены и располагаются на покой; Кузьминишна, Настасья и другія женщины входятъ съ деревянными, крытыми сосудами.

ПРЕЖНІЕ. КУЗМИНИШНА.

Кузминишна (*сходя съ вала*). Полно, Настасья Антиповна, пріосанься: чтó хныкать? Не бойсь, рыбы его съѣли... Добрый вечеръ!.. Здравствуй, батюшка Антипъ Мироньичъ!..

Антипъ. Здравствуй, Авдотья Кузминишна. А ты зачѣмъ пришла, Настасья?

Кузминишна. Не пеняй, батюшка! Это я ее къ тебѣ притащила; одна да одна сидитъ въ избѣ, да все плачетъ, да тоскуетъ по Иванѣ; я какъ зашла щи твои захватить, гляжу, гляжу—Настасья

. . . , да дорогою
морю; что чайка, то д.
волну расплеснегъ, то в
тиновна! такъ ужъ боль
на глаза немочь напла
набьешь.

АНТИПЪ. Э, Кузмин
кому же и любиться? А
стасья, не поможетъ...

НАСТАСЬЯ. Да какъ ж
Ивана-то нѣтъ!.. Стало-
бить, когда на промысл
чѣмъ со мной... А может
какое несчастіе приключило
разлюбилъ, да былъ счаст
быть, и того хуже, русалки
быть...

АНТИПЪ. Да полно, Наст
Далеко за ловомъ зашелъ, т
ю вернуться

на, на это мудрости большой не надо, да и покою-то побольше, да и съ пушками не дружись, а пушки-то, глянь Кузминишна, чортова выдумка: издали что пролубь глядитъ, а кабы ты видѣла, какая въ нихъ начинка-то, начинка!.. Упаси, Господи! Какъ ошибется, да съ дуру своего не узнаетъ!.. Знашь, Кузминишна, знатная служба въ кашеварахъ; лучше нашего рыбачьяго промысла.

кузминишна. А развѣ съ пушекъ-то палили, Омелька, али будутъ палить?

омелька. Про то́ Антипъ знаетъ; онъ у насъ набольшой за командѣра, а намъ командѣръ крѣпко накрѣпко наказалъ бабамъ ни гугу!

кузминишна. Что́ такое, Антипъ Миронычъ, что́ такое? Али нашему острову какая бѣда, али какой врагъ есть?

антипъ. Что ты это, Кузминишна! Палить будутъ, такъ про себя, ради крѣпости!

кузминишна. Да крѣпость-то на что?

антипъ. А чтобъ окольныя бабы не шумѣли да слушались! Смирно? Не ваше дѣло!

настасья (*всплеснувъ руками.*) Ахти, Господи, Боже мой! Пропала моя головушка!

антипъ. Что́ съ тобой, Настасья?

настасья. Недаромъ тосковало сердце; угадало бѣду.. Рыбаки, видно, правду баили! Слухъ, какъ вѣтеръ, спроста не ходитъ. Боже мой! Боже....

антипъ. Да что́ такое, Настасья?

настасья. Убили они моего Ивана!.. утопили моего Ивана!... въ полонъ забрали!...

зачѣмъ же ты отъ меня утаи... вимъ... ахти, Господи, Госпо

КУЗМИНИШНА. Да я не п... про крѣпость, что она против... поставлена....

НАСТАСЬЯ. Такъ не убили... сибо тебѣ, Кузминишна: а у... раздавило!

АНТИПЪ. Да что вы это, ... ли? Смирно! Я васъ по военном... да и восвояси. Слушай, Настас... Иванъ къ утру пріѣдетъ. (*Сад... себя*) Дай Богъ не солгать,. и у... на сердцѣ неладно. (*Громко*) ... и разсказывалъ.... что́ бишь... валъ?...

(Рыбаки садятся въ кружокъ съ сосудами.)

КУЗМИ...

НАСТАСЬЯ, (*на авансценѣ, пригорюнясь, одна.*)

Какъ взгляну, да погляжу
 На мое колечко,
И забьется и заноетъ
 У меня сердечко.
Свадьба была у дверей,
 Счастье у порога!
Все пропало; видно, мы
 Прогнѣвили Бога.
Не вернуться краснымъ днямъ,
 Море ихъ умчало;
И на сердцѣ у меня
 Даже слезъ не стало.

ОМЕЛЬКА. Что же, Антипъ Миронычъ... мы-то слушаемъ, слушаемъ....

АНТИПЪ. Да... о чемъ бишь... вспомнилъ... Вотъ какъ пошелъ Государь съ яхты, — всѣ ко мнѣ поздравлять; я стою какъ вкопаный, да смотрю на царскій полушубокъ, да глазамъ не вѣрю... и взять-то хочется, и колется... — Настасья... да полно плакать!... Сказалъ, такъ будетъ: али я солгалъ тебѣ когда?

НАСТАСЬЯ. Слушаю, батюшка, не буду.

АНТИПЪ. Стало вечерѣть, товарищи-то и стали трунить надо мной; говорятъ, знать его бурей пришибло, и подарка-то царскаго взять не хочетъ... а сами-то никто къ одёжѣ царской прикоснуться не смѣетъ... Ужь и больно поздно.... Нече дѣлать! Перекрестился. Подошелъ къ одежѣ; мурахи такъ по всему и забѣгали. Сложилъ все, да и несу... вдругъ...

(Пушечный выстрѣлъ съ дальняго городка. Часовые кричатъ на валу: «Огни! Огни!» Всѣ встаютъ поспѣшно.)

ОМЕЛЬКА (*торопливо подходя къ Кузьминишнѣ*) Вѣстовая пушка.... Супостатъ близко! палятъ! Слышишь, Кузьминишна?... пойдемъ, спрячемся.

КУЗМИНИШНА. Слышу, Омелька, слышу!... Онѣмѣла! Слова выговорить не могу.

АНТИПЪ. Смирно! По мѣстамъ! Бабы домой!..

—

ПРЕЖНІЕ. ЖИВОТОВСКІЙ.

ЖИВОТОВСКІЙ (*на валу*) По мѣстамъ! Заряжай пушки!...

КУЗМИНИШНА. Ахти, Господи, страсти какія!

(Второй дальній выстрѣлъ.)

КУЗМИНИШНА.	**ОМЕЛЬКА.**
Гдѣ это выпалило, Омелька?	Гдѣ это выпалило, Кузминишна?

(Всѣ, кромѣ Настасьи и Омельки съ Кузминишной, бѣгутъ на валъ: пушечная сигнальная пальба продолжается вокругъ всего берега.)

НАСТАСЬЯ. Нѣтъ моего Ивана, и мнѣ нестрашно; пусть зарѣжутъ, пусть замучатъ: безъ него мнѣ жизнь не красна и родимая изба — могила!

КУЗМИНИШНА (*шепотомъ.*) Омелка! Омелька!

ОМЕЛЬКА. Слышь, молчи, Кузминишна, авось не замѣтитъ чертово дуло, и не задѣнетъ.

АНТИПЪ. Ваше высокоблагородіе, погляди-ка въ свою трубу, не Ивановъ ли это карбасъ гоголемъ по морю идетъ?...

НАСТАСЬЯ (*бѣжитъ на валъ.*) Что ты, батюшка, сказалъ?... Я увижу, я узнаю; гдѣ онъ, гдѣ *Иванъ*? Это онъ, это онъ! Сюда! сюда! Кричите,

добрые люди! Командъръ, прикажи пушкой его кликнуть; онъ бывалый — тотчасъ смъкнетъ.

Антипъ. Онъ сюда и наровитъ. Да гдѣ же свейскіе Нѣмцы-то?... (*Удерживая Настасью*) Куда ты, Настасья?... Обвалишься.... Выйдетъ и самъ. Слава Богу, онъ одинъ крѣпость возьметъ, а этакой валъ и перешагнуть ему ни почемъ... Здравствуй, Иванъ!

—

ТѢ ЖЕ, ИВАНЪ РЯБОВЪ, МИТЯ ГОРОЖАНИНЪ,
и еще нѣсколько человѣкъ рыбаковъ.

Животовскій. Чтó это сигналы замолчали? Знать, обманъ какой! Въ трубу только *три* паруса видно, а Государь писалъ *семь*.

Иванъ. Семь, государь командѣръ! Семь! Я ихъ видѣлъ и богатый промыселъ бросилъ. И прямо на Новую-Двинку карбасъ направилъ. Глядь, берегъ въ пушкахъ, люди копышаться, деревни моей за валомъ не видать. Про тебя, мой свѣтъ Настасья, горько призадумался! Вижу, ратные люди. Къ берегу! Причаливай... и тебя, мой другъ...

Настасья. Я тебя ждала, Иванъ, какъ другая ждать не будетъ!

Иванъ. Полно, Настасья Антиповна? Ужъ я ли не знаю тебя? Мнѣ на богатомъ промыслѣ и сна не было; изморилъ товарищей; Митя Горожанинъ и русскія и нѣмецкія пѣсни пѣлъ, по часу въ сутки спалъ, а у меня и глазъ не сводило. А ужъ спасибо Митѣ, вотъ дружище! Кабы не ты, Настасья, мы бы съ нимъ на край свѣта вдвоемъ случаевъ искать поѣхали. Чего не выдумаетъ!.. А все-таки грусть-то разогнать ему не приходилось.

Ты у меня одна на глазахъ! Выйдетъ богатый неводъ изъ моря, и пошли тебѣ посулы, и жемчужныя серги, и золотой поясъ, и бархату душегрѣю обложить. Охъ, Настасья, кабы не Нѣмцы, я промаялся бы на промыслѣ до Петрова дня!... Да хотѣлъ ночью въ Архангельскъ мимо васъ тайкомъ пройти, къ поздней обѣднѣ воротиться съ городскими гостинцами къ вамъ въ деревню: да проклятые Нѣмцы!...

АНТИПЪ и ЖИВОТОВСКІЙ. А что́ же Нѣмцы?

ИВАНЪ. Ахъ, здравствуй, Антипъ Миронычъ!

АНТИПЪ. Здравствуй, мой ненаглядный! А что́ Нѣмцы?

ИВАНЪ. А вотъ что́. Далече отъ нашего карбаса, стрѣльбища на два али на три, архангельскіе горожане тѣшились ловлей; два карбаса и лодокъ штукъ пять. Только съ трехъ кораблей, что́ впереди шли, послали людей; горожане думаютъ, что съ кораблей рыбы купить наказано: какъ бы не такъ! Нѣмцы пришли ихъ въ полонъ забирать. Ну, знаете, что ружье для нашего брата? палка, да и то ненадежная. Схватились горожане, кто багромъ, кто весломъ, у кого и самопалы нашлись, да нѣмецкихъ ратниковъ окунули въ воду, да лодкой и накрыли. Сами давай наровить къ мелямъ, да и попрятались; а туда небывалый не сунется. А одинъ удалецъ на двойкѣ на нашу мель пришелъ, сѣлъ на карбасъ, разсказалъ намъ, какъ дѣло-то было. Мы глядь, съ кораблей много лодокъ къ мелямъ пошло. Нечего дѣлать! Мы неводы подобрали, привязали лодки, да къ Новой-Двинкѣ, что́ паруса достало. Такъ вотъ, изволишь видѣть, Антипъ Миронычъ, видно, эти

Нѣмцы не торговые люди, а куда-нибудь ратниковъ везутъ.

антипъ. На Архангельскъ, Иванъ, на городъ нашъ родной, на престолъ архіерейскій, на святыя мощи угодниковъ соловецкихъ!

иванъ (*съ улыбкою.*) Что ты это, Антипъ Мироныч!

антипъ. Государь пишетъ, самъ Государь пишетъ...

иванъ (*съ презрительною улыбкой.*) На Архангельскъ! Знать имъ, нечестивцамъ, на аглецкомъ острову жить надоѣло! Съ жиру бѣсятся.

антипъ. Да это не аглецкіе, а свѣйскіе Нѣмцы!

иванъ. Свѣйскіе! Чухна рыжая! Куда имъ! Да нѣтъ, Антипъ Миронычъ, горожанинъ сказывалъ, что у нихъ и значки-то аглецкіе....

животовскій. Такъ и Государь пишетъ, да это для обмана.

иванъ. Для обмана!... Такъ стало-быть и пушки-то они ради какой хитрости съ бортовъ стащили? А чего, Боже упаси, можетъ-быть у нихъ и корабли военные!

животовскій. Именно!

иванъ (*съ примѣтнымъ безпокойствомъ*). Военные!... Военные! Семь военныхъ кораблей!... Знакомыя птицы! Что̀ коршунъ для цыплятъ, то̀ военный корабль для нашихъ рыбачьихъ лодокъ. Да что̀ наши лодки! военный корабль и торговыя суда, что рукой, въ воду сажаетъ... (*Оглядывается*) Ужъ не этѣ ль пушки, что̀ по зимнему пути

ёлки разставлены, на два стрѣльбища одна отъ другой, ужъ не онѣ ль корабельныя ребра разнимутъ?

животовскій. Полно, Иванъ. Ты смуты не твори, авось сладимъ. Богъ правому дѣлу помощь!

иванъ. На Бога надѣйся, а самъ не плошай... Государь командѣръ гдѣ изволилъ родиться?

животовскій. Въ Курскѣ, любезный другъ.

иванъ. Вѣдь это тоже на Руси!

животовскій. На Руси.

иванъ. Ахъ, отецъ-командѣръ, а насъ-то всѣхъ подъ Архангельскимъ мать родила; въ архангельскихъ соборахъ молиться учили; намъ-то онъ родной,—не то что Курскъ. И за Курскъ постоимъ, а ужъ Архангельскаго не выдавать, ребята!

(Всѣ окружаютъ его).

животовскій. Что же ты хочешь дѣлать?

иванъ. Да я и самъ не знаю! Какъ погляжу на море, такъ мнѣ плакать хочется. Эхъ, кабы сила, я бы одинъ на нихъ пошелъ! Да куда! Идутъ семь водныхъ крѣпостей, а сколько же тамъ пушекъ, сколько ратныхъ людей, сколько снаряду разнаго!..

животовскій. Не горюй, Иванъ, и у насъ немало.

иванъ. Командѣръ дорогой, отецъ ты нашъ! утѣшь душу, скажи мнѣ на ушко, сколько у тебя ратной силы?

животовскій. Изволь, любезный! Два полка, да вы всѣ съ рыбацкихъ деревень, да семьдесятъ пушекъ...

ИВАНЪ (*съ огорченіемъ*). Только семьдесять! Да! Кабы пушки были люди, мы бы свѣйскимъ Нѣмцомъ задали трезвону. Одинъ десятокъ бы убралъ... А то пушки-пушки!.. Видали мы эти чудища; какъ лѣтъ пять тому назадъ, ради простой ратной хитрости, такъ, для одного примѣру, съ корабля палить стали на Окіанъ, такъ, батюшка-командѣръ, глубь застонала, а онъ-то самъ знай только поворачивается съ боку на бокъ, какъ утка, да опять какъ хватитъ изо всѣхъ: дымъ кудрями валитъ на небо, мглу наводитъ... Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, намъ не сдобровать! Да ужъ коли такая воля Господняя, такъ и недешево они Архангельскій купятъ: этимъ торговымъ людямъ товаръ будетъ въ накладъ! Умремъ, всѣ до одного, до послѣдняго умремъ, а ужъ ни намъ, ни государю за насъ стыдно не будетъ!

НАСТАСЬЯ. Что́ ты это, Иванъ? Что́ съ тобою?..

ИВАНЪ. И тебя, Настасья, съ собою возьму. Послѣ смерти обвѣнчаемся, а ужъ живой тебя нехристямъ не отдамъ!

(Снова пушки).

ЖИВОТОВСКІЙ (*бѣжитъ на валъ и всѣ за нимъ, кромѣ Ивана, Настасьи и Омельки съ женой*). Опять пошли сигналы! Знать, близко! Такъ и есть, противъ Кусковской деревни три паруса глядятъ...

ИВАНЪ (*смутно*). Передовые! То передовые. Плохо нашему Архангельскому, до завтра жить осталось... Что́ ты будешь дѣлать!

НАСТАСЬЯ. Ужъ коли такая невзгода, Иванъ, и города выручить нельзя, такъ давай хоть сами-то спасаться; сядемъ въ лодку али на баркасъ, да и вверхъ по Двинѣ: туда корабли не ходятъ.

иванъ. А товарищи?..

настасья. И товарищи на лодки, да за нами; свѣтъ, говорятъ, великъ....

иванъ. А городъ?..

настасья. Что жь? И горожане уберутъ свои пожитки, что получше, да въ Холмогоры, али въ другое мѣсто, куда кораблямъ ходу нѣтъ.

иванъ. А святыня церковная, Настасья? А честныя иконы, передъ которыми насъ вѣнчать хотѣли? А стыдъ русскій, матушка ты моя?.. Отъ того стыда не убѣжишь ни за горы, ни за рѣки; ужъ такого сраму не выплакать и въ годы; спать не будешь; а заснешь, такъ проснуться страшно: совсѣмъ сломаетъ... Ахти, Господи! Безъ бою святыню выдали! Что ты, Настасья, да по-русски ли это?

настасья. Да что же дѣлать, Иванъ! Неужто умирать, когда силъ не хватаетъ?

иванъ. Ахъ, ты грѣшница, грѣшница! Да знаешь ли ты, что тебѣ попъ причастія не дастъ за такія думы? Господь Богъ знаетъ Своихъ; ужъ коли такъ у Него положено, то и бѣда нужна. Знай, дѣлай свое, а въ концѣ Онъ властенъ. Полно Настасья! Молись лучше, а дурь изъ головы повыкинь!

настасья. Послушай, Иванъ...

иванъ (*вслушиваясь*). Погоди маленько! Командъръ что-то сказываетъ!

животовскій (*на валу, глядя въ трубу*). Пушки ставятъ на борты, пушки ставятъ! а флаги у одного голландскій, у другихъ англинскіе.

антипъ. А идутъ ли впередъ?

животовскій (*продолжая смотрѣть въ трубу*). Все впередъ да впередъ, да и съ опасомъ. То и дѣло лотъ бросаютъ и ползутъ гуськомъ.

антипъ. Эге! Знать на нашемъ морѣ небывалые, да и лоцманами не позапаслись, а наши съ берега убраны, всѣ здѣсь. Такъ, неравенъ часъ, командѣръ; держи ухо востро, наткнутся; у насъ на морѣ, знаешь, есть такіе невзначаи, что и старую рыбу озадачатъ!

иванъ (*съ трепетомъ радостнымъ*). Слышь, Настасья! У нихъ нѣтъ лоцмановъ!...

настасья. Такъ что жъ? Доползутъ какъ-нибудь.

иванъ (*рѣшительно*). Не доползутъ, Настасья! Не доползутъ! Богъ помощь, одинъ за всѣхъ, а ужъ самъ Царь скажетъ спасибо. Митя! Митя!..

дмитрій. Чтò, Вася?

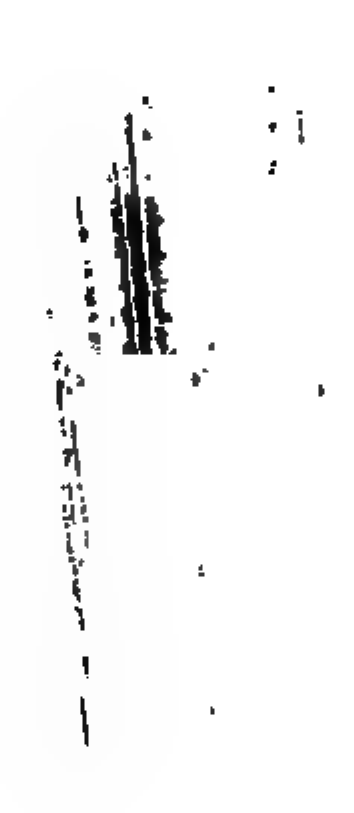
иванъ. Ѣдемъ.

дмитрій (*сбѣгая съ валу и многіе за нимъ; къ концу сцены всѣ сходятъ внизъ*). Куда?

иванъ. Куда Богъ велитъ; а разскажу дорогой.

дмитрій. Чтò ты это, Иванъ? Супостатъ на морѣ. Погляди! у царскихъ ратниковъ, чтò на войнѣ и родились, лица повывернуло, а мы съ тобой бѣжать!

иванъ (*взявъ его за руку*). Бѣжать!.. Нѣтъ! Слушай, Митя, не бѣжать. Не отстоять намъ Архангельска, коли корабли до нашего острова безъ случая дойдутъ. Глянь на небо, Митя! смѣкаешь,.. Богъ за насъ! Быть погодѣ; а Бѣлое не шутитъ, и у нихъ лоцмановъ нѣтъ. Смѣкаешь, Митя, смѣ-



... знаешь, я на ратное дѣло
какъ волной неберѣжно карбасъ
памятъ, а какъ услышу ну
мутить: а тутъ, Господи про
стей!..

ИВАНЪ. Эхъ, Митя, Митя! I
по-нѣмецкому зналъ, я бы тебя
не сманивалъ... Одинъ бы пош
бы плакали, за одну душу моли
сибо всей землѣ православной...

(*Всѣ окружаютъ его; многie*

Что ты затѣваешь, Иванъ? что
Побойся Бога, Иванъ!

ИВАНЪ (*съ гордостью*). Не с
скажу! Не хочу моимъ святымъ
ужь это Богъ мнѣ подарилъ во
добрые! братья родные! я спасу

Митя! ты съ малолѣтства тов
лѣтства на промыселъ ты ходилъ
...

M...

умирать, а ты теперь за всѣхъ одинъ умереть не хочешь!

ДМИТРІЙ. Ваня, Ваня! Перестань, Ваня! За тебя я готовъ...

ИВАНЪ. Что за меня! Передай мнѣ нѣмецкое знанье, такъ я спасибо скажу; тогда мнѣ и товарища не надо.

Да что толковать! Языкъ сломалъ и вѣру сломалъ; обнѣмечился! Въ живыхъ и такъ не останешься; а помилуютъ, такъ ты будешь ворогамъ, по-ихнему, разсказывать, какъ умерли твои братья и вѣрные ратники царскіе...

ДМИТРІЙ. Ваня! Ваня!

ИВАНЪ. Поди, Нѣмецъ, прочь!.. Ты нечистому душу запродалъ. Поди прочь!

ДМИТРІЙ (*отирая слезы*) Нѣмецъ? Что? Я Нѣмецъ?.. Ради укора иду! Слышь ты, ради укора! Знаю, что дѣла никакого не сладимъ, только раньше умремъ, а все-таки иду! Слышь ты, иду! Простите, добрые люди! Поминайте какъ звали, да помните, что Митя горожанинъ былъ русскій человѣкъ и, ради одного укора, голову положилъ, такъ, безъ нужды, а изъ одной чести... Ѣдемъ!

ИВАНЪ (*обнимая его*). Митя, голубчикъ ты мой! брать родной! вотъ тебѣ крестъ: велико наше дѣло, а чести такой ни на комъ не бывало... Ѣдемъ!

НАСТАСЬЯ. Стойте! стойте! Командѣръ, не вели ихъ пускать. Иванъ! мой Иванъ! возьми меня съ собою! Антипъ Мироны чъ, батюшка, не пускай ихъ! и я съ вами на лодку! Какъ васъ убьютъ, да кинутъ въ море, и я съ вами...

ИВАНЪ. Поди прочь, Настасья! Плохая изъ тебя жена, когда ты на такое честное дѣло меня не пускаешь. Ищи себѣ другаго жениха, ужъ я не ворочусь; насъ съ Бѣлаго Моря вмѣстѣ съ этими кораблями Господь уберетъ. Прощай моя милая; честь моя и на тебѣ будетъ: любовь разлюбится — дѣло бывалое, а для невѣсты Ивановой и дворяне въ женихи пойдутъ... Ѣдемъ!

ДМИТРІЙ. Мнѣ и прощаться не съ кѣмъ, а все плакать хочется... Нѣмецъ! Экъ, онъ меня обидѣлъ! Ѣдемъ, Иванъ, ѣдемъ!

ИВАНЪ. Погоди, Митя! (*Кланяясь въ поясъ*) Антипъ Миронычъ! на тебѣ великая милость царская! Ты, промежду насъ, какъ сказка живешь! Ты моя наука! На тебя глядя, мнѣ такъ и видится Великій Государь! Онъ жалуетъ нашъ Архангельскъ и пріѣдетъ свое море посмотрѣть; такъ скажи Государю Петру Алексѣевичу про Ивана, не ради милостей, — милостей мертвому не надо, — а ради Его Царскаго помину... а Богъ-то Самъ все увидитъ!.. (*Опять кланяясь еще ниже*) Ты у меня, у сироты, Антипъ Миронычъ, за отца былъ, такъ подай же мнѣ свое отцовское благословеніе...

(Антипъ рыдаетъ).

НАСТАСЬЯ (*обнимая и цѣлуя отца*). Батюшка, спаси меня! удержи его, не пускай! Не давай ему твоего благословенія. Умру, коли его отпустишь!

АНТИПЪ (*заливаясь слезами, послѣ минутнаго молчанія*). Будь съ тобою благословеніе Господне!

ДМИТРІЙ. Ѣдемъ, Ваня; а то, ей-Богу, душу выплакать приходится!

ИВАНЪ. Погоди, Митя!

(Опять кланяясь и вынимая кожаный бумажникъ).

Вотъ казна моя, Антипъ Миронычъ! честные, безкровные труды рыбака...

НАСТАСЬЯ И АНТИПЪ *(махая руками)*. Не надо! Не надо!...

ИВАНЪ *(отдаетъ деньги Животовскому)*. Пусть сохранитъ ихъ для дѣтей моей Настасьи... Теперь, простите!

ЖИВОТОВСКІЙ. Я тебя понимаю, честный Иванъ! Пошелъ бы самъ съ тобой, да за службой смотритъ око Божіе и Царево! Дай Богъ успѣха, а на выручку не опоздемъ. Дай руку и поцѣлуй! Благодарю тебя именемъ Государя и отечества.

ИВАНЪ. Государь командѣръ! русской чести не выдадимъ!...

(Низко кланяясь въ сторону, гдѣ Архангельскъ).

Кланяюсь вамъ въ послѣдній разъ, святые соборы! душа васъ видитъ; дай Богъ, не слышать колоколовъ вашихъ, коли уже такъ отъ Бога наказано и вамъ прійдется бить набатъ послѣдній. Кланяюсь вамъ, добрые люди, царскіе ратники! Кланяюсь тебѣ, земли родимаго острова, да будетъ съ вами благословеніе Господне. *(Заплакавъ и обнявъ Митю)* Теперь поѣдемъ!

(Всѣ провожаютъ его, кромѣ Настасьи и Антипа).

НАСТАСЬЯ. Батюшка!...

АНТИПЪ *(со слезами)*. Не плачь, Настасья! Стыдно! Слышь, что говоритъ командѣръ: «На насъ Богъ и Государь смотрятъ!»

НАСТАСЬЯ. Нѣтъ, онъ вернется, батюшка! онъ вернется!...

(Лодка отходитъ въ море, народъ кричитъ:)

Богъ помощь, Иванъ! Богъ помощь!

НАСТАСЬЯ *(упавъ на колѣни, обнимаетъ ноги отца со слезами и лишается чувствъ)*. Онъ не вернется, Боже мой, Боже! Онъ не вернется!...

АКТЪ ВТОРОЙ.

ЯВЛЕНІЕ.

Та же декорація; вдали слышны пушечные выстрѣлы на морѣ; буря въ полномъ разгарѣ; черезъ валъ земляной мелькаютъ головы морскихъ валовъ.

На крѣпостномъ валу стоитъ множество женщинъ. Напереди сцены **НАСТАСЬЯ** на войлокѣ, блѣдная, больная, въ забытьѣ. **КУЗМИНИШНА** къ ней подходитъ съ осторожностью.

КУЗМИНИШНА. Что ты это, Настасья! Али не выплакала еще изъ сердечка измѣнщика окаяннаго? Нечистый попуталъ его въ ратное дѣло мѣшаться: смотрѣлъ бы за своей треской, за семгой, куда бы богатъ былъ!... а то и самъ пропадетъ, и Митю задарма изводитъ.

НАСТАСЬЯ. Полно, старая ворона! Ужъ тебя ли я не знаю? По цѣлой деревнѣ только и дѣло, что ссору варишь! Да еще съ нечистымъ вѣдаешься. Отстань, Кузминишна; не то все разскажу отцу *Иларіону*.

КУЗМИНИШНА. Да что же ты разскажешь, косатка ты моя? Коли я на бобахъ что смѣкаю, али по рукѣ ворожу, такъ не для прибыли, а для забавы; и отецъ Иларіонъ про то знаетъ: да и кому же, мать ты моя, бѣду я прикинула? А смѣкать, смѣкаю...

НАСТАСЬЯ. Чортово знанье, Кузминишна!... Отстань! Грѣхъ съ такими и водиться.

КУЗМИНИШНА. Да не водись, пожалуй! Мнѣ-то что! Я тебѣ же хотѣла про Ивана сказать! Да мы, видишь, дурные люди: такъ чего! Насильно милъ не будешь.

НАСТАСЬЯ. Прости меня, Кузминишна, съ горя обмолвилась... Скажи мнѣ про Ивана радостную вѣсточку.

КУЗМИНИШНА. Радостную! Нѣтъ, отваливай; а то опять, пожалуй, я у тебя старой вороной буду. Ничего знать не могимъ. Ужь такъ въ людяхъ ведется: говори имъ не то, что правда, а то, что любо, такъ вотъ ты у нихъ и умница, и добрая, а не то... Нѣтъ, матушка!... Кузминишна не дура...

НАСТАСЬЯ. Кузминишна! Кузминишна! вотъ тебѣ крестъ, коли что ни есть страшное, я въ-сердцахъ не буду; какъ-то я ко всему въ одинъ день привыкла. Ни дать, ни взять, сама старухой стала; будто все, что сегодня сталось, давнымъ-давно прошло Вотъ такъ, Кузминишна, на сердцѣ пусто, со всѣмъ пусто!... Пушки палятъ, на валу глядятъ на драку, а мнѣ такъ-вотъ и знать ничего не хочется! И слезъ нѣтъ, Кузминишна, и плакать-то нечѣмъ!...

КУЗМИНИШНА. А сама плачетъ! Да кого тебѣ

жалко стало? Экая невидаль Иванъ Рябовъ! Ты въ невѣстахъ и разобрать-то его не могла; а у меня, знаешь, всѣмъ молодцамъ на деревнѣ и по сосѣдямъ счетъ ведется, и не простой, а съ замѣтками.

НАСТАСЬЯ. А что же ты знаешь про Ивана?

КУЗМИНИШНА. То-то же, не спѣсивься! Кузминишну не кори; а кабы прежде совѣта у старой вороны спросила, такъ бы и горя такого не было: а то слюбилась, пристала какъ мохъ къ дереву!

НАСТАСЬЯ. Да что же ты знаешь про него, Кузминишна?

КУЗМИНИШНА. Вотъ какъ пошла пальба .. ну, а ты знаешь, я до ратныхъ страстей неохотница!... въ деревню бѣжать-было; да полемъ одной не пройти: свалюсь гдѣ-нибудь со страху; а Омельку-то у меня также на карбасъ молодцы стащили. Стою за валомъ да плачу; вотъ кабы я съ нечистымъ-то водилась, какъ ты на меня напраслину взводишь, такъ ужъ за валомъ бы отъ пальбы не пряталась...

НАСТАСЬЯ. Да что ты, Кузминишна, про Ивана-то знаешь? Не томи меня...

КУЗМИНИШНА. Вотъ стою, да плачу; а пальба такъ-вотъ со всѣхъ сторонъ, не знаешь откуда; словно земля лопается! Присѣла со страху, а тутъ мнѣ на умъ набѣжало: «Кузминишна, а Кузминишна! вѣдь бобы-то съ тобой, перекинь безъ снаряду, авось счастливо перекинутся.» Вотъ они, мои золотые!...

НАСТАСЬЯ *(отворачиваясь и отплевываясь)*. Тьфу, нечисть чертовская!

КУЗМИНИШНА. Загадала... перекинула... знатно! Нѣмцамъ у насъ не бывать. Загадала... перекинула... плохо! Ивану утонуть, али другою смертью...

НАСТАСЬЯ. Чтобъ тебя, проклятую кукушку, морозомъ въ лѣсу!...

КУЗМИНИШНА. Видишь, Настасья, а обѣть дала...

НАСТАСЬЯ. Прости меня, Кузминишна! право не въ-мочь; слова твои, что ножи .. Да ужъ досказывай!

КУЗМИНИШНА. Я опять перекидывать, да загадывать: «А любитъ Иванъ Настасью?» А бобы: «Никакъ нѣтъ!»

НАСТАСЬЯ. Не любитъ? Я и знала это, да думать боялась.

КУЗМИНИШНА. А я опять: «Такъ у него другая любовишка есть?» А бобы: «Да!»

НАСТАСЬЯ. Не можетъ быть, Кузминишна, не можетъ быть! Ужъ коли онъ меня не любитъ, такъ не любитъ никого.

КУЗМИНИШНА. Не знаю, мать моя; не я, бобы говорятъ.

НАСТАСЬЯ. Врутъ бобы!

КУЗМИНИШНА. Э! не въ первый разъ, золотые мои, и не такое угадывали. Я бобамъ: «А гдѣ его сердечная, на нашей деревнѣ?» А бобы: «Никакъ нѣтъ». «На дальнемъ берегу?» «Нѣтъ». «На Соловкахъ?» «Да». Я еще и въ другой и въ третій разъ перекидываю, все одно выходитъ. «Такъ онъ на дальнемъ промыслѣ у сердечной просидѣлъ?» «Да!» Ахъ, ты, грѣшникъ окаянный, подумала я: зачѣмъ же ты мою Настасью свадьбой морочишь, посулы богатыя сулишь, заклинаешься?... А она, погляди, бѣдненькая, какъ тебя любитъ: со взморья глазъ не сводитъ!

НАСТАСЬЯ. Ночи не спала!

КУЗМИНИШНА. Творила молитвы!

НАСТАСЬЯ. Молебны служила!

КУЗМИНИШНА. Слезы выплакала!...

НАСТАСЬЯ. Кузминишна, Кузминишна! велико мое горе! Пусть только Господь жизнь его спасетъ, я за него молиться не перестану: любить его не буду: только бъ изъ бѣды его Богъ вынесъ!

КУЗМИНИШНА. Нѣтъ, матушка, за такое всегда нечистый попутаетъ. А любить его за что? Да и на бобахъ сколько я тебѣ жениховъ-то пріискала? Знаешь, и на моего Аѳоньку перекинула. Глядь! и у него есть къ тебѣ зазнобушка; ну, да за сына говорить мнѣ не приходится; смолчу лучше: а куда женишокъ!...

НАСТАСЬЯ *(со злостью)*. Да не твой ли сынъ твоими вѣщими бобами перекидывалъ, да не онъ ли твоимъ языкомъ куковалъ горе неминучее?... Кузминишна! Богъ тебя проститъ, а я и мертваго Ивана любить не перестану...

КУЗМИНИШНА. Постой же, ты, Настасья! *(Затыкая уши)* Ахти, Господи, какъ палятъ! Вотъ стало тамъ жарко!..

ПРЕЖНІЕ, и АНТИПЪ вбѣгаетъ.

АНТИПЪ. Важно!... Важно!... Ай-да Иванъ! Нѣмцы на мели! Три нѣмецкихъ корабля что на гвоздь посадило... А я смотрю, да смотрю, и ума не приложу — что такое?... Командѣръ далъ указъ, всѣмъ на лодки, да пошелъ, и такъ на свейскихъ Нѣмцевъ нападаетъ, какъ будто у него сорокъ ко-

раблей военныхъ; а имъ-то наступили на хвостъ; на мели, голубчики, словно пьяные шатаются на одномъ мѣстѣ!... Слышь, Настасья, наша взяла!

НАСТАСЬЯ. Слышу, батюшка! А гдѣ Иванъ!

АНТИПЪ. Иванъ?... Да отъ Ивана все дѣло идетъ! Экъ смастерилъ! Да на какую проклятую мель спаровилъ: и въ три дни не снимутся... Вотъ и лодки-то наши на меляхъ!

(Сильнѣйшая, хотя отдаленная пушечная и ружейная пальба).

-Пали не пали, чухна рыжая! отъ бѣды не отмолишься... Мелкія лодки, что черви, за корабли уцѣпились, а съ карбасовъ наши пошли въ бродъ... Ахти, Господи, экая удаль! За дымомъ ничего не видно. Слышь, Настасья, Богу молись!

НАСТАСЬЯ. Слышу, батюшка! Господи, спаси моего Ивана!.. у меня больше и молитвы нѣтъ. Прости меня, Господи!.. хоть одного Ивана...

АНТИПЪ. Ай, бѣда! Еще четыре корабля идутъ; прямо къ мелямъ: да какъ бойко, проваль ихъ возьми! Выручать, окаянные, выручать своихъ, и нашимъ достанется. Чего добраго! въ полонъ заберутъ руками, что куропатокъ. Наши то ихъ не видятъ. Корабельныя ребра словно пчелы облѣпили... Лезутъ... Пальбы нѣтъ!.. А тѣ корабли-то какъ близко... Ну, пропало наше дѣло! Слышь, Настасья, молись, а мнѣ некогда!.. Молитесь, сосѣдки, пришелъ конецъ!

НАСТАСЬЯ. Господи! пошли и невѣстѣ Иванова конецъ...

АНТИПЪ. Что это? Али и вправду?.. Глянь-ка, Кузминишна: куда палятъ? Какъ тебѣ сдается? Кажись, палятъ съ тѣхъ трехъ, что на мели, по

тѣмъ, по четыремъ, что̀ на выручку идутъ... Неужто наша одолѣла!.. Тьфу, нечистая сила! Знать меня туманъ морочитъ... Кузминишна! что же ты? Я не разберу, старъ сталъ...

кузминишна. Не вижу, Антипъ Мироннчъ, вотъ тебѣ Богъ, не вижу!.. Смотрю, и не вижу; въ глазахъ рябитъ...

антипъ (*вглядываясь въ море*). Нѣтъ! Свои такими тузами считаться не будутъ... Ну, такъ и есть! Должно быть наши! Смѣкаешь, Кузминишна? Гляди, гляди! ядромъ мачту прихватило, что̀ на главномъ кораблѣ... Погляди, какъ его кренитъ!.. Стало-быть... Да какъ же оно?.. Тьфу, ты сила нечистая! Самъ сатана въ глаза лѣзетъ... Погляди, карбасы наши назадъ идутъ, а лодки у кораблей пооставались. Что̀ оно такое?.. Ура! ура! Тѣ-то четыре пятятся, а у нихъ-то со свѣйскихъ пушекъ наши ребра считаютъ. Поварачивай оглобли. Эй, гляди, бережно съ нашимъ вѣтромъ!.. Что̀ взяли, окаянные! Вотъ вамъ и Архангельскъ! Ваши же братья въ архангельскихъ острогахъ проклинать васъ будутъ! Что; поворотили! Ну теперь, спасибо вѣтру, улепётывай; а эти три на мели пусть торчатъ до указа. Настасья, а Настасья! поди сюда, погляди на море!

настасья. Не могу, батюшка! Въ вѣкъ бы мнѣ его не видать: то Иванова могила!..

антипъ (*сходя*). Глупая, На кладбищѣ крестъ въ землю уйдетъ, да прахомъ разсыплется, а Ивановой чести самъ Царь съ моря не сниметъ. Полно, Настасья! Благодари Бога, что врагъ отъ насъ въ побѣдѣ!

настасья. Не могу, батюшка! У меня и словъ

нѣтъ, и душа не та, я не то благодарить... да грѣхъ!.. да и душѣ страшно!

Антипъ. Молчи, Настасья! Али я тебѣ не отецъ?..

Настасья. Батюшка!..

Антипъ. Молчи, а не то злые люди скажутъ, что я тебѣ такому грѣху научилъ. Вотъ мнѣ на радости горе родное! А я думалъ, что у меня дочь — другимъ дѣвкамъ указъ, и вѣру знаетъ, и въ случаѣ за вѣру добрымъ молодцомъ постоитъ... И когда про Нѣмца слухъ прошелъ, не сама ли ты со спросомъ приходила: «А что, батюшка, коли будетъ ратное дѣло, научи, я отъ тебя не отстану!..»

Настасья. Да я думала, что Иванъ также съ нами будетъ!

Антипъ. Такъ ты Ивана больше отца любишь? Эхъ, Настасья, не выплакать тебѣ такихъ грѣховъ и въ три исповѣди! Дочь ты моя родная! ужъ не ради меня, а ради стыда, молчи, да отъ людей подальше... Брошу тебя, Настасья, брошу!.. Да что, въ самомъ дѣлѣ, проклинать не стану, а въ море уйду съ кораблями, и поминай какъ звали... Пусть тебя Богъ за грѣхи помилуетъ, а мое дѣло сторона!

Настасья. Батюшка, отецъ ты мой родной, помилуй меня! Во всемъ послушна буду...

Антипъ. Только молчи, Настасья! а я ужъ па-дому съ тобой развѣдаюсь...

Кузминишна. Антипъ Миронычъ! Свѣйскіе Нѣмцы на нашихъ карбасахъ! Близко берега! Все ратные Нѣмцы!

АНТИПЪ. Чтó за причина?.. Гдѣ они? Я ихъ пугну, окаянныхъ, пушкой! . *(Хватаетъ зажженный фитиль)* Въ первый разъ отродясь выпалю?.. Гдѣ они?..

КУЗМИНИШНА. Близехонько, Антипъ Мироновичъ, и наши-то никакъ съ ними; стало-быть, пошло на мировую.

АНТИПЪ. Наши?.. Ахъ, ты, Кузминишна, Кузминишна! далеко ли до грѣха? Вѣдь, погляди, это твой же Омелька шапкой машетъ... Вотъ, кабы выпалилъ изъ пушки, да попалъ!..

НАСТАСЬЯ. Окалѣчилъ бы, Антипъ Мироновичъ! окалѣчилъ бы! Чего добраго! отъ пушки всякое случится...

АНТИПЪ. Такъ и есть!.. Богъ помощь, Омелька!..

ОМЕЛЬКА (*за валомъ*). Поздравляемъ, Антипъ Мироновичъ! Знай нашихъ! Мы отъ командѣра въ послахъ посланы, да и съ гостинцами: живая рыба, Антипъ Мироновичъ!

—

ПРЕЖНІЕ, ОМЕЛЬКА, ИВАНЪ ШУБНИКЪ, СОЛДАТЫ, РЫБАКИ и ПЛѢННЫЕ ШВЕДЫ, которые во все продолженіе выхода остаются въ глубинѣ сцены.

ОМЕЛЬКА. Что твои тюлени, али моржи! Погляди, какіе пшеничные Нѣмцы; погляди, Антипъ Мироновичъ: а волосы, чтó пенька нечесаная; погляди, погляди!.. *(Показывая на Шубника)* А вотъ и наши! Они знашь, охотились безъ споровки; неводы растянули, а сами къ Нѣмцамъ въ полонъ; да благо трое только; двое на тѣхъ карбасахъ

остались, а Ваньку Шубника я съ собою взялъ, знашь, Антипъ Миронычъ, по знакомству; въ Архангельскѣ, когда кумъ Ерема въ торговцахъ былъ, такъ съ Ванькой Шубникомъ мы, знашь, въ харчевнѣ перекусывали. Онъ также изъ торговцевъ. У хозяина съ Еремой на прилавкѣ въ ряду сидѣли...

АНТИПЪ. Замолчишь ли ты, Омелька? Гдѣ командѣръ?

ОМЕЛЬКА. Командѣръ на корабляхъ, пушки сънимаетъ, таскаетъ товаръ и ратный снарядъ, да Нѣмцевъ какъ тараканов изводитъ... Штукъ триста сюда съ нами послалъ; а тамъ еще ихъ видимо-невидимо, Куда мы ихъ дѣнемъ? Въ батраки негодны: все картохельные такіе; отъ перваго туза свалится; а дерутся на самопалахъ важно; нече сказать!.. Какъ мухъ спачало-было нашихъ настрѣляли... Ратныхъ командѣрскихъ людей положили на мели, чай половину.

ШУБНИКЪ. Да и наши-то молодцы! Вотъ какъ сонъ, батюшка... *(кланяется)* не имѣемъ чести имени, отчества вѣдать...

АНТИПЪ. Антипъ...

ОМЕЛЬКА. Антипъ Миронычъ, слышь ты! Антипъ Миронычъ! Такъ его величаетъ и командѣръ...

ШУБНИКЪ. Вотъ, Антипъ Миронычъ, мы на промыслѣ, за архіерейскимъ указомъ, рыбу ловили; глядимъ — корабли идутъ; мы и ради: городу торгъ, оплетемъ Нѣмцевъ, Богъ поможетъ! У насъ же стараго товара и такъ много пропадаетъ, такъ *за полцѣны въ три*-дорога Нѣмцамъ

сбудемъ. Глядь, лодки идутъ, да прямо на насъ! Ладно! Знать и тутъ на промыслѣ нѣмецкую деньгу зашибемъ... А они, безбожники, давай насъ руками хватать, да сажать въ лодку; мы и смѣкнули, что у нихъ на насъ недобрый умыселъ есть: кто за весло, кто за багоръ; хлопъ да хлопъ; пошла драка; а лавочникъ Илюшка отъ нашего хозяина, что пузырь, на водѣ плаваетъ; нырнулъ и, — какъ ужъ его тамъ надоумило, — нѣмецкую лодку и накренилъ. Нѣмцы, какъ рыба на пескѣ, запрыгали, да всѣ по-одиначкѣ въ воду, а Илюшка пуще да пуще лодку воротитъ, да и накрылъ Нѣмцевъ. Ну, эта удача не въ прокъ; мы уходить; да всѣ на карбасъ уйти не успѣли. Нѣмцы, которые подюжѣе, на мель выползли, стряхнулись, да меня, съ двумя товарищами за полы. Туда, сюда, — не подъ силу; уцѣпились, что̀ большая рыба за ногу... А тутъ еще нѣмецкія лодки подошли; скрутили насъ, рабовъ Божьихъ, да на корабли, да къ командѣру. Тотъ, Антипъ Миронычъ, ласковый такой, пошелъ съ нами по-нѣмецкому, а мы только головой мотаемъ, да норовимъ, какъ бы намъ руки развязали. Командѣръ махнулъ рукой, насъ и повели, да скрученныхъ такъ на палубѣ и бросили. Давай мы ихъ ругать съ горя: да ужъ и поругали; языки умаялись; а они, Антипъ Миронычъ, такіе смирные: мы ихъ ругаемъ, а они ходятъ насупясь, да будто и не слышатъ, какъ мы ихъ отдѣлываемъ!.. Пришла ночь; сонъ одолѣлъ; мы всѣ трое вздремнули; корабли ползутъ да ползутъ, будто ихъ бечевою тянутъ; вѣтеръ противный. Нѣмцы межъ собою, что̀ утки, потихоньку квакаютъ да квакаютъ... Да вдругъ какъ расквакались, насъ такъ и приподняло! Гля-

димъ, лодку спустили; не прошло, надо-быть, и часа времени, лодка воротилась, да нашихъ Русскихъ двухъ привезла: одинъ статный такой, ростомъ съ карбасъ, дюжій, лицемъ такой чистый, бородка только что обложилась; а другой щедушный такой, гладкій, безбородый, лице вытянуло, глаза красные, такъ и глядитъ въ воду, что рыба съ лодки... Ихъ, по нашему порядку, повели къ командѣру, потомъ привели на палубу; руки у нихъ развязали; тотъ-то дюжій и говоритъ щедушному: «Спасибо, Митя!..»

Антипъ. Такъ и есть! такъ и есть! Это наши.

Настасья. Это Иванъ! Что же онъ? Разсказывай, дорогой нашъ гость...

Антипъ *(сурово)*. Настасья!

Настасья. Молчу, молчу, батюшка!

Шубникъ. Такъ онъ изъ вашихъ? Ну, удалецъ! Вотъ слышимъ мы: тотъ-то Митя съ Нѣмцами по-ихнему, а Иванъ только подсказываетъ. «Слышь ты, Митя, скажи Нѣмцамъ: пусть на всѣхъ парусахъ идутъ, пути часовъ на десять будетъ: къ утру въ Архангельскомъ народъ не спохватится.» — Ахъ, ты измѣнщикъ! закричали мы въ одинъ голосъ! Скажи, Митя, что насъ-то и Русскіе измѣнщиками зовутъ, такъ у нихъ, коли какое сумлѣніе есть, изъ головы выкинуть. А мы пуще его ругать, а тутъ нѣмецкій, не то ратное начальство какое, не то старшій урядникъ, пришелъ къ намъ съ палкой, да на рукахъ молчать наказываетъ. Не втерпежъ! Мы ругнули его, а онъ насъ палкой; мы пуще, а онъ больнѣе. Анъ-тутъ Иванъ насъ потѣшилъ: осерчалъ на

Нѣмцевъ, да и говоритъ: «Митя!.. постой Чухна рыжая!... доберемся до мели, такъ ужъ, передъ смертью, вотъ этого разбойника какъ кошку задушу!..» Только онъ это сказалъ и началъ на Митю кричать, а тотъ за нимъ по-нѣмецкому на Нѣмцевъ. Забѣгало все на кораблѣ; а Иванъ-то знай оглядывается, да и говорить Митѣ: «Слышь ты, Митя, обождать маленько! Пусть и тѣ два корабля рядкомъ пойдутъ...» Надо-быть вотъ такъ: *Вѣрую* не прочтешь, какъ Иванъ говоритъ: «Ладно!..» А тутъ подъ кораблемъ что-то и заскребло... Иванъ сталъ совсѣмъ не тотъ, обнялъ Митю, да и заплакалъ: «Ну, прощай, Митя, честные люди насъ не забудутъ; и на томъ свѣтѣ намъ почетъ будетъ!» А корабль гребнемъ страшно скребетъ, такъ знашь что пила о камень; съ разгона все дальше да дальше на мель лѣзетъ. У Нѣмцевъ рожи повытянулись; глаза какъ у волковъ заходили; поднялся такой гамъ, что Господи упаси; а корабль, что медвѣдь въ западнѣ, такъ трусомъ и сѣлъ; глядимъ — и съ другихъ кораблей значки пушками падаютъ — и тѣ на мели, а Иванъ-то! Иванъ!.. Словно, знашь, добрый боецъ, на кулачномъ бою, хвастуна хватитъ по боку, тотъ глотаетъ песокъ, а боецъ, подбоченясь, усмѣхается, да помалчиваетъ. Вотъ ни дать ни взять Иванъ на палубѣ такъ стоялъ, да на Нѣмцевъ съ усмѣшкой помалчивалъ. Тутъ набольшіе нѣмецкіе съ ручными короткими самопалами подскочили; кричали на нихъ, кричали да кривлялись; да одинъ, знашь самой набольшой, хвать, Митю ударилъ. Тотъ на него какъ опрокинется, да одною рукой за шею, а другою давай его тузить; щедушный такой, а откуда сила взялась: такъ къ борту и

тянетъ, да и кричитъ по-русски: «Я-те просолю, конченый Нѣмецъ, въ Бѣлой водѣ!» Тѣ, другіе набольшіе, сами къ нему подступить не смѣютъ, да знашь, такіе измѣнщики (чтобъ имъ на томъ свѣтѣ житья не было!) изъ самопаловъ-то, изъ самопаловъ, словно волка какого, Митю и пристукнули... Слышь ты, Антипъ Миронычъ, силы-то не хватило, такъ они изъ самопаловъ...

НАСТАСЬЯ. А что же Иванъ, ради Бога, досказывай!

ШУБНИКЪ. Какъ увидѣлъ кровь Иванъ... Ахти, страсти Господнія, да этакихъ звѣрей я и за деньги въ Архангельскомъ не видывалъ!... задрожалъ, завизжалъ, да какъ бросится на того Нѣмца, что съ Митей боролся, да въ охабку, да какъ швырнулъ за бортъ: только зубы у Нѣмца застучали... Сколько тутъ ихъ ни было Нѣмцевъ, всѣ такъ и ахнули! Съ разинутыми ртами, что рыба на рынкѣ, глядятъ только на Ивана, да опомниться не могутъ. А Иванъ-то Митю на руки, да на бортъ, на самыя перила и вскочилъ... Тутъ, видно, команда какая была сказана: со всѣхъ самопаловъ выпалили; Иванъ, да и съ Митей бухъ въ воду; только клочки отъ его полушубка бурей надъ кораблемъ еще долго вертѣло...

(Всѣ съ величайшимъ унынiемъ отходятъ отъ Шубника. Молчанiе. Настасья падаетъ безъ чувствъ).

АНТИПЪ (*помогая уложить ее на войлокъ и отирая слезы*). Ахъ, ты, бѣдное дитятко мое, кормилъ я тебя, а самому-то свѣтъ опостылъ... Этакого молодца извели злодѣи!... И эти, что въ полону, на него стрѣляли; всѣ они въ полону; командѣръ не проститъ: да что съ нихъ возьмешь! Коли бъ

опи на волѣ были, такъ ужъ бы за Ивана добрые товарищи ребра имъ пересчитали. А то, въ полону. И корить грѣхъ!...

ОМЕЛЬКА. А что жъ ты пе сказываешь, Ванька, какъ мы-то пришли па карбасахъ да лодкахъ, какъ сами съ самопаловъ палить стали, па корабли-то взошли что кошки, да Нѣмцевъ забрали въ полонъ... Ахъ, Аптипъ Миронычъ, Антипъ Мироньічъ, кабы ты съ нами былъ! вотъ бы потѣшился!... Я отродясь трусомъ былъ; въ темную ночь съ палатей медомъ меня не сманишь, а этой дури, что на кулаки али, еще пуще, на пушки лѣзть, у меня въ головѣ не бывало и подъ пьяпую руку; вотъ и почью меня командѣръ велѣлъ за погу на карбасъ стащить; стащили ратники .. имъ-то что?.. да гребцемъ и посадили: руки отнялись, Антипъ Миропычъ! А какъ подошли къ кораблямъ, да чертовы шарики надъ головой запрыгали, вотъ-те Христосъ! Я спачала плакать, а потомъ въ такую пришелъ отчаянность: хвать багромъ за окно корабельное, уцѣпился да и полѣзъ; дошелъ до окпа, да и повисъ; дальше и пути нѣтъ; ни туда пи сюда, командѣръ ужъ послѣ приказалъ веревку подать, а то бы провисѣлъ...

ЖЕНЩИНЫ (*съ валу*). Командѣръ пріѣхалъ! командѣръ пріѣхалъ!

—

ПРЕЖНІЕ. ЖИВОТОВСКІЙ, солдаты и множество плѣнныхъ.

ЖИВОТОВСКІЙ (*на валу*). Здравствуйте, любезные друзья! Поздравляю съ побѣдой!

ВСѢ (*снимая шапки*). Ура!...

ЖИВОТОВСКІЙ (*сходя съ валу*). Поздравляю те-

бя, Антипъ Миронычъ! Не даромъ Иванъ полюбилъ дочь Антипа. (*Настасья приходитъ въ себя, и вслушивается*). Знать, онъ подслушалъ твое доброе сердце, и у него откликнулось! И милость царская освѣтитъ его память...

НАСТАСЬЯ (*изнеможенная, приподнимается съ войлока*). Такъ онъ умеръ! ..

ЖИВОТОВСКІЙ. Умеръ, матушка, какъ и мы всѣ умремъ; да только не умретъ въ людской памяти, до скончанія свѣта. Преосвященный Аѳанасій укажетъ записать Ивана и его подвигъ въ лѣтопись, а Царь Государь велитъ по всей Руси объявить о немъ: и про Ивана будутъ говорить даже тамъ, гдѣ солнце ото сна встаетъ! (*Обращаясь къ солдатамъ*) Пафнутьичъ! которые въ полонъ попали,—на карбасы и въ Архангельскъ. Савельичъ! пушки всѣ перетаскать на берегъ, на земляные городки, и снарядъ на нихъ также. Корабли ужъ потрудись ты, Антипъ Миронычъ, съ рыбаками съ мели снять да отвести въ Архангельскъ: а корабли добрые! Тѣ четыре, что̀ сзади шли, еще больше, да жаль, не воротятся, а то бы мы царскій флотъ знатно пріумножили... Ну, теперь все! Рыбаки, пока идите по домамъ до указа, а пріидутъ милости, я ни кого не забуду: каждаго видѣлъ, каждаго помню! А полкамъ завтра смотръ и награды; а милостей ждать до указа... Но пока разойдемся, помолимся Богу...

(Становится на колѣни и всѣ за нимъ):

«Благодаримъ Тебя, Христе Боже, яко послалъ намъ силу враговъ одолѣти, и благословилъ еси оружіе воиновъ Твоихъ! Аминь!»

(Настасья зарыдала).

Антипъ. Понимаю, Настасья, понимаю. Отецъ командиръ! Не такой конецъ молитвѣ вашей! Иваново да Митино это дѣло, они насъ выручили, а мы и Богу о нихъ помянуть не хотимъ. «Господи! помяни рабовъ Твоихъ, Ивана да Димитрія, во царствіи небесномъ и сотвори имъ вѣчную память!»

Всѣ. И сотвори имъ вѣчную память!

(Во время послѣднихъ словъ на валу является Рябовъ, держа въ рукахъ трупъ Мити. Вода льется съ волосъ и съ прострѣленнаго полушубка).

Рябовъ (*положивъ на валу трупъ Мити*). Священника! (*Всѣ вздрогнули*) Они молятся за тебя, Митя, и я о тебѣ, милый другъ, молиться не перестану!..

Настасья (*бѣжитъ къ нему*). Иванъ! мой Иванъ!...

Рябовъ (*поспѣшно сходитъ съ вала, беретъ за руку Настасью и становится впереди всѣхъ на колѣна*). Благодарю Тебя, Господи! Ты укрѣпилъ меня на пути трудномъ; Ты не далъ мнѣ обронить дорогаго трупа; Ты сохранилъ меня цѣла и невредима, когда меня осыпали дождемъ свинцевымъ. Ни одной раны, Господи! ни одной раны! Съ мели на мель, съ камня на камень!... Безъ Твоей помощи, могъ ли я дойти до своего берега?... И сбылось слово церковное: «Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ!»

(Въ молитвѣ упадаетъ ницъ. Занавѣсь опускается).

ОГЛАВЛЕНІЕ.